ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ (СЕМНАДЦАТЫЙ)

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 68167.
Гиз 17448. Тираж 2500.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении.

Печатаемое ниже — докладная записка петербургского охранного отделения, представленная в департамент полиции в октябре 1916 года. Уже тогда, за шесть месяцев до начала революции, последнюю можно было, что называется, пощупать руками — и даже заурядные полицейские видели, что «половинчатость в решениях и какие-либо полумеры совершенно неуместны». Но сверху дальше полумер бессильны были что бы то ни было предпринять.

Записка, изложенная стилем сыщика, потершегося около революционеров, характерна одной особенностью: всю свою, весьма недурную, фактическую осведомленность она почерпает... у кадетов. То, что она говорит о революционерах, крайне запутанно, туманно и неправдоподобно, но кадетов она знала отлично, и это направление полицейского внимания свидетельствует о хорошем, для данного момента, вкусе. Действительно, для данного момента, осени 1916 г., кадеты были наиболее непосредственным конкурентом Романовых. А полиция всегда видела только непосредственную опасность — оттого среди революционеров она всегда больше отдавала труда и внимания эсерам («бомбы бросают»), нежели социал-демократам («только прокламации пишут»...). А в этой связи, конкуренции с кадетами, очень характерны рассуждения «о шумливых и бесконечных проявлениях шовинистического (!) энтузиазма первых дней войны». Эти рассуждения вскрывали и подкладку конкуренции: сыщик никогда не дерзнул бы так отзываться о «патриотах», если бы не был убежден, что его высоким покровителям «патриоты» давно надоели. Романовы были бы смерть рады вылезти из авантюры, но империалистическая буржуазия, в компании с доротими союзниками, крепко держала за хвост...

М. Покровский.

В конце 1915 г. местным охранным отделениям была разослана циркулярная телеграмма министра внутр. дел за № 976, вопросами о политическом положении на местах, на которые охранные отделения должны были прислать ответы в департамент полиции. Ответы в форме докладов представлялись ежемесячно и в делах делопроизводства особого отдела департамента полиции сохранились до октября 1916 г. На обложках дел, в которых хранятся эти доклады, проставлена начальная дата «1915 год». Печатаемый ниже доклад петроградского охранного отделения извлечен из «Дела деп. полиции, 6 делопроизв., № 167, ч. 57. Петроград. Сведения по телеграмме № 976. 1915 г.» Доклад подготовил к печати И. Р. Гелис. *Ред.*

Доклад петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г.

Совершенно секретно.

Исключительная серьезность переживаемого страною исторического момента, те неисчислимые катастрофические бедствия, коими могут угрожать всему жизненному укладу государства возможные, в близком будущем, бунтарские выступления озлобленных тяготами повседневного существования низов населения империи, по убежденным мнениям лойяльных элементов, — властным образом диктуют крайнюю необходимость спешных и исчерпывающих мер к устранению создавшейся неурядицы и разрежению излишне сгустившейся атмосферы общественного недовольства.

Половинчатость в решениях и какие-либо полумеры случайного характера, как показал опыт последнего времени, при настоящих условиях совершенно неуместны, так как, не разрешая вопроса по существу, таковые лишь более запутывают и без того осложненные взаимоотношения власти и населения на местах и еще сильнее напрягают волну общего озлобления и недовольства в массах, в достаточной степени подготовленных к самым диким эксцессам при первом же удобном и неудобном случае.

По представлению и убеждению умеренных и лойяльных групп населения, правительственная власть, в изыскании необходимых для успокоения страны исчерпывающих и спасительных мероприятий, должна проявить ту особенную осмотрительность и решимость, какая обязательна и может быть уместна лишь у одра тяжело больного. Малейший признак нерешительности или колебаний при разрешении означенного сложного и спешного вопроса грозит тяжелым и печальным исходом, последствия коего в данный момент даже не могут быть и учтены. Отсюда — естественная необходимость постановки правильного диагноза развившейся болезни, точная оценка причин создавшегося в стране настроения и того, каково это настроение в действительности.

Ответ на первый вопрос (причины создавшегося кризиса во внутренней жизни страны) ясен и разрешается всеми без исключения согласно и определенно.

Небывалый и общий подъем патриотического энтузиазма, характеризовавший собою первый и начальный период длящейся уже третий год мировой борьбы, естественным образом как бы исключал возможность и необходимость вдумчивого и сознательного отношения к возможным последствиям длительной кампании и тем неизбежным лишениям, какие могли выпасть на долю бесконечного по пространству и мало подготовленного в техническом отношении тыла действующих армий — в данном случае, территории всего государства.

В порыве шовинистических чувств, заставлявших общее внимание приковываться исключительно лишь к жизни и успехам театра воен-

ных действий, мысль о необходимости своевременно озаботиться организацией тыла и подготовить средства к урегулированию уклада внутренней жизни страны на все время длительной кампании, в силу логического хода явлений и событий, как бы отодвигалась на задний план и уступала в первенстве и значении доминировавшим тогда у всех без исключения заботам об удовлетворении срочных и обязательно-необходимых потребностей действующего фронта: не было ни времени, ни места для «штатских интересов и рассуждений», всеми и всем бессознательно управляла лишь несколько позднее осознанная и впоследствии официально формулированная в кадетском лозунге мысль о достижении скорой и решительной победы.

Сведя постепенно на-нет шумливые и бесконечные проявления шовинистического энтузиазма первых дней войны и в резких штрихах подчеркнув полное несоответствие теоретически-кабинетных расчетов мирного времени колоссальному в действительности масштабу современной войны, летняя кампания 1915 года привела массы, под воздействием ряда неудач на театре военных действий, к более осмысленному и внимательному отношению как к самой войне, так равно и к тогда уже угрожавшей неурядице неподготовленного тыла, но, опять-таки в силу официально в это время провозглашенного и всеми подхваченного лозунга «все для победы», — с еще большей настойчивостью заставила искать выхода из создавшегося тяжелого положения в новых, усиленных и спешных заботах о нуждах действующего фронта, во многих случаях и зачастую без крайней необходимости, в ущерб важному и необходимому для той же победы тылу.

Блестящие результаты наступления армий генерала Брусилова весною текущего 1916 года и современное положение дела снабжения действующего фронта определенно указывают, что взятые на себя правительством и широкими общественными кругами задачи в указанном направлении выполнены более чем успешно. Вопрос о питании армий военными припасами может считаться разрешенным и налаженным должным образом... Но зато постепенно назревавшее расстройство тыла, иными словами — всей страны, носившее хронический и все прогрессировавший характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного развития, которое определенно и уже теперь начинает угрожать достигнутым на действующем фронте результатам и обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической и стихийной анархии.

Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода тёмных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения представителей правительственной и местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов

первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров (подробные и детальные о сем сведения, по мере нарастания кризиса, представлялись в донесениях: в 1915 году — 10 и 30 октября, 9 ноября и 17 декабря за №№ 20851, 22307, 208 и 249; в 1916 году — 27 января, 17 февраля, 4 и 30 марта, 4 и 12 мая и 13 сентября за №№ 41, 47, 64, 9222, 121, 124 и 276), — все это, вместе взятое, характеризуя в ярких, исчерпывающих красках результат забвения тыла, как первоисточник и причины тяжкого болезненного состояния внутренней жизни огромного государственного организма, в то же время определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону.

Характерным подтверждением изложенному может служить и отмечаемое сейчас в массах населения особо встревоженное настроение. К началу сентября месяца сего года среди самых широких и различных слоев столичных обывателей резко отметилось исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроений. Все чаще и чаще начали раздаваться жалобы на администрацию, высказываться резкие и беспощадные осуждения правительственной политики.

К концу означенного месяца эта оппозиционность настроений, по данным весьма осведомленных источников, достигла таких исключительных размеров, каких она, во всяком случае, не имела в широких массах даже в период 1905—1906 г.г. Открыто и без стеснений начали раздаваться сетования на «продажность администрации», неимоверные тяготы войны, невыносимые условия повседневного существования; выкрики радикальствующих и левых элементов о необходимости «раньше всего уничтожить внутреннего немца и потом уже приниматься за заграничного» начали встречать по отношению к себе все более и более сочувственное отношение.

Тяжелое материальное положение рядового обывателя, обреченного на полуголодное существование и не видящего никакого просвета в ближайшем будущем, заставило его сочувственно и с редким вниманием относиться ко всякого рода планам и проектам, основанным на обещании улучшить материальные условия жизни. В результате создалась обстановка, в высшей степени благоприятствующая всякого рода революционной пропаганде и начинаниям и более чем правильно оцененная активными руководителями левых и иных противоправительственных групп: трудно отрицать и возможность скрытой в такой благоприятной обстановке работы тайных германских агентов, уже давно и неоднократно возвещавших всему миру, что Россия — накануне революции, что Петроград более чем близок к вооруженному восстанию, в целях добиться немедленного заключения мира, и т. п.

Несомненно, слухи подобного рода значительно преувеличены в сравнении с истинным положением вещей, но все же положение настолько серьезно, что на него должно и необходимо обратить вни-

мание незамедлительно. Столичные кадетские круги, весьма хорошо знакомые с экономическим положением обывателя, давно уже предсказывают, что Россия близка если не к революции, то, во всяком случае, к крупнейшим беспорядкам, могущим возникнуть повсеместно, если не будут приняты соответствующие предупредительные меры.

За последнее время в ряде различных комитетов, обслуживающих беженцев, в продовольственных комиссиях, в городских попечительствах о бедных и других разнообразнейших учреждениях, близко соприкасающихся с обывателем, с его нуждами и настроением, — все без исключения выражают определенную уверенность в том, что «мы накануне крупных событий», в сравнении с коими «1905 год — игрушка»; что «система правительства держать обывателя в неведении потерпела полный крах: обыватель пробудился и, вместо ожидаемого «ура», кричит «караул», и т. п.

В виду того, что подобного рода речи в настоящее время раздаются буквально во всех слоях населения, не исключая и таких, кои в прежние годы никогда и ничем не выражали своего недовольства (например, отдельные круги даже гвардейского офицерства), — необходимо считать в значительной степени правильной точку зрения кадетских лидеров, определенно утверждающих, со слов Шингарева, что «весьма близки события первостепенной важности, кои нисколько не предвидятся правительством, кои печальны, ужасны, но в то же время и неизбежны...».

При подобного рода обстановке общественного недовольства и тревоги для правильной и вдумчивой ориентировки в создавшемся положении особенный и исключительный интерес представляет оценка переживаемого страною исторического момента руководителями и активными деятелями наиболее серьезных и могущих оказать влияние на движение политических партий. Безусловно сходясь в том, что в данный момент Россия живет ненормальной жизнью, неизбежно клонящейся к экономическому и политическому краху страны, эти партии все же резко расходятся по вопросу о том, что́ именно делает жизнь страны ненормальной и какие именно меры необходимы для полного и радикального устранения означенных ненормальностей.

Как известно, на собраниях рабочей группы «центрального военно-промышленного комитета», а также и на подготовительных собраниях и совещаниях комитета бирж труда обычно присутствуют представители всех без исключения течений революционного подполья. В частных беседах, а иногда даже и в заранее подготовленных особых рефератах и докладах ораторы на означенных собраниях дают подробные картины того, каким представляется в их глазах положение России в настоящее время.

Представители крайнего течения социалистов-революционеров, готовящие свои доклады к предполагавшимся московским совещаниям рабочих групп военно-промышленных комитетов, дают в этом отношении такого рода картину:

«Война с каждым днем все более и более вскрывает внутренние противоречия строя России и ежедневно увеличивает на десятки тысяч число противников войны и милитаризма. В Германии и России одинаково голодают массы в то время, как несколько сот человек безумно обогащаются за счет пауперизма этих же масс. В Германии поняли, что дальнейшая война несет за собою рабство пролетариата, какого еще не видела всемирная история; поэтому там все более внимательно прислушиваются к лозунгу: «мир во что бы то ни стало, так как от скорейшего мира зависит само существование народа».

«У нас этого еще не понимают: лишь пустые места легальных газет да переполненные тюрьмы свидетельствуют, что и русский народ начинает понимать сущность войны. Но разрозненность партийных программ, отсутствие надлежащей организованности среди отдельных классов населения, невозможность вести пропаганду и пр. заставляют социалистов-революционеров, не ослепленных «Романовским золотом», видеть дело не так, как оно кажется социал-демократам и другим левым партиям: в России невозможна сейчас революция по примеру 1905 года, но зато более чем возможна соединенная революция военно-пролетарских масс».

«Успех пропаганды социалистов-революционеров в армии, о котором с каждым днем поступают все новые и новые данные, заставляет нас ждать, что начало революции положат те солдаты, коих насильно сделали из вчерашних рабочих, и те рабочие, которые подчинены каторжному режиму военно-полицейского государства и которых под страхом пуль и штыков заставляют работать те же самые штыки и пули. Пусть правительственные агенты скрывают то брожение, которое охватило армию, пусть военные суды ежедневно поглощают новые и новые жертвы, — ни рабочих, ни солдат не обманут посулы Гвоздевых, Гучковых и прочих предателей...».

«Тем хуже будет правительству, чем дольше оно будет вести войну: два года раскрыли глаза всем наивным, верившим в возможность «бескровной победы» демократии над царизмом; теперь таких людей нет... Да и кого могут убедить лживые фразы о важности войны для рабочих. Тех ли рабочих, кои взяты на войну и кои тысячами гибнут от антисанитарных условий, глупости и продажности командиров, а то и просто предательства? Или тех рабочих, кои, «спасая Россию» изготовлением снарядов, видят, как их дети и жены мрут от недостатка питания и дороговизны? Или, быть может, жен, сестер и детей солдат, заполнивших собою кадры проституток?»

В других подобных же докладах, излагаемых обычным цветистым языком подпольной литературы, к вышеизложенному прибавляются статистические данные, почерпнутые из статей кадет и социал-демократов: о росте смертности на 150% среди столичного населения, о повышении на 400—500% проституции, о повышении на 1000% венерических заболеваний в местах нахождения и обучения войск, и т. д. К сожалению, некоторые факты: например, об успешности про-

паганды идей пацифизма среди солдат и военно-обязанных рабочих, о росте всеобщего недовольства дороговизной и недостатком продуктов, об усилении среди левых партий «пораженческих» групп и тенденций и пр., — верны, и социал-революционные агитаторы правильно учитывают, что настоящий момент наиболее благоприятен для подготовления сырой почвы к посеву революционно-социалистических идей и бредней.

Популярен среди рабочих взгляд социалистов-революционеров на необходимость заключения мира на условиях, имевших место до 1914 года: по мнению неизвестного автора заграничной брошюрки — «Что даст война России», победа Германии или России одинаково грозит крестьянству и пролетариату обеих воюющих стран полным порабощением их аграриям и капиталистам; лишь заключение мира на условиях, имевших место до войны, остановит увлечение буржуазии азартной игрой «на обогащение» и даст возможность привести социальный строй в более определенные отношения, чем это наблюдается сейчас. Взгляды эти, — без сомнения, заимствованные автором брошюры у немецких экономистов, — до сих пор были непопулярны, особенно у крестьянской массы войск; но ныне, благодаря призыву рабочих, взгляды эти распространились довольно широко и находят сторонников как среди социал-революционной интеллигенции, так равно и среди рабочих низов.

Несколько иначе оценивают текущий политический момент те социалисты-революционеры, кои «приемлют войну»: будучи очень разбросанными в своих взглядах в начале войны, теперь они более сплотились, имея возможность и право легальной пропаганды, но... зато и уменьшились в своем числе, так как многие из их сторонников перешли в лагерь «пораженцев». Принадлежа по своим занятиям к рядовой интеллигенции (врачи, страховые деятели, адвокаты и пр.), эти социалисты-революционеры совершенно оторваны от масс и не имеют никакого практического значения и влияния нигде, за исключением лишь печати; программа их, изложенная в силу цензурных условий малопонятным языком, недоступна массам, но их взгляд на текущий момент заслуживает внимания по той причине, что они первые признали крах идеи всемирной демократии и пропагандируют идею национальной социал-революционной партии.

По их мнению, переживаемое нами время может быть сравнено по своей важности лишь с эпохой освободительных войн с Наполеоном, когда зародилась идея национальной демократии. «Интернационал» Маркса покорил мир под власть германской мысли, и лишь теперь мы «пробуждаемся» от рабства, в котором демократия всех стран находилась полвека. Оценивая с такой точки зрения текущей момент, эта группа социалистов-революционеров считает, что демократия не имеет ни нравственного права, ни разумных оснований содействовать поражению родины; однако, демократия не должна изменять своим принципам и безучастно смотреть на те злоупотребления, которые наблю-

даются во всех сторонах русской жизни. Поэтому группа приветствует пробуждение русской демократии, «требующей скорого и явного расследования всех правительственных злоупотреблений за годы войны», а также строгого и гласного суда над всеми виновниками, «приведшими страну к экономическому кризису».

Отмечая беспрерывный рост демократических и революционных идей среди масс, группа дает параллели из жизни русского тыла и западно-европейского (статьи Ропшина, Суханова и др.), при чем неуклонно проводит тенденцию показать неспособность русской администрации как к организации тыла, так и в деле ведения войны. По мнению Ропшина, война дает возможность каждому «оценить или осудить свое государственное хозяйство»; государственный строй Англии, Франции и Германии блестяще выдержал экзамен; русские солдаты во Франции воочию убедились в превосходстве демократических учреждений... Группа эта мало знает современную Россию, но, однако, и она ждет скорой революции, приводя в доказательство верности своих предположений наблюдающееся сейчас везде и всюду всеобщее недовольство и озлобленность. «Заключение победоносной войны совпадает с присоединением России к кругу европейских союзников», говорит туманно Бурцев; яснее говорит об этом Ропшин, обещающий, что «нынешняя война резко вовлекла Россию на путь Англии и Франции, и мир должен принести присоединение России к другим демократическим государствам».

Несколько иначе смотрят на современное положение России социал-демократы. Разделяясь на бесчисленное количество течений, «Российская социал-демократическая рабочая партия» давно уже утратила свое единство и, подобно социалистам-революционерам, имеет два главных направления: «пораженцев» (скрытых и явных) и сторонников войны (обороны). Первая группа менее объединена, но больше по размерам и популярнее среди масс, чем вторая.

За последнее время среди петроградских рабочих неоднократно появлялись листовки [1]), издававшиеся первой из названных групп и призывавшие к выставлению требований о немедленном прекращении войны. Успех этих листовок на заводах, где еще год тому назад всякая прокламация вызывала осуждение со стороны самих рабочих, определенно показывает, что настроение масс очень резко изменилось. По словам представителей рабочей группы «центрального военно-промышленного комитета», рабочий пролетариат столицы близок к отчаянию, и будто бы «достаточно какого-нибудь одного даже провокационного сигнала, чтобы в столице раз-

---

[1]) Не листовки, а резолюция петроградского комитета большевиков о продовольственном кризисе и дороговизне. Эта резолюция была размножена и получила широкое распространение через посредство митингов, массовок и проч. Резолюция начиналась словами: «мы, рабочие (такого-то) завода», и кончалась лозунгом-выводом: «долой войну!». (Полный текст резолюции см. у А. Г Шляпникова «Канун 17 года», ч. I, стр. 259.) *И. Г.*

разились стихийные беспорядки с тысячами и десятками тысяч жертв».

Почва для подобного рода эксцессов вполне готова: экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50% и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100—200%, цены на все продукты возросли на 100—500%. По данным, собранным больничной кассой завода «Треугольник», заработок рабочего до войны, считая посуточно, был:

Чернорабочего . . 1 руб.—1 руб. 25 коп., теперь же 2 руб. 50 коп.—3 руб.
Слесаря . . . . 2 руб.—2 руб. 50 коп., теперь же 4 руб.—5 руб.
Монтера . . . . 2 руб.—3 руб., теперь же 5 руб.—6 руб. и т. д.

В то же время и стоимость предметов потребления рабочего изменилась следующим невероятным образом:

Угол оплачивался . . . 2—3 руб. в месяц, теперь же 8—12 рублями.
Обед (в чайной) . . . 15—20 коп., теперь же 1 руб.—1 р. 20 к. там же.
Чай » . . . . 7 коп., теперь же 35 коп.
Сапоги. . . . . 5—6 руб., теперь же 20—30 руб.
Рубаха. . . . . 75—90 коп., теперь же 2 р. 50 к.—3 руб. и т. д.

Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100%, то все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания и антисанитарных жилищ (холод и сырость благодаря отсутствию угля и дров) и пр. — сделали то, что рабочие, уже в массе, готовы на самые дикие эксцессы «голодного бунта».

Но, помимо тяжелого экономического положения, «политическое бесправие» рабочих сделалось за последнее время совершенно «невыносимым и нетерпимым»; отсутствие простого права свободного перехода с одного завода на другой, по мнению социал-демократов, превратило пролетариат в «бесправное стадо», пригодное лишь к «убою на войне».

Запрещение рабочих собраний, — даже в целях устройства лавочек и столовых, — закрытие профессиональных организаций, преследование активных деятелей заводских больничных касс, приостановление рабочих органов печати и пр. заставляют рабочие массы, руководимые в своих действиях и симпатиях наиболее сознательными и уже революционизировавшимися элементами, резко отрицательно относиться к правительственной власти и протестовать всеми мерами и средствами против дальнейшего продолжения войны.

Социал-демократы, между прочим, выражают надежды на то, что рабочие сумеют выразить свой протест против продолжения войны полным бойкотированием нового государственного займа, протестующими резолюциями и петициями и устройством уличных демонстраций

и выступлений. По мнению некоторых наиболее вдумчиво относящихся к окружающей обстановке социал-демократов, группам сознательных рабочих с трудом приходится сдерживать массы от выступлений по поводу недостатка продуктов и все увеличивающейся дороговизны. «Кончайте войну, если не умеете воевать»,— слова одного из ораторов больничной кассы Петроградского вагоностроительного завода,— сделались лозунгом петербургских социал-демократов.

Близкие сношения столичных рабочих с солдатами также показывают, что и в армии настроение стало очень и очень неспокойным, если не сказать «революционным»: дороговизна жизни и недостаток продуктов, переносимые с трудом солдатками, очень хорошо известны в армии через самих солдат, разновременно приезжавших сюда на «побывку». Циркулирующие в армии слухи о голоде в Петрограде достигли невероятных размеров и сейчас определенно граничат с областью чистой фантазии: по словам самих солдат, в армии имеются сведения, что в столице «фунт хлеба теперь стоит рубль», «что мясо дают только дворянам и помещикам», «что уже будто бы открыто новое кладбище для умерших от голода» и т. д. Беспокойство солдат за оставленные на родине семьи более чем понятно и законно, но скверно то, что оно с каждым днем все более и более увеличивается и является весьма благоприятной почвой для успеха пропаганды не только революционной, но, при известных условиях, и германской. Больничные кассы крупных заводов заваливаются письмами [1]) и сообщениями «товарищей» и к «товарищам» с фронта: письма эти полны брани по адресу «виновников дороговизны» и угрожают «настоящим расчетом», когда война закончится или прервется.

Конечно, социал-демократы спешат всячески использовать создавшееся положение: выдают двойные пособия женам арестуемых рабочих, помогают беглым солдатам «пробраться на Кавказ», устраивают сборы в пользу семейств, лишившихся казенного пайка вследствие добровольной сдачи нижнего чина в плен, и т. д. Многие действия социал-демократов делают их в данном случае похожими на действия германских шпионов и еще недавно вызвали бы порицание со стороны непартийных рабочих, но теперь непартийные, ожесточенные дороговизной, голодом и остальными тяготами повседневной жизни, совершенно безучастно относятся к подобного рода «политической деятельности», если таковая не связана непосредственно с вопросами их эко-

[1]) Военно-цензурные управления царской армии (армейские, корпусные, дивизионные) занимались усиленной перлюстрацией таких «солдатких писем», выдержки из которых доставлялись департаменту полиции. В этих письмах жалобы на дороговизну последовательно переходили в недовольство пищей, одеждой, затем службой вообще, затем начальством и — войной... Письма 1917 года особенно ярко вскрывают быстрый темп революционизирования солдатских масс, процесса, начавшегося еще задолго до Февральской революции, примерно с конца 1915 г., т.-е. вместе с «великим отступлением» на Юго-Западном фронте. Письма с отчетами военно-цензурных управлений хранятся в Московском Военно-Историческом Архиве. *И. Г.*

номического существования. На заводах все чаще раздаются речи активных «пораженцев», то предлагающих применять итальянскую забастовку в деле изготовления военных заказов, то сообщающих ложные и сенсационные сведения об окончательно уже решенной и намеченной на конец октября месяца всеобщей забастовке. Речам подобных ораторов не всегда и не везде верят, но к ним весьма охотно прислушиваются, что соответствующим образом и учитывается социал-демократическими деятелями, сообщающими невероятные слухи и сведения о намерениях и деятельности правительственной власти.

Потеряв в настоящее время некоторую часть своей популярности вследствие вынужденных уступок «оборонческим тенденциям», официально представительствуемым рабочими группами военно-промышленных комитетов, социал-демократы все же являются весьма важными и серьезными деятелями в различного рода рабочих легальных учреждениях, как-то: больничные кассы, различного рода рабочие комиссии, биржи труда и т. д.

Они уже несколько месяцев выступают всюду с самыми энергичными докладами о тяжелом положении рабочих и необходимости помочь последним устройством потребительных лавок, столовых и пр. — во избежание предстоящего в самом близком будущем «голодного бунта».

По мнению социал-демократов оборонческого толка, положение рабочих — отчаянное вследствие дороговизны и отсутствия съестных припасов; но все же рабочие гораздо охотнее продолжали бы свою работу на оборону государства, если бы правительственная власть приступила к разрешению «больных вопросов» о собраниях, союзах, газетах, кассах, столовых, съездах и пр. Но в виду того, что правительство попрежнему продолжает занимать непримиримую позицию по отношению к рабочему вопросу, а капиталисты использовали войну в целях окончательного закрепощения рабочих масс, — даже означенное течение социал-демократии считает столкновение рабочих с правительством безусловно неизбежным. Как оно произойдет, этого толком социал-демократы не знают, но определенно уверены, что произойдет это столкновение очень скоро и принудит правительство заключить мир на каких угодно условиях.

За последнее время представители означенного течения производили анкету среди членов больничных касс столицы по вопросу о положении рабочих в настоящее время. Выводы этой анкеты следующие: почти $^{9}/_{10}$ всего числа рабочих не имеют возможности жить так, как они жили до начала настоящей войны, несмотря на то, что заработок их увеличился на 100—300%; лишь около $^{1}/_{50}$ всего числа рабочих считают свое положение сносным, но и то исключительно лишь благодаря добавочным и сверхурочным работам. Жалобы рабочих на дороговизну и частые заболевания достигают огромных размеров, почему социал-демократы указанного выше направления настаивают перед рабочей группой центрального военно-промышленного комитета об

истребовании ссуд на организацию потребительных лавок и столовых, угрожая в противном случае общей и длительной забастовкой.

Вопрос о всеобщей и длительной забастовке обсуждался и неоднократно на многих заводах и фабриках, но не встретил общего и единодушного сочувствия лишь благодаря тому, что рабочие желают выдвинуть на первый план свои экономические требования, а социал-демократы — чисто политические. Лишь вследствие этого забастовка, намечавшаяся на начало августа месяца сего года, не осуществилась до сего времени. Однако социал-демократы определенно уверены, что всеобщая забастовка должна вспыхнуть в самом непродолжительном времени: многие из них даже связывают время ее начала с вопросом о роспуске Государственной Думы, якобы неизбежном и предстоящем скоро. По убеждениям социал-демократов, война должна закончиться теперь, так как к январю месяцу все равно вспыхнет общая забастовка, которая и заставит правительство поспешить тотчас же с заключением мира. Забастовка эта, конечно, вызовет множество самых непредвиденных беспорядков, благодаря чему социал-демократы и склонны видеть в ней первый этап по пути к открытой политической революции.

Таким образом, левые — революционные — круги определенно уверены, что революция начнется очень скоро, что несомненные ее предвестники уже появились и что правительство сейчас окажется бессильным в борьбе с революционными массами, кои будут тем опаснее, что состоят на $^2/_3$ из бывших или настоящих солдат. Не лучшим считают в настоящее время положение правительства и еврейские группы, переполнившие ныне столицу и ведущие беспартийную, но резко враждебную власти политику. Не составляя особой партии, не образуя даже единого класса, все евреи уверены, что революции и погромов необходимо ожидать со дня на день. Один видный еврейский деятель на недавнем собрании банковских дельцов дал такую оценку текущего момента:

«Можно быть разных мнений о политике нынешнего правительства, можно разделять его программу, но не может быть двух мнений по вопросу об экономическом положении России и ее перспектив на будущее. Страна экономически совершенно разорена: у $^3/_4$ населения нет возможности даже кое-как существовать; неорганизованность государственного хозяйства, злоупотребления агентов власти, бедность средств перевозки, отсутствие уменья руководить общей экономикой страны и еще тысячи других причин привели страну к экономическому краху. Я не знаю, революционеры или реакционеры те люди, которые будут скоро громить нынешний порядок, но я знаю, что кто-то будет его скоро громить».

«Подумайте сами: в то время как торговля страны сконцентрировалась в руках нескольких трестов полушведского происхождения, $^1/_{10}$ купечества разорилось, не имея ни кредита, ни товаров, ни средств перевозки; в то время как английские, бельгийские и шведские капиталы властно диктуют свои требования русскому рынку, заставляя

русских промышленников отдавать им за ввозимое сырье львиную долю барышей, рабочий от голодовки не знает, что делать и где достать средства для дальнейшего существования. Деньги имеются, но что́ это за деньги? Ведь эти деньги не имеют никакой стоимости, так как между получением вами денег и покупкой на них товаров идет бесконечное падение стоимости рубля. Страна залита бумажными деньгами, но стоит немцам распространить слух (а это рано или поздно должно случиться), что опасно отдавать продукты за простую бумагу, как все начнут прятать товары, и в несколько недель наступит полный голод, который вызовет погромы всех тех, кто обвиняется газетами в мародерстве и укрывании продуктов».

«Конечно, в первую очередь разгромят евреев, против которых сейчас опять ведется травля... Но потом начнут громить всех, у кого имеются деньги или товары; рано или поздно доберутся и до бюрократов... Конечно, погромы и революция не повысят стоимости рубля, но они освежат сгустившуюся атмосферу, дадут остынуть народному гневу... Банковские деятели, без различия национальностей и религии, определенно считают, что экономический кризис России очень тяжел и выйти из него можно лишь ценою героических усилий: полная смена представителей правительственной власти, принятие определенной программы прогрессивного направления, уравнение между собою в правах всех национальностей, — вот главные пункты, приняв кои, правительство могло бы спасти многое. Однако, правительство медлит: оно не приняло даже умеренной программы прогрессивного блока, далеко не удовлетворявшей желаниям страны. Только немедленное принятие программы кадет с добавлением требований отдельных национальных групп могло бы несколько успокоить страну и отсрочить наступление неминуемого взрыва».

«К сожалению, никаких признаков того, что правительство понимает опасность момента, не видно... Массы же с каждым днем озлобляются все более и более. Вырастает пропасть между массами и правительством: народ недоволен новыми наборами, дороговизной, притеснениями семей солдат и пр., — а правительство недовольно еще более народом, так как предпринимает разного рода репрессии, еще более ухудшающие и без того неважное положение... Народ устал от войны, начиная от крайнего правого помещика и кончая демократически настроенным рабочим... Дальше эта усталость лишь будет прогрессировать... По мнению многих лиц, еще недавно бывших горячими патриотами, необходимо скорее ликвидировать войну и связанные с нею непорядки»...

Таковы же взгляды и других еврейских беспартийных деятелей — банкиров, адвокатов, врачей, торговцев и пр. Московские банкиры на одном из недавних своих совещаний по поводу продовольственного кризиса, вырабатывая проект реорганизации (путем привлечения банков) продовольственного дела, дали, между прочим, большую картину того «хаоса», в каком находится в настоящее время внутренний

рынок. По их словам, на рынке произошла «мировая катастрофа»: производятся товары, совершенно ненужные населению, производство ничем не контролируется, нисколько не отвечает спросу и вызвано лишь желанием нажить в короткий срок большие барыши. «Вакханалия рабочих цен», с одной стороны, «безумное вздувание цен на продукты», с другой, привели рынок к состоянию «бешенства»: никто не слушает разумного голоса, спеша поскорее разбогатеть, забывая, что завтра ему самому придется страдать от той же дороговизны.

Правительственное вмешательство, по мнению означенного совещания, в деле внутреннего рынка никогда не пользовалось популярностью в России и не оказывало должного влияния на дела; теперь же оно, будучи выполнено неумелыми людьми, оказало самое отрицательное влияние, осложнило до бесконечности отношения продавца и покупателя... Интернациональным капиталистам, получившим миллионные куши, стало не по себе при первых же признаках предстоящей революции, и они поспешили и спешат увезти свои капиталы из России. Бедный же русский капитализм оказывается ныне не в силах (даже при выдаче миллионных казенных авансов) справиться с требованиями рынка

Таким образом, все признаки кризиса на-лицо. По мнению евреев, достаточно какого-нибудь пустяшного события, чтобы на рынке началась паника, которая незамедлительно отразится «на улице» отчаянными беспорядками. Таким событием может быть, например, отсутствие муки, с которой происходит вообще странная история: еще не установились твердые цены на хлеб, как хлеб вдруг пропал в ряде губерний. Судя по всем имеющимся данным, хлеб припрятывается не только крестьянами и помещиками, но и перекупщиками, ожидающими повышения цен.

Достаточно будет, если хлеб будет прятаться и в дальнейшем, одного этого исчезновения хлеба, чтобы вызвать в столицах и других наиболее крупных населенных пунктах империи сильнейшие волнения с погромами и бесконечными уличными беспорядками. Усиливаясь с каждым днем, тревожное настроение передается все большим слоям населения; никогда не наблюдалось такой нервозности, как сейчас. Почти ежедневно газеты сообщают тысячи фактов, рисующих крайнюю напряженность нервов публики в общественных местах, и еще большее количество подобного рода фактов остается незарегистрированным. Достаточно малейшего события, чтобы вызвать крупнейший скандал. Особенно это заметно вблизи лавок, магазинов, банков и тому подобных учреждений, где почти каждый день происходят «недоразумения», лишь в своей минимальной части пока кончающиеся полицейскими протоколами...

Еще мрачнее смотрят на создавшееся в стране положение евреи-торговцы: хорошо зная положение торговли, они открыто заявляют, что необходимо поскорее ликвидировать все операции, так как иначе

можно дождаться только погрома и уничтожения всех еще остающихся товаров. По мнению некоторых видных столичных мануфактурщиков, в случае нового займа цены возрастут на 100—200%, что вызовет, конечно, недовольство публики и новые протесты; рост мануфактурных цен вызовет повышение цен на другие товары, что в свою очередь явится основанием и причиной для новых протестов и недовольства населения. Наживая на продаже до 200%, мануфактуристы тем не менее предпочитают ликвидировать торговлю, чем дожидаться погромов из-за нового повышения цен. Взгляды евреев заслуживают особенного внимания еще и потому, что в Петрограде вся без исключения торговля ведется через евреев, прекрасно осведомленных об истинных вкусах, намерениях и настроениях толпы.

Наиболее чутко относящаяся ко всякому движению «партия народной свободы» давно уже собрала огромные материалы, рисующие очень мрачные стороны текущей русской действительности. На основании этих материалов кадетами делались соответствующие доклады как в партийных организациях, так равно и в тех общественных учреждениях, где они могли рассчитывать найти много сочувствующих (земские собрания, съезды деятелей земского и городского союзов, комиссии Государственной Думы и пр.). Особенно интересным в данном случае является взгляд А. И. Шингарева, высказанный им в конце августа месяца сего года в беседе с приезжавшими в столицу из провинции общественными деятелями:

«Правительство продолжает делать ошибки и ведет очень двойственную игру, которую многие из кадет называют определенно «преступной». Отложив созыв Государственной Думы, правительство этим самым лишило центр возможности поддержать начинания самого правительства... Думали, что страна состоит из маленьких детей, которые не понимают, чего ради отложен созыв Государственной Думы. Думали, что смогут обойтись без Государственной Думы, и провалились... Все начинания правительства, проведенные по 87 ст., показывают ясно недоверие к Государственной Думе, боязнь справедливой критики, опасения раскрытия злоупотреблений... Результат налицо: нация почти вся целиком не верит нынешнему правительству и, к сожалению, начинает уже не верить и Государственной Думе, многие члены коей запятнали свое имя разными неэтическими поступками... Откладывание созыва Государственной Думы со дня на день, раскрытие новых злоупотреблений, нелепые меры в борьбе с дороговизной и недостатком продуктов и т. д. — создали то, что в стране вдруг почувствовался рост политической оппозиции (например, это очень заметно на усилении агитации при выборах)...

Я боюсь, что правительство доведет дело до того, что и Государственная Дума не сможет ничего сделать для успокоения волнующихся масс».

«Кадеты прекрасно сознают нелепость и недопустимость при нынешних обстоятельствах переговоров о мире, но что же они смогут сделать, если со всех сторон раздадутся грозные крики: «долой войну

или долой правительство». Левые от нас требуют, чтобы мы открыто объявили о своем недоверии правительству; но разве не будет смешно, что мы, больше других партий понимающие необходимость для России единения и напряжения всех усилий при нынешних тяжелых обстоятельствах, будем сами разрознивать эти силы? Да я лично и не верю, чтобы серьезная партия решилась сейчас отказаться поддерживать правительство, находящееся более чем в критическом положении. Лишь важные события, как-то: роспуск Государственной Думы, проведение новых налогов и т. п., могли бы заставить нашу партию выступить с протестом».

В конце сентября месяца уже многие кадеты выступали в печати с заявлением о невозможности дальнейших отсрочек в деле созыва Государственной Думы; в думских же комиссиях, сведения о резолюциях и решениях коих широко распространились среди различнейших кругов русского общества, прямо указывалось на опасность от каждого дня промедления.

Но если кадетские парламентарии видят опасность главным образом в отсутствии деятельности Государственной Думы, то совершенно другие выводы о настоящем моменте делаются кадетскими уполномоченными земского союза, рисующими чудовищные картины жизни тыла и настроения войска. В указанном направлении особенно характерен доклад уполномоченного, ездившего в Ригу и др. места для ознакомления с постановкой дела доставки в армию съестных припасов. По его словам, настроение в армии якобы очень тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне натянутые, почему неоднократно имели место и имеют даже кровавые столкновения; держат себя солдаты, особенно в тыловых частях, крайне вызывающе, публично обвиняя военные власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве. Повсюду тысячами встречаются дезертиры, совершающие преступления и насилия в отношении мирного населения, с сожалением говорящего о том, что «напрасно не пришли немцы», что «немцы навели бы порядок» и т. д.

По словам того же уполномоченного, в Ревеле было несколько случаев стрельбы пехотинцев по пограничникам, а также и по матросам: дело в некоторых случаях доходило чуть ли не до форменных сражений. Тыловые офицеры, оставленные по протекции заведывающими обозами, поездами, этапными командами и т. д., поражают, по словам кадетских уполномоченных, своей «необразованностью, наглостью и отсутствием выдержки»; среди них царят «кутежи, картежная игра и разврат». Солдаты презирают своих офицеров, особенно прапорщиков, в смысле воинского воспитания и развития зачастую стоящих гораздо ниже подчиненных им солдат. Даже высший командный состав в тыловых частях и учреждениях состоит из малоопытных людей, окруженных мошенниками и взяточниками; сплошь и рядом наблюдаются все учащающиеся случаи оставления в тылу солдат за крупные суммы.

Раненые, с коими приходилось зачастую сталкиваться уполномоченному, определенно говорят, что дух армии был бы великолепен, если бы был хотя несколько выше состав офицеров. Про тыл раненые рассказывают просто невероятные вещи: требования взяток с раненых за доставку на пункт, ограбления раненых санитарами и пр. По мнению уполномоченного, все им виденное определенно рисует картину разложения армии, а это предвещает и скорый конец войны. Злоба солдат на то, что с родины плохо или даже совершенно не доходят известия, безгранична, особенно под влиянием побывавших в отпусках солдат, рассказывающих различного рода небылицы про те места, где им приходилось проезжать.

Земских служащих, доставляющих продукты, солдаты забрасывают вопросами: правда ли, что в Петербурге и Москве голод, что «купцы» выселяют солдаток на улицу, что немцы дали министрам миллиард за обещание уморить возможно большее число простых людей и т. п. Даже германские прокламации, с их фантастическими бреднями, стали за последнее время находить среди солдат доверяющие круги читателей. Помимо того, наблюдается и настоящая пропаганда, сводящаяся главным образом пока к убеждениям дезертировать. По мнению этого уполномоченного, «всякий побывавший вблизи армии должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас. Офицеры часто даже отказываются вести команды в бой в виду опасности быть убитыми своими же людьми».

Хотя в подобного рода рассказах уполномоченного многое и кажется мало вероятным, однако, необходимо относиться к его сведениям с большой дозой доверия, так как ряд врачей, вернувшихся из действующей армии, делали доклады в том же духе и в тех же тонах: полное разложение организации тыла, рост недовольства и общая усталость от войны — таковы были основные мотивы всех этих докладов.

Не менее печальные картины рисуются кадетскими уполномоченными и по закупке продуктов внутри России. По словам одного из них, «всюду полная разруха»: крестьяне, запуганные реквизициями, недовольные вмешательством в торговые сделки губернаторов и полиции, не хотят продавать хлеб и другие припасы, опасаясь, что им заплатят «по таксе». Никаким уверениям в том, что им заплатят по правильной расценке и сообразно с их требованиями, они не верят. Вследствие этого оказывается, что в провинции совершенно нет продуктов: крестьяне, узнав на опыте цены на «городские товары» (сахар по 1 р. 50 к. за фунт, чай по 4 руб. за фунт, колбаса по 2 руб. за фунт и т. д.), не хотят продавать свои товары, так как боятся продешевить. В результате — цены повсюду растут, а товары исчезают.

Дороговизна чувствуется в деревне не меньше, чем в городе; кроме того, в деревне она влечет за собою невероятные слухи, еще более

фантастические, чем в городе; крестьяне охотно верят слухам о вывозе кожи, хлеба, сахара и пр. к немцам, о продаже половины России графом Фредериксом тем же немцам и т. п. «А между тем, все это делает настроение деревни очень беспокойным».

По словам другого уполномоченного, «деревня сейчас переживает серьезнейший момент, впервые и так ярко вскрывший в русской истории антагонизм города и деревни: на дороговизну рабочих рук на заводах деревня ответила отказом продавать по старым ценам пищевые продукты... Отношение деревни к войне, с момента возникновения таковой, было весьма неблагоприятным, ибо там более чувствовался увод ратников, чем это ощущалось в городе. Теперь же в деревне уже и не верят в успех войны; по словам страховых агентов, учителей, торговцев и пр. представителей деревенской «интеллигенции», все ждут не дождутся, когда же наконец окончится эта проклятая война». Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны, после 1906 года, почти совершенно не наблюдалось, и говорят о том, что «надо повесить Сухомлинова», «вздернуть 10—15 генералов, и мы бы стали побеждать...». Настроение деревни стало резко оппозиционным не только по отношению к правительству, но даже и к другим (не деревенским) классам населения: рабочим, чиновникам, духовенству и т. д.

По словам третьего уполномоченного, вернувшегося из поездки в Поволжье, «в деревнях наблюдается революционное брожение, вроде того, которое имело место в 1906—1907 г.г.: повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций... Конечно, объединяющего центра пока нет, но надо думать, что крестьяне объединятся через кооперативы, которые ежечасно растут по всей России. Таким образом, крестьянство, несомненно, окажется весьма действенным участником нового и неизбежного движения...».

По словам других кадет, — особенно из числа лиц, являющихся к приезжавшим на родину депутатам, — «по всей России наблюдается одно и то же: всюду понимают, что при старых порядках не победить немцев, что одной ликвидацией немецкого землевладения не поможешь, что необходимо вмешательство самой нации в войну... Конечно, не во всех губерниях и не в одинаковой степени ярко проявляется это движение: на севере мы видим демократические кооперативы, исполняющие обязанности мелкой земской единицы; в средней полосе России действуют больше земские учреждения; на юге выступают единичные личности... Движение, которое вначале было чисто экономическим, ныне стало политическим и в будущем может вылиться в серьезнейшее движение с определенной программой».

«Партия народной свободы» собрала огромные материалы по истории настоящей войны, при чем большая часть этих материалов носит исключительно отрицательный характер: поразительные цифры по распространению эпидемий, увеличению несчастных случаев на заво-

дах, раскрытию административных злоупотреблений и пр. Сами кадеты, относясь к войне довольно сдержанно с самого возникновения таковой, ныне мечтают о мире больше всех партий: работа в земских учреждениях и союзах, в военно-промышленных комитетах и т. д. уже обогатила многих, а растущая благодаря войне дороговизна и прогрессирующая разруха во внутренней жизни страны определенно пугает их. Поэтому, несмотря на пропаганду лидерами кадет лозунга «вести войну до исчерпывающей победы», большинство кадет стоит за немедленное заключение мира и за приведение в должный порядок внутренних взаимоотношений.

Особенно характерно это выразилось в докладах профессоров-экономистов, обсуждавших вопрос о текущем моменте в начале августа месяца сего года: по их мнению, Россия пришла к полному банкротству как финансовому, так равно и политическому и даже нравственному. Вследствие этого дальнейшее продолжение войны угрожает самому существованию государства и нации. Воспитанные на германской юриспруденции, кадетские профессора в настоящее время готовы сетовать и даже определенно говорят: «немного поучиться у немцев не мешало бы». Кадетские газеты фактически полны гимнами по адресу Германии за организацию продовольственного дела, за финансовую политику, за дипломатические успехи и пр.; конечно, читатели этих газет проникаются полным почтением по отношению к Германии и готовы преклоняться перед последней. Недаром один из профессоров полунемецкого происхождения воскликнул: «да достойны ли мы, господа, победы: ведь победа должна достаться лучшему», — за что и был в свое время превознесен до небес кадетской прессой.

За последние недели кадетская фракция Государственной Думы, подготовляясь к предстоящему возобновлению сессии, заготовила много материала по освещению нужд текущего момента. Материалы эти рисуют в очень печальном виде условия жизни тыла и,— надо отдать им справедливость,— очень убедительны; их оглашение с думской трибуны, безусловно, вызовет новую волну недовольства правительством. И при всем этом, на вопрос о том, что же они считали бы сейчас особенно необходимым и полезным, кадеты ничего нового, кроме своего старого и заветного рецепта, предложить не могут и не желают: образовать министерство, ответственное перед страной за все свои действия, и ввести в этот новый совет министров лиц, «заслуживающих доверия страны», т.-е. депутатов. Правительство, по их убеждениям, не может сейчас же итти на уступки, так как в противном случае принуждено будет очень скоро и более позорно закончить войну. Эта точка зрения и заставляет пока кадет воздерживаться от активных выступлений против правительственной власти, хотя многие из них и считают подобного рода политику «воздержания» просто бессмысленной, так как наличность в их руках значительных материалов, якобы уличающих администрацию в злоупотреблениях по продовольственному делу (установка такс, выдача разрешений на перевозку продуктов

и пр.), придает кадетам уверенность, что без деятельного участия земского союза правительство не может в должной мере разрешить остроту самого важного и серьезного в данный момент продовольственного кризиса.

По мнению многих видных депутатов (Шингарев, Александров и др.), в случае отказа правительства войти в соглашение с «партией народной свободы» или в случае неприемлемости условий правительства, до «революции осталось всего лишь несколько месяцев, если только таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше»: повсюду настроение достигло такого оппозиционного характера, что достаточно какого-нибудь пустячного предлога, чтобы вызвать бурные беспорядки ожесточившихся народных масс; беспорядки, конечно, вызовут кровавые подавления вооруженной силой, а последнее приведет к повсеместным протестам и еще более диким эксцессам. Получая из Румынии тревожные известия о наступлении там германцев, кадеты, на основании «вполне осведомленных источников» и данных, сообщают, что положение дел на румынском фронте «безнадежно» в виду якобы плохой подготовленности к войне румын и что возможность приостановки военных действий до весны в том положении, в каком таковые находятся в настоящее время, грозит самыми опасными последствиями, так как «страна не в силах вынести еще одной зимней кампании».

Таким образом, для «революции», по мнениям кадет, имеется более чем достаточно материала; созыв же и вероятный роспуск Государственной Думы могут сыграть в настроениях масс решающую роль. И в то же время, рассчитывая, при перемене внутренней политики, привлечением масс к общественной и государственной работе хотя бы «локализовать» на время всякие «недоразумения» и «протесты», сами кадеты выражают сомнения в том, чтобы правительство могло согласиться на кадетских министров и полную ломку давнишнего направления внутренней политики; у них даже возникают, вслух не произносящиеся, речи и мысли о том, допустят ли до этого другие политические партии, совершенно не разделяющие взглядов кадет на причины общественного недовольства и средства к ликвидации выражений такового. Чувствуя приближение важнейших событий, кадеты, кажется, надеются на свои силы и на свое влияние в стране более, чем следует, — упреки в этом отношении они уже слышали неоднократно и слышат и теперь от всех других политических партий и течений страны.

Ко всему изложенному выше необходимо добавить, что настоящий политический момент во внутренней жизни государства считают серьезным и опасным не только левые и прогрессивные партии, предсказывающие неизбежность скорой и «беспощадной» революции, но даже и партии умеренные и... правые.

Игравшие в начале войны доминирующую роль «октябристы» в настоящее время выражают мнение наиболее обеспеченных классов населения следующими словами, произнесенными недавно команди-

ром одного из полков: «дворянство за эту войну утратило всякое влияние; мы накануне разорения: крестьяне не снимают более земли в аренду, будучи уверены, что после окончания войны земля эта будет раздаваться даром; цены растут так быстро и так невероятно, что дворянство оказалось в ужасных материальных условиях... Что же будет дальше? Выборы по Петроградской губернии показали, что дворянство за последний год сильно полевело; необходимо, чтобы правительство приняло энергичные меры против дальнейшего объединения дворян. К сожалению, политика правительства обнаруживает такую неопределенность и вялость в деле защиты дворянских интересов, что октябристы не в силах сделать что-либо для последних».

«Страна отдана во власть мародерам, которые грабят и жмут всех без исключения. Правительство же как будто не видит этого и продолжает свою систему покровительства разным банкам, сомнительным дельцам и т. п. В начале войны казались дикими всякие слова о возможности революции в России, а ныне все уверены, что революция будет неизбежно. Конечно, мы, октябристы, будем до конца стоять за правительство и законный порядок, но что же мы будем делать, если само правительство оказывается виновным в значительной части происходящих неурядиц? Последние месяцы войны показали, что среди многих учреждений имеются мародеры, что очень многие лица, облеченные доверием правительства, являются одновременно и спекулянтами. Правительство должно было бы дать обществу определенный контроль над борьбой с дороговизной и вообще допустить население к обсуждению вопросов продовольствия... Ничего этого нет: в результате получается справедливый ропот населения, грозящий перейти в крупные беспорядки... Октябристы всегда стояли и будут стоять за доведение войны до победоносного конца; но что можно сделать, если вся страна будет требовать или прекращения непорядков и смены правительства, или конца войны?.. Положение слишком серьезно, а правительство с этим совершенно не считается...».

Правые также считают настоящий момент очень опасным и предсказывают возможность самых крупных волнений. По их мнению, война стала непопулярной в народе из-за того, что самодержавная Россия воюет за свободу республики и конституционных монархий с Германией, имеющей схожий с Россией образ правления. Если вначале все были увлечены идеей борьбы за существование Сербии, то теперь, когда главная борьба выносится русскими силами, а «победа достанется англичанам», — большинство поняло невыгоды союза России с Англией. В обществе вращается множество памфлетов, направленных против Англии и требующих окончания войны и прочного мира с центральными монархиями. Еще более недовольства вызывает, по мнению правых, та свобода, которой за время войны начали пользоваться евреи; «правда, официально еще и существуют некоторые русские фирмы, но за ними фактически стоят те же самые евреи: без посредника еврея ничего нельзя купить и заказать, а между тем всем

известны такие «русские фирмы», как прославившийся скверными шрапнелями завод кн. Путятина, в действительности принадлежащий еврею Рабиновичу, заплатившему за «фирму» князю 50.000 рублей».

Народные массы, по словам правых, чувствуют, что за дороговизной и недостатком продуктов скрыты спекулянты, но не знают, как за них взяться. Подобное ужасное положение долго продолжаться не может: «народ в конце концов устроит погром, за который можно будет винить лишь правительство, допустившее возможность осуществления «жидовского царства». «Во всяком случае, этот погром покажет, что народу надоело сносить чужое иго и что он хочет биться за свои интересы, а не за чужие. Если правительство хочет, чтобы в России вновь наступили порядок и тишина, то оно должно, прежде всего, разогнать «еврейский кагал», заключить почетный мир с Германией и разорвать всякие договоры с Англией, так как иначе более чем вероятны беспорядки, во много раз ужаснейшие, чем это было в 1905 году». К изложенному необходимо прибавить, что отрицательное отношение правых к войне еще более усилилось за последнее время, когда повсюду стали замечаться усиливающиеся волнения и когда забастовки городских и сельских рабочих начали принимать все более и более интенсивный характер.

Подводя итоги вышеизложенным взглядам всех главнейших русских политических партий, в достойной мере, якобы, и образно характеризующим настроения разнообразнейших кругов населения страны, — даже при условии допуска в этих взглядах известной доли «тенденциозности» и «муссирования»,—необходимо признать безусловным и неоспоримым, что внутренний уклад русской государственной жизни в данный момент находится под сильнейшей угрозой неуклонно надвигающихся тяжелых потрясений, вызываемых и объясняемых исключительно лишь экономическими мотивами: голодом, неравномерным распределением пищевых припасов и предметов первой необходимости и чудовищно прогрессирующей дороговизной. Вопросы питания в самых широких кругах населения огромной империи являются единственным и страшным побудительным импульсом, толкающим эти массы на постепенное приобщение к нарастающему движению недовольства и озлобления. В данном случае имеются определенные и точные данные, позволяющие категорически утверждать, что пока все это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т. п.), оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим.

Что продовольственный вопрос играет сейчас если и не единственное, то, во всяком случае, первенствующее и преобладающее значение и что мысль: «народные массы пойдут за тем, кто первый удовлетворит требования их желудка», правильно осознана всеми мало-мальски

серьезными политическими партиями, — ясно и определенно видно из текущей деятельности всех этих партий, усердно рекламирующих в массах свои программные рецепты «наиболее верного и скорого спасения России от всех грозящих ей бед и опасностей» и с пеною у рта протестующих и спорящих против возможности разрешения крайне важного «продовольственного дела» силами и средствами правительственной власти, а не пресловутой общественности. Что же касается предлагаемых партиями «программных рецептов», построенных на всем им общей затаенной тенденции: поскорее закончить войну, захватить большое влияние в делах государственных и заняться перекройкой социального строя по своей собственной мерке, — то говорить о них много не приходится уже в силу одной, всем партиям свойственной, огромной ошибки: нельзя рассчитывать на то, что армия по возвращении с действующего фронта не пожелает предъявить и своих собственных, совершенно особых требований, ибо «разложение армии», о коем не перестают кричать и социал-демократы, и социалисты-революционеры, и кадеты, неизбежно должно повлечь за собою по окончании войны полную анархию в России. Единственным же элементом, барометрически точно учитывающим даже самую возможность подобного рода событий, являются евреи, исподволь думающие о ликвидации своих дел и хотя бы «временном» переселении за границу.

В прямой и непосредственно подчиненной зависимости от факторов продовольственного кризиса находятся и остальные, не менее важные для правильного учета современного положения страны, вопросы, как то: а) вопрос об отношении к правительственной власти, б) вопрос об отношении к Государственной Думе и в) вопрос об отношении к войне.

Испытывая все отрицательные стороны продовольственной разрухи и с каждым днем все более и более убеждаясь в неизбежном и неуклонном ухудшении своего и без того тяжелого экономического положения, широкие народные массы России естественным образом ищут выхода из создавшегося неблагоприятного положения, с жадностью и напряженным вниманием прислушиваясь ко всякого рода объяснениям и предложениям досужих и тенденциозно-заинтересованных «советчиков» лево-революционного лагеря. Отсюда и единогласно констатируемая всеми без исключения партиями озлобленная оппозиционность народных масс по отношению к правительству, — «оппозиционность», а не «революционность», так как широкие народные массы, по существу своему стоя вне узких рамок партийных платформ, совершенно не революционны, но крайне озлоблены на «забывшее народные нужды правительство», как это объясняют ежедневно различного рода темные доброхоты соц.-демократического, соц.-революционного и другого толка.

Веря в то, что «правительство забыло о его нуждах», народ, как темная и широкая масса, естественным образом, озлоблен не только на это правительство, но и на ту причину, ради которой власть «отвлек-

лась» от своих прямых и нормальных обязанностей: отсюда и отрицательное отношение к войне и страстное, все растущее желание ее скорейшего окончания на каких угодно условиях, так как, кроме тяжелых лишений, гнета полуголодного повседневного существования и потери близких и дорогих лиц, война эта ничего положительного не дает и не обещает. Томящая жажда скорейшего удовлетворения своих «сегодняшних» нужд и желаний заставляет в данном случае, чуткие в иной обстановке, народные массы забывать о том, какими тяжкими и еще более гнетущими последствиями «в будущем» может грозить им и их существованию наспех законченная или — еще хуже — «сорванная» ранее своего естественного окончания война.

Что же касается вопроса об отношении к Государственной Думе и ее деятельности, то в этом направлении, как это явствует из всего вышеизложенного, должно твердо и определенно различать три безусловно верных и не оставляющих сомнений положения: а) Широкие и обычно стоящие вне каких-либо политических тенденций народные массы в деятельности Государственной Думы заинтересованы мало, никаких особых надежд и упований на таковую не возлагали и не возлагают и могут проявить известного рода интерес по отношению к Государственной Думе лишь под воздействием левых и революционных элементов, в случае возникновения бунтарских выступлений и иных эксцессов революционного характера. б) Представители революционных групп и партий, не считая Государственную Думу тем органом народовластия, каковой мог бы привести к осуществлению конечные идеалы и лозунги исповедуемых ими политических платформ и программ, видят в думской трибуне лишь своего рода кафедру для публичных и свободных от преследования закона демагогических выступлений и в нарастающей борьбе Государственной Думы с правительственною властью усматривают лишь благоприятствующие их задачам мотивы для дальнейшего агитационного воздействия на массы. в) Единственными и нелицемерными защитниками думской трибуны являются лишь представители «общественности» — депутаты кадетского толка, кои, боясь настоящей революции, долженствующей свести на-нет все их надежды на доступ к «власти», и стараясь побудить правительственную власть под угрозой этой революции к дальнейшим уступкам «чистому конституционализму», все свои надежды и упования возлагают на привычную для них «парламентскую работу» и отлично сознают, что им, предоставителям «партии слов, а не практического дела», нет места в обыденной и повседневной жизни, вне стен обслуживаемого и оберегаемого ими парламента.

Вышеизложенные вопросы, волнующие как общественные беспартийные круги, так и легальные партии (октябристы и т. п.), а равно и полулегальные (кадеты), с неменьшим интересом и силой отражаются и в деятельности революционного подполья, положение коего в настоящее время представляется в следующем виде:

I. Социал-демократы.

Социал-демократы большевики гор. Петрограда после июльской ликвидации [1]), последствием которой был разгром руководящего большевистского коллектива, именовавшего себя «Петербургским Комитетом», настолько ослабели, что свою работу довели до минимума, а потому внешних проявлений партийной деятельности не замечалось. Июльская ликвидация, вырвав из среды большевиков наиболее видных и серьезных работников, принудила организацию заняться вопросом пополнения своих рядов и налаживанием разрушенного. Печатание подпольных прокламаций и брошюр, особенно сильно разросшееся к июлю сего года, после ликвидации было прекращено окончательно и не возобновлялось до последнего времени. В целях возобновления прерванной работы, большевики после июльских арестов немедленно приступили к пополнению поредевших кадров своих активных работников, и с этой целью они стали привлекать к работе ряд нелегальных лиц, бежавших с военной службы или из административной ссылки. Как и в прежнее время, все нелегальные устраивались преимущественно около больничных касс, что и дало основание, когда организация начала снова крепнуть, к концу сентября произвести дополнительную ликвидацию, которой удалось вновь разбить наладившийся было коллектив. Эта последняя ликвидация сорвала все плоды большевистской работы, и им пришлось опять начинать все вновь.

Дороговизна жизненных продуктов и продовольственные затруднения создали среди населения массу недовольных распоряжениями высшей и местной правительственной власти, и так как социал-демократы большевики не могли не учесть это обстоятельство, как фактор, способствующий революционизированию толпы, то ими в октябре сего года была выпущена листовка на тему о дороговизне и продовольственном кризисе и с призывом в духе Циммервальдской и Кинтальской конференций немедленно закончить войну; подготовив же рабочие массы такими способами, 13 октября в Петрограде намечались повседневные митинги, на коих предполагалось произвести аналогичные зажигательные речи, что было сорвано благодаря своевременно принятым охранным отделением мерам.

Вообще, благодаря усиленным арестам последнего времени, социал-демократы большевики, имея большое желание поднять народ-

---

[1]) Об этой «ликвидации» большевистской организации в Петрограде в июле 1914 г. мы читаем у А. Шляпникова («Канун 17 года», ч. I, стр. 15): «неожиданным набегом и засадой полиция арестовала большое количество партийных работников, рабочих-передовиков. Эти аресты опустошили руководящие ряды петербургского пролетариата, но не приостановили начавшееся движение.» *И. Г.*

ные массы к революционному выступлению за социал-демократические лозунги, никак не могут достичь более или менее положительных результатов и влачат жалкое существование, так как главные руководители неизменно арестовываются, а народные массы на социал-демократическую пропаганду отзываются слабо, и на открытые выступления их может толкнуть только голод и дороговизна.

Социал-демократы объединенцы ничем себя не проявляют, и вся их деятельность выражается лишь в стремлении слиться с большевиками, ибо они сознали свое полное бессилие.

Социал-демократы ликвидаторы, разделившись на два лагеря по вопросу об участии пролетариата в текущей войне и приемлемости обороны страны, тем самым сами себя ослабляют постоянной фракционной борьбой, вообще же это течение социал-демократии находится в таком положении: после создания групп при военно-промышленных комитетах последние постепенно начали занимать оборонческую позицию, и за ними пошла довольно значительная часть ликвидаторства, хотя во всяком случае не большинство. Большинство же ликвидаторов, разделяя взгляды, выработанные на Циммервальдской конференции, явились сторонниками заключения мира без аннексий и контрибуций. Разность взглядов на войну и участие в обороне страны дали основание для жестоких споров между центральной инициативной группой и рабочей группой центрального военно-промышленного комитета, разрешившихся требованием центральной инициативной группы, чтобы рабочая группа сложила свои полномочия и вышла из состава военно-промышленного комитета. Рабочая группа от исполнения подобного требования отказалась и уже вполне определенно заняла оборонческую позицию, что и было ею официально подтверждено на одном из заседаний съезда представителей областных военно-промышленных комитетов 26 сентября сего года, когда представители рабочих громко заявили о своем твердом решении принимать дальнейшее участие в обороне страны.

Такова картина внутренней разрухи ликвидаторов, но следует подчеркнуть, что продовольственный кризис и дороговизна и тут начали играть преобладающее значение, так как под влиянием их последние месяцы ликвидаторы заметно полевели и в отношении правительственной власти высказываются более резко, чем в обычное время.

Приняв во внимание вредное направление сторонников центральной инициативной группы, 13 сентября была произведена ее ликвидация, коей наиболее вредные деятели были изъяты, чем и положен только временный предел партийной работе, направленной к разрушению государства, так как следует ожидать, что ликвидаторы с течением времени снова пополнят свои ряды и попытаются наладить свою работу и организацию, что, при распропагандированности рабочих и широком ознакомлении их за последние 10 лет с социал-демократическими идеями, не трудно сделать.

Для оценки настроений и положения дел в среде социал-демократов следует отметить, что после продолжительного затишья большевики, хотя и с большим трудом, но успели сорганизовать руководящий коллектив, который пытается использовать благоприятный момент и направляет свои действия к революционизированию народных масс с целью толкнуть их затем на бунтовщические проявления своего недовольства помимо революционного движения.

Повышенное настроение толпы, упорно ожидающей общего взрыва, все растет, и потому не исключается возможность возникновения весьма серьезных стихийных беспорядков в столице в ближайшем же будущем, при чем это стоит не в зависимости от революционной пропаганды, а лишь от продовольственного кризиса, революционные же организации лишь не пропустят случая взять на себя руководительство возникшим движением, дабы провести в жизнь социал-демократические лозунги.

Среди петроградских социал-демократов в последние дни заметно симптоматичное и не наблюдавшееся раньше явление: до сего времени все отдельные течения социал-демократов жили и действовали изолированно друг от друга, принципиально не находя возможным вступать в какие-либо блоки с кем-либо, — ныне же большевики, отличавшиеся особой непримиримостью, решили протянуть руку объединенцам и, призывая их на совместную партийную работу, не исключают возможности блока даже и с народниками.

II. Социалисты-революционеры.

Последний вопрос и явился наиболее заслуживающим внимания в текущей жизни местных социалистов-революционеров и народников, ибо в местной группе названных революционных организаций надлежит отметить состоявшееся 9 сего октября в квартире депутата Государственной Думы Николая Семеновича Чхеидзе (Пески, 8-я Рождественская ул., д. № 49, кв. 49) совещание местных представителей народников с представителями социал-демократов, на котором присутствовало 13 человек интеллигентов и один рабочий.

Первоначальною целью этого собрания являлся доклад депутата Керенского о положении дел в Туркестане, в связи с происходившими там летом текущего года беспорядками, но постепенно совещание приняло более широкие рамки и превратилось в совещание представителей местных революционных течений по вопросам о «текущем политическом моменте» и создании «левого блока».

При обсуждении текущего политического момента было произнесено много речей, в результате коих участники собрания стали на точку зрения «пораженцев» Циммервальдского и Кинтальского толка, за исключением присяжного поверенного Николая Дмитриевича Соколова, оставшегося при особом мнении и принявшего «оборонческую» точку зрения.

По вопросу об отношении к Государственной Думе собрание признало наличность общего и определенного индифферентизма как к ней, так и к ее деятельности. Одновременно с сим, констатировав несомненное пробуждение политического самосознания в самых широких и неорганизованных массах, собрание признало, что политические вопросы постепенно занимают центральное место в жизни страны и широкие массы все неудачи как на действующих фронтах, так равно и в тылу определенно приписывают «продажной» центральной власти. Это благоприятное для всякого рода революционных начинаний и эксцессов положение, по мнению собрания, в данный момент, однако, не может быть использовано в должной мере революционными силами благодаря отсутствию на местах интеллигентных демократических элементов.

Это последнее обстоятельство и послужило, видимо, основанием для обсуждения, по предложению писателя-народника Пешехонова, вопроса о «левом блоке».

После оживленного обмена мнений по существу вопроса о создании «левого блока» все участники собрания, как социал-демократы, так равно и народники, принципиально согласились на создание такового и решили вопрос этот обсудить в думских фракциях и руководящих партийных организациях, дабы на следующем собрании приступить к детальной разработке такового. Собрание это предположено созвать не ранее начала рождественских каникул, а пока совещание 9 октября сущность предложения Пешехонова формулировало следующим образом:

«Выслушав все то, что здесь говорилось уже о внутреннем политическом положении страны, констатировав безусловный и определенный упадок влияния прогрессивно-либеральных политических течений с кадетами во главе, учитывая полное банкротство думского и прогрессивного блока, особенно характерно сказавшееся в самой возможности присоединения к «кабинету Штюрмера» «видного блокиста Протопопова», и считаясь с безусловной растерянностью центральной власти, — собрание решило стремиться к созданию левого блока для использования благоприятного момента и достижения политического раскрепощения страны».

Что же касается узко-партийной работы местной организации партии социалистов-революционеров, то таковая после ликвидации, произведенной в ночь на 31 июля сего года, с арестом лиц, стоявших во главе Петроградского Комитета, а равно и остальных руководителей организации, находится в настоящее время в полном расстройстве, несмотря на безуспешные попытки новых лидеров к ее восстановлению.

В последнее время наблюдается стремление завести связи со старыми народниками и при их посредстве подыскать интеллигентов для возобновления партийной деятельности, главный контингент которых черпается преимущественно из среды учащихся в высших учебных заведениях.

III. Учащиеся.

Текущий учебный год проходит для студенчества в совершенно особых условиях. Призывы студентов в войска сильно разрядили студенческую массу, а оставшихся поставили перед скорой возможностью нового призыва. Все это привело к тому, что студенчество, как компактная масса, сильная именно тем, что она является особым, сплоченным коллективом, уже почти не существует. Осталась курсистка,— и здесь, в женских высших учебных заведениях, идет сейчас главным образом та работа, которая носит название «работы по сплочению студенческих сил». Нужно учесть, однако, что курсистка раньше была довольно пассивна и в большинстве лишена собственной инициативы; застрельщиками обычно являлись студенты, а курсистки лишь «поддерживали». Теперь же, когда студенты, в силу своей распыленности и малочисленности, не могут уже проявить инициативу, организации курсисток, к которым перешла руководящая роль, чувствуют большую растерянность, что не может, конечно, не отразиться на их работе.

Тяжелые условия переживаемого момента, конечно, не могли не задеть студенчества. Первым стал перед ним квартирный вопрос. На почве его разрешения возникло стремление к созданию собственной организации. Примером явилась Москва, где имеющиеся там в большом количестве сильные студенческие экономические организации объединились на этой почве. У петроградского студенчества сколько-нибудь широкие студенческие организации почти отсутствуют. Следовательно, — рассуждали радикальные круги студенчества, — надо воспользоваться этим вопросом, сильно задевающим и волнующим студенческую массу, чтобы такие организации построить. Их расчеты, однако, не оправдались. Организации по разрешению квартирного вопроса были, правда, созданы; в некоторых учебных заведениях инициаторами и главными работниками их явились левые круги студенчества; в других они возникли помимо всякого влияния таковых. Но везде эти организации влачат самое жалкое существование. Квартирный вопрос в узком смысле (подыскивание помещений и т. п.) они в некоторой степени разрешают, но надежда сплотить на этой почве широкие массы студентов и курсисток, создать сколько-нибудь прочные организации совершенно не оправдалась. Массы остались пассивными зрителями. Второй вопрос, ставший весьма остро перед студенчеством, — вопрос продовольственный. И на этой почве можно отметить ряд попыток к «организации студенческих масс». Левые круги, группировавшиеся в прошлом году вокруг организ. комитета по созданию студенческого кооператива (не получившего разрешения), и в текущем году намерены итти тем же путем: предполагают добиться разрешения общего (и студенческого) кооператива и уже затем сделать его фактически студенческим. Умеренные, однако,

сплоченные в экономических организациях круги студенчества ставят вопрос о создании новых и о дальнейшем развитии уже существующих студенческих столовых, о государственном страховании. Все эти попытки, однако, проходят исключительно в узком кругу лиц, какой-либо активности со стороны широких масс студенчества и здесь не заметно.

При отмеченной выше распыленности и несплоченности широких масс студенчества определить точно отношение его к переживаемым событиям, к войне — является затруднительным. При создавшемся положении можно лишь отметить целый ряд самых разнообразных мнений и настроений, какие вообще проявились в печати и общественных кругах. У студенчества в настоящее время своего особого мнения не существует. Но особых симпатий к тому разрешению этих вопросов, которое дают революционные партии, не заметно. Разве только поставленный левыми вопрос о мире вызывает к себе, в силу известного утомления тяжелыми условиями жизни, некоторые симпатии и в широких кругах. Сильно волнуют распространяющиеся в студенчестве слухи о призыве IV курса, о всеобщей мобилизации. Здесь можно отметить, как общее явление, некоторую боязнь призыва, нежелание итти в войска, но нежелание чисто пассивное, а какого-либо активного проявления этих настроений, в случае призыва, ожидать, конечно, не приходится.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом об отношении к правительству. Та систематическая агитация в пользу политического переворота, которую усиленно ведут не только революционные, но и умеренно-либеральные партии, не могла, конечно, не отразиться и на настроениях студенческой массы. И этот вопрос для большинства решается в том смысле, что переворот необходим и неизбежен. Когда он будет,—теперь или по окончании войны,— этот вопрос решается разно, но те общественные организации, которые противопоставляют себя правительству и «готовы заменить его» (городской и земский союз, военно-промышл. комит. и др.), пользуются общим сочувствием. В связи с этим заметен также некоторый интерес к настроениям рабочих, в частности к такой организации, как рабочая группа при центральном военно-промышленном комитете.

Характерно, что в университете даже на практических занятиях у профессора Чистякова, не пользующегося симпатиями левого студенчества, как назначенного и правого, предполагается доклад об участии рабочей группы в рабочем движении. Но все это не выходит пока из рамок настроения и интереса только. Каких-либо реальных проявлений этого сочувствия общественным организациям со стороны студенчества пока не заметно. Много студентов служит, правда, в этих общественных организациях, но к тому толкает их исключительно необходимость заработка.

Необходимо, однако, учесть, что переживаемый страной продовольственный кризис весьма заметно отражается на настроениях

широких масс студенчества, являясь сильным стимулом к повышению его революционного настроения. И при дальнейшем обострении продовольственного вопроса можно ожидать, что пассивное теперь настроение широких масс студенчества свободно может смениться какими-либо активными революционными действиями.

Такова та обстановка, в которой оказались сейчас революционные группы студенчества. Состав их, в связи отчасти с предшествовавшими ликвидациями, отчасти с призывом в войска, значительно поредел. Группы социал-демократов и социалистов-революционеров по отдельным учебным заведениям только сейчас начинают организовываться. У социалистов-революционеров притока новых сил не заметно пока; уцелевшие работники настроены весьма пессимистически. Социал-демократы большевики понемногу оправляются после последней ликвидации, создают фракции по отдельным учебным заведениям (наиболее многочисленные в женских учебных заведениях — Медицинский институт, курсы Лесгафта) и возобновляют деятельность Объедин. Комит. соц.-демократических фракций высших учебных заведений. Главная задача их сводится к подготовке из студенчества кадров «партийных работников». Социал-демократы меньшевики группируются главным образом вокруг журнала «Живая Сила». Их главная задача — обслуживание легальных рабочих организаций, в частности рабочей группы при центральном военно-промышленном комитете, а также рабочих журналов («Путь», «Страхование Рабочих», «Голос Металлиста»), а на-ряду с этим и пропаганда теоретических основ марксизма, для чего используются легальные экономические кружки, существующие при ряде учебных заведений, и журнал «Живая Сила». В издании журнала социал-демократы меньшевики работают совместно с социал-революционерами, а в работе в экономических кружках — совместно с большевиками. Таким образом, форма работы носит нефракционный характер. Для координации работы в экономических кружках проводится создание особого бюро, состоящего из представителей отдельных кружков, на обязанности которого будет лежать обмен докладчиками, выработка программы занятий, открытие специальных кружков и курсов по подготовке страховых, профессиональных и пр. работников.

По отношению к войне организованные революционные круги студенчества резко разделяются на два лагеря: «интернационалистов» и «оборонцев», при чем последнее направление имеет сторонников главным образом среди меньшевиков, в других же кругах особым сочувствием не пользуется. Например, № 1—2—3 журнала «Живая Сила», носящий явно «оборонческий» характер, был встречен революционными кругами студенчества очень враждебно, и в Москве возникло даже намерение издавать другой—«интернационалистический» орган, в противовес журналу «Живая Сила». Для выяснения отношений студенчества к войне предполагается использовать вышеуказанные легальные экономические кружки, для чего при психо-неврологическом ин-

ституте открывается особый семинарий — «о войне», а при университетском экономическом кружке выделяется секция по изучению империализма. Кроме того, на страницах «Живой Силы» возможно выступление не только «оборонцев», но и «интернационалистов».

Несмотря, однако, на резкие разногласия в вопросе отношения к войне, имеются общие моменты, разделяемые всеми революционными течениями в студенчестве. Это — отношение к правительству. И «оборонцы» и «интернационалисты» одинаково считают необходимым немедленный политический переворот, для проведения которого необходимо направить все усилия к организации пролетариата и демократии. При этом большевики направляют все усилия к созданию нелегальной организации, около которой и могли бы быть сосредоточены все большевистские студенческие элементы, а меньшевики считают необходимым использовать все легальные возможности, поэтому меньшевистские студенческие элементы направляются, как указано выше, в легальные рабочие организации. Всеми течениями разделяется также одинаковый взгляд на работу среди студенчества. Цель этой работы — исключительно подготовка интеллигентных партийных работников (для нелегальных организаций,— по мнению большевиков; для всех видов рабочего движения, и легальных в особенности, — по мнению меньшевиков). Работа же среди широких масс студенчества, подготовка широких студенческих выступлений и т. п. считается пока нецелесообразной, в виду отмеченной уже распыленности и пассивности студенчества. Главное внимание направляется на кружки легальные и нелегальные и издание журнала.

IV. Анархисты.

Совершенно обособленно от упомянутых выше революционных организаций стоит местная группа анархистов, каковую составляют три автономных организации: в Выборгском, Нарвском и Московском районах, и, кроме того, в начале текущего октября месяца отмечены попытки организовать в Озерках четвертую группу объединенных анархистов и синдикалистов. Наибольший процент состава анархических групп дают солдаты-дезертиры, а равно и нелегальные, уклоняющиеся от воинской повинности. Сознавая тяжесть грозящего им за дезертирство наказания, вплоть до смертной казни, голодая и ведя бродячий образ жизни, означенный элемент легко подпадает влиянию злонамеренных агитаторов и, соблазняясь даровой жизнью на средства организации, охотно вступают в анархические группы, являясь готовыми и послушными исполнителями руководителей анархического движения. Означенное благоприятное обстоятельство было последними использовано настолько, что в Выборгском районе представилось возможным создать, кроме районной, еще автономную боевую группу анархистов, сорганизованную исключительно для совершения экспро-

приаций. Означенная группа, в виду ее опасности, была ликвидирована в ночь с 16 на 17 сентября сего года.

Деятельность анархистов является весьма опасной для общественной безопасности и порядка, так как всецело направлена к возбуждению широких масс на активные выступления в расчете создать беспорядки и добиться этим путем скорейшего заключения мира с нашими внешними врагами. В этих же целях анархисты постановили организовать систематический террор против представителей правительственной власти, начиная с низших чинов полиции до самых высших иерархических ступеней. Не встречая со стороны верхов остальных революционных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров идейной поддержки в проведении террора и чувствуя вследствие арестов недостаточность своих сил, анархисты для осуществления своих террористических намерений предполагают установить связь с провинциальными анархическими группами в г.г. Москве, Туле, Брянске (Орловской губ.), Харькове, Екатеринославе и Баку.

Переходя к общей оценке действительного положения вещей, надлежит отметить наличность крайне нервно повышенного настроения как среди политически сорганизованных элементов, так равно и среди широких кругов неорганизованных масс, являющегося следствием ненормального уклада экономических условий жизни и представляющего весьма благоприятную почву для всякого рода противоправительственных и чисто революционных начинаний.

Эта крайняя степень нервной повышенности масс достигла ныне столь высокого напряжения, что ограничение одними лишь мерами административного воздействия розыскных, полицейских и иных органов власти не может служить достаточной гарантией и давать полную уверенность в возможности сохранения означенными мерами общественного спокойствия и порядка и на будущее время.

Правильность изложенных выводов более чем характерно подтверждается обстановкой текущих волнений среди рабочих кругов столицы: планомерным внутренним освещением и систематическими арестами деятельность местных подпольных революционных организаций в сильнейшей степени дезорганизована и ослаблена. Сами руководители подполья определенно признают настоящее забастовочное выступление рабочих несвоевременным и лишь распыляющим накопление революционной энергии, что указывает на стихийное возникновение текущей стачки помимо прямых директив и призывов подполья; однако, несмотря на все это, забастовка все-таки вспыхнула по чисто случайным поводам и грозила даже одно время принять исключительно крупные размеры, вне всякой зависимости от той или иной степени воздействия административной власти.

Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 г.г.

Печатаемые ниже документы, взятые из дел генерального штаба, ставки верховного главнокомандующего и тыловых учреждений Юго-Западного фронта, представляют большую историческую ценность.

После полосы военных неудач царского правительства в конце 1915 года стало явственно ощущаться глухое брожение в самой толще солдатской массы, при чем объекты недовольства последовательно изменялись и обобщались в сознании солдат: сначала чечевица, потом служба вообще, потом война и вместе со всем этим стоявшее поперек всех дорог для пробуждающегося солдатского сознания — начальство.

Попытки командования армиями бороться с недовольством солдат и упадочными настроениями молодого офицерства до поры до времени оставались на уровне интендантской кладовой: панацеей от в с е х з о л было признано улучшение качества... чечевицы.

Одна резолюция на военно-цензурном отчете о настроениях солдат, где приводились и выдержки перлюстрированных солдатских писем, гласит, что вся беда в неумении варить чечевицу. Резолюция рекомендует ввести это «блюдо» в офицерских столовых, во избежание дальнейших нареканий.

Действительные настроения «нижних чинов» оставались недосягаемыми для командного состава армии вплоть до февральских событий. «Письмо с фронта», перехваченное с некоторым, видимо, запозданием департаментом полиции и доставленное в ставку, было полной неожиданностью для всех и породило самые противоречивые тенденции в среде руководителей управления армией.

«Письмо с фронта», подписанное невыясненным пока автором, представляет стройную, продуманную программу вооруженного восстания армии в случае неудачного исхода войны.

Основные моменты «письма» сводятся к следующему:

1) Конец войны связан с большими революционными потрясениями, подобно 1905 году. В то же время существенно должна измениться роль армии по отношению к восставшим рабочим и крестьянским массам.

2) Армия уже не будет орудием в руках царской реакции. Вся огромная масса солдат на фронте и в тылу насквозь пропитана революционными настроениями и, при надлежащей работе партийных сил, может стать реальной опорой революции.

3) Необходимо общими силами всех революционных партий добиться того, чтобы революционное движение солдатских масс не остановилось на уровне разрозненных вспышек и бунтов, а выросло в организованное всеобщее вооруженное выступление против реакции.

4) Необходимо держать курс не на «офицерское руководство солдатской революцией», а на подлинную солдатскую революцию. Кадры революционных командиров выделит сама солдатская масса. Участие в движении офицерства должно строго измеряться действительной преданностью его делу революции.

Характер и содержание «письма» сильно встревожили как правительство, так и ставку. Военный министр Беляев в обращении к ген. Ромейко-Гурко подчеркивает возможность ознакомления с опасным документом «войсковых начальников, однако, не ниже командиров ополченческих корпусов и начальников запасных бригад» (для внутренних военных округов).

Ставка отнеслась со всей серьезностью к задаче борьбы с опасностью революции. Методы репрессий были оставлены в стороне. Вр. и. д. начальника штаба верх. главнокомандующего ген. Клембовский обратился к главнокомандующим фронтами с большой программой практических мероприятий, призванных локализовать угрожающую опасность.

Беглый обзор этих мероприятий показывает, что, вместо картечи и военно-полевых судов, высшее командование старалось мобилизовать весь арсенал л о г и ч е с к и х д о в о д о в.

Все пункты этой программы отражают неизбежность революции, неотвратимость ее, так как дело идет уже не о том, что солдат могут коснуться «тлетворные идеи», а о том, что на почве проникновения в армию этих идей (отрицание монархии, равенство чинов, пораженчество) уже идет полным ходом распадение армии на мельчайшие части.

«Дело армии — защита родины, а не политика», — говорит Клембовский и рекомендует офицерству и войсковому духовенству наладить монархическую агитпропработу среди солдат. Впрочем, одновременно признается целесообразным подкреплять словесную аргументацию «тщательным извлечением неблагонадежного элемента из рядов армии».

Против системы «политического просвещения» солдат высказался главнокомандующий северным фронтом ген. Рузский. Он выдвинул ряд соображений, в которых сквозит и боязнь прикосновения армии к политике и самоутешение старыми иллюзиями: сознания, якобы, солдатами долга и т. п.

Главным же доказательством нецелесообразности проекта Клембовского Рузский считал отсутствие в армии исполнителей для организации нужной политработы. «Неясная мысль, неосторожное слово, подвергнутое впоследствии критике в солдатской среде, могут произвести совершенно обратное действие»... «Офицер из нижних чинов и зеленой молодежи также для таких бесед не пригоден, а среди офицеров запаса могут найтись и такие, которые эти беседы постараются направить в нежелательную сторону».

Дальнейший ход переписки по поводу перехваченного департаментом полиции «письма с фронта» нам неизвестен.

Те документы, которые приводятся здесь, позволяют сделать следующие выводы:

Революционная пропаганда в армии накануне февральского переворота имела глубокие корни в недовольстве солдатских масс войной и всей системой существующего управления и власти. Царское правительство пыталось помешать консолидации партийных сил в армии контр-программой политического воздействия на армию в лице младшего офицерства и «передовых» (служебно-устойчивых) солдат. Чем ближе в поле

зрения представителей власти стояли тогдашние массы, тем яснее и конкретнее в официальных документах сказывалось сознание неизбежности и неотвратимости революции. Дальнейшая история царской армии и революции подтвердила основное положение «письма»: «революционная армия есть прежде всего солдатская армия». Участие армии в наступающей революции тесно связано было с солдатской революцией в армии.

Иосиф Гелис.

1.

«Письмо с фронта» [1]).

Восстание армии.

Скоро или не очень скоро, но конец войны несомненно приближается. А вместе с ним в очередь дня перед всеми народами России встает грандиозная задача своего освобождения. А перед революционными и социалистическими партиями встает обязанность подготовиться к предстоящей революционной борьбе, организовать все революционные силы, объединить их, наметить лозунги и тактику, которые привели бы народ к полной победе. И если по вопросу о войне среди революционных и социалистических партий имелись очень серьезные разногласия, то перед лицом грядущего освобождения, мне думается, в революционных кругах царит известное единогласие. Только путем революции, и притом полной, а не частичной, как было в 1905 г., победы революции, народ добьется для себя настоящей свободы. Но полная победа революции возможна только путем победоносного всенародного восстания. Это несомненно. А в период ликвидации войны это восстание может опереться лишь на революционное восстание армии, которое одно может дать и сохранить для революции достаточную и прочную вооруженную силу. Цель настоящего письма — поделиться со всеми партийными единомышленниками, от которых автор совершенно оторван по условиям военной службы, а также с другими революционерами, в особенности же с теми, которые находятся в армии, — поделиться своими впечатлениями и соображениями о колоссальных организационных и других затруднениях, связанных с восстанием армии, а также высказать свои взгляды и на разрешение этих затруднений. Если письмо послужит материалом для обсуждения и разрешения затронутых в нем вопросов, хотя бы и не в той форме, как в нем предлагается, автор будет считать свою цель вполне достигнутой.

I. Предпосылки и элементы восстания армии.

За войной последуют народные волнения,—в этом почти никто не сомневается. Рабочие и крестьянские «беспорядки» по очень многим

[1]) Военно-Исторический архив. Дело № 177—291. Революционная пропаганда за 1917 г., л.л. 2—9.

причинам, о которых здесь не место распространяться, — неизбежны. Этого одни радостно ожидают, а другие панически боятся, но для всех это несомненно. Для подавления этих «беспорядков» правительство будет нуждаться в вооруженной силе. Где оно ее найдет? Все наблюдения, какие автор вынес из своих скитаний по запасным батальонам и по фронту, говорят за то, что такой силы у правительства может не оказаться. Армия и в тылу и в особенности на фронте полна элементами, из которых одни способны стать активною силою восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий; но при достаточной организованности первых едва ли в армии найдутся в достаточном количестве элементы, способные стать активной контрреволюционной силой правительства. Вооруженный народ, стоящий теперь в окопах и в тылу, пропитан насквозь массою революционных элементов, — сознательных крестьян и рабочих, — к которым надо прибавить еще десятки тысяч солдат угнетенных национальностей, а кроме того, десятки тысяч солдат, уже обиженных правительством в эту войну за то, что они не вынесли всех ужасов современного военного режима: перед многими из них уже стоит призрак правительственного возмездия. Весь этот революционный элемент надо спаять для того, чтобы поднять знамя солдатского восстания. Спайкой должны послужить отдельные солдатские волнения и мятежи. Уже в период ликвидации японской войны солдатские бунты вспыхнули яркой полосой. Ныне они тем более неизбежны. Неизбежны в тылу, на почве отказа выступить в позорной роли усмирителей; неизбежны на фронте, на почве затруднений демобилизации и целого ряда самых разнообразных местных конфликтов, распространяться о которых здесь не приходится. Настоятельнейшей и существеннейшей задачей всех революционных элементов армии в этих беспорядках, бунтах и мятежах является: найти самих себя, организоваться, стать руководящей силой движения и перевести все местные разрозненные вспышки в одно общее восстание армии, указав восстанию определенную конечную цель, вполне продуманную стратегию и тактику и надлежащие организационные формы. Если эта задача не будет своевременно и надлежаще выполнена, если революционная армия и после войны не пойдет дальше разрозненных стихийных вспышек, бунтов и мятежей, то, быть может, на долгие годы закатится перед Россией заря победоносной революции.

II. Цель и лозунги восстания армии.

Цель восстания армии ясна и понятна: путем полной победы революции обеспечить народу возможность всецело распорядиться своею собственной судьбой и совершенно свободно организовать свой новый политический и социальный строй после этой кошмарнейшей из войн, в корне подорвавшей весь народный организм. Эта всенародная цель восстания определяет собою и те лозунги, под которыми должно быть

поднято знамя восстания. Лозунги эти должны объединить весь революционный народ. Такими лозунгами являются:

1) Всенародное Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, религии и национальности, как орган, который окончательно и полновластно определит волю народа в разрешении вопроса, как ему организовать свой политический и социальный строй и вооруженную охрану своих прав.

2) Земля и воля. Земля — в смысле получения крестьянами основного средства их существования — земли, путем конфискации помещичьих земель. Воля — в смысле полной политической свободы народа.

3) Восьмичасовой рабочий день, — как существенное и безусловное требование охраны жизни и охраны рабочего и как символ широкого и всестороннего законодательства по охране труда во всех его формах.

4) Равноправие национальностей.

5) Демократическая республика,— этот лозунг я тоже считаю при настоящих условиях всенародным, ибо за время войны враждебный народу характер монархии выяснился настолько, что восстанию за свободу [?] и народ неизбежно увидит в монархии своего первейшего и злейшего врага.

По поводу указанных лозунгов восстания армии считаю необходимым пояснить следующее:

1) Если бы, паче ожидания, оказалось, что лозунг «демократическая республика» порождает серьезное междоусобие в единой революционной армии, то его можно было бы снять и отвести в разряд частных лозунгов (см. ниже), которые будут вынесены отдельными группами и партиями на суд всенародного Учредительного Собрания, решающего, между прочим, вопрос о форме правления.

2) Под частными лозунгами я разумею такие политические и социальные требования отдельных классов и партий, которые не могут объединить за собой всю революционную армию. Отдельные революционные элементы армии могут выставлять эти требования на своих знаменах, пропагандировать и отстаивать их в армии и вообще в народе во все время революции, в частности в период восстания, так что единство восстания совершенно не требует сворачивания своих классовых и партийных знамен. М а л о т о г о, с о з ы в У ч р е д и т е л ь н о г о С о б р а н и я даже предполагает страстную борьбу за осуществление этих частных лозунгов, но знамя восстания армии должно быть едино и всенародно, на нем должны быть написаны лишь единые и всенародные требования, на которых договорились поднявшие восстание народные массы. В таком именно виде я представляю себе осуществление известной социал-демократической формулы: «порознь итти, а вместе бить», в решающий период всенародного восстания, требующий особенного напряжения и единения всех революционных сил.

III. Стратегия и тактика восстания армии.

Стратегические задачи армии мне представляются в следующем виде:

1) Создать для революции и для страны постоянную вооруженную армию, действующую впредь до того момента, когда Учредительное Собрание окончательно определит организацию вооруженных сил страны.

2) Создать для той же цели, а также, в первое время, для захвата революционной власти и борьбы с контр-революционными силами на местах местные революционные отряды и органы местного революционного управления.

3) Произвести революционную демобилизацию армии.

Тактическое осуществление этих стратегических задач может быть представлено в следующем виде:

1) На фронте восставший полк (артилл. бриг. и пр.), подняв восстание под вышеуказанными лозунгами, прежде всего отбирает из своей среды людей, изъявляющих желание стать на службу революционной армии. Из этих людей образуется революционный полк (артилл. бриг. и пр.), который захватывает в свои руки все средства вооружения, бывшие в распоряжении полка. Остальные солдаты, отказавшиеся продолжать службу в революционной армии, подлежат обезоружению и немедленной демобилизации. Таким образом, из царского полка (бриг. артилл. и пр.) военного времени, численностью до 4-х тысяч человек, образуется революционный полк (артилл. бриг. и пр.) того же наименования, численностью, скажем, в 1000—800—500 человек, но захвативший в свои руки всю материальную часть: вооружение, интендантское имущество и пр. А из царской армии, скажем, в 4.000.000 человек образуется революционная армия в 500.000 человек (я считаю, что эта цифра будет минимальной), но сосредоточившая в своих руках все средства вооружения и пр. Эта революционная армия и должна нести свою революционную военную службу до того времени, когда, как сказано выше, Учредительное Собрание определит постоянную организацию вооруженных сил страны. Само собою разумеется, эта служба революции налагает на революционный народ обязанность содержания этой армии, в частности, содержание революционного солдата должно быть по сравнению с нынешним царским «жалованием» во много раз увеличено, разумеется, в зависимости от состояния революционных средств, но, во всяком случае, в несколько десятков раз больше нынешнего.

2) Служба революционной армии заключается в следующем:

а) Она должна подавить все контр-революционные попытки на фронте и окончательно организовать самое себя.

б) Она должна произвести возможно быструю демобилизацию остального войска, не вступившего в ряды революционной армии.

в) Она должна двинуться на борьбу с организованной внутри страны контр-революционной армией, буде правительству (что мало

вероятно) удастся собрать таковую и буде революционный народ и местные революционные войска сами с нею не справятся.

г) Закончив победоносно гражданскую войну с контр-революционными силами, революционная армия должна поступить в распоряжение организованного к тому времени восставшим народом временного революционного правительства, нести обычную гарнизонную службу и быть готовой каждую минуту обратить оружие против всякого посягательства на полновластное учредительное творчество освобожденного народа. Служба эта, как сказано выше, продолжается до тех пор, пока Учредительное Собрание не определит окончательно организацию вооруженных сил страны.

3) Дислокация революционной армии, по завершении ею чисто боевых задач борьбы с контр-революционными силами, представляется мне таким образом: все революционное войско будет разделено на несколько армий, которые расположатся в крупных политических центрах страны и в их окрестностях (Петроград, Москва), а также в крупных областных центрах тех областей, которые требуют автономии (Киев, Варшава, Вильно,—если эти города будут в России,—Рига, Тифлис и пр.). Одновременно с дислокацией должна быть, по моему мнению, произведена разборка личного состава по армиям по территориальному принципу так, что образуются армии: Петроградская, Московская, Киевская, Варшавская, Виленская, Рижская, Тифлисская и пр., укомплектовываемые местными уроженцами.

4) В тылу революционная мобилизация должна захватить все тыловые части, в первую очередь запасные батальоны, и должна состоять в том же процессе, что и на фронте: вербовка кадров революционных батальонов из активных революционных элементов и демобилизация остальных.

5) Служба местных революционных батальонов должна заключачаться в следующем:

а) Они должны подавить все контр-революционные попытки на местах и окончательно организовать себя.

б) Они должны произвести возможно быструю демобилизацию всех солдат батальона, отказавшихся поступить на революционную службу.

в) Они должны организовать местное воинское управление (взамен нынешних уездных воинских начальников). Через эти местные революционные воинские управления должны проходить и приниматься на учет воинские чины, демобилизуемые с фронта и из тыловых частей. Учет необходим как в целях постоянной будущей организации вооруженных сил страны, так и для обратной мобилизации с тылу на революционную Россию, возобновив войну.

г) Они должны помочь местным революционным силам овладеть местным самоуправлением и создать временные органы революционной власти на местах, по организации каковых местные батальоны явятся вооруженною силою этих органов.

IV. Вопросы организационные.

Формы организации, прежде и важнее всего, будут зависеть от форм восстания, но уже теперь считаю своевременным отметить и предложить на обсуждение следующее:

1) Вопрос о командном составе. Мои личные наблюдения привели меня к следующим выводам: а) Оставшееся в живых кадровое офицерство действительной службы, за очень немногим, быть может, исключением, не пойдет на революционную службу. Что касается офицеров, произведенных во время войны и взятых из запаса, то здесь можно отметить три главных группы школ прапорщиков и отчасти военных училищ. Это в большинстве случаев зеленая молодежь, увлекшаяся, к сожалению, тоже в большинстве случаев прелестями офицерского мундира, который в мирное время для нее был недоступен. Правда, это по происхождению в большинстве случаев подлинная демократия, но, к сожалению, ранее указанное обстоятельство в корне подрывает надежду, что из этой массы могут выйти комплектные ряды революционного офицерства, охваченного революционным энтузиазмом и способного к активной революционной службе. б) Прапорщики запаса — люди, пошедшие на войну в большинстве случаев из устроенных себе в жизни мест и положений, многие семейные; в этой группе контрреволюция не найдет себе верных слуг, но и революция едва ли получит большое количество активных людей. Да простят мне такую оценку те представители этих двух групп, которые составляют в них счастливое исключение, но все-таки исключение! в) Студенты, массами призванные этим летом в военные училища. Я не знаю этого элемента; помню, что во время встречи с одним социал-демократическим деятелем я настойчиво проводил ему мысль о необходимости мобилизации этих сил еще во время прохождения ими военных училищ. Что из этого вышло и какими они явятся в армии, не могу сказать.

Вывод — революционная армия есть прежде всего солдатская армия. Время офицерских заговоров в стиле декабристов прошло. Солдатская армия из своей же среды должна выделить свой командный состав. К счастью, в рядах нижних чинов имеется вполне достаточное количество лиц, по своему интеллекту, тактическим во время войны навыкам и революционной убежденности и настойчивости могущих в любую минуту стать революционными офицерами и принять командование. Нынешние же офицеры принимаются в командный состав революционной армии лишь в случае их прочной преданности делу революции.

2) Исходя из изложенного, мне представляется наиболее целесообразным создать организации революционной армии на выборных и коллегиальных началах. Роты, батареи и пр. выбирают ротные и пр. комитеты из определенного числа лиц, в том числе ротного командира и ротного делегата. Оба последние входят в полковые комитеты, которые выбирают полкового командира и полкового делегата. На таких же

началах строится дивизионный, корпусной комитет и т. д. Два представителя (командир и делегат) необходимы для того, чтобы интересы тактического командования не подрывали прочности и планомерности организационной работы, и обратно. Излишне, думается, добавлять, что гласность и информация низов относительно работы верхов есть существеннейшая предпосылка успеха работы.

Письмо затянулось. Надо кончить. Хочется сказать лишь несколько слов тем из социалистических деятелей, которые когда-то (а может быть, и теперь) склонны были не итти в организации восстания дальше рассуждений на тему о «восстании-процессе» и «организации-процессе», считая все остальное «бланкизмом» и пр. Уважаемые товарищи, «восстание-процесс» идет по всему лицу российской армии и выражается в том глухом недовольстве, которое вырастает везде и отовсюду. Но именно у наиболее активных из «восставших» убивается революционная энергия и подавляется революционное творчество от сознания, что нет единства, организованности, плана, конечной цели восстания, что благодаря этому отдельные вспышки, бунты, мятежи, — первая стадия «восстания-процесса», — могут быть в корне подавлены врагом, действующим во всеоружии организованности и планомерности, — подавлены той силой, которая именно благодаря своей организованности и планомерности смогла угнать на эту кровавую бойню сотни тысяч сознательных крестьян и рабочих. Вот почему автор считает обсуждение целей, лозунгов, стратегических и тактических задач организованных форм восстания армии крайне насущным делом сегодняшнего дня,— делом, которое может спаять все революционные силы армии и двинуть их на борьбу в твердой уверенности, что с помощью восставшей армии восставшему народу нетрудно будет смести дотла всю ту мерзость, которая теперь царствует и хозяйничает в России.

П. Шаров.

Июнь 1916 г.
Действующая армия.

2.

Обращение военного министра Беляева к вр. и. д. наштверха ген. Ромейко-Гурко от 16 января 1917 г. № 501 [1]).

Совершенно секретно.

Милостивый государь
Василий Иосифович.

Препровождая для сведения вашего высокопревосходительства копию доставленного департаментом полиции и появившегося в революционных кругах «Письма с фронта» невыясненного пока автора, на случай, если означенное письмо вам еще неизвестно, имею честь поставить вас в известность, что, по моему мнению, содержание назван-

[1]) Военно-Исторический Архив. Дело № 177—291 «Революционая пропаганда» за 1917 год, л. 1.

ного письма, в связи с некоторыми другими сведениями, свидетельствует во всяком случае о том, что революционные элементы уже приступили или, по крайней мере, приступают к использованию настоящего положения государства для планомерной организации в армии всех тех ненадежных ее элементов, кои не могли, конечно, не проникнуть в ряды ее при массовых призывах всего военнообязанного мужского населения страны.

В виду сего, мною преподаны командующим войсками внутренних округов указания о необходимости теперь же, всеми зависящими от нас средствами, парализовать в зародыше эту преступную работу в армии революционных элементов, с каковой целью я предложил ознакомить с содержанием означенного письма старших войсковых начальников, однако, не ниже командиров ополченческих корпусов и начальников запасных бригад, так как при более широком распространении названного письма едва ли можно рассчитывать на сохранение в полнейшей тайне его содержания.

Если ваше высокопревосходительство признаете необходимым ознакомить с содержанием вышеупомянутого письма старших начальников действующей армии, то потребное для сего количество экземпляров такового, например, по числу армий и корпусов, могло бы быть препровождено в штаб верховного главнокомандующего главным управлением генерального штаба.

В ожидании уведомления о последующем, прошу принять уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

М. Беляев.

3.

Отношение вр. и. д. начальника штаба верх. главнокомандующего главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта от 10 февраля 1917 г. № 1294 [1]).

К о п и я.

Совершенно секретно, в собственные руки.

Главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта.

Военный министр при письме от 16 января сего года за № 5015 препроводил копию доставленного департаментом полиции и появившегося в революционных кругах «Письма с фронта» неизвестного автора.

Прилагая при сем наиболее характерные выдержки из этого письма, позволяю себе обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что, как видно из рассмотрения этого письма, революционные элементы приступают, а может быть, уже и приступили, к организации своих сил для вооруженного восстания в конце кампании.

Меры для борьбы с преступною пропагандою во внутренних округах империи частью уже приняты, а частью намечаются к проведению в жизнь.

[1]) Военно-Исторический Архив. Дело № 226—540 канц. глави. нач. снаб. армий Юго-Зап. фронта за 1917 г. «О внутреннем порядке», л. 196.

Что же касается борьбы с революционными организациями и пропагандой в частях и учреждениях действующей армии, то я полагал бы желательным и неотложным проведение в жизнь в первую очередь нижеследующих мероприятий:

1) Организовать в войсковых частях и учреждениях планомерную борьбу с революционными идеями для подавления в зародыше грозного процесса упадка дисциплины в войсках и революционизирования войсковых чинов путем:

а) бесед командиров частей с младшими офицерами,

б) проповедей войсковых священников,

в) бесед офицеров с нижними чинами, преимущественно с унтер-офицерами и наиболее развитыми рядовыми.

Темами для таковых бесед могли бы послужить нижеследующие основные мысли и отправные положения.

а) Революция в России прежде всего сыграет в руку нашим врагам, уничтожит плоды победоносной кампании, разорит Россию непомерными налогами для уплаты контрибуции и колоссально увеличит дороговизну жизни.

б) Дело армии — защита родины, а не политика. Вооруженные политиканы — источник кровавых междоусобий, а не залог порядка в стране.

в) История нас учит, что революционеры, захватив власть, не исполняют своих широковещательных обещаний, преследуют лишь свои эгоистические интересы, а народные массы, наиболее пострадавшие от смуты, продолжают жить далеко не попрежнему, мелкому люду становится неизмеримо труднее от увеличения налогов и вздорожания жизни, являющихся результатом кровавых потрясений в государстве.

г) Разрушение налаженного государственного порядка, не давая быстро нового уклада жизни в стране, произведет смятение в народной жизни, разрушит весь хозяйственный строй и надолго остановит прогресс России, отбросив нас к временам беззакония, господства дикого насилия, кровавых бунтов и повсеместного разбоя.

Национальная культура, национальные сокровища и духовные ценности погибнут под ударами опьянелых от безответственности темных, невежественных масс и вернут нас к эпохе Смутного времени в истории России.

д) Характеристика революционных вожаков и краснобаев, как людей слова, а не дела, как эгоистов, стремящихся под личиною высоких идей устроить свои классовые и личные дела, захватив власть в свои руки.

е) Перспектива иностранного вмешательства и вторжения в случае ослабления центральной власти; отпадение окраин, а может быть, и раздел России.

ж) Торжество евреев, поставляющих в эту войну многочисленных шпионов противнику.

з) Требование для России республиканского строя является абсурдом. Доказывать наглядно, что Россия создана монархией, а республика может ее только разрушить.

и) С революцией в России исчезнут деньги; иностранные банкиры не дадут денег революционерам.

к) Подчеркивать правительственные заботы о благополучии солдатских семей, о призрении пострадавших в эту войну и помощи семьям убитых и пр.

2) Теперь же приступить к тщательному извлечению из рядов армии наиболее ненадежного элемента среди офицеров и нижних чинов.

3) Указать высшим начальствующим лицам: командирам корпусов, начальникам дивизий, на необходимость стать возможно ближе к офицерскому составу вверенных им частей, большая часть которого в настоящее время, вследствие условий своего комплектования, нуждается в неослабном руководительстве опытных старших начальников.

4) Безусловно необходимо, чтобы высшие начальствующие лица, стоящие близко к войскам, не ограничились в борьбе с революционной пропагандой отдачею одних распоряжений общего характера, но поверяли успешность их применения на месте в той или иной войсковой части.

Перечисленное здесь является лишь схемой необходимых мероприятий, направленных к борьбе с революционной пропагандой; все же по этому вопросу указания должны, конечно, быть даны по указанию вашего высокопревосходительства.

Приложение: выдержки из письма.

Подлинное подписали:

Генерал-от-инфантерии *Клембовский* и штаб-офицер для делопроизводства и поручений подполковник [подписи нет].

С подлинным верно:

Начальник контр-разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта подполковник *Иванов*.

4.

Отношение главнокомандующего Северным фронтом ген. Рузского на имя вр. и. д. начальника штаба верх. главнокомандующего ген. Гурко от 19 февраля 1917 г. № 1666 [1]).

Совершенно секретно.
В собственные руки.

Милостивый государь
Василий Иосифович.

Вследствие отношения ко мне генерала-от-инфантерии Клембовского от 10 февраля сего года за № 1294 мною, одновременно с сим,

[1]) Военно-Исторический Архив. Дело № 177—291 «Революционная пропаганда» за 1917 г., л. 70.

даны указания о принятии ряда мероприятий для устранения возможности широкого распространения в войсках революционных идей.

Считаю, однако, долгом высказать свои крайние сомнения в отношении целесообразности рекомендованной в № 1294 организации бесед в войсках на темы политического характера по нижеследующим соображениям.

До настоящего времени в войсках строго проводился взгляд, что армия должна стоять вне политики, выполняя свой долг до конца, то-есть до полной победы над врагом. Эта идея настолько ясна и сама по себе проста, что может быть усвоена легко всяким нижним чином и проведена в жизнь каждым, даже посредственных способностей начальником. При проведении в уклад войсковой жизни указанного принципа всякая беседа о внутренней политике являлась для войск излишней, ненужной с точки зрения достижения прямых задач армии, а всякий заводящий о ней речь — вредным агитатором, осложняющим ясное по мысли солдатское дело.

Для начальника нужно было только одно — путем знания своего военного ремесла, справедливости и заботливости приобрести доверие своих подчиненных; для нижнего чина — простым сердцем уверовать в своего офицера, чтобы, глядя на него, исполнить сознательно свой долг.

При установлении таких соотношений и при борьбе, в соответствии с сим, в армии со всякой политикой, как неуместной в рядах войск, одухотворенных более общей и высокой идеей защиты родины, вполне возможна и достижима та спайка, которой достаточно для удержания армии от политических выступлений после войны.

Возможны, конечно, отдельные эксцессы, но они, несомненно, затеряются на общем фоне доверия к своим начальникам и вождям, приведшим армию путем упорной, настойчивой борьбы к желанной победе над врагом.

Я не хочу сказать этим, чтобы та спайка, которая отмечена выше, пришла сама собою; несомненно, она требует целого ряда мероприятий и, прежде всего, огромной работы начальников над собой, но работы в плоскости, привычной этим начальникам и входящей в круг их прямых обязанностей и навыков.

Теперь от этих начальников требуется новая, дополнительная и крайне ответственная работа политического воспитания нижних чинов. Это такой шаг, перед осуществлением которого, несомненно, надлежит призадуматься: имеем ли мы для сего соответственных исполнителей?

Полагаю, что таких исполнителей у нас нет.

Как известно, наше офицерство в настоящее время состоит лишь из небольшого процента кадровых офицеров — доблестного, честного, преданного тому строю и идеалам, в которых оно выросло, но, конечно, мало подготовленного для широкой организации политических бесед. Неясная мысль, неосторожное слово, подвергнутые впоследствии

критике в солдатской среде, могут произвести совершенно обратное действие и даже расстроить те внутренние здоровые соотношения, которые в большинстве случаев существуют в армии между офицерами этой категории и их подчиненными. Офицер из нижних чинов и зеленой молодежи также для таких бесед непригоден, а среди офицеров запаса могут найтись и такие, которые эти беседы постараются направить в нежелательную сторону.

На основании изложенного, я не могу ожидать большой пользы от рекомендуемых в отзыве № 1294 мер по широкой постановке в войсках бесед на политические темы и, наоборот, склонен в них видеть опасность возникновения в армии более интенсивных подпольных течений и нажимов.

Равным образом мне представляется практически очень трудно осуществимой рекомендованная мера по тщательному извлечению из рядов армии наиболее ненадежного элемента среди офицеров и нижних чинов как по отсутствию возможности устроить их в тылу на таких местах, где их пропаганда могла бы быть признана менее вредной, так и потому, что такая мера может создать новый способ уклонения от службы на боевых позициях.

Я убежден в том, что армия и по настоящее время проникнута сознанием долга, горячим желанием победы и в массе до последнего времени остается чуждой вопросам внутренней политики, почему и не следует искусственно привлекать ее внимания к этим вопросам.

Решительному сдвигу в этом направлении, т.-е. в сторону пробуждения интереса к внутренней политике, может способствовать лишь увеличение и распространение пока только нарождающегося, судя по военно-цензурным отчетам, недовольства неорганизованностью и вообще состоянием глубокого тыла. Тыловую разруху солдат начинает чувствовать и на себе непосредственно и на близких ему людях.

Только вопрос снабжения армии обмундированием стоит вполне удовлетворительно. Что касается питания нижних чинов, то оно подвергается большим колебаниям, и солдату все чаще приходится встречаться с ненавистной ему чечевицей, недостатком мяса, жиров и отсутствием белого хлеба.

Расстройство железнодорожного движения чувствуется в армии также непосредственно, вследствие трудности, а подчас и невозможности воспользоваться отпуском и промедления в получении и отправке корреспонденции. При этом крайне несочувственное отношение к себе вызвала мера по оплате корреспонденции, направляемой в армию; состоявшееся же продление льготного срока, несомненно, придаст этому чувству характер более длительный и подчеркнет неустойчивость мотивов применения оплаты таких писем.

Но еще более острое чувство вызывает в армии доходящий до нее голос населения, горько жалующегося на потрясающую и неоправдываемую обстоятельствами дороговизну, полное расстройство эко-

номической жизни страны, массовые злоупотребления и беззастенчивую спекуляцию.

Простой человек во всех этих явлениях ищет измены, результатов продолжающегося немецкого засилья и влияния личных качеств отдельных непопулярных государственных деятелей.

Тяжелый кризис внутренней жизни страны, выражающийся в расстройстве продовольственной и транспортной части, — несомненно, главнейший фактор, который может в будущем отвлечь внимание армии от ее прямого дела и создать условия и течения, которые могут привести к ослаблению того общего порыва к окончанию войны путем стремления к победе, который, несомненно, до сих пор наблюдается в армии. Нельзя упускать из виду, что современная армия, заключая в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений населения России, представляет собою однородную с прочим тыловым населением массу и, естественно, отражает в себе те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее.

Таким образом, наиболее действительными мерами для сохранения здорового настроения в армии было бы скорейшее устроение тыла и восстановление более нормальных условий жизни всего населения.

Наконец, крайне необходимо уже теперь, вне зависимости от действительного времени окончания войны, приступить к разработке плана приведения армии на мирное положение. Вопрос этот крайне серьезный и вместе с тем сложный. На почве его разрешения могут возникнуть самые серьезные беспорядки, если в основу демобилизации не будут положены быстрые, справедливые и заблаговременно разработанные меры. Наоборот, скорейший планомерный роспуск и доставка к местам постоянного жительства людей, выслуживших соответственные сроки, помощь выбившимся из хозяйства или привычных условий жизни, справедливое отношение к жертвам войны и общее улучшение в укладе жизни всего населения могут внести общее успокоение в крайне опасный период демобилизации армии.

Уважающий вас, искренне преданный

И. Рузский.

Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г.

Публикуемый доклад П. Л. Барка Николаю II является последним «всеподданнейшим» докладом последнего русского министра финансов о последней государственной росписи Российской империи. От момента, когда Николай читал этот миниатюрный (сравнительно хотя бы с «объяснительной запиской», одновременно представленной при проекте росписи в законодательные учреждения, на 135 страницах) и снабженный изящными и удобными приложениями документ [1]), до начала февральских событий прошло всего каких-нибудь четверть года, ни в финансовой, ни в экономической сфере не принесших с собою ничего неожиданно нового. Более того, помету свою: «Отрадная картина» — Николай «начертал» на полях доклада в Царском Селе 21 октября 1916 года, как можно думать, под не совсем остывшим впечатлением от предшествующих четырех дней: политической общей забастовки петроградских рабочих и открытого перехода на сторону рабочих солдат 181 пехотного полка.[2]). Однако опубликование этого документа имеет не только тот смысл, что лишний раз изобличает ту граничащую с почти физической глухоту к многообразным предостережениям из окружающей действительности, в какой доживал свои дни Николай. Документ и сам по себе заслуживает известного внимания.

В некоторой мере доклад Барка, добросовестно, надо признать, выдержанный в тех же тонах, что и публичная «объяснительная записка», в самом деле, рисовал относительно «отрадную картину» государственных финансов страны. Не надобно упускать из виду, что русский бюджет со вступлением России в войну подвергся ни с чем не сравнимому испытанию: он сразу и почти начисто лишился основной своей доходной статьи— поступлений от казенной винной операции, давшей 900 миллионов в 1913 г. и всего 30 миллионов в 1915, и бюджеты 1914 и 1915 г.г. характеризовались как уменьшением их доходной части сравнительно с 1913 г., так и недоборами доходов против сметных предположений своих годов. Только к концу 1916 г. выяснилось, что этот год даст заметное увеличение доходных поступлений, сравнительно с предшествующим 1915, на 750 милл. р., и вообще приведенные в публикуемом докладе цифры свидетельствовали,

---

[1]) Кроме печатаемого здесь «перечня налоговых мероприятий» шести воюющих стран за 1914—1917 г. г., при докладе представлены были диаграммы, изображавшие движение бюджета в 1914—1917 г. г., оставленные, повидимому, царем у себя. Доклад был представлен по канцелярии министра финансов.

[2]) Забастовка началась 17 октября и окончилась 20-го. Эпизод с 181 полком имел место 19-го числа.

что финансовый аппарат совладал с последствиями отмены винной монополии и уменьшения территории страны и нашел способы остановить дальнейшее сжатие цифры доходов. Это чисто формальное достижение было неоспоримо.

Но в том-то и дело, что эта цифровая видимость бюджетного благополучия на деле не имела никакого значения, кроме формального, и доклад Барка в этом смысле представляет классический пример логически правильного упражнения над совокупностью цифровых фикций. В основе этого упражнения лежало разделение действительного бюджета страны на-двое: мирный и военный бюджеты. И все рассуждения доклада имели в виду лишь один первый, как будто речь шла не об едином живом государственном организме, а о двух бухгалтерских категориях. Между тем, р е а л ь н о такое деление ничему не соответствовало, да и не могло быть проведено до конца совершенно бесследно.

На 1917 год расходная часть в о е н н о г о бюджета определена была «не менее» чем в 15 миллиардов руб. [1]), и таким, образом, мирный бюджет, сведенный в сумме менее чем в 4 миллиарда, представлял собою лишь 20% в общем обороте страны. Расходы войны по 1 января 1917 г. исчислялись в сумме около 20 миллиардов [2]), значит, к концу этого года итог войны дал бы 35 миллиардов руб. — в 17 раз больше, чем военный итог расхода на войну русско-японскую. Доклад Барка и не мог обойти молчанием того обстоятельства, что этот колоссальный долг обеспечит дефицит в бюджете «на ряд лет» после войны, т.-е. поставит в необходимость все увеличивать и увеличивать государственный долг во имя уплаты процентов и погашения по государственному же долгу, — перспектива, злорадно выдвигавшаяся «Таймсом» еще в 1905 году [3]). Дело при этом теперь шло не только о послевоенном будущем, а и о настоящем: и в росписи на 1917 г. был дефицит в 238 миллионов, необходимых как раз на уплату процентов по займу, предстоявшему именно в этом году. Но неразрывная связанность двух параллельных бюджетов давала себя знать, разумеется, не только в указанной статье процентов по военному займу. По собственному признанию Барка, источники доходной части 4-миллиардного мирного бюджета в «большей своей части» коренились в расходной части бюджета военного, потому что расходы этого последнего производились преимущественно внутри страны и затем частью откачивались в кассы казначейства при помощи налогового аппарата [4]). При таких условиях маховое колесо финансового механизма страны, явно отрывавшееся от производительной базы, свободно могло вращаться в сфере воображаемых ценностей и их голых цифровых выражений, пока дело оставалось в стадии расчетов и предположений. В действительности страна на третий год войны не подняла 20-миллиардного бюджета 1917 г., проделав в предшествующем году опыт бюджета 14-миллиардного.

«Отрадная картина» представилась бы совершенно в другом освещении, если бы проделать над росписью двоякого рода работу: 1) вычислить давление военного бюджета и военного хозяйства на текущую экономику страны, т.-е. сопоставить цены на основные предметы потребления в данный момент с ценами, напр., 1912/13 г.г., и 2) перевести исчисления доклада на рубли довоенного времени, чтобы получить реально выраженный «мирный» бюджет, — работу, которую ничего бы не стоило произвести тогдаш-

[1]) «Объяснительная записка» к росписи на 1917 г., стр. 130.
[2]) Там же, стр. 132.
[3]) «Таймс» от 1/14 марта 1905 г.
[4]) «Объяснительная записка» к росписи на 1917 г., стр. 132.

нему аппарату министерства финансов и которая сейчас потребовала бы особого кропотливого исследования. Вместо этого Барк представил при докладе двоякого рода приложения: 1) диаграммы движения бюджетных цифр в 1914/17 г.г., только еще ярче изображавшие «отрадные» успехи налоговой политики министерства безотносительно к реальным ее результатам, и 2) сравнительные перечни налоговых мероприятий, осуществленных во время войны в шести воюющих странах, однако, без всякой попытки оценить эти данные. В настоящее время такая оценка представила бы тоже предмет любопытнейшего исследования.

Сами по себе абсолютные цифры итогов налоговых мероприятий (новые налоги и повышения ставок старых в России на 1.115 миллионов р., в Англии на 3.000 миллионов рублей и во Франции, которая позже других перешла к усиленному обложению, более чем на 400 миллионов р.) говорили мало и невнятно. Несомненно, однако, что из русского миллиарда с небольшим около 700 миллионов компенсировали лишь отпавший питейный чистый доход и что для этого в России количество вновь введенных налогов и количество налоговых повышений превосходило количество перемен в любой другой стране, т.-е. вовлекало в оборот бóльшую площадь раздражаемой социальной ткани. Далее такое исследование показало бы, что нагрузка общей суммы национального дохода, как и нагрузка каждого отдельно взятого плательщика в России оказывались в результате «податных преобразований» значительнее, чем у союзников. И, наконец, попытка выразить «мирный» бюджет 1917 г. в довоенных рублях показала бы, что и на этот год России предстоял не выросший сравнительно с 1913 г., а едва ли не вдвое суженный бюджет, при чем, однако, военная расходная часть всего бюджета в целом, поскольку в основе ее лежали займы, заключаемые на золотое исчисление, оставалась бы в неизменных поэтому вышеуказанных цифрах рублей, увеличивая гибельную для страны «мирно-военную» пропорцию тоже едва ли не вдвое.

Б. Романов.

Согласно ст. 1 высочайше утвержденных 8 марта 1906 года правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов (св. зак. т. I, ч. 1-я, изд. 1906 г.) в Государственный Совет и Государственную Думу внесен 1 сего сентября, в установленный законом срок, проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г. [1]).

По означенному проекту, предвидится доходов обыкновенных 3.998,6 милл. руб. и чрезвычайных 6 милл. р., а всего 4.004, 6 милл. руб.; расходов по обыкновенному отделу росписи назначено 3.734,6 милл. руб. и по чрезвычайному 343,2 милл. руб., а всего 4.077,8 милл. руб.

Таким образом, обыкновенные доходы исчислены на 1917 год с превышением над обыкновенными расходами в сумме 264 милл. р., чрезвычайных же ассигнований предусмотрено более ожидаемых чрезвычайных поступлений на 337,2 милл. руб., вследствие чего общий итог расходных назначений по проекту росписи превосходит сумму доходов, ожидаемых как по обыкновенному, так и по чрезвычайному

[1]) На подлинном написано рукою Николая II: «О т р а д н а я к а р т и н а». Ниже рукою Барка: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Отрадная картина». В Царском Селе. 21 октября 1916 г. П. Барк».

ее отделам на 73,2 милл. руб. С присоединением же предвидимого расхода в 165 милл. руб. на оплату процентов по предположенному к выпуску в текущем году новому военному займу означенное превышение составляет около 238 милл. руб.

Приведенные итоги проекта росписи на 1917 г., несмотря на проявленную при разработке сметных предположений необходимую при настоящих исключительных условиях осторожность в исчислении ожидаемых доходов и возможную сдержанность в определении расходных назначений, не только значительно превышают соответствующие итоги росписи текущего 1916 года, но достигают небывало крупных у нас и в обстановке мирного времени размеров.

Ожидаемый, согласно предположениям проекта росписи на наступающий год, по отделу обыкновенных доходов излишек над соответствующими исчислениями росписи 1916 года составляет 966,5 милл. р.

В наибольшей своей части прирост государственных доходов приходится на долю поступлений из налоговых источников, исчисленных в сумме 2.107,4 милл. р., более против сметных предположений 1916 года на 490,4 милл. р.

По отделу прямых налогов ожидается поступлений 566,1 милл. р., более против росписи 1916 г. на 206,4 милл. р., каковое увеличение находится в зависимости от предстоящего в 1917 году введения подоходного налога, доход от коего вместе с обложением прироста военной прибыли торгово-промышленных предприятий предположен в сумме около 185 милл. р. Доход от косвенных налогов предвидится в сумме 1.099,1 милл. р., тогда как по росписи 1916 года он исчислялся в размере 813,7 милл. р., что объясняется осуществленным в 1916 году повышением ставок ряда акцизов и введением некоторых новых видов косвенного обложения. Входящий в состав косвенных налогов таможенный доход предположен к поступлению в сумме 421,4 милл. р., в числе коих около 135 милл. р. составляют поступления пошлин с казенных грузов, ввозимых для нужд обороны страны из-за границы, а остальные 286,4 милл. р. должны поступить от частных грузов.

Доходы от пошлин включены в проект росписи на будущий год в сумме 442,2 милл. р., с некоторым уменьшением против 1916 года на 1,4 милл. р., вызванным тем, что при выработке сметных предположений предусматривалась замена с 1 января 1917 года введенного в начале войны временного налога на перевозимые по железным дорогам грузы новым постоянным тарифом. В виду предстоящего, однако, сохранения, на ряду с установлением нового тарифа, означенного налога в половинном против прежнего размере, поступление пошлин в 1917 году должно быть ожидаемо в размере бо́льшем, нежели то предусмотрено проектом росписи и сметными исчислениями на текущий год.

С значительным, по сравнению с ожиданиями росписи на 1916 год, превышением, подобно доходам из налоговых источников, включены в проект росписи на 1917 год также и предположения о поступлении

доходов от казенных имуществ и капиталов, определяемые в сумме 1.445,5 милл. руб., или более чем в текущем году на 414,7 милл. р. При этом особенно заметное возрастание — с 728,7 милл. р. до 1.028,8 милл. р., или на 300,1 милл. руб. — поступлений ожидается по доходу от казенных железных дорог, каковое увеличение обусловлено как общим развитием железнодорожного движения, в составе коего предвидится перевозок казенных воинских грузов, оплачиваемых из средств военного фонда, на сумму 200 милл. р., так и предстоящим в 1917 году введением новых тарифов, которые должны поднять доходность казенных железнодорожных линий приблизительно на 92 милл. р. Значащийся по тому же отделу казенных имуществ и капиталов лесной доход, в связи с усиленною разработкою казенных лесных угодий, внесен в проект росписи также в несколько увеличенной сумме 111,2 милл. р., более против росписи 1916 года на 15,4 милл. р., а поступления прибылей от принадлежащих казне капиталов и банковых операций, в состав коих входят отчисления в казну из получаемых Государственным банком прибылей, ожидаются в размере 208,8 милл. р.

Из других отделов проекта росписи с превышением, по сравнению с данными росписи текущего года, исчислены также поступления в возмещение расходов государственного казначейства, составляющиеся из обязательных платежей железнодорожных обществ, возврата казне ссудных капиталов и некоторых других поступлений, определяемые в сумме 142,2 милл. р., или более на 29,7 милл. р., а также доход от правительственных регалий, исчисленный в 279,5 милл. р., более против предусмотренной сметою текущего года суммы на 27,8 милл. р. Такое увеличение доходности правительственных регалий находится в зависимости от возрастания почтового, телеграфного и телефонного доходов, внесенных в проект росписи в сумме 199,7 милл. р., т.-е. с превышением против 1916 года на 34,4 милл. р., тогда как монетный доход сокращен на 4,8 милл. р., а доход от казенной винной операции, занимавший столь видное место среди обыкновенных государственных доходов и давший в 1913 г. почти 900 милл. р. валового дохода, совершенно утратил прежнее значение и включен в проект росписи всего в размере 49,6 милл. р., менее против росписи 1916 г. на 1,8 милл. р.

Поступления по прочим доходным источникам, — отчуждению государственных имуществ, выкупным платежам и доходам разного рода, — проектированы с незначительными изменениями против исчислений росписи 1916 года и достигают в общем суммы 23,9 милл. р.

Ожидаемое в 1917 году значительное увеличение доходных поступлений казны позволило, при всей сдержанности в назначении ассигнований на текущие государственные потребности, пойти навстречу удовлетворению ряда неотложных нужд государственной и народной жизни, задерживавшемуся доселе в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени. Допущенное в соответствии с этим увеличение, по сравнению с назначениями росписи 1916 года, ряда кредитов коснулось главным образом ассигнований на содержание казенных ж. д.

и улучшение железнодорожного хозяйства по сметам министерства путей сообщения, общая сумма коих, включая ассигнования на потребности и других, кроме железных дорог, видов путей сообщения, составила по проекту росписи 978,7 милл. р., или более назначений росписи текущего года на 301,8 милл. р. Далее увеличены ассигнования на усовершенствование и расширение почтово-телеграфного дела, определенные в сумме 138,8 милл. р., на 45 милл. р. выше соответствующих назначений росписи 1916 года, а также кредиты на потребности народного просвещения, исчисленные в сумме 214,2 милл. р., или на 18,6 милл. р. более предыдущего года. Возрастание расходов предвидится, засим, по сметам министерства финансов, преимущественно на выдачу разного рода пособий, вознаграждений и пенсий, всего на 27,9 милл. р. По сметам же прочих гражданских ведомств предусмотренные в 1917 г. кредиты превышают соответствующие назначения росписи текущего года в общей сумме на 55,8 милл. р.

В итоге, обыкновенные государственные расходы составляют, согласно проекту росписи, 3.734,6 милл. р., более общей суммы, ассигнованной по обыкновенному отделу расходной росписи 1916 года, на 446,7 милл. р.

Среди предусмотренных проектом росписи чрезвычайных расходов, общий итог коих составляет 343,2 милл. р., крупнейшим является ассигнование на усиление железнодорожной сети в сумме 284,2 милл. р., а также на различные потребности государственной обороны, как-то: на постройку новых артиллерийских заводов и на пополнение военных запасов, всего в сумме 54,9 милл. р.

Составленный на изъясненных основаниях проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год,— третий годичный план финансового хозяйства, вырабатываемый в течение войны, — по необходимости носит на себе, подобно росписям 1915 и 1916 г.г., печать переживаемых исключительных обстоятельств.

Но в то время как росписи предшествующих лет отражали на себе в заметной степени тяжелые последствия военных обстоятельств, проект росписи на 1917 год, опирающийся в своих предположениях на данные о состоянии в настоящее время хозяйственных сил страны, свидетельствует об огромной экономической мощи нашей родины.

Неизбежное неблагоприятное влияние условий военного времени на платежеспособность населения, временное занятие части государственной территории неприятелем и, наконец, осуществленные в начале войны меры по водворению в населении трезвости вызвали в 1914 году крупное сокращение обыкновенных доходных поступлений казны, составившее по сравнению с предыдущим годом свыше 500 милл. руб. В следующем 1915 году государственные доходы претерпели дальнейшее, хотя и не очень значительное, уменьшение. Однако, уже в текущем году обнаружился заметный прирост доходных поступлений, давший за первые 8 месяцев года превышение около 750 милл. рублей над суммою доходов за соотвествующий промежуток времени

1915 года. Сообразно с этим и поступления по обыкновенному отделу доходной части росписи могли быть повышены до огромной цифры, близкой к 4 миллиардам рублей, превосходящей на 581 милл. р. наиболее крупную доселе в истории русского финансового хозяйства сумму обыкновенных поступлений в казну за 1913 год.

Итоги эти, о коих я счастлив представить милостивому вниманию вашего императорского величества, знаменуют собою крупный успех на пути к разрешению вставшей перед финансовым управлением с самого начала войны задачи по замене огромного питейного дохода, служившего ранее одним из главных устоев русского бюджета, иными более здоровыми источниками государственных доходов, а также по восполнению того ущерба, который претерпели государственные финансы вследствие неблагоприятного влияния переживаемой военной страды.

Главным орудием, содействовавшим усиленному притоку средств в государственное казначейство, явились последовательно, с самого возникновения военных событий, осуществлявшиеся у нас меры по усилению ставок действовавших ранее налогов и введению некоторых новых видов обложения. Финансовые результаты этих мер, исчислявшиеся по росписи на 1915 год в сумме несколько более 500 милл. р., в текущем году должны предположительно составить 725 милл. р., а согласно проекту росписи на 1917 г. они ожидаются в сумме 1.075 милл. р., значительно превышая, таким образом, поступления по казенной винной операции в годы наибольшего ее развития.

Являясь новым мощным источником питания средствами государственной казны, означенные меры служили также способом возможного усовершенствования нашего податного строя на началах уравнительности и справедливости в распределении налогового бремени. Наибольшее в сем отношении значение принадлежит, бесспорно, введению государственного подоходного налога, согласно высочайше утвержденному вашим императорским величеством в 6-й день апреля 1916 года закону.

Установление общеподоходного налога, положенного ныне в основу налоговой системы большинства государств, в некоторых из коих оно является приобретением лишь недавнего времени, составит одно из знаменательных событий царствования вашего императорского величества в области устроения русского государственного хозяйства и явится прочною и надежною основою дальнейших преобразований нашего податного дела.

Однако, и осуществленное доселе податное преобразование, в связи с полным почти отказом от питейного дохода, повело уже к существенному изменению всего строя нашего доходного бюджета. Тогда как до войны налоговые источники занимали сравнительно второстепенное место в составе государственных доходов, дав в 1913 году около 35% обыкновенных доходных поступлений, ныне, согласно проекту росписи на 1917 год, от них ожидается более половины (52,7%) общего

итога государственных доходов. При этом в наибольшей мере возросло значение прямых налогов, поступления коих в отношении к общему итогу обыкновенных доходов поднялись с 7,9% в 1913 году до 14,2% по проекту росписи, в то время как общая сумма косвенных налогов повысилась с 20,7% до 27,5%.

На путь усиленного использования налоговых источников для подкрепления средств казны в условиях военного времени вступили и другие воюющие государства. Но нигде эти меры не были связаны со столь значительными преобразованиями, как те, кои, на основе высочайше предуказанного вашим императорским величеством отказа от питейного дохода, удалось осуществить в России в переживаемых исключительных обстоятельствах.

Достигнутое у нас значительное приращение доходных поступлений дало возможность более широкого удовлетворения потребностей государственной и народной жизни. Особенно примечательным является при этом предусматриваемое проектом росписи на 1917 г. увеличение ассигнований на культурные и производительные цели. Кредиты на удовлетворение духовных нужд народа, — церковь и просвещение, — на охранение народного здравия, на развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, на почтово-телеграфное дело, а равно на поддержание деятельности и сооружение новых путей сообщения достигают по обыкновенному и чрезвычайному отделам проекта росписи 1.875, 8 милл. р. Цифра эта не только превышает размеры однородных ассигнований последнего перед войною 1913 года, когда она выразилась суммою в 1.233, 4 милл. р., но составляют и бóльшую по отношению к общему итогу расходной росписи часть, увеличившись за время с 1913 года с 37,9% до 46,0%.

Изъясненные благоприятные условия сведения государственной росписи доходов и расходов на предстоящий год покоятся на усилившейся и окрепшей платежеспособности населения, поддерживаемой как отрезвлением широких народных слоев, так и производимыми внутри страны, в связи с войною, крупными затратами на обеспечение семей лиц, призванных в ряды войск, и на производство огромных закупок и заказов для нужд армии. Необходимо, однако, отметить, что возрастающие военные расходы, составившие на 1 октября около 20 миллиардов рублей, требуют для их покрытия особого напряжения финансовых средств путем постоянной реализации займов различного типа, из коих краткосрочные обязательства государственного казначейства выпускаются в виде векселей и проценты по ним, уплачиваемые вперед при учете, относятся на выручку при реализации, не требуя особых ассигнований по росписи. Между тем при консолидации в будущем этих краткосрочных долгов, составляющих ныне 8,4 миллиарда рублей, придется соответственно увеличить ассигнования по росписи на уплату по ним процентов и погашения, и посему приходится предвидеть дефицит по росписи в течение ряда лет после войны. Но я непоколебимо убежден, что затруднения государственного

казначейства будут только временными и что, при правильном ведении финансово-экономической политики, в неиссякаемых источниках естественных богатств России и производительного труда русского народа найдены будут верные и прочные способы для закрепления и вящшего развития новых начал, положенных ныне, во исполнение высочайших вашего императорского величества предуказаний, в основу управления русскими государственными финансами.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше изложить вашему императорскому величеству.

Министр финансов *Петр Барк*.

КРАТКИЙ

налоговых мероприятий, осуществленных во время войны в России,

Россия.	Англия.	Франция.
		А. ПРЯМЫЕ
		I. Подоходный
Введен общий подоходный налог от 1% до 12½% с доходов, превышающих 850 р. Апрель 1916 г. Ожидаемое поступление 130 милл. р.	Повышен подоходный налог (в три приема) более чем втрое и дополнительный сбор с крупных доходов более чем вдвое. Размер — до 25% без дополнительного сбора, достигающего 12%. Ноябрь 1914 г., сентябрь 1915 г., апрель 1916 г. Ожидаемое превышение над поступлениями 1913—1914 г. 148 милл. ф. ст.	Введен подоходный налог, принятый еще до войны, дополнительный к основному, который еще палатами не принят. Размер 1—2% с доходов свыше 5.000 фр. Декабрь 1915 г. Ожидаемое поступление 40 милл. фр. Внесен в палаты проект повышения подоходного налога на 150 %. Размер 5% с доходов. Ожидается поступление 60 милл. фр.
		II. Налог на воен
Введен временный, на 1916 и 1917 г.г., налог на прирост прибыли предприятий и лиц, доходы которых возросли. Размер — от 20 до 40% прироста прибыли. Май 1916 г. Ожидаемое поступление в 1917 г. 55 милл. р.	Введен налог на избыточную прибыль лиц, доходы которых возросли в связи с войною более чем на 100 ф. ст., сначала в размере 50% этой прибыли и со второго года войны 60%. Сентябрь 1915 г. и апрель 1916 г. Ожидаемое поступление в 1916—1917 г. (за два года)—86 милл. ф. ст.	Введен на все время войны налог на чрезвычайную военную прибыль всех лиц, участвовавших в поставках на армию, и всех плательщиков патентного сбора (промыслового налога) в размере 50% (для плательщиков патентного сбора установлен необложенный миним. 5.000 фр.). Июнь 1916 г.

[1]) Рукою Николая II синим карандашом: ·/. Рукою П. Л. Барка: «Собственною его 21 октября 1916 г. *П. Барк*».

ПЕРЕЧЕНЬ

Англии, Франции, Италии, Германии и Австро-Венгрии [1]).

Италия.	Германия (Империя).	Австро-Венгрия.
НАЛОГИ.		
н а л о г.		
Повышены все прямые налоги на 15% в декабре 1914 г.	Подоходный налог входит в ведение отдельных союзных государств, а не Империи; в некоторых (например, в Пруссии) он значительно повышен. Введен единовременный поимущественный военный сбор с лиц, состояние которых возросло или не уменьшилось более чем на 10% за время войны. Налог составляет от 5 до 50% прироста. Май 1916 года.	К подоходному налогу прибавлен дополнительный сбор от 15% до 120% налога, для доходов свыше 3.000 кр. Сентябрь 1916 г.
и у ю п р и б ы л ь.		
Введен налог на прирост прибылей торговцев, промышленников и служащих с августа 1914 года в размере от 5 до 30%. Излишки менее 2.500 лир не облагаются. Октябрь 1915 г. Налог дополнительно повышен для всех категорий, кроме сельско-хозяйственных. Сентябрь 1916 г.	Введен налог на военную прибыль акционерных об-ств от 10 до 30% (до 45% для иностранных обществ). Май 1916 года. От этого налога вместе с поимущественным военным сбором ожидается в 1916—1917 г. около 2 миллиардов марок. Особо обложена чрезвычайная прибыль Имперского банка.	Введен налог на военную прибыль от 5% до 45% чрезвычайной прибыли, превышающей 3.000 крон. Апрель 1916 г.

императорского величества рукою начертан знак рассмотрения (·/.). В Царском Селе,

Россия.	Англия.	Франция.
		III. Прочие пря
Повышен поземельный налог. Ожидаемое в 1917 г. превышение над поступлениями 1913 г. 17 милл. р. Повышен налог на недвижимости в городах. Ожидавшийся в нормальных условиях результат повышения 11 милл. р. Повышен промысловый налог. Ожидаемое в 1917 г. превышение против 1913 года 71 милл. р. Повышен квартирный налог. Ожидаемое превышение 5 милл. р. Повышен сбор со специальных текущих счетов. Ожидаемое превышение 0,8 милл. р. Введен сбор с денежных капиталов, обеспеченных в качестве долгов на недвижимых имуществах. Ожидаемое поступление 8 милл. р. Повышена оброчная подать. Ожидаемое превышение 4,5 милл. р. Повышена кибиточная подать. Ожидаемое превышение 3,5 милл. р. Введен военный налог. Ожидаемое поступление 5 милл. р.	Дополнительный 10% налог на доходы с ценных бумаг, которые казначейство изъявило желание приобрести. Июнь 1916 г. Цель налога — побудить держателей ценных бумаг продать или дать их взаймы казначейству.	Введен в действие принятый до войны налог на доходы с ценных бумаг, находящихся вне Франции. Весна 1916 г. Ожидается примерно около 10 милл. фр. Внесены в палаты: 1) проект повышения на 100% подомового, поземельного, лично-подоходного налогов и патентного сбора. Ожидаемое поступление 275 милл. фр. 2) проект повышения налога на доходы с ценных бумаг. Ожидаемое поступление 38 милл. фр. 3) проект удвоения налогов на кони, на автомобили, на экипажи и т. д. Ожидаемое поступление 27 милл. фр. 4) проект введения государственного налога на собак. Ожидаемое поступление 22 милл. фр.
		Б. КОСВЕННЫЕ
		Налоги на
Введен акциз на виноградные вина. Ожидаемое поступление 17 милл. р. Повышен акциз на фруктово-виноградный спирт. Повышен налог на пиво- и медо-варение.	Повышен втрое акциз с пива. Ноябрь 1914 г. Ожидаемое годовое поступление 18 милл. ф. ст. Введен налог на минеральные воды. Апрель 1916 г.	Повышен акциз на алкоголь (до 40 фр. за гектолитр), и отменены на время войны привилегии безакцизной выкурки сельскими хозяевами алкоголя. Июнь 1916 г.

Италия.	Германия (Империя).	Австро-Венгрия:
мые налоги.		
Повышены все прямые налоги на 15%. Декабрь 1914 г. Введен налог на лиц, освобожденных от воинской повинности. Введен налог на жалованье директоров акционерных обществ. Октябрь 1915 г. Введен (в 2 приема) чрезвычайный военный налог в 2% на доходы лиц, подлежащих прямому обложению. Июнь 1916 г.		Повышен поземельный налог. Повышен налог с городских недвижимостей. Повышен налог на доходы с денежных капиталов. Повышен налог на жалованье служащих. Лето 1916 г.
НАЛОГИ.		
напитки.		
Повышен вдвое акциз на пиво. Повышен акциз на спирт. Сентябрь 1915 г. Повышены налоги на напитки. Сентябрь 1916 г.		Повышен налог на спирт (со 160 до 200 крон за гектолитр). Июль 1915 г. Повышен налог на пиво до 2 крон за гектолитр. Июнь 1916 г.

Россия.	Англия.	Франция.
(Вследствие ограничения продажи питей увеличения поступлений в 1917 г. не предвидится; в нормальных условиях от фруктово-виноградного спирта ожидается превышение в 2,6 милл. р., от пивоварения 17,5 милл. р.)	Ожидаемое поступление 2 милл. ф. ст.	Ожидаемое превышение поступлений 150 милл. фр. Внесен в палаты проект повышения сборов с вина, пива и сидра. Ожидаемое поступление 180 милл. фр.
		Табачный
Повышены дважды ставки налога на табак. Ноябрь 1914 г. и май 1915 г. Ожидаемое увеличение поступлений 173 милл. р.	Повышена на 50% пошлина на табак. Сентябрь 1915 г. Ожидаемое поступление 5 милл. ф. ст.	Внесен в палаты проект повышения продажных цен по табачной монополии. Ожидаемое поступление 80 милл. фр.
		Сахарный
Повышен дважды акциз на сахар (в общем на 60%). Ожидаемое превышение поступлений в 1917 г. 82 милл. р.	Повышен дважды налог на сахар с 1 шилл. 10 п. до 14 шилл. за английский центнер (на 660%). Сент. 1915 г. и апр. 1916 г. Ожидаемое поступление 18,5 милл. ф. ст.	Внесен в палаты проект повышения акциза на сахар (на 60%). Ожидаемое поступление 75 мил. фр.
		Прочие косвен
Повышен дважды акциз на спички. Ожидаемое превышение поступлений 16 милл. р. (менее ранее предположенного вследствие разрешения льготного ввоза). Повышен дважды акциз на нефтяные продукты (на 100—150%). Ожидаемое превышение поступлений 38,5 милл. р. Повышена таможенная пошлина (на 25%), и введен акциз на чай. Ожидаемое превышение поступлений 40 милл. р. Повышен акциз с прессованных дрожжей.	Введен налог на спички и зажигатели. Июль 1916 г. Ожидаемое поступление 2 милл. ф. ст. Введен налог на бензин и особый сбор с бензина, получаемого по разрешениям. Сент. 1915 г. и июнь 1916 г. Ожидаемое поступление около 2 милл. ф. ст. Дважды повышена таможенная пошлина на чай. Ноябрь 1914 года и сентябрь 1915 года. Ожидаемое поступление 7,7 милл. ф. ст. Повышены пошлины на какао, кофе, цикорий, сушеные фрукты.	

Италия.	Германия (Империя).	Австро-Венгрия.
д о х о д.		
Повышены цены в продаже табака и папирос табачной монополии. Сентябрь 1915 г.	Повышены налоги на табак и папиросы от 70 до 150%. Май 1916 г.	
д о х о д.		
Повышен акциз на сахар на 10 лир за 100 килограмм. Сентябрь 1915 г. и сентябрь 1916 г.		
н ы е н а л о г и.		
Повышен налог на спички. Октябрь 1915 г.		Введен налог на спички (2 геллера с коробки в 60 — 90 спичек). Лето 1916 г.
Введена спичечная монополия. Сентябрь 1916 г.		
Введен налог на минеральные масла (кроме керосина) в размере 8 лир за 100 кгр. Сентябрь 1915 г.		
Установлен ряд вывозных пошлин на предметы, допускаемые к вывозу лишь по особым разрешениям. Сентябрь 1915 г.		
Повышены цены в продаже соли (монополия). Октябрь 1915 года.		

Россия.	Англия.	Франция.
Ожидаемое превышение поступлений 9,5 милл. р. Введен налог на хлопок русского происхождения, перевозимый по ж. д. Ожидаемое поступление 45,8 милл. р.	Ожидаемое поступление 2,5 милл. ф. ст. Повышен сбор с патентованных лекарств. Сентябрь 1915 г. Ожидаемое поступление около 0,25 милл. ф. ст.	
		В. ПОШЛИНЫ
Введен временный налог на увеселения и зрелища. Январь 1916 г. Ожидаемое поступление 7 милл. р. Введен временный налог на тотализатор. Ожидаемое поступление 9 милл. р. Повышены страховые пошлины. Ожидаемое превышение поступлений 4 милл. р. Повышены судебные пошлины. Ожидаемое превышение поступлений 3,2 милл. р. Повышены гербовые сборы. Ожидаемое превышение поступлений 32 милл. р. Повышены портовые сборы. (Вследствие обстоятельств военного времени превышения поступлений не ожидается.) Введена новая повышенная оценка земель для исчисления наследственных пошлин. (Вследствие освобождения от пошлины наследств после лиц, павших на поле брани, превышения поступлений не ожидается.)	Введен налог на зрелища (театры, кинематографы, выставки и т. д.). Апрель 1916 г. Ожидаемое поступление 5 милл. ф. ст.	
		Г. ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФ,
Повышен почтовый тариф (с 7 коп. до 10 к. за письмо). Ожидаемое превышение поступлений 35 милл. р.	Повышен почтовый тариф (уменьшен вес письма, подлежащего оплате маркою в 1 пенс, повышение тарифа за посылки).	

Италия.	Германия (Империя).	Австро-Венгрия.
И СБОРЫ.		
Повышен налог на билеты в кинематографах. Июнь 1916 г.	Введен налог на торговый оборот в 0,1% с суммы торгового оборота. Май 1916 г.	Повышен налог на билеты в театрах, концертах и т. д. Декабрь 1915 г.
Повышен налог на рекламы и объявления. Ноябрь 1915 г.	Ожидаемое поступление около 600 милл. м.	Введен налог на тотализатор. Сентябрь 1916 г.
Повышены сборы с велосипедов. Ноябрь 1915 г.	Введен штемпельный сбор с железнодорожных накладных от 20 до 50 пфеннигов с накладной. Май 1916 г.	Повышен налог с разрешений на охоту. Декабрь 1915 г.
Отменен ряд привилегий в регистрационных сборах. Ноябрь 1915 г.		Повышены судебные пошлины. Сентябрь 1915 г.
Дважды повышен гербовый сбор. Ноябрь 1915 и сентябрь 1916 г.		Повышен гербовый сбор.
Введен особый сбор «военный процент» (Centesimo di guerra) в 1% со всех сумм, выплачиваемых государственными и общественными казначействами (кроме процентов по займам, жалованья военным и служащим, получающим не более 4 лир в день). Ноябрь 1915 г.		Повышен налог на железнодорожные накладные. Сентябрь 1916 г.
(«Военный процент» в отношении обложения доходов отнесен к прямым налогам.)		Повышены наследственные пошлины. Сентябрь 1915 г.
Повышены налоги на наследство.		
ТЕЛЕФОН.		
Повышен тариф для писем (с 15 до 20 чент.) Ноябрь 1915 г.	Повышены почтовые и телеграфные сборы: для писем и открыток (внутри Германии) на 50%, для телеграмм на 40%.	

Россия.	Англия.	Франция.
Повышен телеграфный тариф (с 5 к. до 7 к. за слово). Ожидаемое превышение поступлений 40 милл. р. Введен государственный налог на телефоны. Ожидаемое поступление 2,5 милл. р.	Повышен телеграфный тариф (на 3 пен. за телеграмму). Ожидаемое превышение поступлений 3 милл. ф. ст.	
Сверх 15% сбора введен временный налог на перевозку пассажиров и грузов; предположено повысить грузовой тариф. Ожидаемое превышение поступлений 250 милл. р.		
1.115 милл. руб. (Повышение налогов исчислено по проекту росписи 1917 года и сравнительно с 1913 годом.)	300 милл. ф. ст.	Кроме налога на военную прибыль, возможные поступления коего не исчислены, введено налогов на 200 милл. фр. На рассмотрении палат находятся проекты еще на 757 милл. фр.

Д. ЖЕЛЕЗНО

Италия.	Германия (Империя).	Австро-Венгрия.
Повышен тариф для посылок (на 20%). Июнь 1916 г.	Повышен налог на иногородние телефонные разговоры на 10 пфен. Май 1916 г.	
ДОРОЖНЫЙ ДОХОД. Повышен на 10% тариф на перевозку грузов по жел. дорогам. Сентябрь 1916 г.		
Точных сведений нет; по отрывочным данным, в 1916—1917 г.г. ожидается около 700 милл. лир.	Точных сведений нет; в печати имеются указания, что новые налоги должны дать в 1916—1917 г.г. около 3 миллиардов марок, из которых свыше 2 миллиардов ожидаются от единовременного военного сбора и налога на военную прибыль.	Точных сведений нет; имеется лишь общее указание, что введенные за время войны налоги должны дать около 800 милл. крон в год.

Безобразовский кружок летом 1904 г.

Публикуемые ниже документы — приготовленные департаментом полиции для доклада министру внутренних дел выписки из перлюстрированных писем Витте, Абазы и Безобразова — приоткрывают несколько завесу, за которой пока оставалась скрытой «работа» Безобразовского кружка *после* открытия военных действий с Японией. Исследования и публикации документов, имевшие место за последнее время [1]), достаточно выяснили ход, содержание и приемы этой «работы» в довоенный период. С началом же войны наши сведения о ней оставались отрывочными и смутными. Внешним образом борьба Безобразовского кружка за влияние на Николая II сосредоточивалась, начиная с 1898 г., вокруг вопросов русской политики на Д. Востоке и персонально направлена была против Витте, фактически всецело руководившего в этих вопросах министром иностранных дел. Отставка Витте и передача всего управления дальневосточной окраиной «Особому комитету по делам Д. Востока» (16—30 VIII 1903), в котором председательствование принадлежало царю, вице-председательство — Плеве, а управление делами возложено было на А. М. Абазу и Н. Г. Матюнина, двух членов кружка, были крупнейшей победой кружка, которая, однако, полностью не решала борьбы.

Насколько известно, самый «Особый комитет» так и не собирался вовсе; работало лишь его «управление делами», канцелярия, и докладчиком у царя по делам Д. Востока продолжал, как это фактически вошло в обиход еще с весны 1903 г., выступать неизменно Абаза, ведший теперь и всю переписку Николая с наместником Д. Востока адм. Алексеевым. Безобразов же, до того бывший главным застрельщиком в кампании, теперь отходит на вторые позиции: до такой степени он даже среди «своих» почитался в деловом смысле недееспособным. Некоторое время после ухода Витте он вьется вокруг нового министра финансов (Плеске), рассчитывая найти в нем послушное орудие и добиться от него открытия новых кредитов на концессионные предприятия пресловутого «Русского лесопромышленного т-ва на Д. Востоке». Однако, именно теперь — в сентябре и октябре — воочию выясняется крайняя убыточность лесных операций т-ва, над т-вом нависает гроза коммерческого скандала, и на мольбы И. П. Балашова, портартурского фактотума т-ва, о помощи приходится отвечать отказами: в Петербурге никто уже, даже в Царском Селе, не верит в дело, и Безобразов оказывается в своих финансовых хлопотах в полном одиночестве. Он и уезжает за границу без малого

---

[1]) «Русско-японская война», изд. Центрархива, 1925 г. — «Дневник Куропаткина» во II т. «Кр. Архива»; — наши статьи: «Концессия на Ялу» («Русское Прошлое», № 1) и «Витте накануне русско-японской войны» («Россия и Запад», № 1).

на целой год, чуя приближение военной развязки затеянной им внутренней борьбы. А дипломатическое развязывание «маленькой победоносной войны», освященной полицейским авторитетом Плеве, как средство от внутренних болезней, проводится в последующие месяцы указанным выше триумвиратом — из Николая, Абазы и Алексеева [1]).

Знаем, далее, что за две недели до начала военных действий (10 января), по докладу Абазы, образовано было так наз. «Предварительное совещание для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Д. Востоке» под председательством гр. А. П. Игнатьева, одного из членов лесопромышленного т-ва. В совещании этом до июня 1904 г. тянулась бесполезная словесная борьба между Коковцовым, отстаивавшим неприкосновенность прежнего порядка управления Д. Востоком в экономической сфере, и Абазой и Игнатьевым, клонившими, наоборот, к его разрушению, сосредоточению всего в руках наместника и к возрождению давнего проекта «Восточно-Азиатской промышленной компании»,— борьба, кончившаяся составлением лишь программы вопросов, подлежавших дальнейшему обсуждению.

Что касается Плеве, единственного из наличного состава министров вовлеченного в замыслы кружка в качестве единственной деловой его фигуры, то роль его оставалась пока в некоторой потенции. В делах Д. Востока он сам признавал себя некомпетентным, и участие его, по всей видимости, должно было выразиться: 1) в придании всей Безобразовской затее делового вида, поскольку кружок состоял на редкость из бестолковых и сознававших свою непригодность к административной работе лиц, и 2) в замене собою на посту квази-премьер-министра только что удаленного Витте.

Публикуемая ниже переписка Абазы и Безобразова за май — июль 1904 г. представляет значительный интерес для знакомства с «безобразовщиной», ее дальнейшими тенденциями и возможностями. Как ни остерегались корреспонденты доверять неприкосновенности своей почтовой переписки, все же в письмах своих они были достаточно откровенны и оставались самими собой. Как видно, движущей стихией в их настроениях после того, как, казалось бы, они дорвались до беспредельной власти в дальневосточных делах, является желание распространить сделанный захват до всероссийского масштаба, т.-е. опять-таки персонально «побороть Ноздрю», как они конспиративно называли Витте. Этот последний не переставал казаться им помехой даже в том устранении от дел и людей, в каком пребывал он теперь после отставки: при таких условиях полный покой мог быть обретен ими только в физическом его уничтожении. Во всяком случае, дальнейшее наступление на него они всецело возлагали на Плеве, сами лишь подготовляя для того почву в Петергофе. А Николай, видимо, любил помечтать под аккомпанимент их «резких» речей, полных лубочного исповедания самодержавия «Хозяина» и всяческих счастливых проектов, никогда не превышавших уровня его собственных способностей и затаенных мыслей. В переписке мелькают эти темы: об ограничении доступа в университеты (о чем думал и сам Николай «последние 5 лет»!), о пополнении оставшейся в России армии на случай революции (эту мысль Николай схватил с полу-намека, так как и сам того хотел), о посылке и Черноморского флота на Восток (оказывается, это тоже их идея), о необходимости перейти в наступление в Маньчжурии (к чему Николай и вынудил Куропаткина столь неудачно), об изгнании китайских чиновников из Маньчжурии, чтобы вызвать китайцев на нарушение нейтралитета (!),

[1]) См. опубликованную Матюниным в 1905 г. так наз. «Малиновую книгу», где собрана предвоенная переписка названных трех лиц.

об условиях мира с Японией и т. п. Если верить Лопухину [1]), Витте после отставки, в вольной обстановке Парижа, договаривался до мысли об уничтожении Николая и замене его Михаилом. Вышло так, что уничтожен был Плеве, — и последнее в нашей коллекции письмо Абазы дает понять, какая пустота образовалась тогда в правящей клике. Безобразовщина, однако, не сразу сошла со сцены, и еще в сентябре (9-го) Абаза передавал Алексееву одобренную, наконец, Николаем директиву о провоцировании нарушения китайцами нейтралитета, чтобы дипломатически обеспечить себе захват Маньчжурии после войны. Именно в сентябре некоторое оживление вернулось к «кружку» в связи с приездом из-за границы Безобразова: он «был дружно принят сотрудниками» [2]) и вступил в деятельное общение с царем тотчас же. Но и противная сторона, действительно державшаяся за Михаила, вышла теперь из своего бездействия: по поручению Михаила, к Витте в Сочи летели телеграммы с вестями о возвращении Безобразова, на случай, не признает ли он нужным «сообщить от себя министру внутренних дел о характере и свойствах этой личности», и с намеками, что собственное его отсутствие «сильно ощущается». Конец «безобразовщины» обозначился несколько позднее, и начало его можно приурочивать к моменту отрешения Алексеева от главнокомандования, — к 12 октября того же года.

Б. Романов.

1. Выписка из письма С. Ю. Витте, С.-Петербург, от 20 мая 1904 г. к гр. С. Д. Шереметеву в село Михайловское, Московской губ.

С войной все неважно. Будет ужасный удар, если возьмут Порт-Артур, тем более, что занятие его будет сопровождаться ужасной бойней. Помоги бог несчастным русским людям, там находящимся и безвинно страждущим. Я даже не сомневаюсь, что Куропаткин, в конце концов, расколотит врага, но все-таки ничего впереди хорошего от бойни для России не ожидаю. Что касается германского императора, то он с нами более чем любезен. Наш курс т е п е р ь сильно покосился по направлению к Берлину [3]). Пожалуй, это в некоторых отношениях и хорошо [4]). Но все-таки не следует забывать, что мы пролили много крови и потеряли много денег, чтобы сколотить Германскую империю без особой выгоды для нас. Уверен, что мы и теперь за любезности и дружбу германского императора заплатим большой счет [5]). Но иначе и быть не может. Я почитаю, что Германия во многом вино-

---

[1]) А. А. Л о п у х и н, «Отрывки из воспоминаний», Гос. Изд-во, 1923, стр. 73.

[2]) Б. А. Р о м а н о в, «Портсмут», предисловие, «Кр. Архив», т. VI, стр. 4.

[3]) Курс на Берлин окреп в мае 1904 г. отчасти в зависимости от заключения Францией соглашения с Англией в апреле 1904 г., исключавшего возможность какой-либо поддержки Францией России в текущей войне, в частности ее финансирования. См. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 г.г.». М. 1926, док. № 23.

[4]) Как известно, Витте был упорным сторонником идеи тройного франко-германско-русского соглашения ради предотвращения обще-европейской войны.

[5]) В частности, Витте самому пришлось в июле 1904 г. подписать торговый договор с Германией с рядом тарифных уступок в пользу этой последней.

вата, что направила все наши помыслы и силы на Дальний Восток, так что Россия во всех остальных насущных вопросах как бы осиротела. Я уверен, что наедине германский император не без удовольствия потирает себе руки.

Кажется, поездка государя прошла очень удачно. Во-первых, потому, что не было никаких инцидентов. Во-вторых, потому, что государь остался очень доволен и население было радо видеть царя.

Я большею частью сижу дома и почти никого не вижу [1]). Откровенно говоря, я чувствую род отвращения видаться с огромным большинством моих петербургских знакомых: из-за угла критикуют и завидуют, а в глаза подличают.

2. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 25 мая 1904 года, к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Был вчера у Плеве. Дал ему такое оружие в руки, рассказав про свой сильный доклад, что теперь он может побороть Ноздрю [2]) и кого угодно. Вероятно, он сумеет воспользоваться подготовленной мною почвой.

3. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 26 мая 1904 г., к А. М. Безобразову в Женеву.

Когда есть что ответить, то я всегда отвечу, но тут на все твои письма надо было ответить и можно было ответить только после разговора с Хозяином [3]) по всем пунктам твоих постановок. Конечно, тут многое происходит, о чем хотелось бы тебе сообщить и получить твое мнение, но почтою это невозможно, ибо все читают. Потому я и послал к тебе Наташу [4]), когда надо было, хотя это мне стоило тысячу рублей. Писание сейчас становится известным, а тут надо быть донельзя осторожным, чтобы враг не знал, что против него делается [5]). И вчерашнее-то свое письмо я послал скрепя сердце, ибо в нем, несмотря на иносказательность, все-таки нетрудно понять, в чем дело и о ком идет речь, а что его прочли тут, в этом я не сомневаюсь.

4. Выписка из письма А. М. Безобразова, Женева, от 26 мая 1904 г., к А. М. Абазе в С.-Петербург.

В здешних газетах все время приходится читать, что брожение умов в С.-Петербурге очень сильное и что оно направлено лично против нашего Хозяина.

---

[1]) После своей отставки в августе 1903 г. Витте, занимая бездеятельный пост председателя комитета министров, был в опале и фактически отстранен был от дел.

[2]) «Ноздря» — Витте.

[3]) «Хозяин» — Николай II.

[4]) Наташа — Н. Ф. Абаза, жена А. М. Абазы.

[5]) Под «врагом» здесь разумеется враждебная Безобразовскому кружку группа министров.

Как ни глупо все это, но меня поражает здесь повторение разных слышанных уже фраз. Откуда может итти интрига, я довольно ясно догадываюсь. В одном своем письме, кажется, отправленном с Наташей, я обращаю внимание на одно лицо, которое настроено самым непримиримым образом.

Теперь момент затяжек и временных как будто неудач; нужно к о м у с л е д у е т хорошенько показать зубы, чтобы вся эта галдящая шваль замолкла бы. Толкуют все о слабости характера, не будучи способными понять и почувствовать все его благородство; вот и следует взять главного запевалу [1]) и так ему накласть, чтобы всем другим это было доброй острасткой. Это, по-моему, просто теперь необходимо.

Прошу тебя сообщить В. К. [2]) о здешних слухах и что я им придаю значение. У меня в этих делах некоторый опыт, и я понапрасно не стану бить тревогу. Интрига здесь идет не снизу, а от разных гнилушек, недовольных утраченным положением.

5. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 30 мая 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Вчера был у меня Игнатьев [3]). Он просто трусит и хочет все свалить на Плеве. Я это поддерживаю всячески, и чем скорее это будет сделано, тем лучше. Но сам Игнатьев будет очень удивлен, когда окажется, что сам он отстранен от этой комиссии, так же, как и Шванебах [4]). Это так и будет, но он этого не ожидает, а я ему этого не говорю. Завтра будет у него заседание, вероятно, предпоследнее, до передачи всего дела к Плеве. Мне придется отчитывать круто Коковцова [5]) за то, что он последний раз сказал, что отлично понимает выгоду общества д л я н е к о т о р ы х л и ц, ищущих с е б е увеличения содержания. Я ему скажу, что вполне верю в его хиромантические способности и в то, что ему приходится их применять относительно тех людей, с коими ему приходится часто иметь дела, но что я имею дело с людьми иного свойства, которые задумали широкое русское дело, ни секунды не думая о себе, а следовательно, я не могу допустить, чтобы о них даже намеком были высказываемы такие подозрения, и что если он поставит дело на почву л и ч н у ю, то я в прениях отказываюсь участвовать.

---

[1]) «Главный запевала» — Витте.

[2]) В. К. — Вяч. Конст. Плеве.

[3]) Гр. Алексей Павл. Игнатьев 2-й, член госуд. совета, председатель так наз. «Предварительного совещания для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Д. Востоке».

[4]) П. Х. Шванебах, член Игнатьевского совещания, противник Безобразовских проектов.

[5]) В. Н. Коковцов, министр финансов, член того же совещания, выступавший решительно против Безобразова-Абазы.

24-го у меня был тот трудный доклад, о котором я тебе писал, конечно, без подробностей, ибо этого доверить почте нельзя. Я говорил на докладе так резко, как едва ли кто другой посмел бы. Слава богу, вышел благополучно. Дня через три-четыре я опять буду просить доклада, ибо я не все сказал, да и дела опять накопились. Но надо раньше поговорить с Плеве.

6. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 1 июня 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Вчера состоялось-таки заседание комиссии Игнантьева, — слава богу, последнее. Пришли к относительному согласию относительно программы будущих прений. Эта программа будет доложена государю, и Игнатьев попросит передать ее Плеве. Он думает, что очень хитро придумал и что будет дальше вести дело, прячась за спиною Плеве. На самом же деле ему будет сказано передать дело Плеве, а он сам будет отстранен. Перед заседанием я имел крупное объяснение с Коковцовым. Он шибко на меня обиделся. После заседания я хотел сгладить обиду и подошел к нему, объясняя, что я иначе не мог поступить, но он сказал, что «оскорблен», и на мир не пошел. В сущности, тем лучше. Я ссориться не люблю, но теперь будет, по крайней мере, откровенная война.

В настоящее время я готовлю две вещи: первое, это — изгнание из Маньчжурии китайских чиновников, для того, чтобы вызвать официальное нарушение Китаем нейтралитета [1]). Второе, это — разработка вместе с Вогаком [2]) условий будущего мира и всего того, что надо для этого сделать. Три первые главы готовы и находятся у Хозяина, четвертая теперь обдумывается.

7. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 1 июня 1904 г., к А. М. Абазе в С.-Петербург.

Наш военный и дипломатический престиж, насколько я могу судить, упал уже за границей так сильно, что даже при будущем успехе с этим явлением придется считаться. Вот что значит глупость Птицы [3]) и Головастика [4]).

Относительно внутреннего положения нашего толкуют, что Ноздря с целой партией собирается сделать крупную перемену и что теперь к этому подготовляют и общественное мнение и разных лиц.

---

[1]) Мысль о необходимости спровоцировать Китай на нарушение нейтралитета была, действительно, усвоена Николаем и была сообщена Абазою к сведению Алексеева письмом от 9 сентября 1904 г.

[2]) Ген. Вогак, военный агент на Д. Востоке, активный член Безобразовского кружка.

[3]) «Птица» — Куропаткин.

[4]) «Головастик» — Ламздорф.

Вообще творится все то, чего я давно опасался и о чем говорил, умолял не давать подлецам возможности создавать все новые и новые затруднения. Один слух об этом в настоящую минуту есть чистейший и огромнейший нравственный скандал.

Нельзя забывать, что все живет доверием и кредитом; это все — пугливые звери, и с ними нужно уметь обращаться, если желательно иметь успех в деле целой стадовой массы. Если не будет понято, что никто не может единолично крупного дела сделать и в особенности соблюсти общественный покой, то придется погубить много народа понапрасну.

8. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 3 июня 1904 г., к А. М. Абазе в С.-Петербург.

Мнение швейцарских газет о нашем положении на театре войны довольно пессимистическое. Пессимизм этот не лишен основания. Что поведение Куропаткина непонятно никому, это совершенно естественно, потому что едва ли он сам понимал все те глупости, которые до войны и в начале ее он говорил и делал. Теперь мы от этого во всех отношениях страдаем — нравственно и физически.

Теперь одна только забота: посылка больших сил, чтобы раздавить врага.

9. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 5 июня 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Государь серьезен и вдумчив, но, видимо, спокоен и тверд, и неудача при Вафангоу нисколько не поколебала его веру в будущее. Я опасался, что он будет не в духе и встревожен, тем более, что убили генерала Бобрикова [1]). Но ничего этого не было. Государь спокойно обсуждал со мною вопросы, которые возникнут после разбития Японии. Одно меня обрадовало очень. Я начал докладывать, что для успеха мирных переговоров надо, чтобы Европейская Россия была сильна войсками, для того, чтобы западные соседи не посмели громко говорить против нас. Тут государь меня перебил, рассмеялся и сказал: «Понимаю, к чему вы ведете. Можете быть покойны, все это сделано. К ноябрю в России будут сформированы всюду новые части, взамен ушедших на Восток, и число войск у нас здесь будет такое же, как было до начала войны». Я так обрадовался этим словам, что и сказать не могу. Хотелось вскочить и обнять государя. Главное меня обрадовало, что он сам об этом подумал. Умница он, успевает все предусмотреть и, видимо, подготовляет все к тому, чтобы мир был не постыдный для России и чтобы не потеряли из-за дипломатов плодов наших побед, как бывало почти всегда до сих пор.

---

[1]) Бобриков — генерал-губернатор Финляндии, убит 3 июня 1904 г.

10. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 6 июня 1904 г., к А. М. Абазе в С-Петербург.

После неудачного дела Штакельберга в Вафандяне следует быть осторожным с Куропаткиным, так как он теперь будет все ошибки валить на других и уверять, что он жертва обер-гоф-кригсрата.

На эту гнусность он более всего способен, и этим специально занимался паршивый триумвират у меня на глазах эти последние пять лет [1]). Как теперь усердно иностранные газеты, в особенности английские, нам советуют не рисковать наступлением на Палантин, чтобы японцы не отрезали нам обратную дорогу на север! Напротив, они советуют бросить юг и сесть спокойно выжидательно на севере. Это точь в точь, что хотел сделать Тетерька [2]), и как бы он этим угодил япошкам и их друзьям! Вообще я не сомневаюсь, что дурацкие мысли Тетерьки были известны нашим врагам и что они сильно надеялись в своих расчетах на феноменальную глупость нашего главнокомандующего. Никогда японцы не решились бы на войну с нами, если бы мы не имели на шее это тетерькинское сокровище. Замечательно еще одно, что япошки учли также одну особенность в глупости Тетерьки: это его абсолютизм, не терпящий у подчиненных ума.

11. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 10 июня 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Пишу длинное письмо Саше [3]) и не знаю, как его послать. Надо ему многое рассказать, а почты боюсь. Может быть, у Плеве есть способы? Надо будет спросить.

12. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 18 июня 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Государь принял меня на последнем докладе очень ласково, был в духе, много разговаривал и расспрашивал. Оставался я до $4^1/_2$ часов, и на прощание государь сказал мне такую для меня лестную вещь, что я растерялся от неожиданности. Взглянув на часы, он сказал: «Однако, когда с вами разговоришься, то не замечаешь, как проходит время. Я думал, что прошло всего полчаса, а оказывается, больше двух часов».

Между прочими вопросами был затронут и вопрос об университетах, и я высказал свое старое убеждение, что нужно не давать чина [4]) и постепенно удорожить высшее учение, удешевляя и увеличивая среднее. Первое можно сделать хоть сейчас указом, а ко второму под-

---

[1]) «Паршивый триумвират» — Витте, Ламздорф и Куропаткин.
[2]) «Тетерька» — Куропаткин.
[3]) «Саша» — А. М. Безобразов.
[4]) Подразумевается — кончающим университет.

ходить осторожно, рядом постепенных мер и проч. Оказывается, государь уже пять лет в этом смысле говорит министрам народного просвещения, но они не внемлют. Теперь надежда на Глазова [1]).

13. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 21 июня 1904 г., к А. М. Абазе в С.-Петербург.

Твое письмо и днем раньше от В. К. получил. Я буду очень охотно тебе и В. К. посильно помогать, для чего на время приеду.

Очень понятно, что чиновники не желают уменьшения своей бюрократической власти, губительной для всякого живого дела. Если не удастся будущие дела на Дальнем Востоке поставить органически в лучшие условия, то наша роль не может быть иной, как очень жалкой. Органическая же постановка есть дело Хозяина, и только; после прямого и ясного его приказания можно будет приступить к делу. Слава богу, что у нас есть еще хозяйская власть, а то мы с нашими подлецами и идиотами, приставленными к разным бюрократическим машинкам, просто даром погибли бы.

14. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 21 июня 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Весь день я составлял письмо к наместнику [2]). Совершенно частное письмо и трудное, ибо надо его ввести в курс того, что здесь делается, и притом т а к, чтобы письмо это не могло служить документом против меня, в случае, если бы он хотел меня подвести. К сожалению, он не такой человек, которому можно довериться вполне. Всегда будет соблюдать свою собственную выгоду [3]).

15. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 2 июля 1904 г., к А. М. Безобразову в Баден.

Сейчас Матюнин [4]) показал мне твое письмо насчет четырех автомобилей, и я не на шутку испугался: подумай, что на тебя обращены глаза чуть ли не всей Европы. Недавно еще «Таймс» напечатал, что статс-секретарь Безобразов скоро вернется в Петербург. И вдруг этот

---

[1]) Ген. В. Г. Глазов — министр народного просвещения (апрель 1904 — октябрь 1905 г.).

[2]) Наместник на Д. Востоке — адм. Е. И. Алексеев.

[3]) О первоначальном отношении Алексеева к Безобразову и его проектам в 1903 г. и последующем переходе его на сторону Безобразова см. Б. А. Р о м а н о в — «Витте накануне русско-японской войны» в сборн. «Россия и Запад». Петр. 1923 года.

[4]) Н. Г. Матюнин, помощник управл. делами комитета по делам Д. Востока, издавна главная рабочая сила в Безобразовском кружке; до 1899 г. служил по министерству иностр. дел на Д. Востоке.

статс-секретарь занимается куплей-продажей каких-то автомобилей! Подумай, как этим воспользуется враждебный лагерь.

На-днях Плеве мне говорил, что ты ему писал про свое изобретение, и при этом прибавил: «Жаль, что он бросается из стороны в сторону. Заниматься такими изобретениями — имеет вид несерьезный!» Я, конечно, заступился, сказал, что ты всю жизнь в свободное время занимался техническими вопросами и т. д. Но если Плеве даже на это так посмотрел, то подумай, как отнесутся к купле-продаже автомобилей!

16. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 8 июля 1904 г., к В. М. Безобразову в С.-Петербург.

Дело у вас из-за Ноздрева, Тетерьки и Головастика обстоит не особенно весело; этот паршивый триумвират много, много наделал бед. Я этих патентованных подлецов в свое время усердно обличал; но у нас так мало знающих и вообще добросовестных, серьезных людей, что глас вопиющего в пустыне постоянно встречается. Хозяин дело понимает и всегда умно и тонко судит, но у него есть своя метода действовать, где он придерживается последовательной постепенности. При этой методе остается в меде много дегтя, и дело пакостится. От меня обстоятельства требуют теперь много спокойного терпения, чтобы не соваться, когда не спрашивают.

17. Выписка из письма А. М. Безобразова, Баден, Швейцария, от 11 июля 1904 г., к А. М. Абазе в С.-Петербург.

Я не вижу теперь другого выхода из положения, созданного Тетерькой, как морская победа, отрезывающая все японские силы от их главной базы в самой Японии. Для этого нужно двинуть решительно все наши морские силы на Дальний Восток. Четыре броненосца из Черного моря следует взять на усиление всего того, что из Балтики мы можем послать вполне годных боевых судов. Если бы тебе удалось уговорить генерал-адмирала [1]) сделать этот гениальный подвиг, то этот блестящий конец покроет все начальные недочеты. Этим мы спасем на суше сто тысяч жизней наших славных солдатиков.

18. Выписка из письма А. М. Абазы, С.-Петербург, от 17 июля 1904 г., к Н. Ф. Абазе в Голованевск, Подольской губ.

Смерть Плеве меня очень удручает во многих отношениях [2]). Он был «союзник», а теперь я один! У него в руках была комиссия об учреждении наместничества и о финансовом устройстве, и я был спо-

[1]) Генерал-адмирал — в. кн. Алексей Александрович.

[2]) Плеве был убит 15 июля 1904 г.

коен, что это все пройдет в должном виде. Т е п е р ь я даже не знаю, к о м у следует все это передать. В самом комитете Д. Востока он был вице-председателем, а теперь кто будет? Очень боюсь, что лопнет все дело! Враждебный лагерь, очевидно, ликует, и я все думаю и думаю, и не могу найти, кто мог бы заменить Плеве!

Придется мне быть на докладе на этих днях, и я, право, не знаю, что говорить. Есть еще кн. Мирский [1]), хороший человек и не красный, но ум у него так себе. Затем, Воронцов [2]), но он ленив, даже больше, чем я, и никогда гражданскими делами не занимался. Есть еще Горемыкин [3]), но он, будучи министром, сам не подписывал ничего, а сделал печать со своей подписью и давал к у р ь е р у (!) все подписывать. Совсем беда. Если меня спросят, то я так все это и скажу.

---

[1]) Кн. Святополк-Мирский, тогда виленский генерал-губернатор, был назначен министром внутренних дел на смену Плеве.

[2]) И. И. Воронцов-Дашков, наместник на Кавказе.

[3]) И. Л. Горемыкин, министр внутренних дел 1897—1899 г.г.

Воспитанники Пензенской гимназии, окончившие курс в 1860 г.

1. Каракозов, Д. В. 2. Шиль, В. 3. Вышеславцев, Ф. 4. Вааг, Х. 5. Федосеев, П. А. 6. Юрасов, Д. А. 7. Лицкой, В. 8. Войнаральский, П. 9. Загибалов, М. 10. Чекалин, Ф. 11. Хлеб..иков, Н. 12. Хрущев, Н. 13 Вальтер, М. 14. Умнов 15. Семенов, П.

(К статье „Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.")

К истории аграрной реформы Столыпина.

Печатаемые ниже документы извлечены из ежегодных отчетов губернаторов царю. Наиболее интересный отчет бывшего тогда саратовским губернатором П. А. Столыпина заслужил особую отметку Николая II: «Высказанные мысли заслуживают внимания».

Документы показательны для периода подготовки Столыпинского удушения революции. Еще за два года до обострения революционной борьбы на необходимость ряда мер, облегчающих рост капиталистических элементов деревни, указывали местные «комитеты о нуждах сельско-хозяйственной промышленности». Большинство в этих комитетах, значительно приближавшееся к идеологии капиталистически преобразовавшегося помещика, на вопрос: «следует ли облегчить крестьянским обществам замену общинного владения подворным», сочло необходимым ответить, что «переход к подворному владению желателен, но без каких-либо принудительных к тому мер; с другой стороны, необходимо отказаться и от искусственного поддержания общинного землепользования, в виде принудительного в нем удержания отдельных крестьян, и предоставить им право свободного, независимого от согласия мира, выхода из общины, с выделом принадлежащих им наделов в подворное владение. Вообще решение вопроса о порядке землепользования надлежит предоставить самим же крестьянам, устранив принудительный характер общинного союза и избегая вмешательства в его хозяйственную жизнь, в виде ли законодательной ее регламентации (правила о переделах), или административной над нею опеки (контроль учреждений по крестьянским делам над всеми хозяйственными распорядками общины)» [1]).

Лучшим комментарием, поясняющим причины такого либерализма тех помещичьих групп, которые оказались в процессе капиталистического преобразования их владений перед лицом капиталистических элементов деревни, может послужить следующий отрывок из «Записки по крестьянскому вопросу» С. Ю. Витте — председателя особого совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. «В настоящее время натуральное хозяйство заменилось денежным, надельная земля является далеко не единственным источником существования нашего крестьянства, сильно развились отхожие промыслы, и расширилась область неземледельческого труда, земельное «утеснение» всюду чувствуется, жить экстенсивным хозяйством почти невозможно, необходимы затраты и более умелый труд для усиления производительных сил земли, рентабельность ее сильно возросла, и крестьянский надел представляет уже ценное имущество, а не тягло, —

[1]) Принципиальные вопросы по крестьянскому делу. Материалы высоч. учр. особого совещания, стр. 15.

вообще установился тот экономический строй, в котором личное начало приобретает первостепенное значение. При таких условиях правовая конструкция, отрицающая индивидуальную принадлежность прав и принудительно удерживающая отдельных лиц в составе двора, парализует основной двигатель современной экономической жизни и вносит чрезвычайную неопределенность и спорность в частно-правовые отношения, которые силой вещей складываются на начале личном» (стр. 95).

Если перевести этот отрывок из «Записки» Витте на общепринятые марксистские понятия, то здравый смысл приведенного весьма очевиден. Рост капиталистических элементов деревни поставил на очередь дня необходимость создания соответствующих капиталистических форм — юридических норм, характерных для капиталистической, а не полукрепостнической среды.

Как видим, идеи, получившие осуществление в Столыпинских законах, шли из среды капиталистически преобразовывавшегося помещика. Новым, внесенным революционной бурей 1905 года, являлось то, что эту сумму идей начинает проводить, реализовать старый, господствовавший слой помещиков-полукрепостников, бывших в меньшинстве местных сельско-хозяйственных комитетов, — для коих было «желательно сохранение общинного землепользования» [1]).

Понимание причин этого поспешного перехода на новые позиции облегчают приводимые выдержки из отчетов. Столыпин ищет путей, которые «дали бы возможность мирного труда в деревне на почве полной согласованности интересов землевладельца и крестьянина». Между тем в деревне господствует «ненависть одного сословия к другому, озлобление существующим порядком, на почве которого легко прививается пропаганда и возникают аграрные беспорядки, заражающие с неимоверной быстротой и соседние, благополучные местности». И то, что перед глазами Витте мелькало как расширяющее и укрепляющее основы капиталистического хозяйства, для Столыпина вырастает в качестве вероятной опоры существующего режима. В качестве такой опоры «устойчивого порядка в государстве» Столыпин выдвигает инициативного крестьянина. «В настоящее время, — пишет в своем отчете Столыпин, — более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплоататора своих однообщественников, — по образному выражению, мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни и если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка, при чем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то на ряду с общиною, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип... особенно желателен теперь»...

Смысл этого поворота лицом к капиталистическим инициативным элементам деревни хорошо объяснен самим Столыпиным в этой же записке. «Правительство для крестьян — средство к достижению известных земельных преобразований; для «третьего элемента» правительство — власть, то-есть цель, которой они стремятся достигнуть». Чтобы не дать буржуазии добраться до власти, выбить у нее возможную опору — крестьянство,

[1]) Там же, стр. 15.

по мысли Столыпина, само самодержавное правительство должно заняться «известными земельными преобразованиями».

Известными Столыпинскими законами этот план был реализован. Но вместо «добровольного» «желательного» выхода — программа либеральничавшего помещика — община раздроблялась под усиленным полицейским нажимом. Этот нажим, бесспорно, подгонял проявление капиталистического лица деревни, но он же резко обострил социальные антагонизмы в деревне, усугубил их действие, внес классовую борьбу в самую деревню. Столыпинщина не сняла, а приблизила революционное разрешение аграрного вопроса.

А. Гайстер.

1.

Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 год [1].

Ваше императорское величество.

В 1904 году господь бог благословил Саратовскую губернию обильным урожаем. В некоторых уездах такого сбора хлебов, как в отчетном году, уже давно не помнили даже старожилы. Средний сбор хлебов в губернии выражается цифрою в 108 миллионов пудов зерна, в 1904 году зерна было собрано до 148 миллионов пудов.

Обилие создает довольство; в атмосфере не может быть успеха революционной пропаганде, если она не пустила корней в народные массы, если движение не имеет свойства движения народного.

В этом отношении 1904 год имел характер пробного камня. И, с одной стороны, вывод может считаться утешительным: поджоги во владельческих усадьбах,— эта язва мятежной деревни, зло, вкоренившееся в Саратовской губернии, — затихли, их за год было всего 50, захватов помещичьей земли почти не было, и недоразумения на этой почве легко улаживались администрацией. Хотя пропаганда в деревне велась усиленно, но внешние успехи ее, несмотря на войну и целый ряд частных мобилизаций в некоторых уездах с наиболее беспокойным населением, не были особенно громки.

Таким образом, в смысле возможности для владельцев спокойно проживать и хозяйничать в деревне, а для крестьян прожить безбедно и выполнить все лежащие на них повинности, год прошел благополучно.

Если это является показателем отсутствия в народном сознании революционных идей, то, с другой стороны, год этот дает печальное доказательство какого-то коренного неустройства в крестьянской жизни.

Ведь при нормальных условиях богатый урожай должен был бы создать народные сбережения и вооружить население против грядущих бедствий в виде недорода и голода. На деле же, однако, голод настоящего года застал крестьян в состоянии полного бессилия и бес-

[1]) Подлинники печатаемых отчетов хранятся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве, Архивохранилище № 2 (б. Архив мин. внутр. дел).

помощности. Нельзя, конечно, отрицать, что урожай 1904 года пошел отчасти на пополнение недочетов минувших тяжелых годов, но надо считаться и с тем фактом, что значительная часть заработанных денег (а полевые заработки были громадны) растрачивалась зря, по винным и другим лавкам. Видимо, существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание.

Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землею, общинного строя. Строй этот вкоренился в понятие народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил: он просто другого порядка не понимает и не считает возможным.

Вместе с тем у русского крестьянина — страсть всех уравнять, все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельско-хозяйственные улучшения и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки.

Отчетный год был, впрочем, особенно неблагоприятным в смысле помещения сбережений в земельные приобретения, вследствие уменьшения Крестьянским банком норм выдаваемых ссуд, в виду военного времени. Это еще более способствовало непроизводительной растрате крестьянами результатов прекрасного урожая, так как если есть стимул, который подвигает крестьян к сбережениям, к известному экономическому напряжению, то это — приобретение земли.

Доказательством того, насколько крестьянин нуждается в земле и любит ее, служат те несоразмерно высокие арендные цены, по которым сдаются ему земли в некоторых уездах. В хороший год урожай с трудом оправдывает эти цены, в плохой и даже средний — крестьянин даром отдает свой труд. Это создает не только обеднение, но и ненависть одного сословия к другому, озлобление существующим порядком, на почве которого легко прививается пропаганда и возникают аграрные беспорядки, заражающие с неимоверною быстротою и соседние благополучные местности. Показал это и переживаемый год.

Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплоататора своих однообщественников,— по образному выражению,

мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни и если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка, при чем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то на ряду с общиною, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже народился в западных губерниях, и он особенно желателен теперь, когда вашему императорскому величеству стало благоугодно выслушать голос земли через Государственную Думу.

Я позволил себе, как и ежегодно в своих всеподданнейших отчетах, остановиться особенно долго на положении земледельческого класса, так как из него составляется громадное большинство подданных вашего величества; неблагополучие этого класса доказывается уже тем, что целые деревни Саратовской губернии занимаются по зимам профессиональным нищенством, и неблагополучием этим пользуются враги государства, чтобы создать смуту.

Подданным вашим известно, государь, что вами повелено особому совещанию и целому ведомству приступить к разрешению всех этих неотложных землеустроительных задач. Переживаемые нами ныне по истечении благополучного 1904 года бурные события в деревнях, являющиеся грозным предостережением, заставляют меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, как страстно и настоятельно ждет земледельческий класс осязательных результатов монарших предначертаний ваших, которые дали бы возможность мирного труда в деревне на почве полной согласованности интересов землевладельца и крестьянина.

Если земледельцы из всех реформ интересуются одною земельною, то в других классах населения возбудило живейший интерес то общественное движение, которое поднялось по всей России осенью минувшего года. Во главе движения стали деятели земские, общественные и все лица свободных профессий; за собою они увлекли элемент рабочий и учащуюся молодежь.

С внешней стороны движение облеклось в форму банкетов, на которых происходил обмен мыслей по текущим вопросам, разрешение которых выражалось в виде резолюций. Были попытки устраивать такие банкеты и в селах, под предлогом елок и публичных чтений в общественных помещениях.

Все это, при отсутствии до настоящего времени политической жизни в стране, представлялось до того новым, что, с одной стороны, не могло не вызвать проявлений крайней невоздержанности со стороны общественных групп, а с другой — стремление радикальных кругов направить все движение на путь революционный. Впрочем, в виду

ярко выраженного в Саратовской губении недоверия к правительству и со стороны групп легальных, общественная атмосфера создалась противоправительственная, характера отрицательного, обличительного.

Не буду утруждать внимания вашего императорского величества описанием уродливых проявлений, выросших на этой почве, тем более, что высшего своего напряжения они достигли в 1905 году, когда помянутое движение вступило в период общественной истерии, но не могу не остановиться на некоторых причинах, способствующих крайнему радикализму общественных групп губернии, и на положении местной правительственной власти среди бурного, хаотического потока их требований.

Как я упомянул выше, крестьяне-земледельцы, кроме отдельных, незначительных пока групп крестьян-революционеров, мало интересуются политическими реформами, кроме земельной; крупные землевладельцы, которые могли бы иметь большое сдерживающее влияние в крае, в имениях своих не живут и часто боятся даже в них показываться; в земстве преобладают средние и мелкие собственники, которые находятся под непосредственным, преобладающим влиянием самого влиятельного, даже могущественного, в Саратовской губернии элемента, прозванного «третьим» и состоящего из служащих земства, учителей, врачебного персонала и в последнее время даже адвокатов.

На почве наших военных неудач и всевозможных разоблачений правительственных язв и якобы правительственной слабости «третий элемент» быстро поднял голову и смело предъявил притязание на руководящее положение. Не имея связей в прошлом и греша большою теоретичностью, он, не встречая к тому же здоровой оппозиции в самом обществе, ведет плененное им земство дальше, может быть, чем последнее того хотело бы.

Единственный тормоз на пути «третьего элемента», это—администрация. Но против нее к услугам и пресса, и модное общественное течение, и тенденциозная фальсификация фактов и событий.

Беспристрастно оценивая вполне сформировавшийся разряд деятелей «третьего элемента», нельзя отказать им в смелости, трудоспособности, энергии и знаниях, но, с другой стороны, бросается в глаза их предвзятость, врожденная антипатия и недоверие к сложившимся историческим путям и формам, их презрение и полнейшее незнание людей других классов и воззрений и часто прямолинейное игнорирование жизненных интересов страны.

У них страсть к ломке, и инстинктивно они предпочитают законному ходу вещей достижение реформ путем революционным.

В такой губернии, как Саратовская, где не существует правильного соотношения партий, сила этих людей растет. Я упомянул об этом в прошлогоднем своем всеподданнейшем отчете и не могу обойти этот вопрос молчанием и ныне. Проглядеть и не считаться с этой партией было бы ошибкою; опираться на нее нельзя, так как она враждебна,

действовать на нее в настоящее время исключительно репрессиею, значило бы ее усилить. Партия эта, как обличительная, могла бы быть полезна, если бы ее сдерживали другие, имеющие почву в народе; при настоящих же условиях в Саратовской губернии она дает господство политиканам, необходимым спутникам политической жизни страны.

Правительство для крестьян — средство к достижению известных земельных преобразований; для «третьего элемента» правительство — власть, то-есть цель, которой они стремятся достигнуть. Вот почему за «третьим элементом» усиленно ухаживают многие общественные деятели других классов.

Что касается местной административной власти, то, не ставя преград всему тому, что является полезным для населения в деятельности «третьего элемента», ей приходится ставить безусловное «veto» там, где прогрессивная его деятельность начинает переходить в революционную. В будущем же остается ждать и поддерживать нарождение земельной партии, имеющей корни в народе, которая, противопоставленная теоретикам, могла бы обезвредить «третий элемент».

Упомянув о власти административной, не могу не отметить того тяжелого положения, в которое поставлен теперь высший представитель власти на месте. Переживаемый государством кризис, естественно, сопровождается явлениями и событиями разрушительного, хаотического характера. Задача местной власти, особенно в такое время, — обеспечить порядок, так как слабость или попустительство в сторону неразрешенного законом влечет за собою неудержимый поток нового беззакония и произвола. Но в таких необычных условиях, в такое ненормальное время нормальные полномочия губернатора являются совершенно недостаточными. Вследствие этого, несмотря на полное желание скорейшего перехода к общему нормальному порядку правления вверенной мне губернией, я вынужден был испросить себе разрешение издания обязательных постановлений с правом за нарушение их налагать взыскания в административном порядке.

Следующий за отчетным 1905 год с его аграрными беспорядками и повсеместною смутою как в деревнях, так и в городах показал совершенную необходимость этой меры. Но, вместе с тем, всякое взыскание, наложенное единичною властью губернатора, как бы справедливо оно ни было, вызывает обвинение в насилии, произволе, делает губернатора мишенью для самых ожесточенных нападок, и положение его становится подчас совершенно невыносимым. Выход мне представляется в системе наложения административных взысканий коллегиальным образом, то-есть образованием известного административного суда, проект о котором уже поднимался в высших правительственных сферах [1]).

---

[1]) Конец отчета, в котором говорится о деятельности саратовского отделения общества Красного Креста, нами опущен.

2.

Выписка из всеподданнейшего отчета херсонского губернатора за 1904 г.

Представляется необходимым расширение крестьянского землевладения до размеров наделения всего мужского населения по крайней мере четырьмя десятинами земли на душу, представляющими, по местным условиям, минимальную норму для самостоятельного крестьянского хозяйства, под непременным условием наделения в подворно-наследственное владение. Временный характер пользования землею при общинной системе, помимо того, что является препятствием для улучшения земельной культуры, не дает твердого понятия о собственности, служит источником споров, розни и неурядиц, и эти недостатки указанной системы не искупаются всеми ее положительными сторонами. Но главное—это то, что в Херсонской губернии сами крестьяне, в особенности бывшие помещичьи, не мирятся с общиною, всячески противятся переделам земли и признают так называемую «батьковщину», т.-е. переход надела из рода в род по наследству.

Для достижения земельного благоустройства крестьян могут быть рекомендованы меры: 1) установление условий, облегчающих переход от общинного землевладения к подворному, и поощрительных мер правительства к расселению крестьян в пределах надела с целью перехода к хуторскому хозяйству; 2) облегчение условий переселения в места, для сего открытые, с соответственною материальною помощью от правительства. Последнюю, однако, меру представлялось бы целесообразным применять пока лишь в особых случаях, так как Херсонская губерния не отличается обилием рабочих рук и в пределы ее ежегодно стекается из других соседних губерний — Киевской и Полтавской — до 100.000 чел. сельско-хозяйственных рабочих; 3) предоставление для заселения безземельных крестьян всех имеющихся в губернии казенных земель министерства государственных имуществ, кроме культурных участков, предназначенных для какой-нибудь определенной цели, и лесов, которые, имея здесь особо выдающееся значение в смысле влияния на орошение края, должны безусловно оставаться в ведении казны. Пахотных земель министерства государственных имуществ в Херсонской губернии найдется до 100.000 дес.; 4) предоставление крестьянам права залога свободной от выкупа надельной земли и продажи ее с условием покупки земли в другом месте в не меньшем количестве. Ныне до окончания выкупа крестьянами земель, отведенных им по положению 1861 г., остается всего лишь несколько лет, и предоставление подобного права создало бы значительные по своей стоимости и размерам земельные имущества, за счет которых открылась бы сама собою возможность приобретения новых земель и округления слишком растянутых дач, и 5) расширение деятельности Крестьянского поземельного банка. Относительно сего последнего почитаю себя обязанным доложить вашему величеству, что помощь банка по размерам своей нынешней деятельности далеко не соответствует назревшей

среди земледельческого населения губернии потребности в приобретении земельной собственности. Соответственно этой потребности необходимо, чтобы банк в деле помощи крестьянам был свободен от условий действия своего, как учреждения ипотечно-кредитного, и функционировал как государственное учреждение, задачею коего явилась бы широкая помощь в приобретении земельной собственности для крестьян, не останавливаясь даже пред возможными при этом потерями, искупаемыми совершенно государственным значением устроения крестьянского землевладения, этой основы государственной силы и могущества.

Правильность всех изъясненных соображений признана всеми серьезными представителями губернии, и ими, между прочим, с особою последовательностью указана в трудах местного комитета о нуждах сельско-хозяйственной промышленности и губернского совещания по рассмотрению проекта нового законоположения о крестьянах.

3.

Выписка из всеподданнейшего отчета казанского губернатора П. Хомутова за 1904 год.

Повергая на высочайшее благоволение вашего императорского величества необеспеченность означенных крестьян в земельном отношении, я приемлю смелость всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что улучшить положение сих крестьян представлялось бы возможным путем приобретения чрез посредство Крестьянского поземельного банка продаваемых земель частных владельцев и продажей их затем крестьянам с рассрочкою платежа денег, а также путем организованной на широких началах покупки, по местным ценам, той части заложенных дворянских имений, которая может покрыть долг по имению.

Частновладельческие земли принимаются в залог по оценке, редко достигающей половины действительной стоимости земли, и для самого владельца, в целях покрытия долга по имению, будет прямой интерес уступить по существующим местным ценам на землю половину, а может быть, и третью только часть своих владений.

Освобождаясь этим путем от обременительного банковского долга по имению, частный владелец вместе с тем сохранит в своем распоряжении наибольшую часть своих владений, совершенно свободную от долгов и попрежнему будет служить проводником в сознание благотворных начал сельско-хозяйственной культуры.

Покупка же казною части заложенных дворянских имений не вызовет даже никаких новых затрат правительственных средств, так как лежащий на имении долг с одного владельца переводился бы на другого — крестьянское общество.

Возможность осуществления изложенных мероприятий, казалось бы, не должна подлежать сомнению, так как случаи продажи

частновладельческих земель весьма нередки. В текущем году мною уже возбуждено пред министром внутренних дел одно ходатайство о покупке у землевладельца Аносова в Чистопольском уезде, по его предложению, 9.000 дес. земли для местных крестьян ценою по 55 р. за десятину, что представляется весьма выгодным, так как существующие цены на земли в этой местности достигают 110 р. за десятину.

На ряду с покупкою земель у частных владельцев для наделения нуждающихся крестьян, представлялась бы в высокой степени полезною и другая мера — льготное переселение нуждающихся крестьян на свободную землю, при пособии со стороны правительства на совершение переселения и на обзаведение в новом месте водворения.

Организация широкого и доступного переселения на свободные земли может создать экономически-сильные семьи, способные не только к возвращению всех сделанных на них затрат государства при переселении, но и к безнедоимочному несению государственных платежей и повинностей...

Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.

В мало изученном так наз. «Каракозовском деле» особенно большой интерес представляют показания подсудимых, дававшиеся в следственной комиссии. Многое, о чем говорилось при следствии с большими подробностями, на суде упоминалось только вскользь; кое-что и вовсе не нашло себе отражения в судоговорении и осталось в материалах следственной комиссии. Материалы эти очень обширны — всего 5707 листов. Мы выбираем из них некоторые показания и заявления, существенно дополняющие судебный отчет [1]).

Публикуемые материалы по содержанию легко распадаются на две группы. Первая группа — наиболее интересная для производившей следствие Муравьевской комиссии — касается выяснения фактической стороны покушения, его участников, лиц, замешанных в нем, организации, откуда вышел Каракозов, и т. п. Из этих материалов на первое место выдвигается донос Иги. Корево 22 апреля (№ 3), сообщившего правительству первые основные нити к раскрытию московской организации. Несмотря на крайнюю фантастичность некоторых деталей, сведения Корево в общем вполне подтверждаются печатаемыми показаниями других участников Ишутинского кружка — Ермолова, Юрасова, Страндена и самого Ишутина, от которых они, между прочим, по большей части отказались на суде. Заслуживают также большого внимания всеподданнейшее прошение Ермолова 29 апреля (№ 6) и его же показание 22 мая (№ 9). В то время, как второе сообщает очень важные сведения о связях Ишутинского кружка с «Землей и Волей» и с саратовской организацией Христофорова, первое вполне решает неясный вопрос о том, что ближайшие товарищи Каракозова определенно знали, из его собственных слов, о намерении совершить покушение еще за несколько недель до 4 апреля. Иначе и быть не могло, принимая во внимание те «теоретические» разговоры в тесном кружке, о которых говорит Юрасов в показании 31 мая (№ 11). Неудовлетворенный медленной подготовкой переворота путем школ, ассоциаций и т. п., снедаемый болезнью, Каракозов из «теоретических» разговоров сделал лишь логический «практический» вывод и поставил точку там, где договорено до конца не было.

В противоположность указанным материалам, с гораздо большей осторожностью следует отнестись к показаниям Каракозова и, особенно, к показаниям Худякова и Ишутина. Каракозов, подчеркнув в показании 19 апреля (№ 1), что он не знает лиц, покушавшихся вместе с ним на «совершение преступления», что мысль эта принадлежит ему одному, в дальнейшем, с 12 июня, упорно утверждал, что и Худяков, и Кобылин знали

---

[1]) Стенографические отчеты о заседаниях верховного уголовного суда по делу Каракозова подготовляются в настоящее время к печати Центрархивом РСФСР.

о его замысле и даже оказывали ему содействие. Последнее утверждение было правильно, так как Кобылин снабдил Каракозова ядом, а Худяков дал ему денег на покупку пистолета, хотя сам Худяков, в своей автобиографии (Женева, 1882), почему-то называет это утверждение оговором, исключительно объясняемым желанием Каракозова отвести подозрения от московского кружка.

Что касается Худякова, то он, сознательно стараясь запутать следствие, сам, в той же автобиографии, неоднократно издевается над даваемыми следователям показаниями (об обстоятельствах, при которых были написаны показания 25, 26 апреля и 5 мая (№№ 4, 5, 8), см. в его автобиографии, стр. 131—134), а Ишутин, как настоящий прототип Нечаева, как человек, для которого, по выражению Худякова, цель оправдывает средства, сообщал столь противоречащие сведения, так часто менял свои показания, что подорвал к ним всякое доверие не только у лиц, производивших следствие, но и у более благожелательно настроенных к нему членов суда. Поэтому, конечно, его записку 19 апреля (№ 2) ни в коем случае нельзя считать искренней и принимать ее всерьез. Это была очередная мистификация, при помощи которой Ишутин пытался втереть очки Муравьеву, стараясь представить все делом, почти ничего не стоящим.

Гораздо интереснее и, надо думать, достовернее те показания и записки участников Каракозовского дела, в которых они стараются выяснить идеологические основания своей организации. Здесь труднее заподозреть участников в неискренности, так как для властей теоретические рассуждения были куда менее важны, чем сведения о самом факте покушения и его подготовке. Следовательно, участники, выясняя теоретические социально-политические принципы организации, менее рисковали, чем указывая на лиц, имевших то или иное отношение к той же организации. Наконец, единодушие в этой части показаний, дополняющих, а не противоречащих друг другу, тоже говорит в пользу их достоверности.

Сопоставляя этого рода показания, легко установить две идеологические линии, нашедшие свое место и в 1870-х годах в теоретических столкновениях землевольцев и народовольцев. Одна из них ставит на первое место переворот политический, другая — экономическую революцию. Первая — «враждебная», по выражению Худякова, московской — наиболее ярко выражена в показаниях петербургского представителя кружка — Худякова—от 26 апреля (№ 5) и 11 июня (№ 12). Полная политическая свобода, самоуправление земских учреждений, выборность и ответственность министров, участие народных представителей, выбранных всеобщим голосованием, в государственном управлении — вот путь, по мнению Худякова, «к образованию производительного государственного хозяйства и подъему благосостояния народа». Едва ли показание Худякова от 11 июня можно объяснять, как делает он сам, только надеждою, что это показание будет прочитано Александром II. Политическая линия была вообще сильна в Петербурге, и недаром Худяков в своей автобиографии (стр. 24) называет себя «приверженцем конституции».

В противоположность Худякову, центральная фигура московской группы — Ишутин — является определенным противником политической революции. Если верить его заявлению 29 июля (№ 13), он готов был донести правительству, когда от Каракозова узнал о существовании партии, которая, не надеясь на помощь крестьянства, считая его анти-революционным элементом, замыслила политический переворот помимо народа. В том же заявлении Ишутин говорит, что в случае победы этой партии «народу будет во сто раз хуже, чем теперь, ибо выдумают какую-нибудь конституцию и вставят жизнь

русскую в рамку западной жизни». Конституция, по его мнению, найдет сочувствие в средних и высших классах; она даст «дух и жизненность промышленности и коммерции», но не гарантирует «от развития пауперизма и пролетариата, а скорее способствует». Последователь Чернышевского вырисовывается во весь рост, и недаром Ишутин говорил, что он знает лишь трех великих людей: Христа, ап. Павла и Чернышевского, об освобождении которого, нелишне прибавить, в кружке был живой обмен мнений. Только экономическая революция принесет народу настоящую пользу и создаст то новое общество, на новых социальных условиях, которое рисуется Ишутину в его показаниях 29 мая (№ 10). Аграрная реформа в духе пестелевской «Русской Правды», федеративный принцип устройства государства, национализация фабрик и заводов — вот основные линии социально-политических взглядов Ишутина и вместе с тем руководимого им московского кружка.

Характерно, что и в московской организации существовали своего рода правая-умеренная и левая-радикальная крайние группы. Первая — умеренная — имела своей целью постепенно подготовить переворот путем устройства артелей-ассоциаций, школ, библиотек, мирной пропаганды при посредстве сельских учителей в крестьянстве и т. п. Путь этот, длительный по существу, мало удовлетворял меньшинство Ишутинской организации («Ад»), хотя бы Каракозова, который более прислушивался к мнениям крайней радикальной группы кружка. В программе этой группы экономическая революция, правда, стояла на первом месте, но пути к ней были другие. Здесь были и возбуждение народа к бунту путем пропаганды, и тайные типографии, и экспроприации государственных сумм, и, наконец, цареубийство, как дело, «возбуждающее страх и волнение среди народа». Забегая далеко вперед, участники «Ада» представляли, что их «Ад» сохранит особое назначение и после переворота, так как будет негласным тайным комитетом, наблюдающим за действиями вождей и карающим их, если действия последних будут противоречить интересам революции. Не следует смущаться кажущимся противоречием между экономической революцией и политическим террором, каковым являлось мыслимое теоретически цареубийство. Достаточно припомнить прокламацию «Друзьям-рабочим» Каракозова, которая является выражением не только его личных взглядов, но и взглядов московского кружка: в ней царь рисовался не как политический глава государства, а как главный из помещиков. Следовательно, убийство его ни в коем случае не будет способствовать политической линии, а, наоборот, послужит лишь к углублению экономической революции.

Предполагаемое покушение Каракозова на убийство Александра II было и для Худякова, дававшего ему деньги на покупку пистолета, и для Ишутина, «теоретически» признававшего необходимость цареубийства во славу грядущей экономической революции, тою точкою, на которой они, несмотря на все свои расхождения, сошлись в единомыслии.

Алексей Шилов.

Все печатаемые документы, кроме одного, взяты из «Производства высочайше учрежденной в С.-Петербурге под председательством члена Государственного Совета генерала-от-инфантерии графа Муравьева следственной комиссии о покушении на жизнь его императорского величества 4 апреля 1866 г.», в 8 томах. Показание Ишутина от 29 июля находится в «Деле верховного уголовного суда над злоумышленниками против верховной власти и установленного законами образа правления». Некоторые из показаний напечатаны не

целиком (показание Каракозова 16 апреля, показание Худякова 5 мая, показание Ишутина 29 мая). Печатаемые показания расположены в хронологическом порядке. Все документы печатаются по новой орфографии. Орфографические ошибки, встречающиеся в подлиннике, исправлены, равно как ошибки и пропуски в пунктуации.

Печатаемая фотография находится также в делах следственной комиссии о покушении Каракозова. Она была отобрана в г. Кирсанове, Тамбовской губ., у Павла Александровича Федосеева уездным исправником при обыске. На обратной стороне ее имеется такая надпись: «Воспитанники пензенской гимназии, окончившие курс в 1859 г.

1. Каракозов, Дмитрий Владимирович. 2. Шиль, Карл. В Москве, в университете. 3. Вышеславцев, Федор. Студент московского университета. 4. Ваг, Христиан. Надзиратель пензенской гимназии. 5. Павел Александрович Федосеев. Г., у которого найден портрет. 6. Юрасов, Дмитрий Алексеевич. 7. Лицкой, Владимир. Кандидат московского университета, в московском сенате. 8. Войнаральский. На жительстве в городе Яренске, Вологодской губ. 9. Загибалов, Максимилиан. 10. Чекалин, Федор. В московском университете. 11. Хлебников, Николай. Учитель в виленском учебном округе. 12. Хрущев, Николай. 13. Вальтер. 14. Умнов. В Саратове. 15. Семенов. Исправник (п о д п и с ь)».

Заголовок и все имена написаны чернилами, пояснительные примечания — карандашом.

Обозначение года в этой надписи — неверно. Каракозов, П. Федосеев, Юрасов и Загибалов окончили пензенскую гимназию в 1860 г. См., напр., книгу П. Зеленецкого «Историч. очерк пензенской I гимназии с 1804 по 1871 г.». Пенза, 1889. Стр. 131—133.— Войнаральский — известный революционер 70-х годов Порфирий Иванович Войнаральский.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати и примечаниями снабдил М. М. Клевенский. *Ред.*

1.

Из показания Каракозова [1]) 16 апреля 1866 г. *).

7.

Когда и при каких обстоятельствах родилась у вас мысль покушиться на жизнь государя императора? Кто руководил вас совершить это преступление и какие для сего принимались средства?

Эта мысль родилась во мне в то время, когда я узнал о существовании партии, желающей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича. Обстоятельства, предшествовавшие совершению этого умысла и бывшие одною из главных побудительных причин для совершения преступления, были моя болезнь, тяжело подействовавшая на мое нравственное состояние. Она повела сначала меня к мысли о самоубийстве, а потом, когда представилась цель не умереть даром, а принести этим пользу народу, то придала мне энергии к совершению моего замысла. Что касается до личностей, руково-

*) «Производство», том. II, л.л. 230—232.

дивших мною в совершении этого преступления и употребивших для этого какие-либо средства, то я объявляю, что таких личностей не было: ни Кобылин [2]), ни другие какие-либо личности не делали мне подобных предложений. Кобылин только сообщил мне о существовании этой партии и мысль, что эта партия опирается на такой авторитет и имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных. Что эта партия имеет прочную организацию в составляющих ее кружках, что партия эта желает блага рабочему народу, так что в этом смысле может назваться народною партиею. Эта мысль была главным руководителем в совершении моего преступления. С достижением политического переворота являлась возможность к улучшению материального благосостояния простого народа, его умственного развития, а чрез то и самой главной моей цели — экономического переворота. О Константиновской партии я узнал во время моего знакомства с Кобылиным от него лично. Об этой партии я писал в письме, которое найдено при мне, моему брату Николаю Андреевичу Ишутину [3]) в Москву. Письмо не было отправлено потому, что я боялся, чтобы каким-либо образом не помешали мне в совершении моего замысла. Оставалось же это письмо при мне потому, что я находился в беспокойном состоянии духа и письмо было писано перед совершеием преступления. Буква К в письме означает именно ту партию Константиновскую, о которой я сообщал брату [4]). По приезде в Москву я сообщил об этом брату словесно, но брат высказал ту мысль, что это — чистая нелепость, потому что ничего об этом нигде не слышно, и вообще высказал недоверие к существованию подобной партии.

Дворянин *Дмитрий Владимиров Каракозов.*

8.

Назовите лиц, принимавших участие в замысле на цареубийство, и каким образом они стали вам известны? Какая цель этих лиц, и каким путем они предполагают достигнуть своей цели?

Лиц, которые бы покушались на совершение преступления вместе со мною, таких я не знаю. Мысль эта принадлежит одному мне и возникла из сознания о необходимости этого преступления для произведения переворота, клонящегося к народному благу. Что касается до осуществления этого плана, то энергию для совершения преступления придало мне то раздражительное болезненное состояние, в которое ввергла меня болезнь, которое чуть не довело меня до самоубийства, и все это потому, что я считал себя погибшим для дела, для народа и все *), что до сей поры было мне дорого.

Дворянин *Дмитрий Владимиров Каракозов.*

*) Так в подлиннике.

2.

Докладная записка Ишутина 19 апреля 1866 г. *) [5]).

19 апреля 1866 г.

Ваше сиятельство!

Я не могу лгать перед вами. Ваше доверие к моему честному слову обязывает меня говорить вам правду, хотя бы в ущерб моей свободе. От 18 апреля этого года во второй моей дополнительной записке я сказал, что был в Петербурге два раза. Я солгал. Я был больше. А солгал потому, что не хотел впутывать в мою несчастную историю людей ни в чем не виноватых и сошедшихся со мною случайно на очень непродолжительное время. Ведь нельзя не согласиться, что одно соприкосновение людей со мною по этому делу компроментирует **) их в глазах общества и портит их карьеру. Я был прошлым летом в Петербурге по следующему обстоятельству: в Калужской губ., Жиздринского уезда, живет очень богатый помещик Мальцев и фабрикует в той же местности в большом размере чугунные и стеклянные изделия. Рабочие на фабриках его до 19 февраля были собственные его крестьяне. С 19 февраля он их поставил в такое исключительное зависимое положение, что они должны были продолжать свои занятия на фабриках его. Положение их ужасно. Я сам видел их рабочие книжки. По этим книжкам видно, что чем больше рабочие работают, тем больше должают. Я видел сравнительную ценность продуктов рыночных и фабричных, последняя гораздо выше первой. Это объясняется обязательством для рабочих брать продукты непременно от фабриканта. Условия найма даже во всех его частных подробностях чрезвычайно тяжелы для рабочих и выгодны для фабриканта. Рабочие — в полной зависимости от произвола как крупных, так и мелких фабричных властей и пр., и пр. К счастию для рабочих, в той местности был чрезвычайно честный и правдивый судебный следователь Маликов ***), и он беспристрастно относился к искам рабочих. Но сила ломит и соломушку. Судебного следователя оттуда удалили, и рабочие остались еще больше в несчастном положении. Я не знаю, каким путем рабочие пришли к убеждению, что артельное производство дает бóльшую гарантию на больший заработок, только небольшая часть фабричных просили Маликова [6]) выпросить у правительства право на артельное производство. Маликов поехал в Петербург. Я полагал, что тоже могу помочь этому благому делу, тоже поехал в Петербург, надеясь, ежели Маликов достанет право, занять где-нибудь денег на время и ссудить рабочих. Но Маликов ничего не сделал, и я возвратился в Москву. Виделся я тогда с Худяковым ****). Мне была возможность устроить

*) «Производство», т. II, л.л. 276—277.

**) Так в подлиннике.

***) Ишутин всюду пишет «Малюков».

****) Ишутин везде пишет «Ходяков».

в Москве общество взаимного вспоможения рабочих. Цель этого общества составить кассу посредством сборов с членов общества. Действительным членом мог быть только рабочий какого-либо ремесла. Каждый действительный член должен был вносить известный процент с получаемого им жалованья. Эту кассу распределяли бы выборные от действительных членов на вспомоществование членам больным или без мест. Выборные должны были устроить контору рекомендаций мест и обязаны бы были отыскивать места нуждающимся членам и ручались бы за рекомендуемых членов в добросовестном исполнении своих обязанностей и доброй нравственности и трезвости; устраивали бы ремесленные школы для бедных детей своих членов. Кроме действительных членов, были бы почетные, с положением в обществе, и которые бы своим нравственным влиянием руководили бы ходом дел, устраивали бы концерты и частные сборы в пользу этого общества. Я ездил в Петербург справиться, каким путем достали себе права на открытие подобного общества петербургские типографщики. Это было прошлой зимой. Сознание моей незначительной роли в обществе и потому трудность достать правительственной санкции на это общество заставило меня бросить этот проект.

Это сознание убивало всю мою энергию. Я хотел быть полезным для отечества и не мог жить трутнем. Это сознание заставило меня плотнее сблизиться с товарищами и, когда мы окончательно выработаемся, просить правительственного освящения нашего общества, предварительно объяснивши всю важность и необходимость его. Цель этого общества я уже высказал в первой моей записке. Ваше сиятельство! Я не сумею исчислить всех выгод доверчивого отношения правительства к молодым и образованным силам России. Одно уже то будет великим результатом, что отобьет возможность быть недовольными государем. Доверие правительства даст естественный выход силам молодости и позволит приносить прямую пользу отечеству. Конечно, университет дает большие права и большую возможность быть полезным, но ведь выход один — это чиновничество, а я видел, как труден путь честному чиновнику и как недоверчиво относится народ к чиновникам вообще. Мы не желаем никакой другой формы правления потому, что другая форма даст права только высшим сословиям. Мы полагаем, что те начала, которыми держится правительство, т.-е. земство, есть самое разумное начало, согласное и с историческими преданиями нашими, и с естественным ходом нашей истории, и что земство приведет нас к полному, всестороннему развитию. Но нужно заметить, что непонимание и какое-то предубеждение народа ко всему, что носит вид официальности *), не позволяет думать, что **) последние реформы скоро привились и понялись. Народ все-таки живет своею одностороннею жизнью, полной невежества, суеверия и предубежден-

*) Что исполняется теми же, которые прежде не совсем-то делекатно относились к нему. *(Примеч. в оригинале.)*

**) Так в подлиннике.

ности. Он с полною верою относится к рассказам прохожего солдата и по обязанности прислушивается к добросовестному и усердному изложению чиновника. Солдата он напоит и накормит за басни, а чиновнику, пожалуй, поклонится в ноги, а сам думает, когда бог его унесет. «Начальство приказало», — и он идет в земскую управу. Ваше сиятельство! Где есть предубеждение, там нет спокойного, разумного обсуждения, а где нет разумного обсуждения, там может быть все, только не то, что желательно.

Я высказал вам в своей первой записке мои побуждения принять известную программу деятельности. Я говорю прямо, что не очень давно я был совсем не тем, что я есть. Я долго боролся с собой. Моя горячая, впечатлительная натура не давала мне долго примириться с выводами рассудка.

Ваше сиятельство! Я не прошу у вас ни снисхождения, ни великодушия. Я очень хорошо понимаю, что обстоятельства моих соприкосновений к преступнику так подозрительны, что дают вам право быть нравственно убежденну в моем участии в преступлении. Я понимал, когда объяснял вам смысл записки, что подписываю себе приговор, ибо касался таких вопросов, которые должны быть в чрезвычайном секрете, а я знаю их, совсем постороннее лицо. Я готов принять тот жребий, который выпадет на мою долю. Но осмеливаюсь доложить вам для блага России, государя и молодых сил, обратите внимание на мои слова. Я знаю молодежь, потому что жил с нею и пережил все фазисы ее развития, и могу вас заверить, что можно избежать раз навсегда все заговоры и демонстрации. Крутые меры только разжигают молодежь и заставляют смотреть на пострадавших, как на апостолов и мучеников за истину. История развития идей как в области морали и социальных вопросах, так [и] в области науки доказывают, что чем сильнее было сопротивление, тем страстнее и сильнее идет пропаганда этой религии, этой идеи. Вспомните развитие сект наших раскольников и до каких уродливых форм дошли они: до скопцов, до самосжигателей и пр., и пр. Что же делать, ежели скорбь народа дошла до молодежи и больно отозвалась в их сердце и они хотят помочь ему? Что же делать, ежели в благосостоянии народа они видят благосостояние родины? Ведь это народолюбцы! Ведь для них благо родины есть тоже своего рода религия, и стремление ко благу родины есть стремление к истине. А естественного выражения этой любви к народу негде проявиться. Вот и заговоры, вот и такие уродливые явления, как Каракозов со своим делом. Ежели бы правительство позволило бы помогать делу развития народа частной инициативе и относилось бы с доверием и любовью к добрым начинаниям молодых сил, то, поверьте, глубоким благо[го]вением и любовью проникся бы каждый из них к имени государя, и с какою любовию и усердием принялись бы они за благое дело, допуская полный контроль правительства и отдавая отчет ему в своих делах! Ваше сиятельство! Мне кажется, мало того, чтобы наказать преступников, но нужно предупредить такое преступление. Ну,

положим мы свои головы, но этим зло не пресечете. Тут не поможет никакая тайная полиция, во-первых, потому, что она не всевидяща, а, во-вторых, агенты легко продаются и легко покупаются. Почему знать, может, в то время, когда я пишу, двое иль трое семинаристов иль студентов клянутся последовать примеру Каракозова, видя в нем Брута или Гракха. Это уродливо, дико. Я согласен, но оно может быть. Потому что существуют условия, могущие производить таких господ. Тут не помогут никакие запреты, тут нужно убеждение. А где недоверчивость и преследование, там фанатизм и экзальтация. Я уж раз высказал комиссии, что не нужно делу Каракозова придавать серьезного значения, счесть это за ребячество, за наивность, и тогда не найдутся подражатели. За это я ручаюсь.

Ваше сиятельство! Не взыщите за смелость изложения. Я считаю своим нравственным долгом вам это высказать. Выпустите моих товарищей, и они окажут услугу государю. Они своим прямым, честным делом, видимым для всех, отвлекут молодежь от ненормального пути и дадут понять фальшивость всех заговоров. Вы близки к государю! Попросите у него позволения работать молодежи для блага народа. Вы этим предупредите все несчастия. Ведь в работе молодежи ничего не будет предосудительного и противоречащего тем началам, которыми держится правительство. Молодежь своим делом примирит народ с его прошлым и уверит и убедит в важности и значении реформ. На эту работу уйдут все силы молодежи и принесут чрезвычайно отрадные результаты. И пойдет эта честная, веселая работа, и ничто не своротит, не смутит молодежь с этого пути!

Потомственный почетный гражданин *И. Ишутин.*

Начерно написано 19 апреля.

3.

Показание Корево [7]) 22 апреля *).

1866 года, апреля 22 дня, я, нижеподписавшийся, дворянин Херсонской губернии Игнатий Корево, по добровольному моему вызову, объясняю известные мне нижеследующие обстоятельства:

1. а) О б о б щ е с т в е. Общество, носящее название «Организации», возникло в Москве не далее года тому назад и отдаленными своими учредителями имеет людей в роде Козлова [8]) и Спиридова [9]), наталкивавших людей на изучение Фурье, Прудона, Сен-Симона, Консидерана и других; но ближайшие учредители — Ишутин и Ермолов [10]), присоединившие к крайнему социализму систематическое истребление правительства. Впрочем, ближайшими учредителями они могут быть, мне кажется, как ветвь, потому что Николаев [11]) говорил, что за ним следили около двух лет, пока приняли в общество, а Ишутин

*) «Производство», том 2, л. л. 337—342.

говорил, что они не далее года тому назад были дрянной народ, а теперь только доработались (домыслились) до известных начал. Объяснить этого противоречия я не могу.

b) Цели. Первая и главная цель — истребление правительства, каково бы оно ни было, начиная с монархического и кончая революционным, чем они думали навести панику и на народ, и на правительство, и, с помощью известных им средств, распространением в главных городах России только крайне социалистических убеждений, заведением обществ, — захватить правление в свои руки, чтобы осуществить другую цель — устроить государство на крайних социальных началах, вроде идеала Фурье; для достижения этих целей должны были употребиться такого рода:

c) Средства: 1) пропаганда социалистических убеждений в народе, заведение обществ в главных городах России, ассоциации, сближение с рабочими, доставание денег всеми возможными путями, даже если бы нужно было прибегать к воровству и убийству, занятие казенных мест по почтовому ведомству, где легко возможна была кража больших денег, например, при пересылке податей, и, наконец, ближайшее цареубийство.

d) Устав. Общество организуется, то-есть пополняется членами, самым осторожным образом: вновь вступающий должен быть известен за человека социальных убеждений и связать себя готовностью сейчас совершить в пользу общества что-нибудь или обещанием совершения чего-нибудь. Что же касается самих членов, то каждый из них имеет известную обязанность, неисполнение которой или уклонение влечет за собою смерть, для чего существует в самом обществе тесный кружок, тайный, называемый «адом» или «мортусами», у которого, кроме официальных обязанностей, еще есть прямая обязанность— цареубийство. Членом «ада» можно сделаться не иначе как по жребию, т.-е. вынуть из двух билетов один, и если на нем будет написано смерть, то испытуемый должен тут же умереть или его убьют испытующие, если же он вынет билет с надписью жизнь, то он делается членом-мортусом.

2) Лица, составляющие общество. Все лица, которых я сейчас назову, принадлежат к «организации», но они подразделяются на членов-мортусов и просто членов:

Члены-мортусы:

a) Ишутин. Теперешняя обязанность — пропаганда и волнение народа, для чего было сделано и платье особенное, должен был летом отправиться; и прежде он ходил пешком по Волге, получал большие деньги, что говорил Николаев и сам Ишутин; Николаев изъявлял опасность, что Ишутин не сумеет отделаться, когда его спросят, на что он получал деньги и куда девал их; говорил он, что Ишутин получал по 1.500 рублей с. и что они записаны в той книге, которую захватили у Ишутина. Сам Ишутин, по его словам, выписал Каракозова в Москву,

потому что знал его за человека необыкновенного. Личность Ишутина известная в обществе как практик. Сам Ищутин сообщил мне, что стрелял Каракозов, когда он прочитал в «Московских Ведомостях» описание Каракозова, и сожалел, что Каракозов не снял галанской *) рубахи. Говорил, что правительство не церемонится в выборе средств, т.-е. намекал на то, что само правительство учинило петербургские пожары, а потому и нам нечего с ними церемониться. После покушения 4 апреля был страшно взволнован все время и обещал мне дать 100 р. с., по моей просьбе, так как он говорил, что его арестуют, то я и просил достать мне деньги, которых у меня не было. Гернет [12]) и Черкесов [13]) бранили Ишутина, но Ермолов, Шаганов [14]) и Николаев защищали его, а потом говорили ему, посмеиваясь: «Каково юнцы вас чистят». Кажется, и Воскресенский [15]) бранил его, что все дело из-за любви, что он кого-то из членов бранил за то, что занимается теперь любовью. Показывал мне в трактире Котикова медную пуговицу с ядом, которая была приклеена к волосам на затылке, и говорил, что все они запаслись этим. На вопрос мой, к чему это, он отвечал, что боится пытки.

b) Ермолов. Он, как человек со средствами, играл важную роль в обществе, намерен был куда-то отправиться летом, но куда, мне неизвестно; рассказывал мне об организации мортусов; собирался, по словам Ишутина, продать свое имение для какого-то дела.

c) Юрасов [16]). Об нем я слышал от Ишутина, что он тоже летом должен отправиться, но куда, не знаю; знаком с ним был мало и не говорил никогда.

d) Загибалов [17]). Он должен был сделаться почтальоном в том месте, где один из членов, с помощью протекции, сделается почтмейстером или помощником, и это для того, чтобы убить ямщика и украсть деньги; сделать должен был в то время, когда будут пересылаться подати: при этом он имел бы новый фальшивый паспорт, а старый, с помощью которого он нанялся бы в пачтальоны, он должен был сжечь. Он был студентом и жил с одной женщиной, которая официально считалась за съемщицу; она, как говорил Ишутин, доказала свою верность при каких-то обысках. Зовут ее Надежда Никитишна, в доме Ипатова, в Трехпрудном переулке, в Москве, где жили Ишутин, Ермолов, Юрасов, Загибалов и Каракозов. Узнать о ней можно или от любовницы Шаганова, или от Надежды Платоновны Ивановой, живущей в Москве, в Козицком переулке, дом Вагина.

e) Николаев. Его обязанность — пропаганда и влияние на благородное юношество: Ишутин постоянно удивлялся его умению очаровывать народ; Николаев часто приходил поздно ночью и говорил: «Ну, очаровал юношей, разгорелись так, что говорят, указывай только, что делать, на все готовы». Первый предложил мне обокрасть Серебрякова во имя принципа и говорил, что все средства и людей,

*) Так в подлиннике.

нужных для исполнения, он мне достанет. На мой вопрос, революционно ли то общество, в которое он хочет меня ввести, он отвечал, что общество, желающее переворота, не может не быть революционным. Вообще же был очень осторожен. Он кандидат московского университета. Раз Николаев сказал: «Если Каракозов скажет хоть слово, то нас всех повесят». Николаев говорил часто о каком-то обществе под названием «Вальпарайзо» [18]).

f) Шаганов. Он имеет сношение с поляками, хранит яды и должен был добыть себе место по почтовому ведомству. Жил в доме Кауфман, на Патриарших прудах, с любовницей, которую зовут Александрой Петровной; прежде Шаганов был с нею откровенен, но потом, по требованию общества, не сообщал ей ничего; особенно после того, когда Ишутин при ней убеждал Шаганова бросить ее, но Шаганов сказал, что он это сделает, когда того потребует дело; Александра же Петровна возненавидела Ишутина. Однажды я сказал Николаеву, что Шаганов может ради любви своей продать их, на что он ответил: «Шаганов известен по таким делам, что если бы хотя одно узнали, то ему предстояла бы или виселица, или каторжные работы; вы еще не знаете его; если ему общество прикажет умереть, то он и умрет сейчас же». Она тоже официально считалась за съемщицу. Если она теперь живет не там, то о ней можно узнать или от Рагозинской, или от Ивановой, а о Рагозинской узнать от бывшего студента Гремяченского, живущего в доме Свиридова, в Трехпрудном переулке. Когда я изъявил свое подозрение, что стрелял Каракозов, то Шаганов сказал: «Не может быть, у Каракозова был двуствольный пистолет». Выразил я мое подозрение, опираясь на мнения, высказываемые всеми вышеозначенными господами, что он даром не погибнет, что он постоянно писал, будто скоро погибнет, но даром погибнуть не намерен; а Шаганов сказал против моего мнения потому, что в «Московских Ведомостях» было написано, что стрелявший имел одноствольный пистолет. Он был судебным следователем в Сергаче, Нижегородской губернии.

g) Странден [19]). Все, что я говорил о целях общества, о средствах, об организации этого общества, — все это я узнал от Странден а *); кроме этого, он просил меня, если они все погибнут, позаботиться о похищении Чернышевского из Сибири и доставлении ему возможности бежать в Женеву, чтобы издавать там журнал; подробно об этом, он сказал, я мог узнать от Худякова. Он же сказал мне, что Николаев рекомендовал меня некоторым членам «организации» как человека, важного в двух отношениях: во-первых, способного на цареубийство и, во-вторых, способного украсть 300.000 р. с.; насчет этого он советовал мне быть осторожнее и, если они все погибнут, не бросить этого дела, т.-е. снова организовать общество мортусов, или ад. Он же передавал мне фактическое назначение Шаганова к служению по почтовому ведомству, а Загибалова — в почтальоны. Все эти господа и соста-

*) Корево везде пишет «Страндин».

вляли «ад», к которому принадлежало еще несколько человек, которых я не знаю. Вообще я скажу еще несколько слов об обществе: все вообще общество называлось «организацией», и в этом самом обществе был кружок под названием «ада», или мортусов. Этот кружок составился из лиц, о которых я говорил, — он был тайный; но впоследствии вся организация должна была обратиться в «ад», исключая одной тайны, которая была известна только первоначальному «аду», который самым бы осторожным образом пополнялся. Эта тайна — убийство членов, которые или отказались бы исполнить обязанности, или бы дурно их исполнили, или бы задумали выйти из общества. Это предположение я основываю на том, что Николаев сказал мне: мы все мортусы; он же не соглашался, чтобы «ад» имел право на жизнь членов. Теперь перехожу просто к членам организации:

a) Гернет.
b) Черкесов.
c) Калачевский.
} Студенты. Живет в д. графа Толстого, на Арбате, у студента Фалина, заведующего переплетной, устроенной обществом. О нем Николаев говорил, что он важный человек, потому что он наследник 300.000 р. с.

d) Борисов [20]).
e) Воскресенский.
} Живут в Петровской Академии. У них, кажется, есть устав и бумаги общества.

f) Федосеев 2-й [21]). Живет на Пречистенке с матерью. Он обещал употребить все свое наследство на пользу общества, а брат его

g) Федосеев 1-й [22]) живет в Кирсанове, Тамбовской губернии, и ждет или смерти отца, или употребит в дело трихин; но мне говорил Николаев, что хоть из-за границы прислали кусок мяса человеческого в университет, зараженного трихинами, которыми накормили собаку, но собака удрала, и теперь надо ждать нового случая, но не знаю, правда ли это. Все это для того, чтобы получить скорее наследство.

h) Малинин [23]), студент, кажется, доставлял яды, потому что Николаев и Шаганов постоянно говорили: надо пойти справиться у Малинина насчет трихин. Где живет, не знаю.

i) Молотов *) (кажется, наверно фамилии не знаю). Он — следователь Псковской губернии, в Холмах. Он имеет возможность достать большие деньги.

3. Сношения. Общество имело сношения с другими обществами и с поляками, но с какими и с какою целью, я не знаю, хотя часто приходилось слышать, как Ишутин говорил Николаеву: ну, что, были? или: отправляйтесь туда; а Николаев отвечал: сегодня пойду в другое место — или: был, народ — ничего. Странден же говорил, что Шаганов имеет сношение с поляками, у которых можно до-

*) В действительности Маликов.

стать яд, и у них есть в запасе оружие, почему я думаю, что по средине здесь стоит Малинин. Кроме этого, можно узнать о сношении Шаганова с поляками от Капацинского [24]), живущего студента на уроке у г-жи Языковой, а о местожительстве ее можно узнать у студента Курбатова, живущего в Москве, в гостинице «Крым»; узнать же можно вот почему: назад тому года полтора или два Капацинский передавал мне, что Шаганов говорил ему, будто поляки, сидевшие в казармах, что на Волхонке, предлагали взять Кремль и затеять резню, если только перебьют караульных солдат; тогда же Капацинский предлагал мне вступить в какое-то общество, к которому принадлежал и Шаганов, и тогда же у Капацинского, жившего с Васильевым в доме Мамонтова, за Москвой рекой, бывали собрания этого общества, но цели его и членов я не знал, потому что мне обещали открыть только тогда, когда я вступлю в общество; я же в это время уехал в Петербург с Серебряковым, которого готовил к вступительному экзамену в университет, который он держал в 4-й Ларинской гимназии. От Капацинского и Васильева [24]) я узнал, что от турецких некрасовцев приезжал агент с целью устроить какой-то журнал и постоянную переписку. По приезде, я спрашивал, нет ли чего интересного в обществе, то мне сказали, что нет ничего, но это потому, что я рассказал Серебрякову, который смеялся и не мог вообразить, как он говорил: «Как может быть членом общества такой дурак, как Капацинский». В самом деле, это ужасно глупая личность, но он может кое-что сообщить. Потом я раззнакомился с ними и около года не знал, где они, и только случайно узнал от Курбатова, что Васильев уехал в Крым, а о Капацинском я уже сказал.

4. Ишутин говорил, что ему передавал Каракозов, будто в Москве есть еще одно общество с исключительным направлением цареубийства; кроме этого, он говорил, что легко может быть, что Каракозов подкуплен партией великого князя Константина Николаевича, потому что, как он прибавлял, Каракозов говорил, будто он сошелся с некоторыми из членов этой партии, а на мой вопрос, что взял ли он, по крайней мере, большие деньги, он ответил: а может быть, и взял, да передал для хранения кому-нибудь; Николаев же часто говорил: «Мы люди маленькие, нас не тронут, а пострадает Константин Николаевич; если он сносит свою буйную голову, то это будет чудо». Кроме этого, Ишутин говорил мне намеками, что или ему, или Каракозову предстояла возможность через одно семейство сойтись с каким-то революционным обществом офицеров.

5. Характеры людей, о которых я говорил, такого рода:

a) Ишутин, по словам Николаева, — не особенных способностей и слаб характером. Перед пыткой, он говорил, не устоит.

b) Ермолов. Об этом человеке говорили, что это кремень и что такого человека трудно найти. Способности блистательные. Начитан.

c) Юрасов. Решительный, но не особенно способный.

d) Загибалов. Человек ограниченный.

e) Странден. Об нем говорили только, что это отличный человек, но, судя по его экстазу за водкой, он должен быть человеком твердым.

f) Николаев. Его считали образцовым теоретиком и человеком замечательного ума, но нерешительным и трусоватым для дела, хотя бойким на словах.

g) Шаганов. Считался за человека, питающего страшную ненависть кастовую, по словам Николаева, и поэтому злобного и решительного, но я думаю, что он положительно трус. Способности ограниченные, что говорил Николаев.

6. Теперь мне надо сказать, когда, от кого и каким образом узнал я об обществе, с кот[орым] я сблизился.

Назад тому несколько месяцев я был в очень стесненных обстоятельствах и искал себе урока, как однажды Николаев сказал при студентах Лалаше и Симоновиче такие слова: «Корево — наш человек, и если он бросит эту пошлую жизнь и народ, его окружающий, то я доставлю ему сам работу, а вам или Иванову, если бы вы умирали с голоду, то я не дал бы ни гроша». Нужно сказать, что летом у меня вышел школьный скандал с Николаевым, и потому в то время, когда он это говорил, у нас были отношения холодные, и он не решился сказать мне лично; а я принял это за желание уколоть меня, потому что он раз уже уговаривал Лалаша не рекомендовать меня на одно место, которого я искал, и потому все это осталось втуне; но вот на масленицу он пригласил меня в трактир Егорова, где начал уговаривать меня бросить эту жизнь, бросить искание кандидатской степени и заняться серьезно социальными науками, и при этом предложил мне достать урок, — тут же говорил и о том, что я мог бы, при моем влиянии на Серебрякова, легко обокрасть его, а когда я спросил его, на что, то он ответил: для дела, после узнаете. С уроком он возился до шестой недели поста, не достал его и предложил мне переехать к Шаганову, сказавши, что получает место у купца Горелина и, взявши задаток, даст мне взаймы денег. Но перед этим переездом я видел, что зайду слишком далеко, если брошу кандидатский экзамен и останусь опять без средств, то и сказал Николаеву, что я могу обокрасть Серебрякова (его отец увез за долги домой, и он должен был приехать в августе месяце на Нижегородскую ярмарку вместе с отцом) не иначе, как окончивши курс, потому что буду иметь еще больше влияния на него, могу познакомиться с семейством и даже пожертвовать собой: непременно жениться на его сестре. Он согласился с этим, и я продолжал готовиться к экзамену, а между тем он понемногу сближал меня с Ишутиным и К°, где я видел и Каракозова, но не говорил с ним ни слова; даже когда Ишутин повел меня и его под Новинское [25]), то и тут Каракозов предложил мне только кататься, а больше ни слова. Здесь я почти понял их намеки на какие-то замыслы и, чтобы еще ближе сблизиться, так они должны были узнать мой образ мыслей, я высказался в самом красном виде: я говорил, что способен на цареубийство, которое намерен совершить потому, что будто отец мой, умирая, подозвал меня

и завещал мне смыть с него пятно, которое лежало на нем за его передачу русским; предлагал безумные планы — получить место во дворце, чтобы жить в нем, нанести полную комнату пороху и поджечь; на это мне заметил Шаганов, что лучше подложить под рельсы гремучей ртути, когда его величество государь император будет ехать в Москву, и все в этом роде. После таких разговоров они стали бывать у меня, выпытывать мои убеждения о социализме; я высказывался в самом крайнем духе, тем не менее при мне не говорили ничего, а только давали заметить, что есть общество с громадными замыслами, и, может быть, я не узнал бы устава этого общества, потому [что] воровство у Серебрякова совершенно немыслимое дело, а насчет цареубийства они сказали бы мне, когда это бы было им нужно: вы говорили, что вы желали стрелять в государя по завещанию отца, то не угодно ли теперь это сделать, но покушение 4 апреля совершенно все изменило: после ареста Ишутина, Ермолова, Юрасова и Загибалова Странден сказал мне, что я только что говорил об этом обществе, и прибавил, что если его возьмут, то Шаганов все мне расскажет; и когда он пришел со мною к Шаганову, чтоб сказать ему, чтобы он не стеснялся со мною, то Шаганов удрал от меня (я был пьян тогда) из опасности, чтобы я не побил его и даже убил стилетом, который я носил при себе, потому что 30 апреля у меня произошел скандал с Шагановым и, опасаясь убийства со стороны общества, носил с собою палку с стилетом. После ареста Странденa и Шаганов и Николаев перестали мне доверять даже мелочи, и я увидел, что больше не узнаю, поэтому немеденно решился довести, вследствие данной мною присяги верноподданнической, все это до сведения правительства.

Таким образом, сначала я думал, что это простое общество, и думал только воспользоваться им для того, чтобы достать денег для окончания курса, но когда я узнал, каковы их замыслы, то поспешил открыть их.

8. С помощью некоторых мер еще может многое, я думаю, открыться. С арестацией любовниц Шаганова и Загибалова и обещанием любовнице Шаганова видаться с ним можно что-нибудь узнать. Кроме этого, если угодно будет его сиятельству принять во внимание предложенный мною план похищения Странденa, то я, если и не узнаю ничего нового, чего не может быть, то удостоверю, что все слова мои об этом обществе верны и истинны.

9. Родился я в 1841 году в г. Вознесенске, где отец мой, умерший в 1844 или 1845 г., был начальником рабочего батальона; после его смерти меня помазали миром, при чем восприемниками были тайный советник Казначеев и г-жа Титова. Воспитывался я на счет приказа общественного призрения в Одессе, в сиротском доме, потом поступил в одесский лицей и за успехи, сверх комплекта, на казенный счет отправлен в московский университет, где самым вопиющим образом был лишен стипендии.

Дополнение. В июне или июле 1865 года у меня бывал часто Алексей Орфано [26]) и предлагал мне вздуть Серебрякова для общего дела и даже говорил, что найдет человека тонкого, образованного, который, если я его представлю Серебрякову, сумеет нагреть его. Все это я тогда же передал Серебрякову, к которому ладил тогда Орфано по какому-то делу и который острил над ним.

Необходима арестация Федосеева.

К сему объяснению бывший студент московского университета дворянин *Игнатий Игнатьевич Корево* руку приложил.

4.

Показания Худякова [27]) 25 апреля 1886 г. *).

25 апреля 1886 г. **).

Должен объяснить, что с г. Ишутиным я виделся еще в декабре месяце, и он мне говорил, что в Москве организуется общество, во главе которого — он сам, г. Ишутин, и что оно разделяется на несколько кружков, из которых он и несколько других составляют центральный; об отношениях кружков он говорил, что фамилии они скрывают и каждый человек знает только нескольких других. Цель общества — революционная, для распространения революционных идей, для ниспровержения идей существующего порядка. Современем оно должно быть охватить все внутренние губернии в России; в Петербурге же он сказал, что вы «должны хлопотать ***) сами»; и он имел сношения со мной, чтобы я организовал кружок, в который ****) из моих знакомых участвовали я *****) и Ал. Никольский [28]) и Ник. Дм. Ножин [29]). Современем же он обещал указать на других лиц. Организация должна была опираться на библиотеки, которые должны были открыться по всей России, и при этом библиотекари должны были лично распространять революционные идеи, и революция, как он говорил, должна была начаться лет через пять. Касательно же «mortus»'ов он мне ничего не говорил, т.-е. о людях, долженствовавших жертвовать жизнью. Я получил письмо от Ишутина ******), что меня нужно в Москву для каких-то переговоров. В это время приехал великим постом в Петербург, был у меня (подробности посещения описаны верно и в показании 23 апр.) и сказал, что меня ждут в Москве. В это время я получил письмо от родных, что болен брат мой в Москве, и, кроме того, отвез туда «Рассказы в стихах и прозе» [30]), около сотни экземпляров. Бывши в Москве, я заходил к Моткову [31]) и свез ему эти книги;

*) «Производство», т. II, л.л. 465—467.

**) Эти слова написаны не рукой Худякова.

***) Перед этим словом зачеркнуто «составить».

****) Так в подлиннике.

*****) Перед «участвовали» зачеркнуто «долж».

******) Перед словом зачеркнуто «Каракозова».

там я пил чай и, возвращаясь оттуда, дорогой шел с Ишутиным, он провожал меня, и дорогой на бульваре я ему сказал, что ко мне приехал Каракозов и что он был без письма, и я ему сказал, что «зачем вы присылаете людей без писем», что потому я его принял сухо, хотя и дал ему денег. Он как будто вздрогнул: «так вот он где? А я не знал, куда он скрылся. Он зашел к вам так». Последние слова казались даже бессмыслицей. Потом он прибавил, что он «человек хороший». После того он просил меня зайти к нему переговорить о чем-то; я обещал к нему зайти на другой день, но не успел, и уехал. Ишутин и Странден были у меня в феврале; Ишутин у меня просил, нельзя ли достать писем для него, так как он хотел летом ехать в Уральск к казакам, для сближения с ними с революционной целью. Эти письма я должен был похлопотать достать, но я достать их не мог. Я их должен был привезти в Москву и на бульваре же сказал г. Ишутину, что не привез, так как достать не мог. Странден же хотел ехать в Сибирь для сближения с сибиряками; я ему дал письмо к Наумову [32]), но прибавил, что он человек трусливый и что через него можно высмотреть других людей. Цель была та же самая.

Я же все первое время служил им как агент для покупки книг, для покупки библиотеки, и современем должен был служить связью между Петербургом и Москвою, а также для пересылки своих сочинений. Сношения наши продолжались с декабря до последнего моего приезда; от него получил также письмо о присылке французских книг, которых он там в Москве не мог найти. Агентство мое из литературного современем должно было перейти в политическое; Ишутин обещал современем и выслать денег, сам же я их не собирал. От него же в первый приезд в декабре получил рублей 50. Те деньги я все издержал на покупку книг, а Каракозову же я давал из своих. Кроме того, я должен был сообщать ему сведения об обществе женского труда и об обществе частного труда. Открыто было осенью, кажется, на Канаве, и просил доставить их уставы.

Каракозов же от лица партии ко мне никогда не являлся, хотя и был у меня несколько раз за деньгами, но говорил, что он отыскивает своих родственников и, кроме того, хочет сближаться с рабочими. Адрес же он мне давал только один на Выборгской (у Калугина [33]). В последний же раз, когда он взял у меня десять рублей, он сказал, что уезжает из Петербурга в Нижний-Новгород для поправления своих денежных обстоятельств и для сближения с простым народом, для распространения революционных идей. Мне было неизвестно, принадлежал ли он собственно к московской партии. Ишутин и Странден мне об отношениях его к ним ничего не говорил, хотя Ишутин и назвал его «хорошим человеком». Студента Корево я не знал и об нем не слыхал.

Насколько посягательство Каракозова было вызвано обществом, или это — личное его покушение, вызванное его какими-нибудь личными обстоятельствами, этого я не знаю. По крайней мере, г. Ишутин

в декабре мне говорил, что революцию они начнут только тогда, когда все устроится, т.-е. лет через пять. Кто же имелся в виду в Петербурге кроме меня, я не знаю. Это было только начало общества, и далее оно не распространилось. Общество надеялось найти поддержку в простом народе. Устав общества, как говорил Ишутин, был составлен, но он мне его не показывал. В конце концов, оно должно было прибегнуть к революции, о мерах же он мог говорить только своим центральным людям.

Винясь в своих тяжких прегрешениях, как участник в противузаконных замыслах, я молю государя императора о милости, но вместе с тем добавляю, что если в настоящем показании моем окажется истина сокрытою, то я сознательно лишаюсь этой милости.

Домашний учитель *Иван Худяков* руку приложил.

Показание отбирали: полковник (подпись неразборчива).

Гвардии капитан *Никифораки*.

5.

Показание Худякова 26 апреля 1886 г. *).

1866 года, апреля 26 дня, честь имею объяснить, что известная мне организация в Петербурге не имела никакого правильного устройства, напротив того, представляла только кружок моих знакомых, к которым, в случае надобности, я обращался с известными просьбами, не говоря об обществе. Общество предполагалось составить впоследствии, когда характеры лиц и их склонности окончательно выяснятся, так как в последние годы многие из лиц, считавшихся «либералами», переменяли свои убеждения. Потому обращаться к ним с просьбами о рекомендациях как лиц, так и путей для составления общества было крайне щекотливо. Лицами, сочувствовавшими образованию будущего общества, были: я, братья Никольские; в связи с московскими кружками, мы должны были в нынешнем году начать организацию по всей России, для чего должны были взаимно рекомендовать друг другу людей, отъезжающих в провинции, и таких, на сочувствие которых можно было бы рассчитывать. Так, в Астрахани предполагалось найти сочувствие в Андрее Фортакове, брат же его Автоном Фортаков и товарищ его Яковенко виновны только в том, что — родственники Андрея [34]). О существовании предполагаемого общества они ничего не знали; предложение Андрею состояло в том, чтобы он помог для нас деньгами. Лица, которых видел у меня г. Ишутин, были Ведерниковы [35]) (на Гороховой, д. Михайлова, № 48), Комарова [36]), Лебедева; слыхал, что я знаком с Зайцевыми [37]), Ножиным и Печаткиным [38]). Лица эти хотя и разделяют революционные убеждения (кроме А. Лебедева [39]), но о существовании общества (за исключением Ножина) не знали. Более же лиц, знавших о существовании общества, не было. Общество должно было современем разделяться на кружки,

*) «Производство», т. II, л.л. 515—518.

но о центральном круге и о мортусах не было и мысли. Устав московского общества я знал, но сообразоваться с ним не мог, потому что находил в нем нелепости; знаю, что Ишутин читал мне в Москве в декабре месяце революционный устав, но мы с ним поспорили; и он мне сказал, что это писал человек, враждебный Петербургу. Что касается до воззрений моих относительно средств к достижению переворота, то считал позволительными только те средства, которые не ведут к кровавому насилию. Мысли о цареубийстве в обществе не было. Предполагалось мной, что с распространением революционных идей правительство, частью само проникшись уже стремлением к преобразованиям, посредством уличных демонстраций и говора общественного мнения, дойдет до того, что созовет Земский Собор, в котором бы принимал участие посредством избирателей весь народ поголовно, а не по цензу. Порядок ли конституционный, или демократический представлялся мне одинаково хорошим при всеобщей подаче голосов. Средства предполагалось добывать пожертвованиями желающих, круговой поруки не было, клятв тоже не было.

В голове моей было предположение, что для распространения демократических понятий прежде всего нужно дать возможность Чернышевскому бежать за границу в Женеву для издания какого-нибудь демократического журнала. Предполагалось, что г. Странден — если достанет денег — поедет в Сибирь и, сошедшись с сибиряками, именно Наумовым и Шашковым [40]), нашел бы случай уже на месте дать ему возможность бежать. Предполагалось, что под видом торговца можно будет проникнуть в рудники и оттуда, действуя подкупом или, смотря по местным условиям, как иначе, дать ему возможность бежать или Амуром через Америку, или обратно через Сибирь и Россию с крестьянскими обозами. Ножин был знаком с Зайцевыми, Курочкиным [41]), Залесским [42]); люди эти были одинаковых убеждений с ним, но об участии его в обществе они не знали. Ножин же обещал достать денег и для побега Чернышевского, а также и письмо к кому-то из амурских купцов.

Из лиц, принадлежащих к московскому кружку, мне известны: Спиридов, Николаев (один раз в Петербурге, месяца полтора тому назад, когда же именно, не помню), одного Федосеева знал (был у меня раз), блондин, месяца два тому назад; Николаев был у меня за получением 100 экз. «Рассказов о старинных людях» [43]); Федосеев по рекомендации Ишутина приезжал просить меня, нет ли у меня знакомых в каком-нибудь департаменте или присутственном месте, и нельзя [ли] помочь ему перевестись из Кирсанова в Петербург; я хотя и обещал ему похлопотать, но, не имея связей, ничего не мог сделать. Каких лиц для составления общества в Петербурге современем хотел указать Ишутин, я не знаю.

Домашний учитель *Иван Худяков.*

Показание отбирали: полковник (подпись неразборчива).

Гвардии капитан *Никифораки.*

1866 года, апреля 26, к прежде данному мною показанию добавляю, что к числу лиц, знавших об отношениях моих к московскому кружку, но не принимавших в них прямого участия, принадлежал и Г. З. Елисеев [44]), коллежский советник, на Вас. Острове, 9 линия, д. Рехенберга. Косвенное его участие состояло в том, что к нему приезжали иногда лица из московского кружка для толков об ассоциациях и разных артельных обществах. Молодежь составляла ассоциации на основании романа «Что делать» Чернышевского, в котором проводилась мысль, что при устройстве ассоциаций рабочая плата будет распределяться равномерно.

На вопрос о том, сделал ли Каракозов свое преступление сам по себе, или был натолкнут другими, должен по всей совести сказать, что не знаю, хотя о принадлежности его к московскому кружку я знал.

Домашний учитель *Иван Худяков*.

Показание отбирали: полковник (подпись неразборчива).

Гвардии капитан *Никифораки*.

6.

Всеподданнейшее прошение Ермолова *).

29 апреля **).

Ваше императорское величество.

В прежних своих показаниях, из боязни навлечь на себя обвинение, я упустил следующие обстоятельства, которые теперь считаю обязанностью высказать. После своей поездки в лавру, в начале великого поста, Каракозов в разговорах со мной, Ишутиным, Юрасовым, Загибаловым и Странденом стал высказывать желание сделать покушение на жизнь вашего императорского величества, считая это дело полезным, как возбуждающее страх и волнение в народе, и говорил, что он в этом видит себе личный исход, как человек больной и разрушающийся, и что чем скорее он это сделает, тем лучше. Мы возражали ему на это, что этим он погубит всех нас и вместе с тем все наше дело, относительно ассоциаций и школ, и потом, между прочим, замечали, что в этом деле убийца уже неизбежно сам погибнет и что немудрено и струсить. Около самого его отъезда в Петербург Загибалов видел у Каракозова пистолет, также порох и пули, которые он достал у Федора Афанасьевича Никифорова [45]), к которому он в последнее время ходил. Никифоров относился хорошо к Каракозову, говоря, что он — человек сильный и демократ, к нам, — что мы дворяне; как кажется, он имел влияние на поездку Каракозова и на его решимость пропагандировать на фабрике по крайней мере. Когда Каракозов скрылся, мы все-таки не могли догадаться, чтоб он уехал с намерением сделать покушение, и не знали, что подумать. В 1-м своем показании я сказал уже, что он жаловался

*) «Производство», т. III, л.л. 90—91.

**) Дата надписана карандашом.

на болезни и почти постоянно спал, а высказанное им мнение относительно покушения было слишком отрывочно и неопределенно высказано. Только тогда, когда Ишутин услышал от Худякова, что Каракозов в Петербурге, мы испугались, догадываясь, в чем дело. Приехавши в Петербург, мы стали его искать преимущественно около тех мест, где бывает государь, и, найдя его, умоляли, как только могли, оставить эту мысль, говорили ему, что мы с ним вместе всегда жили и, следовательно, он нас первых погубит, просили его дать слово воротиться в Москву и не делать покушения. Он больше отмалчивался, говоря, что здесь он покамест поживет на фабрике, а здесь это дело представляет ему личный исход, и, наконец, когда мы ему намекнули на донос, он дал слово воротиться в Москву. Он нам говорил еще, что он в клинике познакомился с некоторыми медиками и что они высказывались отчасти в пользу этой мысли. Мы этому мало поверили, не думая, чтобы человеку незнакомому кто-нибудь стал рассказывать такие вещи. Он говорил, что у них большая партия, конституционная. После этого все было так, как я говорил в прежних своих показаниях. Когда он приехал в Москву, мы его опять стали уговаривать. Тут он говорил Ишутину, что эти медики положительно высказываются в пользу и даже предлагают за это деньги. Это мне передал Ишутин во время получения официальной телеграммы в газетах о покушении. Много говорить нам с Каракозовым не удалось, — была Пасха, и мы ходили гулять, а на 3-й день он скрылся. Вскоре после того нас поразила означенная телеграмма. Тут Ишутин высказал догадку (мы все еще положительно не были уверены, или, по крайней мере, я старался отделаться от этой мысли), что это Каракозов, что он ему говорил то-то и то-то. Незадолго до получения телеграммы из Петербурга была получена посылка на имя Николая Ишутина; только на 3-й день по получении телеграммы о покушении он собрался сходить за нею. Это было письмо от Каракозова от 14 марта. Писал он, опять намекая на свое желание, и просил передать родным две фотографии. Тут я понял, в чем дело; прежде еще я надеялся, что, как писали в газетах, Ольшевский или какой-нибудь Галлерт, но тут уж не могло быть сомнения. Весь ужас моего положения представлялся мне, мое сношение с Каракозовым, поездка в Петербург, все это обрушивает на меня подозрение. Я никогда не принадлежал к такой партии, считаю себя верноподданным вашего императорского величества, и если в порыве молодости увлекался, то теперь вполне раскаиваюсь в сношениях с людьми, подобными Каракозову, и, повергая свою участь к стопам вашего императорского величества, прошу прощения.

Вышеупомянутый Никифоров служил приказчиком на Моховой в магазине, а прежде служил в новом магазине на Никитской улице. От него я слышал, что он знаком с Худяковым, познакомился же с ним через Ишутина.

Дворянин *Петр Дмитриевич Ермолов.*

1886 года, 29 апреля.

7.

Показание Странденa 1 мая 1866 г. *).

1866 года, мая 1 дня, в высочайше учрежденной в С.-Петербурге комиссии, дворянин Николай Павлов С т р а н д е н, на предложенные ему вопросы, показал:

I.

Из дела видно, что Дмитрий Каракозов, по возвращении из поездки своей в Троицкую лавру, в начале минувшего великого поста, высказал вам и другим лицам намерение совершить покушение на жизнь государя императора. Комиссия требует от вас подробного и откровенного объяснения: по какому поводу Каракозов заявлял вам и другим лицам о своем преступном намерении? Какой происходил между вами по сему предмету разговор, а также где, в какое время и при ком был означенный разговор; сколько времени он продолжался и был ли возобновлен? При чем обязываетесь подробно объяснить, что́ каждый говорил и какие были предшествовавшие обстоятельства, вследствие которых у Каракозова могло явиться преступное намерение? Когда именно и с какою целию Каракозов отлучился в лавру, действительно ли он был в лавре, сколько времени там пробыл, к кому воротился и чрез сколько времени по возвращении в Москву стал высказывать свое преступное намерение?

Ездил ли Каракозов в Троицкую лавру, или нет, я не знаю; знаю только, что на масленицу, в четверг или пятницу, он, не сказавши никому ни слова, скрылся, оставив записку, которую мы нашли за комодом и о которой я говорил в своем показании, т.-е. ту, в которой он жаловался на болезнь и высказал как бы намерение утопиться. На пер ой неделе поста, в понедельник или во вторник поутру, пришел Каракозов к Ишутину, который в это время стоял на другой квартире, а потом уже вместе с Ишутиным к нам. На наши вопросы, где он был и что значит его записка, он отшучивался, говоря, что прогуливался по Москве, а ночевал в «Крыму» (гостинице), а что записка это вздор, который он писал еще лежа в больнице [46])... Разговора, где бы Каракозов высказал намерение покуситься на жизнь государя императора, при мне не было. Какие были предшествовавшие обстоятельства, вследствие которых у Каракозова могло явиться преступное намерение, я не могу объяснить, кроме его болезненного состояния и недовольства всеми нами за наше намерение устроить общество взаимного вспомоществования или «общество переводчиков» с целью поддерживать несостоятельных господ этого общества, строить школы, переводить книги и т. д., что надеялись мы осуществить, испросив правительственное дозволение на существование этого общества, дозволение, которое гарантировало бы нам давать спектакли в пользу этого общества,

*) «Производство», т. III, л.л. 133—134.

ежемесячными взносами членов и барышом от издания книг; всем этим Каракозов, видимо, оставался недоволен, говоря, что все это бесплодно и бесполезно, потому что не приложимо на практике, как идущее не параллельно с правительственными взглядами, и тут, как я теперь вспоминаю, он говорил что-то о геройстве вообще, но решительно ничего не говорил о сделанном им преступлении. Разговор о геройстве шел у нас такой, что строить школы, переводить книги и т. д. можно делать без всякой любви к делу, из одного только тщеславия, отчасти даже выгодного при настоящем нравственном уровне общества; что таким обществом иной может даже выиграть хорошее место или что-нибудь в этом роде; тогда как, разбирая до тонкостей, все, что мы только имеем, принадлежит не нам, а всему обществу, и что, стало быть, человек имеет право проживать столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду, и только тогда, когда он будет трудиться полезно и много. Вот мысли Каракозова; на наши возражения, что прожить целый век, имея только кусок хлеба, отдавая все выработанное собственным трудом другим, требуется не только сильная воля, но и геройство, — он (т.-е. Каракозов) говорил, что иначе не сделаешь.

Н. Странден.

8.

Из показания Худякова 5 мая 1866 г. *).

Из вашего объяснения видно, что вам известна организация в Петербурге, которая состояла из кружка ваших знакомых, к которым вы обращались с известными просьбами. Из лиц, сочувствовавших обществу, вы назвали себя и братьев Никольских и изъяснили, что вы в связи с московскими кружками должны были в нынешнем году начать организацию по всей России, для чего должны были взаимно рекомендовать друг другу людей, отъезжающих в провинцию, и таких, на сочувствие которых можно было бы рассчитывать. Объясните подробно и откровенно: из кого состоит петербургская организация, кем и когда она составлена, в чем заключается деятельность каждого лица, принадлежащего организации, у кого и где находится устав упомянутого общества? Какое именно участие в организации принимали братья Никольские? Каким образом и через кого установилась связь с московскими кружками, и какие это кружки?

В объяснении своем от 25 апреля, находясь в крайне болезненном состоянии, я наклеветал как на себя, так и на своих знакомых. Правда, Ишутин просил меня рекомендовать ему в провинциях людей, мне известных или отъезжающих, но таких людей я не нашел между своими знакомыми. Под московскими кружками я разумел знакомых г. Ишутина и под связью **) с ними разумел свое знакомство с ним. В Петер-

*) «Производство», том. III, л. 380.

**) Зачеркнуто «между».

бурге же мне никакого общества, никакой организации, равно как и устава не было известно. На братьев же Никольских я взвел черную клевету, и потом, наклеветав раз, должен быть под диктант следователя написать к Александру Никольскому письмо [47]), в котором говорил ему, что наши преступления общи и тому подобные слова. Это с моей стороны был самый черный поступок малодушного человека, желающего свою вину облегчить клеветою на других.

Домашний учитель *Иван Худяков* [48]).

9.

Показание Ермолова 22 мая 1866 г. *).

1866 года 22 мая.

Когда я еще был в 7 классе института, в 1863 году, в Пензу приехал Ишутин и, быв у меня, убеждал меня в необходимости революции для введения в России социализма, притом намекал мне, что есть большая партия, как он говорил, в числе пяти тысяч, с таким направлением, и дал мне прокламацию, напечатанную весьма плохо на восьмушке листа, начинающуюся текстом св. писания о Самуиле и Сауле Это было весною; осенью же, в ноябре месяце, я приехал в Москву. Там Ишутин познакомил меня с Юрасовым, Загибаловым, Федосеевым и Карачаровым [49]), после того еще вскоре приехали Петерсон а), Странден. В одно время у нас была сходка, где Ишутин, Карачаров, я, Загибалов, Странден и Юрасов рассуждали о том, принадлежать ли нам к обществу «Земли и Воли», или нет. С этим обществом вел сношения только один Ишутин; он не передавал мне никаких подробностей о нем и не называл ни одной фамилии. Было решено принадлежать к обществу и стараться приобретать людей для него. Мною был введен в наш кружок Петерсон, а Ишутиным — Странден. Никаких прокламаций и вообще никаких заявлений от этого общества я от Ишутина не слышал. Еще до приезда моего в Москву, когда я еще не принадлежал к обществу Ишутина, Юрасова, Загибалова и пр., Ишутин имел взятый им от «Земли и Воли» шрифт, и от кого получал его, Ишутин мне ничего не говорил. Также я не знаю, для какой цели этот шрифт. Весь наш кружок не одобрял прокламаций и, сколько мне было известно, ничего печатать не желал. Цель наших действий была посредством революции уничтожить частную земельную собственность, водворив вместо ее общее пользование землей. Революцию должно было производить, действуя на страсти народа, и для этого не разбирать средств. С поляками заводить сношения мы не желали, основываясь на ненависть **) к ним народа. Зимою в этом же году мы, имея жела-

*) «Производство», том V, л.л. 159—160.

**) Так в подлиннике.

ние приобрести новых членов, знакомились с студентами, и не помню кем-то был предложен план преобразования студенческой кассы. Касса студентов хранилась в университете, и студенты получали из нее деньги через посредство кассира и депутатов от факультета. Но в это время студенты делились на кружки по губерниям, т.-е. жители одной губернии составляли один кружок, жители другой — другой кружок. Наш план был, чтоб депутаты не были выбираемы от факультета, но от каждого кружка, а чтоб кружки не имели уже более своих отдельных внеуниверситетских касс, а присоединили бы их в общую. Для того мы все ходили по разным кружкам с предложением такого плана, а Петерсон был выбран от своего курса депутатом. Это дело не состоялось, потому что большинство голосов стояло за факультетское, а не кружковое деление. Всю зиму мы ничего не слыхали об обществе «Земли и Воли», и мне ничего Ишутин не передавал о его действиях. Только в конце зимы Юрасов познакомился, мне неизвестно через кого, с каким-то Чуйко [50]), который, по словам Юрасова, принадлежит к «Земле и Воле» и придет к нам. Мы собрались все с желанием спросить его, как действует общество и велико ли оно. Он был у Юрасова очень недолго, о действиях общества ничего не сказал, но на вопрос: сколько человек в обществе,—что тысяч около восьми. На весну я уехал в деревню с Странденом, который, прожив со мною месяца 2, уехал в Саратов и потом через месяц приехал опять. Тут он говорил мне, что в Саратове познакомился с Христофоровым [51]), очень хорошим человеком, который устроил в Саратове две ассоциации и намерен еще устроить несколько, но у него нет денег, что эти ассоциации окупят себя и деньги возвратятся, так не могу ли я дать сколько-нибудь, и пригласил меня съездить в Саратов посмотреть на ассоциации. Я поехал и познакомился с Христофоровым. Деньги я с собою не взял, а приказал выслать вслед за мной управляющему. В ожидании их я пробыл в Саратове недели 2 и затем воротился в деревню. Христофоров был одинаковых убеждений с нами и принадлежал к обществу «Земля и Воля», он говорил это Странденту. Из лиц, знакомых с Христофоровым, Странден мне говорил про Михайлова [52]) и Веттера [53]). С Михайловым я познакомился, Веттера же не знаю. По возвращении из деревни я выслал денег около 400 руб. в Саратов. После я не виделся ни с Христофоровым, ни с Михайловым. В сентябре 1864 я опять поехал в Москву и, приехавши через несколько времени, узнал о том, что Юрасов, Загибалов и Ишутин приобрели двух новых членов, Капацинского и Васильева, и что для того, чтобы возбудить в них уважение к обществу, они составили фальшивое письмо, как будто бы от «Земли и Воли», где было написано: ободрительная речь к членам и приглашение усерднее действовать. Капацинского я раза два видел у Юрасова, Васильева же личности никогда не видал. Содержание письма я не знаю и не читал его. Оно было изорвано еще без меня. В октябре или в начале ноября месяца я поселился в Охотническом переулке, в доме Журавлева. До приискания же себе этой квартиры

я познакомился с Кутыриным и через него с Никифоро[вым], который брал у меня уроки. Я ему рассказал, какое у нас общество и цели его. Учил я его месяца с два, истории, естественным наукам и математике; после того, как я уже упоминал, он сделался приказчиком в новом магазине, где я с ним редко виделся. В это время Юрасов и Ишутин ввели в наш кружок много новых лиц, т.-е. почти всех, составляющих наше теперешнее общество. Остальную часть зимы я пробыл в школе г. Мусатовского [54]). В это время Юрасов познакомился с Маликовым и узнал от него о желании Мальцевских крестьян устроить у себя ассоциацию, а Ишутин услышал от Спиридова о ваточной фабрике Орфанова, как об выгодной для взятия в аренду, и познакомился с Орфановым. Весной, в апреле месяце, я ездил с Ишутиным в деревню для того, чтоб достать денег из опеки на завод Орфанова, и получил позволение попечителя на получение 4407 руб. Возвратясь в Москву, я жил так, как уже описывал в одном из своих показаний. Ишутин говорил мне, что у него страшно много дела и знакомых. В это время он познакомился с Козловым, через посредство Спиридова с какими-то поляками, фамилий которых он не говорил и которые, по его словам, хотели спасти от ссылки Серно-Соловьевича [55]). В это время жил я с Ишутиным и Каракозовым в Конюшках, в доме Кацаурова. Еще до поступления в городскую больницу я был приглашен Петерсоном в Бронницы провести несколько времени и полечиться. У него я познакомился с Федоровым [56]). У меня был с ним спор. Он высказывал ту мысль, что не действовать революционным путем и что социализм еще не может повести ко благу, так как не доказано, чтобы он был самой лучшей организацией общества, и что нужно людям заниматься наукой для отыскания настоящей истины. Я оспаривал его и защищал социализм и революцию. Петерсон был на стороне Федорова. На другой день этого спора за мной приехал Каракозов, говоря, что в Москве Орфанов; мне нужно было с ним переговорить о фабрике и сделать размен денег банкового свидетельства. Я уже прежде в своих показаниях упоминал, что меня задержала все лето в Москве ошибка в № банкового свидетельства, и я опять только уже в августе мог уехать в деревню, где прожил с месяц. Возвратясь в Москву, я узнал от Ишутина, что завод Орфанова пошел в ход и что Никифорову из оставшихся денег отдано 1400, частью Ишутиным и Юрасовым. Зимой 1865 года я 2 месяца лежал в больнице, по выходе из нее я перешел в дом Ипатова, где у нас довольно часто были сходки по поводу общества взаимного вспомоществования и его устава, а также более тесного кружка, для переговоров о спасении Чернышевского, Мальцевского завода и будущей деятельности общества. Устав был написан Шагановым, но всем обществом еще утвержден не был, а только рассматривался.

Когда я с Странденом был в Петербурге и когда Странден привел Каракозова в гостиницу, где мы остановились, то пистолета на Каракозове я не видал.

В моем показании я позабыл показать, что (буквы) шрифт, который Ишутин получил от общества «Земли и Воли», я отвез на хранение к себе в деревню, так как в них *) не было надобности. Об них Странден сказал Христофорову, который просил их у него, и я их отдал Страндену, который передал их Христофорову; на что были нужны Христофорову шрифты, я не знаю, и Странден мне об этом ничего не говорил. Из знакомых Христофорову я знаю еще Умнова [57]). Если что-либо забыл я из подробностей, то, как вспомню, считаю обязанностью пополнить.

Дворянин *Петр Дмитриев Ермолов.*

Показание отбирал член генерал-майор *Огарев.*

10.

Из показания Ишутина 29 мая 1866 г. **).

1866 года, мая 29 дня, в высочайше учрежденной под председательством генерал-от-инфантерии графа Муравьева следственной комиссии, почетный гражданин Николай Ишутин на вопросы объяснил ***):

Цель общества «Организация» — посредством революции устроить общество на социальных началах; вот те главные принципы, которым ****) это общество придерживалось: земля есть принадлежность государства, всякий член государства имеет полное право на известную часть земли. Положим, общество состоит из 100 человек и обладает 1.000 д. *****) земли. 5 д. достаточно для одного человека, следовательно, на сто — 500. Оставшиеся 500 составляют ager publicus ******) и разрабатываются всеми силами общества. Продукты с этого поля идут на потребности целого общества, т.-е. на школы, на церковь, на войско и вообще на все общественные и государственные нужды. В государстве 100 таких обществ; в частных, областных вопросах общество имеет право решать эти вопросы, как считает нужным. Государственные вопросы решаются с рассмотрением депутатов всех обществ или областей. Государь есть полный выразитель общественных нужд и потребностей страны. Частные лица не имеют права заводить ни фабрики, ни другие какие-либо заведения. Это право есть достояние государства. Все лица, не занимающиеся земледелием, получают содержание от государства. Право издавать законы принадлежит государству, впрочем, с рассмотрением депутатов, и ни в каком случае эти законы не должны противоречить основным принципам государства. Вот в самом кратком изложении принципы общества

*) Так в подлиннике.

**) «Производство», том V, л.л. 414—418.

***) Эти слова написаны не рукою Ишутина.

****) Так в подлиннике.

*****) В подлиннике ошибочно «т».

******) В подлиннике после этих слов карандашом поставлен «?».

«Организации». Общество «Организация» приняло свое начало в 1863 году и состояло тогда из меня, Юрасова, Загибалова и Федосеева, Карачарова, Страндена, Ермолова, Шаганова. Карачаров арестован был по делу Андрущенко и сослан в 1864 году в Саратовскую губер[нию] к своим родителям. Федосеев Павел, по требованию отца, уехал из Москвы в город Тамбов, где живет его отец. Как Карачаров, так и Федосеев не принимали участие в наших действиях. [В] 1865 году к нам прибавились новые члены, следующие, список которых приложу в конце. Средствами общества предполагались: пропаганда социалистических идей в народе, сближение с народом и с рабочим классом, устройство артелей, устройство агентуры в городах и в значительных местностях, но я не знаю, чтобы имелось в виду приобретение денег нечестными средствами, даже воровством и убийством, также не припомню, чтобы Шаганов и Загибалов должны были поступить в почтовое ведомство, [чтобы] иметь случай и возможность обокрасть почту, и никогда не имелось в виду цареубийство. Но предполагалось, когда будет достаточно приготовлен народ, предложить правительству устроить государство на социалистических началах, и если [оно] не согласилось бы, то произвести революцию, чтобы достичь непременно своей цели и основать новое правительство на началах социальных. Устава общества «Организация» не было, он только еще проектировался. Проект устава писал Мотков. Где в настоящее время проект этого устава, я не знаю [58]); проектом этим разделялось общество на разряды: a) члены столичные, b) члены губернские, c) члены сельские, d) печатальщики, — что же относится до разряда бессмертных, то целью этого разряда было наказывать отступивших членов от общества и могущих противодействовать обществу. Кроме этого, предполагалось устроить кружок «Ада». Цель этого кружка была цареубийство, в случае ежели правительство не согласится с требованиями. Члены «Ада» должны отчуждаться от всех порядочных людей и, чтобы отвлечь от себя подозрения правительства, сделаться абсолютным негодяем *), взяточником и вообще окружить себя самой гадкой обстановкою. Когда членов «Ада» наберется достаточно велико, так человек 30, то предполагалось, для пробы характера и нравственной силы членов, третью часть членов по жребию сделать доносчиками; члены «Ада» чрез своих агентов знали бы об действиях всех кружков; в случае злоупотребления или недеятельности этих кружков они должны предупреждать и обязывать к непременной деятельности. В случае революции члены «Ада» не должны делаться вожаками и не занимать никакой высокий пост, ибо высокие положения усыпляют энергию и деятельность человека; целью членов «Ада» при таком случае неусыпно следить за действиями вожаков и ни в каком случае не допускать популярность вожаков в том объеме и направлении, при котором можно бы забыть основные принципы революции. Член «Ада» должен был в случае

*) Так в подлиннике.

необходимости жертвовать жизнию своею, не задумавшись. Жертвовать жизнию других, тормозящих дело и мешающих своим влиянием. В случае убийства кого-либо член «Ада» должен иметь при себе прокламации, объясняющие причину убийства; член «Ада» при этом имеет с собою шарик гремучей ртути, держа в зубах во время убийства, после же должен стиснуть этот шарик зубами, а от давления гремучая ртуть производит взрыв, и посему смерть, и притом обезображивает лицо так, что потом нельзя будет узнать лицо убийцы. Это бы делалось на предмет безопасности для других членов. Член «Ада» должен жить под чужим именем и бросить семейные связи; не должен жениться, бросить прежних друзей и вообще вести жизнь только для одной исключительной цели. Эта цель — бесконечная любовь и преданность родине и ее благо; для нее он должен потерять свои личные наслаждения и взамен получить и средоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни. Так мы тогда рассуждали. Инициатива этого кружка я не знаю, кому принадлежит, и вряд ли бы этот кружок в том направлении долго бы просуществовал; такое направление могло только быть на словах, да и то недолго. Скоро бы одумались и поняли, что мы не в силах и половины этого сделать, не только что все, посмеялись бы над собой, тем бы дело и кончилось. Что и доказывает наше последнее признание. Ведь ежели бы мы были действительно способны для исполнения роли члена «Ада», то ничто не могло [бы] нас заставить сознаться. Члены «Ада» собирались редко, когда же собирались, то говорилось об отношении «Ада» к «Организации» и вообще ко всем могущим быть кружкам с революционной целью. Мы говорили, что нужно стушеваться пред «Организацией», дабы современем удобнее было действовать. «Организация» собиралась недели через две у Моткова. Там рассуждали о необходимости разъезжаться по губерниям и там набирать новых членов. «Организация» составилась в полном своем составе месяца за два до события 4 апреля. Каракозов только один раз был на сходке «Организации», в понедельник на святой неделе. Нужно заметить, что он часто приставал к нам с требованием начать дело «Ада» скорее, говоря притом, что он чувствует себя больным и думает, что скоро умрет, и потому не хочет даром умирать. Мы возражали ему и старались убедить его, что он не так болен, как кажется ему, что нужно года 3—4 подождать до тех пор, пока мы не убедимся как в своей безопасности, так и в выигрыше от та[кого] дела. Понятен наш ужас, когда мы узнали от Худякова, что Каракозов в Петербурге. Я обратился к Ермолову и Страндену с просьбой ехать как можно скорее в Петербург и отыскать Каракозова. Они отыскали его, встретив его случайно, не помню, где именно, — кажется, у Летнего сада или около Зимнего дворца. Приказывали ему бросить мысль о цареубийстве. Он дал слово и сказал им, что встретился и познакомился с человеком Константиновской партии. Подробности разговора я не переспрашивал. Боясь, чтобы он что-либо не наделал, я два раза писал ему, зовя

его в Москву, как за очень нужным делом. Я нарочно придавал письму тон необходимости, ибо он в противном случае не поехал бы в Москву При прощании с Ермоловым и Странденом он сказал, что поедет в Москву только по очень важной причине. Адрес свой он сказал Ермолову. По приезде своем в Москву Каракозов сообщил мне, что он писал к нам после отъезда Ермо[лова] и Стран[дена], где звал кого-либо из нас в Петербург, и тут же прибавил, что можно бы познакомиться с очень сильными людьми Константиновской партии и что они дадут большие деньги тому, кто решится на убийство государя; смертью государя воспользовался бы Константин и при помощи происшедшей паники от этого как в обществе, так и в наследнике вступил бы на престол, ибо наследник отказался бы от престола. И что он, Каракозов, хочет предложить услуги. Я стал его уговаривать, что от этого ничего не выйдет хорошего, только ты погубишь нас и себя, и что люди, тебе предлагавшие это дело, — интриганы и самые, должно быть, совершеннейшие подлецы, ибо из каких-либо своекорыстных видах *) сие учинить хотят, потом он сказал мне, что он знаком с доктором клиники, принадлежащим **) к этой партии. Больше я тогда его не расспрашивал и убеждал его лечь в клинику и вылечиться; нужно заметить, что он мне в объяснение причины, почему он хочет взять предложение, сказал, что с ним болезнь трихинная. Он на мое предложение лечь в клинику в Москве сказал, что доктор петербург[ской] клиники положит его даром в петер[бургскую] клинику и что тамошняя клиника гораздо лучше московской, и что он там скорее ляжет в клинику, чем в Москве, ибо в московской уже лежал, но ничего лучше не стало. На другой день он скрылся, и я полагал, что он поехал в Петербург, где и ляжет в клинику. Я хотел по прошествии пасхи съездить в Петербург, навестить его в клинике. Нужно еще заметить, что он сказал, что сошелся там с рабочими, что намеревается поселиться на фабрике в качестве рабочего, для чего и просит достать где-либо пачпорт. Я сказал ему на это, что негде достать и что ты там с пропагандой попадешься. Лучше будет, ежели ты вылечишься и отправишься куда-либо в деревню сельским учителем. Ежели бы я знал еще кого-либо из Константиновской партии, то сказал бы. Сказал бы уже потому, что она была причиной моего и моих товарищей несчастья. Я не отрекаюсь, что мы достойны наказания за наши замыслы, и не с тем говорю, чтобы оправдаться, нет. Я понесу с полным сознанием своей преступности все то, что выпадет на мою долю. Я говорю только, что я не участник и не поощритель преступления Каракозова в видах Константиновской партии. Меня оправдывает в этом случае письмо Каракозова ко мне, найденное у него в кармане после совершенного им преступления. Вот все, что я могу сказать в защиту себя на этот случай. Впрочем, еще. Ежели бы я принимал участие в преступлении Каракозова, то я бы

*) Так в подлиннике.
**) В подлиннике «принадлежащей».

обставил себя и моих товарищей так, чтобы нельзя бы никоим образом узнать, что мы знакомы Каракозову...

11.

Показание Юрасова 31 мая 1866 г. *).

1866 года, мая 31 дня, в высочайше учрежденной под председательством генерал-от-инфантерии графа Муравьева следственной комиссии, дворянин Дмитрий Юрасов на вопросы объяснил **).

В обществе, которое образовалось в 1863 году и которое имело целью экономический переворот в государстве, остались членами я, т.-е. Юрасов, Ишутин, Ермолов, Странден, Шаганов и Загибалов; ко второй половине 1865 года круг наших знакомств значительно увеличился, и мы решились предложить людям, более подходящим в убеждениях к нам, выработать план «Организации». Начались собрания. Они бывали в доме Ипатова, в Трехпрудном переулке, или в Денежном переулке, в д. Пономаря. Как водится, было две партии: крайняя хотела произвесть революцию путем возбуждения и устной пропаганды, умеренная желала действовать школами, ассоциациями и распространением книг, объясняющих экономия положения — законы ***), в виду имело тоже экономический переворот. Хотели итти путем более медленным, но верным. Наконец, план действий был определен, и занятия между членами распределены следующим образом: трое должны были остаться в Москве, один из них знакомится с поляками и заводит сношения с другими обществами, если таковые будут, другой набирает новых членов, третий поддерживает сношения с членами, живущими в губернских городах, заведует библиотекой, посылает из нее губернским членам книги, знает об их действиях, и если нужны им деньги, то посылают деньги из процентов, вырученных в библиотеке. Капитал для открытия библиотек хотел дать Ермолов, продавши, когда будет совершеннолетним, свое именье. Остальные члены «Организации» уезжают в губернские города, как только найдут себе в одном из городов занятие, обеспечивающее их существование, или будут средства для открытия губернской библиотеки; обязанность их — знакомиться с семинаристами и вообще молодыми людьми и убеждать их делаться сельскими учителями, стараться открывать различного рода ассоциации, сноситься с сельскими членами и в случае нужды помогать им деньгами и книгами. Сельские члены—учителя — устраивают при школах ремесленные заведения, сообразно с потребностями местности, объясняют крестьянам, что единственное средство улучшить их положение — круговая поддержка и устройство ассоциаций; когда крестьяне и рабочие на факте будут убеждены в возмож-

*) «Производство», т. 6, л.л. 88—90.

**) Эти слова написаны не рукою Юрасова.

***) Так в подлиннике.

ности приложения труда иным, более выгодным образом, тогда они могут потребовать от капиталистов изменения своих к ним отношений, и если капиталисты не согласятся сделать уступки, то через революцию достигнуть экономического переворота. Столичные члены должны были знать губернских членов, тогда как сельские члены быть известны только губернским и могли быть знакомы между собой. Вот как я понимал план организации, но этим еще не остановились мечтания. Ум, привыкший, за неимением дела, к фантастическим вымыслам, не остановился на этом, а пошел еще дальше, — был создан новый план общества, который по своей сущности не только глуп, но и преступен! Это общество должно было носить название «Ад». Когда явилась эта мысль, я хорошо не припомню. Должно быть, в начале 1866 года. Может быть, даже после того, как Ишутин приехал из Петербурга и рассказал о Европейском комитете, цель которого была революция, а средства для возбуждения революции—гремучая ртуть, орсиниевские бомбы и цареубийство. Целью «Ада» была тоже революция и даже преступный замысел против жизни государя. Общество это должно стоять не только отдельно от «Организации» и не быть ей известно, но его члены обязаны сделаться пьяницами, развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений. Члены его должны находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что было убито лицо. «Ад», предполагалось, должен был иметь свою типографию, в которой печатать, когда нужно, прокламации. (Я позабыл сказать, что в «Организации» предполагалось тоже тайно печатать книги, экономические.) Кроме того, другие члены «Ада» должны были следить за действиями «Организации» и, в случае ее отклонения от пути, который «Ад» считает лучшим, издаются прокламации, или [«Ад»] тайным образом предостерегает «Организацию» и предлагает исправиться; если же члены «Организации» не изменят образа действий, то «Ад» наказывает смертью. Если член, следивший за «Организацией», будет узнан и арестован, то его место должен занять новый, а арестованный должен отравиться, чтобы не выдать тайны. У каждого члена тайны *), предполагалось, должен быть всегда готов для отравления яд. Кроме всего этого, «Ад» посылает члена для покушения на жизнь государя. Пред тем, как член пойдет на это ужасное преступление, он должен обезобразить себя и иметь во рту гремучую ртуть, чтобы, совершивши преступление, раскусить ее, убить тем самым себя и изуродовать лицо, чтобы не быть узнанным. В кармане его должны находиться прокламации, объясняющие причины преступления и требования, желания «Ада». Пределов преступным фантазиям «Ада» не было. Если бы нужно было повторить такое преступное действие, он не остановился бы и пред этим. Но

*) Так в подлиннике.

после того как явился такой план «Ада», мало-по-малу начали откладывать его осуществление, некоторые высказались даже против него, например, Мотков *), который слышал об этом плане, и он высказался сейчас же против него, как только услышал об нем. Когда же Каракозов сообщил кому-то из живущих со мной о своем преступном намерении и пропал из Москвы, тогда сделалось ясно, что словами нельзя шутить! Странден и Ермолов поехали в Петербург, чтобы уговорить Каракозова оставить свою мысль и вернуться в Москву, надеясь после отправить в деревню и отдать его под присмотр родных. В субботу перед пасхой Каракозов, действительно, вернулся в Москву и ни слова не говорил о своем намерении и через два дня пропал опять неизвестно куда; трудно было предположить, что он еще не оставил своего преступного замысла, а иначе зачем же ему было приезжать в Москву! Рассказавши все, что я знал об «Аде», в котором рядом с преступлением не только допускалась, но даже требовалась всякого рода безнравственность, — пьянство, обман, воровство, — я не приведу ничего в свое оправдание, потому что всякое оправдание будет ничтожно в сравнении с теми преступными замыслами, которые я знал, а принесу только полнейшее раскаяние и прошу покорнейше комиссию ходатайствовать у его императорского величества о смягчении наказания за мое преступление.

Дворянин *Дмитрий Юрасов.*

Показание отбирали члены: генерал-майор *Огарев.*

Генерал-майор (подпись неразборчива).

12.

Показание Худякова 11 июня 1866 г. **).

1866 г., июня 11 дня, в высочайше учрежденной следственной комиссии, под председательством генерал-от-инфантерии графа М. Н. Муравьева, домашний учитель Иван Худяков на предложенные ему вопросы объяснил ***).

Движение вперед особенно сильно началось у нас с начала нынешнего царствования. Благодаря желанию государя императора, чтобы «революция, т.-е. перемена общественных отношений, происходила в России сверху, а не снизу» (слова, произнесенные им московскому дворянству), у нас совершилась крестьянская реформа и совершилась мирно, в то время как в Америке освобождение негров потребовало кровопролитной и упорной междоусобной войны. Это — первый важный шаг к свободе; оставалось сделать еще шаг — объявить политическую свободу, и освобождение было бы полное. Но не все правительственные лица искренне сочувствовали реформе, и если не удалось

*) Юрасов пишет «Матков».

**) «Производство», т. VII, л.л. 111—112.

***) Эти слова написаны не рукою Худякова.

им остановить крестьянскую реформу, то они старались замедлить другие. Тотчас же после освобождения крестьян (1861 г.) начинается гонение на университеты и запрещенные книги. Преследование известных идей, как известно, только усиливает страсть к ним; запрещенный плод становится тем увлекательнее, чем труднее он достается. По мере ограничения свободы слова, в России стали появляться разные прокламации и заговоры. Это — не случайное явление уже потому, что оно повторяется повсеместно. Как бы эти заговоры ни были ничтожны и бессильны, но, тем не менее, они показывают, что в России пробудилась потребность политической свободы. И потребность эта стала всего сильнее чувствоваться с 1861 года, со времени освобождения крестьян. Человек, переставший быть рабом, должен быть свободным, а без права выбирать чиновников и требовать их к отчету он остается рабом своего начальства. За небольшим исключением все дворянство, все чиновничество, вся молодежь разделяют мысль о самоуправлении и политической свободе. Сам Катков не искренний монархист; еще так недавно он проповедывал всем об английской конституции; в 40 лет не увлекаются по молодости.

Несмотря на бессилие всяких заговоров, существующий порядок, по моему искреннему убеждению, не может оставаться в таком положении долее десяти лет. Полицейские меры вызовут только крайнее раздражение, и при первом удобном случае (например, при предстоящем финансовом кризисе) сила революционного движения будет равняться силе реакции, которой его сдерживали; тогда настанет смутное время... Подобно этому в древнем Московском государстве была смутная эпоха семь лет после прикрепления крестьян. Даже в то грубое, невежественное время, когда, сверх того, Русь была отвлечена войнами с поляками и шведами, смутная эпоха *) привела за собой земские соборы и уничтожение местничества. В наше время, при других условиях, она неминуемо приведет к полной политической свободе. Поэтому — мое искреннее убеждение, что в видах народного блага и общего спокойствия всего лучше было бы предупредить революцию снизу, сделав революцию сверху.

В настоящее время у нас правительство должно сдерживать обе партии—и дворянскую и народную, и передовую и консервативную, и сдерживать их исключительно полицейскими мерами. что, конечно, оскорбляет и ту и другую; потому вражда обеих обращается на правительство. При политической же свободе партии эти будут бороться законными средствами, которые будут предоставлены конституцией, и таким образом борьба эта найдет мирный исход.

Конституция **) должна быть составлена представителями всех сословий и ***) при свободном обсуждении ее печатью. Земские учреждения должны получить права большего самоуправления; избрание

*) Зачеркнуто слово «время» и надписано «эпоха».
**) Зачеркнуто «Свобо».
***) Зачеркнуто «въ».

гласных как в местные земские учреждения, так и в столичные государственные палаты должно быть основано на поголовной подаче голосов; чтобы каждый, независимо от ценза и состояния, мог участвовать в управлении, потому что оно должно иметь в виду благосостояние всех. При введении такой конституции прекратятся всякие заговоры, всякие революционные попытки. В Англии, Бельгии, Швеции не страшны никакие революционеры, социалисты и нигилисты. Они могут что угодно говорить на своих митингах, печатать какие угодно брошюры, правительству нечего бояться их, потому что оно прочно, оно вполне народное правительство.

Первым результатом политической свободы будет производительное государственное хозяйство, что, в свою очередь, сильно и быстро подымет благосостояние народа. Сельское хозяйство и всякий труд развиты всего более в свободных странах, в Англии и Бельгии, и, наоборот, в странах, лишенных политической свободы, они находятся в самом жалком положении, напр., в Турции, хотя климат ее и почва несравненно благоприятнее английского и бельгийского.

Время дорого, время более нежели деньги, время — м ы; вот что объясняет нетерпеливость молодежи, пылко желающей политической свободы. И чем раньше наступит она, тем лучше и для народа и для самого правительства. Д а р о в а в полную политическую свободу, государь император может предотвратить смутное время, дать революции мирный исход и перейти в потомство с именем п о л н о г о о с в о б о д и т е л я н а р о д а. И мне кажется, что никогда еще не было для этого более удобного времени, как теперь, когда вся политическая партия засажена в крепость и дарование свободы не может казаться вынужденной уступкой. Выборные и ответственные министры, решая дела по числу голосов, не могут иметь Наполеоновских замашек; а царствующий дом за охрану народной свободы будет всюду встречать непритворную, искреннюю и восторженную любовь, какую оказывают англичане своей королеве,—любовь и привет свободного человека, а не раба. И еслиб я мог быть уверен в том, что свобода наступает для России, я бы на самой виселице приветствовал и с восторгом провозгласил имя о с в о б о д и т е л я [59]).

Домашний учитель *Иван Худяков*.
Показание отбирали члены: генерал адъютант *Шварц*.
Генерал-майор *Огарев*.
Генерал-майор (подпись неразборчива).

13.

Заявление Ишутина 29 июля 1866 г. *).

1865 года в июне или в июле месяце я слышал от г-на Глинки о существовании партии политической, в главе которой стоит великий

*) Дело верх. угол. суда, том I (арх. № 5), л.л. 41—44. Сверху чернилами написано рукою Гагарина: «Получил 29 июля при записке от коменданта».

князь Константин Николаевич и Герцен. Глинка мне передавал в следующих подробностях: «Раз,—говорил он,—Козлов, думая, что скоро умрет, сообщил мне о существовании этой партии и что она имеет целью произвести политический переворот, минуя экономический, и что она подлежит строгой иерархии, так что младшие члены не знают, что делают старшие, и первые имеют только сообщение с высшими членами этого сообщества чрез посредство одного». Не успел еще Глинка докончить мне, как прервал разговор наш приход Козлова. Завязался общий разговор, не помню об какой-то книжке, трактующей о французской первой революции. Козлов выразил то мнение, что когда он был молод, то с глубоким уважением относился к монтаньярам *), но когда прошли года увлечения, то он хотя и отдает полную дань уважения их энергии, силе и готовности приносить частные интересы общим, но считает более практическими жирондистов, ибо стремление последних осуществимее. Потом разговор перешел к русскому народу, и Козлов отзывался с величайшим презрением об нем и называл наш народ самым анти-революционным элементом России. Из всего этого я заключил, что общество это хочет произвести дворцовую революцию, ибо не находит народ способным к революции. Я дал себе слово всеми силами стараться узнать об этом основательно. Я ушел от Глинки раньше Козлова и поехал к Ермолову в городскую больницу, где он лежал за болезнью. Сообщил ему обо всем этом — и сказал при том, что нам нужно организовать народную партию, дабы по возможности, в случае могущего быть успеха той партии, стараться захватить больше прав народу. Я говорил ему еще, что в случае выигрыша того общества в России и народу будет в сто раз хуже, чем теперь, ибо выдумают какую-либо конституцию на первый раз и вставят жизнь русскую в рамку западной жизни; эта конституция найдет сочувствие как в среднем, так и в высшем сословии, ибо она гарантирует личную свободу, даст дух и жизнь промышленности и коммерции, но не гарантирует от развития пауперизма и пролетариата, а скорее способствует. Я предлагал Ермолову познакомиться с Козловым и войти членом в это общество, дабы узнать подробнее обо всем ходе дела, для той же цели я вступил в сношения с Орфано, близким приятелем Козлова, в качестве компаниона по фабрике. Николаев специально назначался учителем в ту местность, где живет Козлов, для той же цели [60]). Я просил Ермолова не распространять мое известие, чтобы не отвлечь от нас молодых людей к той партии. Я боялся, что легко достижимая свобода отвлечет молодежь из той партии **). Сам же я с тех пор усиленно стал заниматься организациею общества тайного

Сбоку на первой странице карандашом: «Доложено 4 августа 1866 г. — Суд постановил: приобщить показание к делу». — На последней странице снизу чернилами рукой Гагарина: «29 июля».

*) Народная партия. (Примечание Ишутина.)

**) Так в подлиннике.

в интересах народа. Из побудительных причин к этому моему преступлению было известие Глинки. Я полагал, что когда мы обяжемся друг пред другом и достаточно выясним себе наши интересы, то достаточно будем сильны отклонить молодежь от той партии и составить оппозицию ей. Ермолова мое известие сильно поразило, и он со мной во всем согласился и тоже начал организовывать в тайное общество ему знакомых молодых людей. Летом же прошлого года я был в Петербурге у Худякова. Он сообщил мне, что слышал от кого-то, что Герцен получает субсидию от главы той партии в 5.000 рублей. Я просил Худякова, когда он уезжал за границу, узнать обстоятельно, в каких отношениях Герцен к этой партии. Приехав из-за границы, Худяков сказал мне, что Герцен не получает субсидии, но что какие-то отношения есть, хотя он обстоятельно не может сказать. Часто в разговоре моем с Ермоловым по случаю этой партии мы говорили, что только бы нам узнать обстоятельнее это дело, то мы бы донесли, ибо не разделяем их образ мнения и действий, и видит бог, что говорю правду. «Ад» я проектировал на случай узурпатора. Отрекаюсь от милосердия божия, ежели иначе. Я Козлову не понравился, но тем не менее я убедился, что Глинка был прав, передавая мне, что ему говорил Козлов; а убедился я по следующему обстоятельству: раз я, Козлов и Орфано ужинали в «Московском трактире», и я начал говорить о бедственном положении народа; говорил еще о том, что, судя по возбуждению в настоящее время народа, можно рассчитывать смело, что мы стоим на рубеже революции и что нужно принять меры, дабы вылить страсти народа в более разумную форму, а для этого нужна организация, и начал высказывать свой взгляд на организацию и сказал, что у меня есть знакомые, которые уж организировались. Козлов и Орфано постоянно улыбались скептически, когда речь касалась народа и организации, опирающейся на народ. Орфано, когда я говорил про организацию свою, сказал: «Нет, это что, а вот большая-то», и притом взглянул на Козлова, желая его вызвать на откровенность со мной, но Козлов ничего не сказал. Я сильно настаивал на том, что[б] Николаев ехал учителем в местность, где жил Козлов, в том чаянии, что Козлов ему откроет все, ибо Николаев имел удовольствие заслужить расположение его. Я не говорил комиссии о том, что я знал про существование партии, погубившей нас, потому что жалел Глинку, ибо он своими трудами кормил большое семейство, а без него оно будет нуждаться, но когда один из товарищей моих показал мои отношения к Глинке, я счел своею обязанностью сказать все. Каракозов не знал ни Глинки, ни Козлова и потому не мог быть прямым исполнителем этих поручений, да Глинка совсем не в таких отношениях к Козлову, чтобы быть поверенным его тайн. Он совершенно случайно узнал от Козлова про существование этого общества и дальнейших разговоров по этому предмету, насколько мне известно, не имел.

Во многом я виноват пред моим государем, но не виноват в преступлении моего брата; во многом упрекает меня совесть, но я чист

от преступления брата. И никогда бы и ни за какие земные блага я не согласился принять участие в преступлении против моего законного государя, даровавшего миллионам свободу.

Когда брат мой предлагал мне принять участие в его намерении, я не только что отверг предложение, но всеми силами умаливал его не принимать предложения, и он, повидимому, согласился на доводы мои и дал слово, что не будет покушаться на жизнь государя. Не помню, кто-то из моих товарищей, кажется, Юрасов, предложил донести на это общество, но я возразил, что мы не имеем под рукой фактов и только себя поставим в затруднительное положение, и я хотел после святой недели ехать в Петербург и чрез посредство моего брата дойти до самой сути заговора и, заручившись фактами, донести. Но брат мой предупредил меня своим преступлением. Этим показанием я не хочу умалить свою вину: я так преступен, что не имею права даже просить себе снисхождения у государя императора. Пусть будет, что будет.

В дополнение моих показаний об отношениях моих к кружку моих товарищей я должен сказать, что я часто, чтобы узнать их мнение о каком-либо предмете иль завязать спор, предлагал иногда самое нелепое средство и положение; в этом случае я рисковал даже на свою честность и здравый смысл и говорил pro и contra за это средство и положение, развивая свою диалектическую способность [61]).

В дополнение моих отношений к Худякову имею честь сказать, что раз он в последний приезд свой в Москву сказал мне, что он наверно знает о существовании политической партии из дворян с чисто сословными стремлениями.

В дополнение моих показаний относительно Спиридова имею честь сказать, что раз он сказал мне, что слышал о существовании польской партии, цель которой спасать и помогать политическим преступникам польским.

У нас положено было правило: кто выдает, того выдавать. Худяков сказал про меня и, не считая себя в праве отстать от правила, должен был ему отмстить и потому наклеветал на него, позабыв, какое я делал преступление, теперь отрекаюсь и говорю, что мне Каракозов не говорил, что Худяков был участником в преступлении против государя императора 4 апреля. Опять повторяю, что я не принимал участия в преступлении брата против государя. Я не знаю, в самом ли деле существует общество, погубившее моего брата и меня; может быть, он был обманут, может быть, ежели и существует, то не в тех размерах и не в тех стремлениях, но я знаю только то, что я искренно верил в существование его, и оно стало причиной моей погибели.

Прошу обратить внимание на то обстоятельство, что большинство моих товарищей вовлечены были в преступность мной.

Я так глубоко преступен, что не осмеливаюсь просить прощения у государя императора. Видит бог мое раскаяние. Под-

твержда́ю мое это показание честным словом и могу дать присягу в справедливости его.

Потомственный почетный гражданин *Николай Андреев сын Ишутин* к сему показанию руку приложил.

29 июля.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) К а р а к о з о в, Дмитрий Владимирович, из мелкопоместных дворян Саратовской губернии, род. 23 октября 1840 г. Окончив пензенскую гимназию в 1860 г., поступил в 1861 г. в казанский университет, откуда месяца через два-три был исключен за участие в студенческих волнениях. Обратно принят был в казанский университет осенью 1863 г. Осенью 1864 г., перейдя на 2-й курс юридического факультета, Каракозов перевелся в московский университет. Через несколько месяцев был уволен за невзнос платы за право учения. Входил в революционный кружок, организованный его двоюродным братом Ишутиным, хотя на собраниях обыкновенно молчал. Придя к решению убить царя, в начале поста 1866 г. отправился в Петербург и жил там некоторое время, стараясь, по его словам, завести связи с рабочими. Странден и Ермолов разыскали Каракозова в Петербурге и уговаривали его бросить свое намерение и вернуться в Москву. Каракозов к пасхе явился в Москву, но через несколько дней опять уехал и 4 апреля 1866 года у Летнего сада неудачно стрелял из пистолета в Александра II. Верховным уголовным судом Каракозов был приговорен к смертной казни. Его прошение к царю о помиловании осталось без результата. 3 сентября 1866 года Каракозов был повешен на Смоленском поле.

[2]) К о б ы л и н, Александр Александрович, сын чиновника, родился в 1841 году. В 1865 году окончил медико-хирургическую академию и получил место ординатора во 2-м военно-сухопутном госпитале. Приехавший в Петербург Каракозов познакомился с ним случайно, придя к нему, как к врачу. Каракозов бывал у него, провел в его квартире несколько дней. При аресте Каракозова в его кармане нашелся клочок бумажки с фамилией Кобылина, — это повело к аресту последнего. Каракозов, в конце концов, стал уличать Кобылина, что тот знал о его намерении и помогал ему, давши ему яды. Судом Кобылин был оправдан. Впоследствии Кобылин дослужился до чина тайного советника. Умер 13 апреля 1924 года. — Вопреки мнению А. Шилова, пишущий эти строки полагает, что Кобылин не знал о намерении Каракозова совершить цареубийство и не оказывал ему содействия.

[3]) И ш у т и н, Николай Андреевич, родился, вероятно, в 1841 г. Сын потомственного почетного гражданина. Рано осиротевши, воспитывался в семье Каракозовых. Окончил чембарское уездное училище, потом учился в пензенской гимназии, но не окончил ее. В 1863 г. приехал в Москву. Был наиболее видным лицом в революционном студенческом кружке. Верховным уголовным судом Ишутин был приговорен к повешению. 4 октября 1866 года Ишутин был взведен на эшафот, на шею ему надели веревку и продержали так несколько минут, пока подъехавший фельдъегерь объявил помилование. Смертная казнь была заменена вечной каторгой. С дороги в каторгу Ишутин был возвращен и просидел около двух лет в Шлиссельбурге. В 1868 году Ишутина отправили в Сибирь на каторжные работы. Он был заключен в Алгачах, потом в Александровской каторжной тюрьме, оттуда переведен на Кару. В Сибири у него стали обнаруживаться признаки душевного расстройства, окончившегося полным помешательством. Умер Ишутин на Каре от чахотки 5 января 1879 года.

[4]) Письмо Каракозова к Ишутину напечатано в воспоминаниях Стасова о Каракозовском процессе («Былое», 1906, № 4).

[5]) Докладной запиской это заявление Ишутина названо в оглавлении тома «Производства». Адресована записка М. Н. Муравьеву.

[6]) Маликов, Александр Капитонович, по окончании университета был судебным следователем сначала в Калужской губ., потом в городе Холме, Псковской губ. К суду был привлечен за содействие намерению устроить завод на началах ассоциации и за участие в планах освобождения Чернышевского. Судом Маликов был оправдан. В начале 70-х г.г. Маликов принимал участие в «хождении в народ», но вскоре стал развивать мистически-моральное учение о богочеловечестве, объявил себя богочеловеком и отошел от революционного движения. Он нашел несколько последователей — «маликовцев», или «богочеловеков». Ездил в Америку, где жил в коммуне, организованной Фреем. По возвращении в Россию продолжал свои религиозные искания. Для заработка служил на железной дороге; причастен был литературе. Умер в Вильне 8 марта 1904 г.

[7]) Бывший студент Игнатий Корево в ночь на 19 апреля явился к московскому обер-полицеймейстеру и заявил, что он имеет надобность быть лично представленным председателю следственной комиссии в Петербурге, Муравьеву, которому он только и может открыть тайну; он прибавил, что ему известны некоторые важные соучастники в покушении Каракозова, и просил немедленно арестовать его самого, Шаганова и Николаева и отправить их всех в Петербург. Обер-полицеймейстер распорядился, чтобы Шаганова и Николаева тотчас же обыскали и арестовали при Арбатской части; самого Корево после обыска посадили в Тверскую часть. 22 апреля Корево уже давал показания перед Муравьевской комиссией.

24 июня Корево подал в следственную комиссию такое прошение. «22 апреля 1866 года я указал правительству, в лице следственной комиссии, на одно тайное политическое общество. Я указал на это общество ни [как] соучастник, который жертвует своими товарищами для того только, чтобы самому избежать заслуженного наказания, ни [как] личность, которая имела в виду единственно какую-нибудь награду, но как человек, глубоко убежденный во всей громадности вреда, приносимого подобными обществами. Только подобное убеждение могло поддерживать во мне ту энергию, с которою я следил за этим обществом. Когда я явился сюда, я надеялся, что если меня и арестуют на время, то, по крайней мере, смягчат мой арест; а между тем, я содержусь, как личность, заподозренная в преступлении. Вследствие этого честь имею покорнейше просить следственную комиссию объявить мне, за что я здесь содержусь и как долго будет продолжаться мой арест; и если арест мой необходим, то покорнейше прошу смягчить его». Сверху этого прошения стоит надпись: «По докладу господину председателю комиссии, приказано: перевести Корево из 3 отделения в крепость и представить ему некоторые удобства. *Переяславцев.*» («Производство», том VIII, л. 52). Дальнейшая судьба Корево нам не известна.

[8]) Козлов, Алексей Александрович (1831—1900), небезызвестный впоследствии философ-спиритуалист, профессор философии в киевском университете с 1876 по 1887 год. Реакционер в зрелом возрасте, Козлов в юности принадлежал к радикалам; он сильно увлекался идеями Фурье, переводил на русский язык и других социалистов — Прудона, Видаля. Окончив московский университет в 1856 году, Козлов в 1858 году попадает под наблюдение полиции по делу так называемых «вертепников». В 1862 г. Козлов привлекался по делу о приезде в Россию эмигранта Кельсиева; по приговору Сената он был освобожден от суда и следствия. Полиция установила за ним негласный надзор. Козлов был близок со Спиридовым. Из ишутинцев знакомство с Козловым имели сам Ишутин и Николаев. Ишутин дает о нем такой отзыв: «Козлов, на мой взгляд, человек умный и развитой, но не подходит к нам». 20 мая Козлов был обыскан и арестован в Москве. 8 июня он дал показание комиссии. Из сношений своих с «Организацией» Козлов признал только одно: во время его приезда в Москву в январе 1866 г. Ишутин и Николаев обратились к нему с просьбой помочь им в составлении устава «Общества взаим-

ного вспомоществования студентов и других лиц учащегося класса», что он отчасти и сделал. Что касается своих взглядов, то, признавая, что в прошлом был «заражен идеями лондонской прессы и высказывал их в обществе, болтая об этом кстати и некстати», он подчеркивал, что за последние годы пришел к совершенно противоположным взглядам, понял глубокую нравственную связь монарха с народом и старался всячески «загладить в обществе следы прежних своих увлечений». Козлов провел в заключении около полугода. По освобождении ему было запрещено жить в столицах.

[9]) Спиридов, Петр Александрович, кандидат московского университета, бывший офицер, преподаватель, поддерживал связи с членами «Организации», главным образом с Ишутиным. Они нередко прибегали к нему за советами, как к человеку умному и более их опытному. В январе 1866 года Спиридов выехал за границу и более не возвратился в Россию.

[10]) Ермолов, Петр Дмитриевич, из состоятельной дворянской семьи, обучался в пензенском дворянском институте. Вышел из 7-го класса и уехал в Москву. В кружке Ишутина играл видную роль. На его средства финансировались разные предприятия кружка. Ермолов имел в виду по достижении совершеннолетия все свое имение (около 1200 десятин) употребить на революционные цели. Судом был приговорен, в виду его молодости, к 20 годам каторги (ему было во время суда 20 лет). По решению царя 20-летняя каторга была заменена 10-летней. Вместе с другими сопроцессниками Ермолов пробыл в Александровском заводе до 1872 г. С 1872 до 1884 г. жил на поселении в Якутской области. В 1884 г. вернулся в Росеию, где прожил еще долго. Жил в Пензенской губернии.

[11]) Николаев, Петр Федорович, родился во Владимирской губ., сын чиновника. По окончании владимирской гимназии обучался в Москве 2 года на математическом факультете, потом вышел из университета и выдержал кандидатский экзамен по юридическому факультету. Готовился держать экзамен на магистра. Был приговорен к каторге на 12 лет; срок был сокращен до восьми. После каторги жил на поселении в Якутской области. Его неоднократно пересылали в Сибири из одного места в другое, в виду «вредного влияния на население». В 1885 г. Николаев вернулся в Россию, в 1888 был восстановлен в правах. В 1894 г. привлекался по делу партии «Народное Право». Высылался административно, получал запрещение въезжать в столицы и в другие пункты. По основании партии эсеров входил в ее состав. Работал в литературе, как переводчик ряда капитальных сочинений и как автор многих статей в журналах и нескольких книг. Умер 18 ноября 1910 г.

[12]) Гернет, Николай Александрович, сын врача, обучался в кадетском корпусе, курса которого не кончил. Был арестован и подвергался допросам в комиссии, но в число подсудимых не попал. Из последующей его судьбы известно, что в конце 70-х годов, занимая должность делопроизводителя одесской городской управы, он был административно выслан из Одессы в Сибирь.

[13]) Правильнее — Черкезов, князь Варлаам Черкезов, известный впоследствии эмигрант-анархист; в 1866 году был студентом Петровской академии и привлекался по Каракозовскому делу. Давал в высшей степени «откровенные» показания. Был приговорен к 8 месяцам заключения. В 1871 году Черкезов привлекался по процессу нечаевцев и был приговорен к ссылке на житье в Томскую губернию. Умер за границей 18 августа 1925 г.

[14]) Шаганов, Вячеслав Николаевич, из купеческой семьи, окончил владимирскую гимназию, а потом московский университет по юридическому факультету. 1865 год пробыл следователем в Сергачском уезде, Нижегородской г. В начале 1866 г. вышел в отставку и вернулся в Москву. В своих обширных показаниях следственной комиссии Шаганов проявил исключительную слабость духа. Был приговорен к каторге на 12 лет, а по окончательному решению Александра II — на 6 лет. С 1872 по 1884 г. жил на поселении в Якутской области. По возвращении в Россию прожил год в Вятке, а потом поселился во Владимире. Сначала он

работал в земстве, а с 1890 г. почти до смерти был бухгалтером казенной палаты. Умер 28 августа 1902 г.

[15]) Воскресенский, Дмитрий Алексеевич, слушатель Петровской академии. Был приговорен к 8 месяцам крепости с зачетом предварительного заключения.

[16]) Юрасов, Дмитрий Алексеевич, дворянин, род. 12 апреля 1842 года. По окончании пензенской гимназии в 1860 г. поступил на юридический факультет московского университета. Через года два уволился про прошению. Суд приговорил Юрасова к бессрочной каторге; Александр II назначил 10-летний срок. После 6 лет в каторжной тюрьме и 13 лет поселения в Якутской области Юрасов в 1885 г. выехал в Вологду.

[17]) Загибалов, Максимилиан Николаевич, дворянин, род. 14 октября 1843 года. По окончании пензенской гимназии поступил в московский университет на медицинский факультет. В начале 1862 г. за участие в студенческих волнениях был исключен из университета. По суду был приговорен к 12 годам каторги, а по решению царя—к шести. После каторжных лет и поселения в Якутской области Загибалов, амнистированный вместе с другими каракозовцами в 1884 г., уехал в Казань, затем проживал в Пензенской губернии в имении матери. В 1889 г. уехал обратно в Сибирь и поступил на частную службу. Участвовал в сибирской прогрессивной печати. В 1905 году был приговорен к административной высылке на 5 лет в Нарымский край. Чтобы избежать этого, он несколько лет скрывался. Умер на ст. Карган (возле Омска) 5 сентября 1920 г.

[18]) «Вальпарайзо» — члены «Организации» называли в шутку «Общество взаимного вспомоществования», о легализации которого не раз поднимался вопрос.

[19]) Странден, Николай Павлович, дворянин. Не окончивши гимназии приехал в Москву с целью подготовиться в высшее учебное заведение. В кружке Ишутина играл заметную роль по привлечению новых членов, пропаганде и пр. Странденa предполагалось отправить в Сибирь для освобождения Чернышевского. Верховный уголовный суд приговорил Странденa к бессрочной каторге, Александр II назначил 20 лет. До 1872 г. Странден вместе с другими пробыл в Александровском заводе на каторжном положении, потом был отправлен на поселение в Якутскую область. Живя на поселении, Странден с большим успехом занимался сельским хозяйством. Работая вместе с Юрасовым, он к концу ссылки поставлял в интендантство хлеб тысячами пудов, имел большой инвентарь, завел мельницу, сделал озеро рыбным и пр. За свою полезную в культурном отношении деятельность не раз получал благодарность от администрации. В 1884 г. Странден выехал в Пензу.

[20]) Борисов, Феофан Алексеевич, из государственных крестьян, учился в саратовской гимназии, потом был слушателем Петровской академии. Приговорен по суду к 8 месяцам крепости с зачетом предварительного заключения.

[21]) Федосеев, Виктор Александрович, сын штабс-капитана, дворянин. Обучался в пензенском дворянском институте, потом в пензенской гимназии, из 6-го класса которой вышел. Обвинялся в намерении отравить своего отца, чтобы воспользоваться его имением для революционных целей, и сознался в этом. Был приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение, с преданием на месте ссылки церковному покаянию.

[22]) Федосеев, Павел Александрович, брат Виктора. Обучался в пензенской гимназии, потом служил писцом уездного суда в г. Кирсанове.

[23]) Малинин, Орест Васильевич, кандидат университета, чиновник 10-го класса, служил в контрольной палате. Был приговорен по Каракозовскому делу к лишению прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

[24]) Капацинский, Владимир Николаевич, бывший студент Московского университета. Васильев — студент.

[25]) Под Новинским устраивались в определенные дни, например, на пасху, народные гулянья: ставились качели, карусели и пр.

[26]) О р ф а н о, Алексей Герасимович, сын полковника, перешедшего при Николае I из греческой службы в русскую. Алексей Орфано вращался в либеральных и радикальных кругах, как и брат его Александр.

[27]) Х у д я к о в, Иван Александрович, род. в г. Кургане 1 января 1842 г. Сын учителя уездного училища. По окончании тобольской гимназии учился в казанском и московском университетах на историко-филологическом факультете, но окончательного экзамена не сдал и остался со званием «домашнего учителя». В 1862 г. Худяков переехал в Петербург. Еще студентом он стал выступать в литературе. Он принадлежит к серьезным исследователям и собирателям произведений устного народного творчества. Не довольствуясь чисто научной работой, Худяков написал несколько популярных книжек для народа, в которых стремился, по мере возможности, проводить свои радикальные взгляды. В 1865 г. Худяков ездил за границу, где имел сношения с Герценом и другими эмигрантами. В деле Каракозова Худяков был одним из самых серьезных обвиняемых. О предполагаемом участии Худякова в прокламации «Друзьям-Рабочим» говорит Е. Колосов в ст. «Спорный вопрос Каракозовского дела», в № 3 (10) «Каторги и Ссылки» (1924). Катков в «Московских Ведомостях» выставлял его главным идейным виновником и требовал для него смерти. Большинство было уверено, что Худякову не миновать виселицы. Однако, за недостатком улик суд приговорил Худякова даже не к каторге, а к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири. Худяков был поселен в одном из самых ужасных мест — в Верхоянске. Первые годы он занимался изучением якутского языка, собиранием образчиков якутской поэзии. Кое-что из этих работ было напечатано в Сибири уже после смерти Худякова. Условия жизни скоро дали себя знать, — в начале 70-х годов у Худякова стали ясно обнаруживаться признаки умственного расстройства. В 1875 г. Худякова, уже неизлечимо больного, перевели в Иркутск, где он и умер в больнице 19 сентября 1876 г.

[28]) Н и к о л ь с к и й, Александр Маркелович, по окончании астраханской гимназии поступил в петербургский университет. Во время процесса он — уже «бывший студент». Никольский перевел на русский язык известную книгу Оуэна об образовании человеческого характера. Он был очень близок с Худяковым. По суду Никольский был оправдан, получивши только «внушение», но административно был выслан в Архангельскую губ. Брат его, Павел, не был судим.

[29]) Н о ж и н, Николай Дмитриевич, род. 8 декабря 1841 г. в дворянской семье, учился в Александровском лицее. По окончании его прожил несколько лет за границей. Занимался специально в разных местах, преимущественно в Италии, изучением низших морских животных. Обратил на себя внимание среди иностранных специалистов своей статьей во французском научном журнале. Поддерживал отношения с Бакуниным, Герценом и другими эмигрантами. В Россию возвратился в 1865 г. Вращался в радикальных кружках Петербурга. Многими своими идеями Ножин сильно повлиял на Н. К. Михайловского, который называет его гениальным человеком. Умер Ножин в больнице 3 апреля 1866 года. О его участии в Каракозовском деле см. ст. Е. Колосова «Н. К. Михайловский в деле Каракозова» — «Былое», № 23 (1924).

[30]) Вероятно, имеется в виду книжка для народа «Сборник рассказов в прозе и стихах».

[31]) М о т к о в, Осип Антонович, из семьи вольноотпущенного, родился 18 августа 1846 г. В детстве о нем заботился бывший владелец его матери, В. А. Кандауров, чиновник и отчасти писатель. Мотков учился в вятской и орловской гимназиях. В московском кружке принадлежал к умеренной части и был центром оппозиции против «ипатовцев» (левого крыла). Был приговорен, в виду его несовершеннолетия, к восьми годам каторги; Александр II заменил 8 лет 4 годами. По дороге в Сибирь Мотков неудачно пытался бежать с одного

из этапов, но был пойман. Умер 11 декабря 1867 г. в тюремной больнице от чахотки.

[32]) Наумов, Николай Иванович (1838—1901), известный беллетрист-народник, сибиряк по происхождению.

[33]) Т.-е. у Кобылина. По всей вероятности, Худяков здесь умышленно искажает фамилию с целью показать, что он незнаком с Кобылиным. К такому же приему прибегнул Худяков и тогда, когда ему в показаниях пришлось впервые упомянуть фамилию Каракозова.

[34]) Фортаков, Андрей Иванович, сын купца, обучался в астраханской гимназии, был вольнослушателем в петербургском университете, потом вернулся в Астрахань и вел там дело на рыбных промыслах. Брат его, Автоном Фортаков, был вольнослушателем технологического института. Федор Степанович Яковенко—дворянин, бывший студент петербургского университета. Подобно Фортаковым и Никольскому, учился в астраханской гимназии.

[35]) Ведерников, Иван Васильевич, кандидат московского университета, бывший акцизный чиновник, приехал в Петербург со специальной целью изучать химию и поступил в технологический институт. Впоследствии он служил до конца жизни в провинции по акцизу.

[36]) Комарова, Александра, дочь чиновника, окончившая институт. В начале 80-х годов написала автобиографический роман «Одна из многих» в реакционном духе. («Берег», 1880 г. Есть и отдельное издание того же года.) Роман отчасти касается Каракозовского дела.

[37]) Зайцев, Варфоломей Александрович (род. в 1842 г.), известный публицист, критик и переводчик, видный сотрудник «Русского Слова». Подвергался аресту по Каракозовскому делу. После закрытия «Русского Слова» эмигрировал за границу. Член Интернационала. Один из редакторов заграничного «Общего Дела». Умер в Швейцарии в 1882 г.

[38]) Печаткин, Евгений Петрович, будучи студентом петербургского университета, в 1861 г. сидел несколько месяцев в крепости за участие в студенческом движении, в 1862 г. был арестован по делу Д. И. Писарева и П. Д. Баллода (печатание и распространение противоправительственных воззваний); был приговорен Сенатом к аресту на 3 месяца и к отдаче под надзор полиции на 3 года. В 1866 г. был кандидатом университета. Имел книжный магазин и перепечатную. Им был издан «Самоучитель» Худякова. После выстрела Каракозова магазин его был закрыт.

[39]) Лебедев, Александр Александрович, вольнослушатель технологического института. Старший его брат, Владимир, был кандидат-технолог и собирался ехать в заграничную командировку. На одной из сестер Лебедевых, Леонилле Александровне, был женат Худяков; на другой, Варваре, перед самым покушением Каракозова женился Александр Никольский.

[40]) Шашков, Серафим Серафимович, писатель-популяризатор и критик, сибиряк по происхождению (1841—1882), участник «Дела» и других журналов. В 1864—65 г.г. Шашков проживал в Сибири.

[41]) По Каракозовскому делу были арестованы оба брата Курочкины: Василий Степанович (1831—1875), известный поэт-переводчик, редактор журнала «Искра», член общества «Земля и Воля», и Николай Степанович (1830—1884), поэт и публицист.

[42]) Бывший студент петербургского университета.

[43]) Книжка, составленная Худяковым.

[44]) Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891), известный писатель, видный участник «Современника» (писал там внутренние обозрения), «Искры» и др. изданий, с 1868 г. один из трех редакторов пайщиков «Отечественных Записок». По Каракозовскому делу сидел под арестом несколько месяцев, но потом был выпущен без последствий. Несколько человек в своих показаниях приписывали Елисееву инициативную роль в плане освобождения Чернышевского. Елисеев

перед комиссией упорно запирался. О нем см. ст. Евгеньева-Максимова «Редакция «Современника» в 1866 г.» в «Гол. Мин.», 1915, № 1.

[45]) Никифоров, Федор Афанасьевич, мещанин, занимавшийся торговлей, был хорошо знаком с ишутинцами. Он одно время жил вместе с Ермоловым, и тот занимался с ним общеобразовательными предметами. К суду Никифоров был привлечен по оговору Петерсона, заявившего, что после 4 апреля Никифоров говорил ему о необходимости повторить покушение. В виду недоказанности этого пункта Никифоров был освобожден с назначением ему полицейского надзора.

[46]) Каракозов находился в московской терапевтической клинике с 11 ноября 1865 г. до 13 января 1866 г.

[47]) Записка эта сохранилась в деле. Вот ее содержание. «Я сознался комиссии в своем преступлении, объяснил все обстоятельства наши искренне и прошу милости о пощаде. Вина наша общая, можете говорить откровенно, кружок наш раскрыт. В. *) И. Худяков». («Производство», том II, л. 464.)

[48]) После этого заявления Худяков в дальнейших показаниях, равно как и на очных ставках, опять стал упорно все отрицать, от всего отказываться (кроме своего намерения освободить Чернышевского и Серно-Соловьевича). Это запирательство выводило из себя следователей. В показании Худякова от 25 мая есть такой любопытный ответный пункт: «На предложенный мне вопрос о том, есть ли во мне человеческие чувства и не жаль ли мне людей близких мне, отвечаю, что во мне человеческих чувств к близким ко мне совершенно нет, а себя мне и тем более жалеть не стоит».

[49]) Летом 1863 г. был арестован в Чернигове землемер Иван Андрущенко. Так как он начал выдавать, то последовали многочисленные аресты — Юрия Мосолова, Шатилова и др. В числе прочих был арестован и студент московского университета Владимир Карачаров. Он обвинялся в том, что получил от Андрущенко прокламации «Земли и Воли» и другие нелегальные издания для распространения. Карачаров некоторое время просидел в крепости, потом был выпущен на поруки родных и уехал в Саратовскую губернию.

[49]а) Петерсон, Николай Павпович, сын чиновника, родился 16 июня 1844 г. По окончании пензенского дворянского института, был сначала в богородском, а потом в бронницком уездном учулище. В 1862 г. пробыл несколько месяцев учителем в одной из школ, устроенных Л. Н. Толстым, проживал в Ясной Поляне. Очень недолгое время состоял студентом медицинского факультета. Судом был приговорен к шести месяцам крепости, с зачетом предварительного заключения. Позднее служил по судебному ведомству. Умер 4 марта 1919 года.

[50]) Чуйко, Владимир Викторович (1839—1899), небезызвестный впоследствии критик, писатель по вопросам искусства и переводчик. С 1863 г. он был под надзором полиции за сношения с Герценом.

[51]) Христофоров, Александр Христофорович, родился в 1838 г. в Казанской губ. Был исключен из казанского университета за участие в студенческих волнениях в 1861 г. Живя в Саратове, устраивал артели рабочих, снабжая их для этого деньгами. В половине 60-х годов был выслан за это в Шенкурск. В 1875 г. уехал легально за границу и стал эмигрантом. С 1877 по 1890 г. издавал за границей «Общее Дело» совместно с Варф. Ал. Зайцевым и доктором Н. А. Белоголовым. Умер в Кларане 31 декабря 1913 г. — Можно установить еще некоторые связи его с каракозовцами, помимо того, что говорится в печатаемом документе. В 1862/63 г. Христофоров устраивал в Саратове кружки учащихся, семинаристов и гимназистов. Некоторые из каракозовцев-саратовцев признавали, что впервые идеи социализма стали им знакомы именно в этих кружках. Через кружки Христофорова из привлеченных к делу Каракозова прошли, например, Лапкин, Воскресенский, Сергиевский, Полумордвинов. После высылки Христо-

*) Очевидно, эта буква обозначает «Ваш».

форова из Саратова Странден взял у Умнова сделанный Христофоровым перевод сочинения Прудона о собственности, и «ипатовцы» совместно читали его. В «Организации» поднимался вопрос о необходимости освободить Христофорова из ссылки. Вопрос был поднят по инициативе саратовцев.

[52]) Михайлов — сельский учитель Саратовской губ.; привлекался к дознанию, производившемуся по делу Христофорова.

[53]) Веттер, Николай Иванович, врач. Одно время он жил в одной квартире с Христофоровым.

[54]) Мусатовский, Павел Акимович, дворянин, окончил московский университет по историко-филологическому факультету со званием действительного студента. В 1866 г. Мусатовский числился по службе письмоводителем волоколамского предводителя дворянства, с чином коллежского секретаря, а фактически был домашним секретарем у генерал-адьютанта Шипова. Школа, открытая на имя Мусатовского, просуществовала с осени 1864 г. до лета 1865 г. Из членов «Организации» преподавателями в ней, кроме Ермолова, были Каракозов, Ишутин, Черкезов. Роль Мусатовского ограничивалась тем, что он выхлопотал у университетского начальства право на открытие школы и отчасти помогал средствами; к преподаванию он отношения не имел. В мемуарах Козлининой говорится, что Мусатовскому, образованному лингвисту, мечтавшему о профессуре, было навсегда воспрещено всякое учительство, и диплом его признан недействительным. Принужденный взяться за первое попавшееся место, он стал письмоводителем у мирового судьи, с ничтожным жалованьем, и так в этой должности и умер лет через 12. («Записки старейшей русской журналистки». М., 1913.)

[55]) Серно-Соловьевич, Николай Александрович (род. в 1834 г.), видный участник общественного движения 60-х годов. По делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» он был приговорен Сенатом в конце 1864 г. к 12 годам каторги. Государственный Совет заменил каторгу поселением в Сибири с лишением прав. Отправленный в Сибирь, Н. А. Серно-Соловьевич умер в Иркутске, в больнице, 9 или 10 февраля 1866 г.

[56]) Федоров, Николай Федорович (род. около 1828 г., умер 15 декабря 1903 г.), познакомился с Петерсоном в Бронницах, где оба они были учителями уездного училища. Впоследствии Федоров — своеобразный религиозный философ, автор работы «Философиия общего дела», полный аскет в личной жизни. На Петерсона он сразу произвел сильнейшее влияние; Петерсон на всю жизнь остался верным учеником и последователем Федорова. Он был издателем его работы, излагал в своих статьях его учение. Петерсон познакомил в Бронницах Федорова не только с Ермоловым, но еще с Юрасовым и Загибаловым, в надежде, что тот приведет их к своим взглядам. Эта надежда Петерсона не осуществилась.

[57]) Умнов был близок к Христофорову в Саратове, привлекался по его делу, но был оставлен на свободе под надзором полиции, с временным запрещением выезжать в другие города. Умнов учился в пензенской гимназии и был школьным товарищем Каракозова, Юрасова, Загибалова.

[58]) Проекты уставов, вместе с некоторыми другими документами, были сожжены Дмитрием Ивановым в квартире Малинина после 4 апреля.

[59]) Об этом показании, очевидно, распространились какие-то слухи по Петербургу. Е. А. Штакеншнейдер внесла в свой дневник: «... Худяков написал свой profession de foi в роде Рылеева». («Голос Минувшего», 1916, 4.)

[60]) Козлов жил на уроке у богатого купца Каретникова в с. Тейкове, Владимирской губ.

[61]) О склонности Ишутина к преувеличениям и мистификации, к невероятным сообщениям говорят многие его товарищи.

М. А. Бакунин.

(Новые материалы.)

I. Второе воззвание к славянам Михаила Бакунина.

Публикуемое ниже воззвание к славянам Михаила Бакунина извлечено нами из материалов следственного дела, которое после подавления дрезденского восстания в мае 1849 г. велось саксонским судом по обвинению М. Бакунина в государственной измене. Следственное дело это хранится в Дрезденском государственном архиве. Во время научной заграничной командировки автора этих строк, летом 1925 г., ему благодаря любезности директора государственного архива в Дрездене удалось обстоятельно ознакомиться с многочисленными хранящимися там следственными материалами, до сего времени не опубликованными. Воззвание, о котором идет речь, не вошло ни в одно собрание сочинений Бакунина. Оно осталось неизвестным исследователям, в том числе наиболее авторитетному знатоку бакунинской биографии д-ру Максу Нettлау. Написано оно было в дни, когда войска Николая I вступали в австрийские пределы для подавления революции. Первое знаменитое воззвание Бакунина «Aufruf an die Slaven», отпечатанное в Лейпциге в 1848 г. вскоре после подавления восстания в Праге, до сего времени было единственным литературным памятником его участия в славянской революции 1848 г., если не считать двух отрывков «Основы новой славянской политики» и «Внутреннее устройство славянских народов», вошедших в первый том лондонского издания избранных произведений Бакунина (1915 г.) и перепечатанных в русском издании соч. Бакунина. Публикуемое нами воззвание, которое мы будем называть «вторым воззванием к славянам М. Бакунина», является, следовательно, весьма ценным свидетельством славянского периода его деятельности. По страстности тона, по зажигательной силе убеждения оно едва ли не превосходит первое воззвание и в литературном наследстве Бакунина должно быть признано весьма яркой страницей.

Сам Бакунин в «Исповеди» сообщает Николаю некоторые сведения об этом своем произведении [1]). Оно было напечатано в № 49 газеты «Dresdener Zeitung», в июне месяце 1849 г., на немецком языке, переведено затем на чешский язык и, отпечатанное в Лейпциге, распространено в большом количестве экземпляров. Среди следственных материалов мы разыскали в архиве и соответственный протокол допроса М. Бакунина, производившегося в Дрездене в Нейштадских кавалерийских казармах. На вопрос о том, ему ли принадлежит это воззвание к славянам, Бакунин ответил утвердительно. Австрийское правительство, следившее за следствием, которое производилось в Дрездене, получало копии следственного материала. 30 мая 1849 г. резюме этого допроса было послано «императорскому и королевскому следственному суду» в Праге, с приложением копии

«Дрезденской Газеты». Вот как резюмировалась часть допроса, относившаяся к воззванию.

«Бакунин признается, что составителем прилагаемого в копии воззвания к славянам был он; при этом он, однако, категорически отрицает, чтобы он давал печатать это воззвание где-либо, кроме «Дрезденской Газеты», отзываясь полным незнанием того, появились ли оттиски последнего в австрийских пределах или вообще где бы то ни было, кроме Дрездена, а также и того, сколько экземпляров номера «Дрезденской Газеты» с напечатанным в нем воззванием было выпущено; далее он отмечает, что воззвание было напечатано редакторами Линденау и Витигом безвозмездно, он же получил лишь несколько экземпляров для раздачи друзьям, имена которых он отказывается назвать. Наконец, допрашиваемый упорно стоит на том, что он не виновен в дальнейшем распространении воззвания, кроме того, в котором он сознался, и не участвовал ни в какой мере в последующей перепечатке его и даже ничего об этом не знал. По прочтении настоящего протокола господин Бакунин подтвердил его содержание».

Перевод сделан нами с переписанной немецкой копии, снятой с «Дрезденской Газеты» [2]).

ВОЗЗВАНИЕ.

Вставайте, славяне! Русские идут. Их войска вступили в австрийские пределы. Не русским народом посланные, а русским царем, не для того, чтоб принести вам свободу, не для того, чтоб вместе с вами сражаться против ваших угнетателей, но для того, чтобы поработить вас. Не как славянские братья, нет, как союзники австрийского императора. Австрийские императоры были исконными врагами вашей свободы, вашей национальности, вашего благосостояния. Уж сколько времени австрийская династия властвует над вашими землями, а что она принесла вам хорошего? Чем были вы еще год тому назад? И что вы теперь? Год тому назад вы были рабами, год тому назад вы были еще задавлены податями, налогами и бесчисленными повинностями; теперь вы вздохнули свободнее. Кто даровал вам эту свободу? Император? О, нет, то была революция, восстание народов, которое сломило мощь вашего императора. Год тому назад правительство было сильнее народа, и народ везде стонал под возмутительнейшим игом рабства. Он не смел проявлять никаких признаков жизни; он должен был платить и служить, служить, и только. Как случилось, что это правительство, о котором говорят вам теперь, что оно так отечески к вам относится, и пальцем тогда не двинуло, чтобы освободить вас? Тогда народ Чехии и Моравии был порабощен немецкими чиновниками, а словаки, кроаты, сербы, мадьяры, — всех их тиранили и преследовали за их язык, за их веру и даже за святыню их национального чувства. Что сделало правительство, чтобы защитить славян? Ничего. А почему оно не сделало ничего? Потому ли, что не могло? О, нет, тогда оно могло все, ведь оно было всемогущим, и никто не смел ему противоречить. Оно не сделало ничего потому, что не хотело ничего

сделать, а не хотело оно ничего сделать потому, что вступило в союз с вашими господами, с вашим дворянством, с вашим духовенством, с привилегированными всех сословий, и вступило с ними в союз, чтоб выжать из бедного народа последние соки, последнюю каплю крови. Оно не хотело помочь славянам, ибо находило большую выгоду в том, чтобы народы, находящиеся под его скипетром, душили и ненавидели друг друга. С помощью одних оно держит других в узде, и вся его мощь основана на этой взаимной ненависти. Год тому назад, весною, вспыхнула революция; и что же случилось? То, что народы Австрии так долго требовали и желали, то, чего они тысячу раз, коленопреклоненно и моля, добивались от милости своего всемогущего императора и чего они, несмотря на все просьбы и моления, никак не могли получить от его всемогущества и милости, это было им внезапно даровано. Ни малейшей уступки не могли они от него добиться, пока он обладал полнотою своей мощи, а теперь, когда она разбилась в его руках, им было обещано почти все. Разве дело не ясно, и кто еще может сомневаться, что воля и интересы императорской династии противны благу народа. Год тому назад, весною, вас пробудила от долгого сна революция. Вы восстали, вы вооружились, и все ваши подати, все работы и повинности пошли к чорту, и все важные господа, императорские чиновники и дворяне, которые до тех пор порабощали и грабили вас, внезапно сделали крутой поворот, назвали себя вашими друзьями и начали, в конце концов, заискивать у вас, бедняков. Какая причина была такой перемены? Изменившаяся воля вашего монарха, что ли? Нет, только революция, революция, показавшая вашу мощь, мощь народа императору и большим господам и вам самим. Испуганное этой мощью, австрийское правительство сделало вам тогда всевозможные уступки и надавало обещаний. Но в то же время оно помышляло о средствах вас ослабить, чтобы иметь возможность взять назад все уступленное и повергнуть вас в тем худшее рабство. Что же оно делает? Как известно, народы Австрии живут не в особенной дружбе между собой: особенно славяне были возбуждены против мадьяр и немцев. Это отлично знало правительство, ибо оно-то с самого начала и натравливало на вас эти народы. Если бы все нации в Австрии подали друг другу руки, правительство бы погибло; против их соединенных сил оно не могло бы выставить достаточной силы. Чтоб продержаться, оно должно было, следовательно, еще более поссорить эти народы, и внезапно во всех странах появились императорские креатуры, — в Венгрии, в Кроации, в Чехии, в Моравии и в Галиции; они обращались к народу от имени императора, рассказывали ему много о тех благах, которые любящий отец уготовал своим верным чадам, обещали золотые горы! Только, — говорили они, — император не может еще сделать теперь всего, что хочет: у него руки связаны, бунтовщики, демократы мешают ему осчастливить свой народ. Такими лицемерными приемами эти бессовестные люди старались затуманить простое и чистосердечное понимание народа, и, мороча вас, они уверяли мадьяр, что сла-

вяне являются единственным препятствием их счастью, а славянам они рисовали мадьяр и немцев в самых отвратительных красках. Слепой народ верил им, верил своим вечным, непримиримым врагам, верил императорским чиновникам, и по их слову мадьяры и немцы поднялись против славян, и славяне против немцев и мадьяр, а кроатские полки неистовствовали в Италии. В этой проклятой, братоубийственной борьбе народы терзали свою собственную плоть, разрушали свою собственную силу, губили свою собственную свободу, и во всей Австрии не видно было ничего, кроме крови и убийств, и не слышно было ничего, кроме стонов закланных жертв. Вот плоды политики вашего императора. Это ли его отеческая любовь к вам? А он тем временем собирал рассеянные силы и, как только почувствовал себя окрепшим, послал своих солдат бомбардировать Краков и Прагу, а впоследствии и Вену и Львов; во всей Австрии было введено осадное положение, и аристократы, важные господа, дворяне, духовенство, богатая буржуазия ликовали и начинали верить, что время их господства снова вернулось и что народ снова будет принужден нести старую позорную службу и отдавать им последний грош. Сначала разделаемся с мадьярами, — говорили они открыто, — а там перемолвим словечко и со славянами. Они правы, — если бы мадьяры были побеждены, вы бы уже давно почувствовали когти вашего доброго отца-монарха и его аристократии. Одно только эти господа упустили из виду в своих мудрых расчетах, — это чудодейственную силу свободолюбивого народа. Вся австрийская мощь и с нею все планы реакции совершенно неожиданно разбились об отчаянное сопротивление мадьяр. Мадьяры показывают нам сегодня, что̀ народ, и даже маленький народ, может сделать и как он должен поступать, если решился завоевать себе свободу. Мадьяры ясно показали бессилие австрийской династии: своей геройской борьбой они спасли от порабощения себя и все остальные народы Австрии, и кто сегодня против мадьяр, тот враг всего человечества, враг своей собственной свободы. Что же тогда предпринимает разбитый император? Он зовет к себе на помощь русских. Славяне, от имени русского народа, к которому я принадлежу, я предостерегаю вас от войск русского царя. Русские — славяне, и в их груди бьется славянское сердце; но это сердце до сих пор оставалось замкнутым, на нем была печать монгольской тирании, и, пока русские покорствуют царю, они остаются противниками, самыми страшными и опасными противниками, славянской свободы. Горе вам, если вы не отбросите войска Николая, как вражьи войска! Горе вам! Спросите наших славянских братьев, поляков, что̀ лет двадцать тому назад принесли им солдаты царя? Голод, рабство и смерть! Целые области опустошил Николай руками своих солдат, повергнув все население в нищету, а всех, кто были молоды, кто сколько-нибудь способен был носить оружие, он забрал в свою армию, пользуясь ими для удушения их собственных братьев. Братья, как славян, предостерегаю я вас от русских вспомогательных войск! Как русский, я, к сожалению, знаю слишком хорошо

то зло, которое может и хочет вам нанести русский царь. Я знаю, вот уже много лет, как он посылает к вам своих агентов, чтобы настроить вас в свою пользу; русский император, — говорят вам эти обманщики, — славянин и естественный защитник славян. Он теперь могущественнейший из всех государей, он ненавидит немцев и мадьяр и хочет освободить вас от ига последних. Ложь, ложь, отвратительная ложь! Николай не славянин, он немец на русском троне, немецкий монарх из гольштейн-готторнского рода; он ненавидит только тех немцев и мадьяр, которые сражаются за свободу, и не только не желает свободы для всех, а хочет продать вас немецким монархам, своим единственным друзьям, как некогда его предшественники продали славянскую Польшу Австрии и Пруссии. Русский император спасет вас от рабства? Какое безумие! Какое роковое заблуждение! Славяне, прислушайтесь к голосу русского, который знает и любит свое отечество и обращается к вам в эту минуту от имени русского народа. Хотите знать, чем стала Россия под властью своего царя? В этой великой, беспредельной империи, занимающей почти шестую часть земли, от севера до юга, от востока до запада слышен теперь только один единственный звук, это — звук кнута, гуляющего неутомимо с раннего утра до вечера по спинам шестидесяти миллионов подданных царя. В этой стране крестьяне еще в крепостной зависимости и продаются, как скот и бездушные вещи! За малейший проступок, за какой-нибудь незначительный знак недовольства, за невиннейший порыв к свободе их толпами гонят в Сибирь, и там, в холодных безлюдных степях, они гибнут с голода и горя. Россия ежегодно опустошается рекрутским набором: на сто душ берут обыкновенно пять, а иногда и десять молодых людей, и солдатская служба так ужасна у нас, что многие, чтоб только избежать ее, бегут в леса, а часто и калечат себя, всех остальных заковывают в кандалы, и их родные со слезами, похоронными песнями и причитаниями провожают их, как осужденных на смерть, в губернский город. Славяне, желателен ли вам кнут? Хотите ли вы, чтоб вас продавали, как скот и как бездушные вещи? Хотите ли вы, чтоб вас гнали в Сибирь и забирали в русскую армию? Всего этого должны вы желать, если вы хотите русского царя, ждете от него дружбы и помощи! Все это вы получите, если допустите, чтоб его войско вступило в вашу страну. Уж много лет тому назад русский император вступил в тайный заговор против вашей свободы с императором и дворянством Австрии; теперь он выступает открыто. Из всех опасностей, которые угрожают вам вот уже год, самая большая та, которой грозит вам Николай. Но не бояться и трепетать должны вы, а восстать, как один человек, и бороться. Ваша жизнь, ваша свобода, ваша честь, ваша будущность и будущность ваших детей теперь поставлены на карту; вы стоите у пропасти, и только смелое решение, только великая, мужественная борьба может вас спасти. Вставайте, славяне! Русские войска вступили в австрийские пределы. Смерть или жизнь, свобода или рабство? Выбирайте!

Хотите вы быть свободными? Тогда не теряйте времени, вооружайтесь все и сокрушите врагов вашей свободы, — австрийское войско и войско русского царя! Хотите вы быть свободными? Тогда протяните руку мадьярам и примиритесь с ними. Правда, мадьярский народ, введенный в заблуждение узко себялюбивой партией, тяжко согрешил перед вами; но он дорого заплатил за свой старый грех, вполне загладил его героическими делами и своей пролитой за свободу кровью: теперь он не думает о том, чтоб поработить вас, теперь он последняя опора свободы в Австрии. Сербы! Кроаты! Словаки! Неужели вы хотите разрушить вашу собственную опору? Неужели вы хотите сами заживо похоронить себя? Неужели вы хотите стать рабами русского императора? Если нет, то вы должны бросить эту безбожную борьбу со свободным народом, соединиться с ним и дружно выступить против вашего общего, опаснейшего врага, против соединенных сил России и Австрии. Если вы это сделаете, вы спасены! Если вы это сделаете, вы спасете славянскую и европейскую свободу. Вставайте, славяне, один великий натиск народов, и вы свободны! Хотите вы быть свободными? Так прогоните предательских вождей, которые, как Иеллачич, Палацкий, Браунер и многие другие, все вам обещали и ничего не сдержали, которые намеренно обманывали вас, продали вас австрийской династии и Николаю, и призовите других честных, преданных народу вождей.

А теперь, братья, я выступаю перед вами с последней просьбой! С глубокой, несказанной болью я увидал себя принужденным высказаться в моем обращении к вам против моих соотечественников, против русских войск. Я исполнил тем священный, но в то же время тяжелый долг. Во всяком солдате, будь он русской или другой национальности, нет ни чувства родины, ни чувства свободы, пока он, лишенный железной дисциплиной мысли и воли, стоит в оковах строя. Большинство постоянных армий Европы — простые машины в руках командующих ими, страшные, дьявольские машины, изобретенные, чтоб бить кнутами народы. Разве чешские солдаты в июне не подняли отцеубийственную руку против Праги? Разве польские солдаты не неистовствовали в Галиции и Кракове против собственных братьев? Разве, наконец, немецкие солдаты вместе с кроатами не бомбардировали и не грабили немецкую столицу — Вену? Что же удивительного в том, что русские солдаты идут на бой против славянской свободы? И еще раз с горестным и глубоким чувством обращаюсь я к вам с увещанием, славяне, разбейте русскую армию! Огнем и мечом, всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, старайтесь уничтожить ее, пока в ее устах роковое имя Николая, пока она подчиняется русским генералам, ибо такая армия может принести вам только беду, рабство и разорение. Но не забывайте, братья, что у вас есть еще и другое средство сокрушить мощь Николая, средство более могущественное, чем меч, более могущественное даже, чем яд и огонь, и это средство — славянское слово, когда оно звучит из глубин вашей воодушевленной груди,

обращаясь к заблудшим братьям. Не забывайте, что русские солдаты — порабощенные славяне, как и русский народ — великий порабощенный славянский народ. Солдаты и народ уже давно устали от рабства, уже давно стремятся они к освобождению. Только одно пламенное слово, и твердая кора, покрывающая их сердца, растает, и эти угнетенные и опечаленные сердца отомкнутся, наконец, познают в вас своих братьев, своих спасителей, и великий день русской революции настанет.

Вставайте, славяне! Спасайте нашу славянскую свободу, спасайте свободу Европы!

Михаил Бакунин, русский и член славянского конгресса в Праге.

II. Полицейский памфлет на Бакунина.

Сведения о существовании памфлета, направленного против Бакунина и подготовленного в недрах III отделения, нами были опубликованы в первом томе нашего исследования [3]). История памфлета такова. В 1863 году, когда Бакунин жил в Стокгольме, он причинил большое беспокойство шведскому министру иностранных дел гр. Мандерстрему. Мы не имеем достаточных оснований предполагать, что граф Мандерстрем, занимая столь высокий пост в шведском королевстве, был агентом русского правительства. Но из доступных нам документов можно заключить, что его ориентация в сторону русских интересов была весьма прочной [4]). Гр. Мандерстрем принимал все возможные меры, чтобы каким-нибудь способом выжить неудобного гостя из пределов королевства. Бакунин пользовался большим сочувствием шведских радикалов. Граф Мандерстрем прибег поэтому к прессе, чтобы с ее помощью подорвать благожелательное отношение к Бакунину. Он опубликовал в шведской газете «Post och Inrikes Tidnigar», 29/IV, 1863 г., № 97, биографию Бакунина, скомпилированную по старым источникам [5]). Бакунин решил отвечать и в ответе своем, напечатанном в мае в трех номерах газет: «Aftonbladet» и перепечатанном в газете «Nya Dagligt Allehanda», имел неосторожность выразиться: «в моей прошлой жизни нет поступка, за который мне пришлось бы краснеть».

Смелость беглеца показалась в III отделении чрезмерной. Нельзя предположить, чтобы именно графу Мандерстрему после прочтения этой фразы пришла в голову мысль опубликовать «Исповедь» Бакунина, хранившуюся в особом шкафу управляющего III отделением и известную немногим лицам. Нет никакого сомнения в том, что идея сделать «Исповедь» достоянием гласности возникла в III отделении после получения указанной выше статьи Бакунина. Все документы, хранившиеся в архиве III отделения, были внимательно подобраны и присоединены к ней. Использованными оказались и письмо Бакунина к Александру II, и письма его из Сибири кн. Долгорукову, просительные письма матери и др. [6]). Документы эти не были включены в брошюру целиком, но даны в виде выдержек, наиболее компрометировавших Бакунина. Покаянные ноты, самобичующие признания, униженные мольбы, льстивые уверения, — все это было заботливо отобрано и действительно производило на читателя (да и сейчас производит) потрясающее впечатление. Выдержки эти были связаны текстом, написанным неизвест-

ным чиновником III отделения. Текст этот мы и публикуем, изъяв из него все те цитаты, которые находятся в соответственных местах первого тома наших «Материалов».

Составлению этого памфлета предшествовало хождение по инстанциям соответственной докладной записки, излагавшей план его издания. На записке имеются пометки: «Высочайше разрешено». «Об исполнении переговорить». «Князь Горчаков находит это полезным и находит, что чем скорее осуществится предположение, тем оно будет лучше». В черновом экземпляре рукописи, среди других бумаг, мы нашли записочку, принадлежащую, вероятнее всего, управляющему III отделением: «Самую брошюру «Михаил Бакунин, сам себя изображающий», [взял я] в Царское Село для представления его величеству 12 июня». (В скобки взяты два неразборчивых слова, восстановленные мною по догадке. *Вяч. И.*) После того как царь ознакомился с рукописью, она и получила надпись: «Высочайше разрешено». Беловой экземпляр имел титульный лист, на котором значилось: «Михаил Бакунин, сам себя изображающий». Соч. Шведа. Стокгольм. 1863.»

Но в 1863 году памфлет опубликован не был. Попытки наши выяснить причину этого обстоятельства успехом не увенчались. Никаких следов в архиве III отделения, по крайней мере в тех делах, которые были доступны нашему изучению, мы не нашли. Отмена решенной и высочайше утвержденной публикации остается загадочной.

Но первой попыткой дело не ограничилось. В сентябре 1870 года в III отделении вновь всплывает из архивных недр эта рукопись, и вновь III отделение пытается предать ее гласности. Предлогом для новой попытки морально убить Бакунина послужили две его прокламации, выпущенные в 1869 году совместно с Нечаевым. Рукопись была вновь пересмотрена, дополнена сведениями из жизни Бакунина после 1863 года. Управляющий III отделением Тимашев имел личную беседу по поводу этой рукописи с гр. П. А. Шуваловым, после чего, 24 сентября 1870 г., при записке своей, рукопись Шувалову вернул. Но рукопись не была напечатана и сей раз. Мы публикуем последний ее вариант, 1870 года, так как этот вариант включает в себе без изменений весь текст первого варианта, дополненный позднейшими вставками [7]). Воспроизводим памфлет, разумеется, по новой орфографии.

МИХАИЛ БАКУНИН, САМ СЕБЯ ИЗОБРАЖАЮЩИЙ.

Имя Михаила Бакунина пользуется большой известностью в России и за границей. Для иных оно, быть может, имеет даже некоторое обаяние, на других чтение произведений Бакунина, исполненных крайним революционным духом и антирелигиозностей, должно было сделать впечатление, не совсем сочувственное автору, наконец, третьи, вероятно, большинство, знают Бакунина только по наслышке или по газетным статьям, слышали о побеге его из Восточной Сибири в Лондон, о том, как он в 1863 году прибыл в Швецию с пресловутым польским флотом, — наконец, о новейшей агитаторской деятельности его, посредством которой он, с берегов Женевского озера, замыслил вызвать в России всеобщую народную революцию и, по окончательном разрушении всего нашего государственного и общественного строя, на развалинах его создать царство вечного мира, безусловного равенства, полного блаженства для всех и каждого. Вообще не принято писать биографию общественного деятеля (за такого Бакунин себя

считает) при жизни их. Но в настоящем случае два соображения побуждают нас отступить от этого правила: во-первых, счастливая случайность доставила нам вход в архив, где, между прочим, хранятся дела русских эмигрантов разных времен, и, таким образом, отдала на время в наше распоряжение материалы для жизнеописания Михаила Бакунина, материалы тем более ценные, что они писаны им самим или его родителями, — подобные случайности обыкновенно не повторяются, и, не воспользуясь ею, мы согрешили бы перед историей, еслиб ей когда-нибудь вздумалось заняться Бакуниным. Такой грех мы не хотим положить себе на душу. Во-вторых, составляя, как сказано, настоящую биографию почти исключительно по собственноручным материалам Бакунина, списывая ее с его писем, прошений, записок и, наконец, с исповеди, как он сам назвал рассказ о своей жизни, написанный им в Петербугской крепости в 1851 году, мы, собственно говоря, только издаем его автобиографию и, воздерживаясь от всяких суждений и приговоров, которые предоставляем читателям извлечь, мы не нарушаем внутреннего смысла вышеприведенного правила. От себя мы прибавим только начало, или вступление, без которого приводимые ниже документы были бы лишены связи, и конец, то-есть краткое изложение жизни и деятельности Бакунина после того времени, до которого доходят документы.

Михаил Бакунин родился в 1814 году и просходит из почтенного дворянского семейства Новоторжского уезда. В 1843 году, с которого собственно начинаются похождения Михаила Бакунина, семейство Бакунина состояло из престарелого и слепого отца, отставного коллежского советника Александра Михайловича, супруги его Варвары Александровны, урожденной Муравьевой, шести сыновей их, из коих Михаил был старший, и трех дочерей.

Коллежский советник Бакунин служил в Твери в звании почетного попечителя гимназии, и как он, так и супруга его умом, благородным поведением и чистотою правил заслужили общее уважение.

Старший сын Бакуниных, Михаил, воспитывался в артиллерийском училище, в науках успевал плохо, в поведении еще хуже, имел неприятную историю с карманными часами (не своими) и, по благодушию начальства училища, выпущен офицером в отдаленный армейский полк; но вскоре он вышел в отставку и поселился в деревне у своих родителей, предавшись изучению германской философии.

В 1840 году, под предлогом усовершенствовать себя в этой науке, Бакунин поехал в Берлин, где прожил два года, но потом, бросив трансцендентальную германскую премудрость, отправился в Швейцарию и там сошелся с обществом коммунистов, к которому его притягивало еще то обстоятельство, что отец его, видя бесполезность его пребывания за границей, в мае месяце 1843 года, послав ему 1.000 рублей ассигнациями, в то же время писал, что «по расстроенным делам давать ему впредь денежных пособий не может и долгов его, если наживет их, платить не станет, что его долговременная и бесполезная

отлучка его (отца) оскорбляет, и что потому как отец требует и как друг советует, чтобы он немедленно возвратился в Россию».

Это письмо слепого старика-отца осталось без ответа. Когда швейцарское правительство открыло общество коммунистов — приняло серьезные меры против него,— Бакунин в 1844 г., после нескольких переездов с места на место под чужими именами, скрылся из Швейцарии в Лондон, а потом приехал в Париж, где вмешался в дело польских эмигрантов. Тут он в 1847 году в собрании польских выходцев произнес речь [9]), проникнутую ненавистью к русскому правительству и дышащую самым необузданным революционным духом, за что, по распоряжению тогдашнего министра Гизо, был изгнан из Парижа и уехал в Брюссель. Потом, в 1848 году, он приехал под ложным именем в Берлин и, изгаанный оттуда, ездил по разным городам Германии, всюду имея одну цель — возбуждать революционные движения. Возвратившись в Париж после февральской революции, Бакунин сделался ревностным членом тайного польского общества, которое лучше всего характеризуется словами собственного своего устава; в этом уставе обществу указана следующая цель: [10])

«Всюду возбуждать бунты и подавать помощь, когда они вспыхнут, избавиться от монархических правительств; учредить во всех государствах республиканскую форму правления, отделаться от каждого защитника или приверженца монархов, не останавливаясь ни перед какими средствами, даже перед убийством, всеми силами вредить интересам России и сделать Польшу независимою».

Как член этого общества, Бакунин, по отъезде из Парижа, напечатал в Лейпциге, в форме молитв на польском языке, прокламации, обращенные к познанским славянам, и, наконец, в том же 1848 году издал в Кэтене брошюру: «Aufruf an die Slaven», в которой прямо говорит славянам: «благоденствие всех нас зависит от революции». Вот подлинные слова его: «Волнение крестьян в Галиции ничто; но огонь уже вспыхнул между массами крестьян в огромном русском царстве. Вот демократия России, вспыхнувшее пламя которой пожирает государство и своим кровавым заревом озарит всю Европу. Чудеса революции возникнут из глубины этого огненного океана. Россия есть цель революции: величайшая сила ее разовьется там и там же достигнет совершенства. В Москве сокрушится рабство всех соединенных славянских народов, состоящих под скипетром России, с ним вместе сокрушится и европейское рабство и на вечные времена схоронится под собственными своими развалинами. В Москве из моря крови и огня блистательно взойдет звезда революции и будет служить путеводной звездой для блаженства всего освобожденного человечества...». Словом, Бакунин намеревался посредством революции в России и во всех славянских землях освободить от рабства и на веки-вечные осчастливить весь род человеческий.

Наконец, от журнальных статей, напыщенных речей и брошюр Бакунин перешел к делу и принял ревностное участие в действиях

австрийских и саксонских революционеров в 1849 году, сперва в Праге, а потом в Дрездене, где как мятежник арестован, посажен в крепость Кенигштейн и предан суду, который в 1850 году приговорил его к смертной казни, но король саксонский заменил этот приговор пожизненным заключением в смирительном доме. Однако ж, так как Бакунин принимал большое участие и даже руководствовал в демагогических интригах в Богемии и особенно в Праге, то австрийское правительство, на основании австрийских законов, потребовало его к суду, и он в мае 1850 года был переслан из Саксонии в Прагу; потом в марте 1851 г. его перевели в Ольмюц, и там военный суд приговорил его к смертной казни через повешение, но приговор этот также был заменен строгим пожизненным заключением. Затем по требованию России, против которой главнейшим образом были направлены революционные попытки Бакунина, он в мае 1851 года препровожден в Петербург, где еще прежде за свои заграничные действия против России и отказ возвратиться в отечество он был приговорен Сенатом к лишению дворянства и ссылке в каторжную работу в Сибири. Но император Николай избавил Бакунина от этого наказания и повелел, не отправляя его в каторжную работу, заключить в крепость впредь до нового распоряжения, предложив ему тут же рассказать откровенно все, что он делал до сих пор. Тогда-то, в Петербургской крепости, Бакунин написал свою и с п о в е д ь, которую мы ниже приводим, пропустив только места, не имеющие никакого значения, которые поэтому только утомили бы читателя.

В «Исповеди», как бы совершенно отрезвившись, Бакунин не только выражал полнейшее раскаяние в прежних своих преступлениях, но и обещал отказаться впредь от подобных действий. Из подлинных документов, находящихся в архиве, видно, что император Николай разрешил Бакунину переписываться с родными и получать от них деньги, даже видаться с родственниками, что вообще не дозволяется лицам, содержащимся в крепости. Сам Бакунин свидетельствует это в собственноручном письме своем, которое приводится ниже.

По смерти императора Николая, когда в 1855 году союзный англо-французский флот готовился сделать нападение на Петербург, Бакунин переведен был из Петербургской крепости в Шлюссельбургскую. Наконец, видя постоянное обнаруживание расскаяния и получая неотступные просьбы как от самого Бакунина, так и от его престарелой матери о смягчении участи преступника, император Александр II освободил его от заточения в крепости и позволил ему отправиться в Сибирь, но не в каторжную работу, к которой он был приговорен Сенатом, а на поселение. Мы увидим ниже, с каким благоговением Бакунин принял эту милость. Перед отъездом в Сибирь он даже получил позволение заехать в деревню к родным своим и провести с ними целый день без свидетелей, чего ни в одной стране не разрешили бы государственному преступнику.

Но и в самой Сибири он не был водворен в одном из селений, в которых живут ссыльные; ему было позволено поселиться в губернском городе Томске, где он пользовался полной свободой и вскоре женился на девице благородного происхождения, г-же Квятковской. Этого мало. Раскаяние, изъявляемое им при каждом удобном случае, сделало то, что ему позволено было вступить в гражданскую службу, что само собою выводило его из разряда осужденных, лишенных прав состояния, и вновь делало гражданином, пользующимся правами, присвоенными званию служащих чиновников. Такое дозволение равнялось прощению, с единственным ограничением, что ему воспрещен был выезд из места служения. Вслед за тем Бакунин предпочел заниматься делами золотопромышленников, в чем правительство также ему не препятствовало, хотя эти занятия требовали частых переездов из одного места в другое. Этим дозволением правительство как бы показывало, что оно не питает более сомнения в раскаянии и честности Бакунина. Но Бакунин воспользовался по-своему этим доверием: взяв от некоторых сибирских купцов поручения по их делам, он забрал у них до 3.500 р. денег, будто бы для исполнения их комиссий, и, оставив в Иркутске жену, дав притом честное слово и клятву не употреблять во зло данного ему позволения отправиться в Приморскую область, он прибыл в Николаевск на Амуре, а оттуда, на следующий же день, бежал в Японию, переправился в Северные Штаты Америки и 27 декабря 1861 года был уже в Лондоне, оставив на азиатском берегу свое честное слово.

В Лондоне, как известно, жили тогда два русские выходца, Герцен и Огарев, издававшие газету «Колокол». Бакунин, в то время уже почти пятидесятилетний старик, поселяется у этих выходцев, печатает в «Колоколе» начало статьи под заглавием «Русским, польским и всем славянским друзьям», не имевшей продолжения, и издает там же на русском языке брошюру «Народное Дело». И статья и брошюра суть не что иное, как повторение тех же ожесточенных нападок и ругательств на русское правительство, на существующий в России общественный порядок и, в виде особой благодарности, лично на императора Александра II; словом, в этих произведениях опять говорится то же, в чем Бакунин постоянно изъявлял раскаяние в течение десяти лет, и указывается прежняя постоянная цель его, — воззвание к бунту и к ниспровержению всего ныне существующего в России в пользу учреждения республики социальной, коммунистической, демократической и проч. В брошюре Бакунин говорит прямо: «наше дело — служить революции».

Здесь мы пока остановимся. В этом кратком очерке жизни и деятельности Бакунина до 1861 года мы хотели собрать только главные черты, характеризующие эту личность, и заимствовали их, как сказано выше, преимущественно из документов, писанных собственноручно самим Бакуниным. Обратимся же теперь прямо к выпискам из этих любопытных документов и сохраним тем для потомства память

о Бакунине. Таким честным труженикам на пользу человечества умирать не следует.

Вот главные места из «Исповеди» Бакунина императору Николаю [12]).

Мы видели, что император Николай тотчас же исполнил просьбу «кающегося грешника», и Бакунин не только переписывался со своим семейством, но и видался с братьями и сестрами. Любопытно м[ежду] пр[очим] письмо, которое писал он из крепости в феврале 1852 года к своим родным. Это письмо, писанное на половину по-русски, на половину по-французски и составляющее целую тетрадь, похоже более на отдельное сочинение, на книгу, нежели на корреспонденцию. В нем Бакунин, обращаясь поочередно к каждому из членов своего семейства и давая им советы, как должны жить муж и жена, как русский помещик должен поступать со своими крестьянами [13]) и т. п., говорит, между прочим, отцу своему: «Что же касается до ропота, то я должен был быть дураком или сумасшедшим, если бы считал себя в праве роптать; я должен бы быть совсем деревянным и иметь каменное сердце, чтобы не чувствовать глубоко искренней благодарности к тому, который, вместо того, чтобы казнить меня по законам, — а я знаю, что я заслужил по законам, — передал меня в руки одного из добрейших людей в России».

«Признаюсь, что, очутившись заключенным за границей в крепость, я больше всего, больше смерти, боялся быть пересланным в Россию; и что же — то, чего я боялся, как величайшего несчастья, стало для меня счастьем, настоящим счастьем; не говоря уже о полученном разрешении переписываться с вами, со мной нигде не обращались с таким человеколюбием, с такой деликатной добротой; за исключением свободы, цели в жизни и деятельности, у меня решительно ни в чем нет недостатка; здесь я нахожусь, так сказать, в своей семье. — Вы знаете генерала, поэтому я о нем не стану говорить. Но все прекрасно ко мне относятся, начиная с капитана, навещающего меня ежедневно по нескольку раз, и до последнего солдата. Капитан — прекраснейшая натура и самая оригинальная, какую только можно встретить; у него всегда есть веселое словечко в запасе, и хотя он и не отличается особенной образованностью, но обладает той утонченной сердечной добротой, которая и составляет настоящую деликатность. Итак, не сожалейте слишком о моей судьбе, дорогие родители, — я заслужил гораздо большего» [14]).

Переведенный в 1854 году из петербургской крепости в Шлюссельбургскую, Бакунин 14 февраля 1857 года писал государю императору, прося, как милости, заменить содержание его в крепости поселением в Сибири [15]).

В тот же день Бакунин обратился с письмом к шефу жандармов князю В. А. Долгорукову [16]).

Получив дозволение поселиться в Сибири, Бакунин в новом письме к князю Долгорукову просил разрешения заехать по пути в деревню к своим родным для свидания с ними [17]).

Свидание с родными было разрешено Бакунину; он провел с ними целый день без свидетелей и потом отправился в сопровождении жандармского офицера далее.

Как обращался с ним приставленный к нему офицер, показывает письмо, которое Бакунин прислал уже из Сибири к князю Долгорукову [18]).

Не прошло и пяти месяцев после водворения Бакунина в Сибири, как он снова почувствовал, по его словам, желание вести деятельную жизнь, начал просить окружного генерала корпуса жандармов в Сибири, г. Казимирского, о позволении заниматься делами сибирских золотопромышленников и свободно разъезжать по разным местностям [19]).

Однако, правительство тогда не решилось еще дать просимое Бакуниным дозволение, так как кратковременное пятимесячное пребывание Бакунина в Сибири не могло еще представить достаточные ручательства в том, что он не употребит во зло просимой им свободы. Тогда он прибегнул к другому средству. Спустя семь месяцев после отправления просьбы о позволении заниматься золотыми промыслами и свободно разъезжать по Сибири, сорокапятилетний Бакунин, видимо, надеявшийся при оказываемой ему снисходительности, что может достигнуть положения человека свободного, задумал жениться на девице Квятковской, отец которой уже несколько лет жил в Сибири, занимаясь делами одного богатого золотопромышленника. Приняв это намерение, Бакунин так писал о нем к своей матери в марте 1858 года. «Благословите меня без страха: мое желание вступить в брак да служить вам новым доказательством моего обращения к истинным началам положительной жизни и несомненным залогом моей твердой решимости отбросить все, что в прошедшей моей жизни так сильно тревожило и возмущало ваше спокойствие... С полной верой предаюсь благодушию правительства, которое, раз спасло меня от крепостной смерти, не откажет мне теперь в средствах начать новую жизнь и не воспрепятствует мне искать нового счастья на пути законном, правильном и полезном».

В то же время Бакунин обратился с просьбой к томскому гражданскому губернатору о позволении ему свободно ездить во всех местностях Сибири по делам золотопромышленников. Как ручательство в том, что он не употребит во зло доверия правительства, он представлял именно свое намерение жениться, говоря, что это намерение может служить доказательством его твердой решимости «посвятить остальную жизнь мирным и з а к о н н ы м занятиям», и, наконец, давал ч е с т н о е с л о в о, что никогда не подаст повода раскаиваться в том, что для него сделано. Это письмо любопытно [20]).

Это же ч е с т н о е с л о в о, с прибавлением к нему к л я т в ы, повторил Бакунин в письме к князю Долгорукову, к которому обратился в то же время, когда просил и местное начальство. Читатели с интересом прочтут и это письмо [21]).

Это письмо — последний документ в деле, писанный рукою Бакунина. Читатель знает, как сдержал он свою клятву и свое честное слово.

Правительство разрешило ему вступить в государственную службу в Сибири, с единственным ограничением, что за ним был сохранен надзор полиции. На основании этого разрешения Бакунин в 1859 году переехал из Томска в Иркутск, но в государственную службу не вступил, а принял частную должность по откупам. В этой должности он получал жалование, не имея определенных занятий; такое положение его тяготило. Настоятельными просьбами, всегда сопровождаемыми честным словом и клятвой, он, наконец, в 1861 году успел получить от начальника края разрешение отправиться в Николаевск на Амуре, якобы по поручениям кяхтинских купцов. Из Иркутска он поехал в Кяхту, там, действительно, получил от некоторых купцов комиссии и деньги, прибыл в Николаевск и оттуда, обманув местное начальство, получил разрешение поехать на казенном пароходе до гавани Де-Кастри; но, не доезжая до этой гавани, пересел на американское купеческое судно и на нем ушел в Японию.

Памфлеты, которые Бакунин стал печатать тотчас по прибытии в Лондон, слишком пошлы, чтобы о них говорить; они мало кому были известны, и их давно все забыли; нечего, следовательно, возбуждать снова память об них. Единственный интерес их заключался в свое время в том, что они писаны тою же рукою, которая еще так недавно подписывала: «к а ю щ и й с я г р е ш н и к», «м о л я щ и й п р е с т у п н и к», и которая столь щедро раздавала «ч е с т н о е с л о в о» и «к л я т в у»,—и чего только эта самая рука не писала с тех пор о России, об императоре Николае, о ныне царствующем императоре.

Наступил 1863 год и польский мятеж. Одним из самых сумасбродных эпизодов, или просто-напросто смешно-нелепым эпизодом мятежа, была знаменитая экспедиция в Балтийское море. Наняли корабль, нагрузили его боевыми припасами и посадили на него грозный десант, который должен был вторгнуться в Россию и сокрушить ее; да, вместо берегов Курляндии, попал в Швецию, после того как капитан корабля ушел еще в Копенгагене. Тем экспедиция и кончилась бы, но в ней участвовал Бакунин, и ему нельзя же было уехать, не пошумев немного, не сказав несколько звонких речей и не напечатав в шведских газетах полдюжины бранных статей против России и ее императора, хотя бы для того, чтобы доказать своей матери, как крепко он сдержал свое обещание, данное ей, когда просил ее благословения на вступление в брак — «обратиться к истинным началам положительной жизни» и «искать нового счастья на пути законном, правильном и полезном».

На двух обедах, данных в честь Бакунина и его шляхетных спутников в Стокгольме 28 мая и 14 июня 1863 года, Бакунин с изумительной храбростью громил Россию и привел в восторг редакторов газет «Aftonbladet» и «Nya Dagligt Allehanda» и сотни полторы шведских демократов, объявив им, что общество «Земля и Воля» покрывает всю Россию густою сетью и непременно в самом непродолжительном

времени сокрушит петербургское правительство; что он принимает на себя вызвать возмущение в Финляндии, которая всенепременно отложится от России и снова воссоединится со Швецией; что он же, по самым несомненным сведениям, ручается за бунт в русской армии, и проч., и проч.

Все это сбылось с той же точностью, как «честное слово» и «клятва» Бакунина.

Однако, и в Швеции мнения на счет Бакунина разделились. Если одни давали ему обеды и восхваляли его в газетах, то были и такие, которые в нем видели одного из тех авантюристов, каких много развелось в Европе, живущих только тайными подкопами, возбуждающих повсюду недовольство существующим общественным порядком и старающихся как можно более наловить рыбы в мутной воде. Так, или почти так, кто-то и охарактеризовал его в стокгольмской газете «Nya Dagligt Allehanda». Но в той же газете (№ 108, 12 мая) Бакунин поспешил опровергнуть эту характеристику, говоря, что она происходит из иностранного источника — именно из Петербурга и Берлина, находившихся тогда в союзе. Для сильнейшего убеждения в истине своих слов он в той же статье излил целый поток ругательств на русское правительство и несколькими короткими чертами обрисовал прежнюю свою политическую деятельность. Вот его слова: «В прошлой моей жизни нет ни одного факта, за который я должен бы был краснеть! В 1848 и 1849 годах, равно как и нынче, я верил только в человечество и имел в виду только одну цель — торжество свободы... Когда император Николай в 1849 году отправился в Австрию для того, чтобы подавить законное восстание венгерцев, я употреблял все усилия, чтобы противопоставить этой несчастной лиге священный союз народов и прежде всего примирить богемских славян с германскими демократами. Но было уже поздно; наступило время реакции; наше предприятие не удалось. Когда преждевременно началось восстание в Дрездене, я был готов выехать из этого города в Прагу, но был назначен против моей воли членом дрезденского революционного комитета. Боровшись целую неделю против прусских и саксонских войск, мы должны были отступить. Приехав в Хемниц, я был арестован...».

Бакунин не счел нужным сообщить о себе более подробные биографические данные, он не упомянул о том, что в то время, как он «верил только в человечество», русское правительство, кроме того, верило еще и в честное слово и в клятву; что касается до утверждения Бакунина, что в прошлой жизни его нет ни одного факта, за который он должен был бы краснеть, то он и ему подобные вообще не краснеют, а потому утверждение его мы считаем вполне согласным с истиной.

Покрасовавшись в роли представителя революционного общества «Земля и Воля», будто бы имеющего разветвление по всем провинциям России, во всех классах народа; представившись шведским демократам в качестве какого-то апостола, призванного осуществить на деле великие социальные принципы, свергнуть с русского престола цар-

ствующую ныне династию, сделать из России социальную демократическую республику и потом протянуть руку финляндцам «sous les mêmes garanties», если они сами того пожелают, Бакунин, наконец, уехал из Швеции обратно в Лондон, а оттуда в Италию [22]).

Несколько лет после этого эпизода о Бакунине было мало слышно; казалось, судьба хотела сжалиться над ним и предать его имя забвению. Но он опять не сумел воспользоваться благостью судьбы. С весны прошлого года Бакунин в сообществе с достойным другом своим, 23-летним полуграмотным учителем одного из петербургских приходских училищ Нечаевым, бежавшим за границу, стал печатать в Женеве ряд воззваний к русским студентам, к русским мужичкам и простым людям и проч., воззваний, столько же преступных по намерению, сколько нелепых по содержанию. Цель этих воззваний — опять-таки вызвать в России революцию; средства к достижению цели — «разбой», «яд», «нож», «петля», «огонь и меч». Бакунин в своей «исповеди» сравнивает себя с Дон-Кихотом. Напоминаем читателям, что ламанчский рыцарь, несмотря на свои смешные похождения, не переставал быть никогда честным человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Материалы для биографии М. Бакунина». Т. I. Гос. Изд. 1923 г., стр. 212.

[2]) Дрезденский государственный архив. «Дело по обвинению литератора Михаила Бакунина». Полное обозначение дела: «Acta die von auswärtigen Behörden eingegangenen u. erledigten Requisitionen wegen des hier in Untersouchung befindlichen Literat Michael Bakunin. Ergangen vor der Kriminal-Abtheilung des Statsgericths zu Dresden». Vol. II. № 1285 c., 1849 г. (стр. 7.).

[3]) См. «Бакунин». Том первый, 2 изд. 1924 г. Гос. Изд., стр. 435, примечание 115.

[4]) «Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Yakson». См. «Красный Архив», т. VII.

[5]) См. предисловие к «Статье Бакунина о России»; «Былое», № № 27—28 (1924 г.).

[6]) Все документы, использованные при составлении памфлета, опубликованы нами в I томе «Материалов для биографии Бакунина». Гос. Изд. 1923 г.

[7]) Все черновики памфлета, вместе с многочисленными копиями и отрывками «Исповеди», составили особую V часть «дела» о Бакунине. Всего в этой части 151 полулист, кроме белового экземпляра памфлета.

[8]) В чем заключалась та «неприятная» история «с карманными часами», нам установить не удалось, хотя в наших руках были все без исключения документы, по которым составлялся памфлет. Можно думать, что эта «история» сочинена составителем от избытка усердия.

[9]) Речь Бакунина издана в Париже в 1847 г. под названием:

«17-e Anniversaire de la Révolution Polonaise, Discours prononcés à la reunion tenue à Paris, pour célèbrer cet anniversaire, le 29 november 1847 par. M. Bakounin, refugié russe».

[10]) Мы даем эту выдержку в переводе с французского.

[11]) К этому месту составитель памфлета сделал следующее примечание: «Если бы вследствие такого сокращения возникло сомнение в том, не изменен ли смысл «исповеди» Бакунина, то мы тотчас напечатаем все пропущенные места».

[12]) Как мы указывали уже в предисловии, мы не приводим тех цитат, которыми иллюстрировал свое изложение памфлетист. Их читатель легко может угадать, прочитав «Исповедь» (I том «Материалов»). Мы не считали целесообразным увеличивать объем памфлета, — нас интересует здесь лишь материал, рисующий попытку III отделения разоблачить опасного революционера.

[13]) Здесь составитель памфлета делает следующее примечание: «в этой части письма находится следующее предложение: «Хотя я и не большой друг телесных наказаний, но я вижу, что, к несчастью, они еще очень нужны, — вели же сечь, дорогой друг, вели сечь, но никогда не секи сам». Это — отрывок из письма Бакунина из крепости (см. «Материалы», т. I, стр. 413).

[14]) Там же, стр. 415—16. Оба эти отрывка приведены в памфлете на французском языке, на котором были написаны Бакуниным. Здесь мы даем их в переводе.

[15]) Текст письма Бакунина. См. там же, стр. 284—88.

[16]) Текст письма см. там же, стр. 282—3.

[17]) Текст письма см. там же, стр. 289—290.

[18]) Там же, стр. 297.

[19]) Там же, стр. 299.

[20]) Там же, стр. 303.

[21]) Там же, стр. 306.

[22]) Здесь кончается вариант рукописи 1863 года. Следующий абзац добавлен в 1870 году.

Вяч. Полонский.

Отголоски декабрьского восстания 1825 г.

(Окончание [1])

4. ЛЕГЕНДА О КОНСТАНТИНЕ ПАВЛОВИЧЕ.

Известно, что имя в. кн. Константина Павловича еще при жизни Александра I было окружено в солдатских кругах легендой о якобы гуманном его отношении к войскам.

Декабристы использовали популярность имени Константина в солдатских кругах во время своего восстания. Легенда о Константине в обстоятельствах воцарения Николая I получила новый толчек для своего развития как в солдатской среде, так и широких народных кругах. Николай представлялся узурпатором, насилием и кровью отстранившим от престола старшего брата, который, однако, восстановит свои попранные права и, воцарившись, даст народу и войску правду и смягчение сурового быта.

В деле бывшего унтер-офицера Гусенка мы уже видели, что разыгравшиеся события становятся предметом разговора на толкучем рынке, связываясь с легендой о Константине; там же, на петербургской толкучке, и в той же среде завязывается и дело сторожа медико-хирургической академии, вращающееся около той же «Константиновской» темы.

Рядовой лейб-гвардии Московского полка Лазарев показал на сторожа названной академии следующее:

Будучи 24 прошлого января в карауле в морских госпиталях во время стояния на часах в медико-хирургической академии в комнате у сундука казначейства, разговаривал с находившимся в оной сторожем, который у него спрашивал: Как у вас происходила присяга, и что теперь слышно?

Он отвечал, что было прежде, того уже нет ныне; потом сторож спрашивал: «А что слышно про покойного государя?» Он отвечал: «Ничего не слыхать, — присовокупя к тому: у вас, я думаю, лучше о том знают». Сторож на оное сказал: «У нас есть газеты такие, в которых Константин Павлович пишет, чтобы ваш гвардейский корпус, когда привезут тело покойного государя, расставить по квартирам, а с двумя своими корпусами придет и похоронит, и тогда все дело разберет». «Этого у нас не слыхать», — отвечал он; тем и кончился разговор.

На очной ставке сторож не признался в вышеизложенном разговоре; вызванные для дачи показания другие лица ответили, что ничего не слыхали, но сторож был отправлен в команду, где наказали его плетьми и взяли под надзор [2]).

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XVI, стр. 189—204.

[2]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 117, св. 14.

Отсутствие Константина Павловича на торжествах в Петербурге истолковывалось своеобразно; он являлся страдающим лицом в глазах многих, особенно тех, которые не любили Николая.

Государственный крестьянин Олонецкой губ., Лодейнопольского уезда, Герасков отправился в Варшаву педать письмо цесаревичу, за что был арестован.

Христос воскресе! Тайна царева хранится; дела божии прославляются, благословенный богом и народом любезнейший великий Константин 1-й, а по подобию 3-й христианский, здравствует и радуется!

Силою святого животворящего креста христова паче и паче укрепятся силы ваши. 20-й псалом святого царя Давида весь относится к вашему имени. Первое начало истории 27 ноября, в 2-х, 14 декабря 1825 года. Вы более известны, она очень удивительная, кто с понятием рассматривал сию волю всевышнего.

Вера к богу и любовь к царю пленили мое сердце, и правда повлекли за собой, принудили отправиться в дальний сей путь, презрев все опасности жизни моей, оградив себя крестным знамением. Просив прежде г. сенатора Ильинского о сем, ныне видя правила царства сего, оные дают наставления разумному... Осмелився приблизиться к вашему величеству, ежели достоин царские милости, то получив оную, дабы мог несколько подать облегчение невинно угнетаемым, согласно правды и воли царевой или видев и слышав слово праведное, радуюсь, свободен буду, трудясь земледелием, покоить старость родителя моего. Пребывая всегда верен богу и царю, воздая всевышнему словословие. Государственный крестьянин Фомин Герасков.

Ежели позволено будет, то принесется великому Константину и с супругой его хлеб и соль за здравие от сынов русских. Мая 5-го года, 1826 г.[1])

Герасков был задержан по подозрению, «не подослан ли туда и не подучен ли кем-либо».

При допросе его, снятом в Варшаве, Герасков показал:

...ездил он по собственному побуждению в Варшаву, желая удостовериться, в вожделенном ли здравии находится его высочество, и узнать причину, по которой его высочество не изволил быть ни при встрече, ни погребении тела в бозе почивающего государя императора Александра Павловича, так как насчет неприезда его высочества были якобы в народе, как он заметил, разные толки. Одни говорили, что будто его высочество держат в Варшаве и не позволяют выехать, а другие сомневаются в здоровье его высочества.

Пока дело Гераскова разбиралось, он был посажен в Петербугскую крепость. Дальнейшее изыскание не открыло ничего такого, что бы могло служить к обличению Гераскова в каком-либо более или менее преступном намерении по предмету поездки его в Варшаву, равно как в подущении его кем-либо к тому. Сколько можно из того заключить, сей Герасков не имел, повидимому, другого намерения в поездке своей в Варшаву, кроме чаяния, что, явясь туда первым, получит от его императорского высочества какой-либо подарок [2]),

В результате Герасков был выслан в Лодейнопольский уезд, в селение, в котором был записан по ревизии. Там он состоял под надзором полиции, и было запрещено выдавать ему паспорт на отъезд.

Владимирский гражданский губернатор доносит министру внутренних дел Ланскому, а этот последний царю 3 февраля 1826 г. следующее:

---

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 246, св. 17.

[2]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 377, св. 21.

В конце минувшего января представлен был в шуйскую городскую полицию приказчиками 1-й гильдии купца Посылина явившийся на ситцевую его фабрику для получения заработанных денег пахотный солдат Рязанской губ. Николай Рогожкин за то, что он, рассказывая там о происшедшем в здешней столице 14 декабря бунте, дерзновенно говорил, будто бы ваше императорское величество вступили на всероссийский престол усильно, будто присяга требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов и, наконец, что если бы он был в то время в С.-Петербурге, то тоже взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били. Рогожкин при допросе в произнесении некоторых речей своих не сознался, но свидетелями во всем был уличен. Впрочем, как говорит, учинил присягу вашему величеству, находясь еще в Шлиссельбурге, на ситцевой фабрике Вебера.

Губернатор, свидетельствуя о верноподданической преданности купеческих приказчиков: Горяйнова, Конькова и Хлебникова, благовременно прекративших дальнейшее распространение преступных рассказов солдата Рогожкина, испрашивает разрешения, как поступить с сим последним, который содержится ныне во владимирском тюремном замке отдельно от прочих арестантов [1]).

Рогожкин был отдан под суд; на этом заканчивается дело канцелярии дежурного генерала.

Остановимся на следующем деле.

Командующий лейб-гвардии Гренадерским полком полковник Шипов 2-й представил взятого в Ораниенбаумском уезде, в деревне Гореловой, где расположен 3-й батальон того же полка, называвшегося дворовым человеком помещицы Анисимовой Матвея Анкудинова (Кудинова)

по случаю произносимых им некоторым нижним чинам 3-й гренадерской роты насчет вступления на престол государя императора дерзких выражений, при чем полковник Шипов представил и отобранные у того Анкудинова разные бумаги и деньги 15 р. 40 к.; на допросе Анкудинов показал: во-первых, что он находился во услужении у действительного статского советника князя Сергея Голицына, ездил к своей госпоже для получения паспорта и, возвращаясь оттуда, 30 января приехал в деревню Горелую; войдя на постоялый двор и застав в избе собравшихся в довольном числе солдат, спросил: верно, они получили жалованье, что пришли гулять; и когда они отвечали, что от нынешнего государя не получишь, то на вопрос его о причине того, унтер-офицер, взяв его и назвав шпионом, представил к ротному командиру; при чем Анкудинов присовокупил, что солдаты его расспрашивали, не слыхал ли он в Петербурге чего-нибудь насчет полка их, который будто бы хотят расформировать.

Во 2-х, что когда приехал он в деревню Горелую и вошел в харчевню для покупки съестного, то нашел в оной человек пять или шесть солдат, пивших вино; на вопрос его: что, верно, получили они от государя императора денежное награждение, означенные нижние чины, в ответ произнеся против его величества ругательные слова, присовокупили, что за разводы и учение получили и ныне получают по одному, по два и по пяти рублей почти все, кроме их; после сего обратились к нему, Анкудинову, с вопросами: спокойно ли в Петербурге и не слышал ли чего насчет их полка, который как император, так и императрица непременно хотят уничтожить, но его высочество цесаревич до сего не допустит, сказав, что тогда только сие может быть исполнено, когда прекратятся дни его высочества. А один из них, кто именно, указать не может, сказал что недолго же государь император поцарствует. Вслед за сим унтер-офицер усумняся в нем, Анкудинове, и назвав его фискалом, по взятии его и отобрании от него паспорта, отвел его к ротному командиру, а сей отправил его в С.-Петербург вместе с найденными актами, в числе коих находятся два манифеста, одно письмо его высочества цесаревича к императрице Марии Федоровне и клятвенное обещание Константину

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 120, св. 15.

Павловичу, из коих первые три акта купил в сенатской книжной лавке, а клятвенное обещание у одного солдата, продававшего оные на Невском проспекте.

Нижние чины показали следующее: «Войдя в избу-харчевню в дер. Горелой, где солдаты пили, приехавший неизвестно какой человек стал расспрашивать о настоящих обстоятельствах и везде ли спокойно; затем, между прочим разговором, спросил: когда было служить лучше — при ныне ли царствующем государе императоре, или при великом князе цесаревиче; потом осмелился произнести, что его императорское величество изменник, почему он, унтер-офицер Болдырев, схватил сего человека, представил его к ротному, от которого отправлен к полковому командиру». Другой рядовой, повторив показания первого, дополнил: «Идучи к ротному, Анкудинов говорил, что на Петровской площади пролито было много христианской крови, но и крепость наполнена большими господами». Остальные показали тоже, что Анкудинов говорил, что следует быть на престоле Константину Павловичу, что тут кроется обман».

На очных ставках с нижними чинами Анкудинов признался, что на пути к ротному командиру, точно, говорил: «что крепость наполнена, что беспрестанно в оную везут и что намерение было истребить царскую фамилию»; что же касается разговора о пролитии на площади крови — Анкудинов в сем не сознался.

Означенные нижние чины в показуемом дворовым человеком Анкудиновым не признались, утвердившись каждый из них при своем показании.

По сделанной у князя Сергея Голицына справке оказалось, что «сказанный дворовый человек Анкудинов, нанявшись у него для чищения и зажигания ламп с жалованием по 15 р. в месяц, находился в сей должности не более двух месяцев. А 14 декабря, во время случившихся здесь происшествий, он, Анкудинов, приготовив лампы, отлучился и, возвратясь довольно уже поздно, рассказывал, что он имел счастье в продолжении всего времени находиться подле самого государя, удостоился целовать его руку и называть себя его верноподданным и что якобы государь спросил его, точно ли он есть верноподданный. Потом, спустя сутки или двое, Анкудинов опять из дому отлучился и не возвращался уже суток шесть; почему вместо его был нанят другой. По прошествии сего времени Анкудинов, явясь опять, объявил, что он подал государю императору просьбу о принятии его ко двору ламповщиком или полотером и о даровании ему свободы и что по сему случаю содержался он у обер-полицеймейстера. С тем вместе просил князя Голицына о принятии его попрежнему в услужение, почему и был принят, где и находился до конца января; а тогда, объявив, что по случаю поданной им государю просьбы он должен явиться в город Орел, место сие оставил. По поводу принесенной Анкудиновым государю императору всеподданнейшей просьбы господин статс-секретарь Кикин, на требование о сем сведения, уведомил, что означенный дворовый человек просил государя императора о принятии его ко двору истопником или куда благоугодно будет, объясняя, что он из помещичьего владения уволен. Но как по справке оказалось, что дело о вольности его еще не решено, то по докладу им, господином Кикиным, означенной просьбы государь император высочайше повелеть соизволил просителя Анкудинова выслать из города.

Затем упомянутый дворовый человек Анкудинов насчет предполагаемого им намерения следовать отсюда в город Орел, вместо которого отправился по Нарвскому тракту, по учинении ему допроса, утверждая случившееся с ним 14 декабря на Петровской площади происшествие, о изъявленном к нему всемилостивейшего внимания (sic) показал, что он, оставя дом князя Голицына, хотя и имел намерение отправиться в гор. Орел, но по неимению у себя достаточно для сего пути количества денег, равно как и паспорта, для получения оного решился ехать в гор. Гдов к помещице своей, но, узнав дорогой, что она отправилась в гор. Псков, поехал обратно в Петербург, в проезд куда по пути случилось с ним происшествие в деревне Горелой, в первом допросе объясненное.

Его императорское высочество великий князь Михаил Павлович полагает — дворового человека Анкудинова со всеми об нем бумагами за изъясненный в прилагаемой записке поступок препроводить к С.-Петербургскому военному генерал-губернатору для поступления с ним по законам; нижних же чинов лейб-гвардии Гренадерского

полка унтер-офицера Болдырева и четырех рядовых, обнаруживших поступок Анкудинова, его высочество находит заслуживающими награждения.

Анкудинов был выслан из города [1]).

К той же группе может быть отнесено дело о взятом в военном поселении Новгородской губернии петербургском мещанине Никифорове, называющем себя «столпом церкви».

В округе военного поселения гренадерского графа Аракчеева полка был задержан бродяга, неизвестный человек, скрывавший свое имя и происхождение. Он разглашал, что он «есть царь России и всея земли, что он не признает над собою высочайшей власти, что данная народом присяга есть вынужденная». С него был снят допрос, на котором показал:

Зовут его Ильей (имя сие получил при крещении, но что он есть «столп церкви», как о том в III гл. написано [2]), Никифоров сын, от роду ему с лишним тридцать лет, уроженец Тульской губ., Епифаньевского уезда, деревни Барановки помещика Головина, из крестьян. Оттоль, по смерти отца его, в младенчестве переведен сначала того же уезда в село Красное, а из оного Калужской губ. и уезда в село Желобищи того же помещика, вместе с матерью своей Анной Егоровой; имел пять сестер, из коих одна померла, а четыре в живых. Из Желобищ выехал лет одиннадцати в С.-Петербург; сначала находился в доме у господина своего в числе дворовых людей до того времени, доколи господином его отпущен на волю. Был поваром и комиссионером и многие другие отправлял должности; на волю отпущен назад тому лет шесть или семь, за отпуск сей заплатил помещику две тысячи рублей и чрез полгода записан в с.-петербургские мещане. В сем звании занимался торговлей разными товарами, имел квартиры наемные, большей частью в доме городового унтер-офицера Коновалова, в Толмачевском пер., около деревянного театра. Оттоль ездил в Киев и Одессу, откуда хотел поехать в Иерусалим [3]), бог не велел. Потом ездил к матери своей в Калужскую губ. В пути сем прошло времени восемь месяцев. В последних же числах сентября месяца 1824 г. возвратился в С.-Петербург и с того времени жил в доме означенного же Коновалова. Года три назад тому открылась ему благодать божия. В сонном видении явился ему ангел господень и возвестил ему благодать божию и, указав ему на Антипас 11-ю главу [4]), объявил, что, когда вступит на престол император Николай, будет убиен в народе Антипас [5]), и ему должно будет явиться народу объявить сие, и чтоб сделал это на средокрестной недели. При чем сказал: в России было десять царей неблагочестивых, они уже мертвы; а теперь два остались — царствуют, ссылаясь о том на XIII и XVII главы [6]). На третьей недели великого поста ездил он в Новгород на наемных лошадях с ижорским ямщиком молиться богу, пробыл в Новгороде три дня. В продолжение сего времени жил в доме по Ильинской ул., у вдовы Солдатенковой, и был во многих церквах для богомолья, потом возвратился в С.-Петербург с тем же извозчиком.

В среду на средокрестной неделе в С.-Петербурге ходил в Невскую лавру, где объявил себя пред священниками и пред народом столпом церкви и запрещал священникам и народу молиться богу за царя, но монахи, не вняв никаким его оправданиям, выгнали его из церкви вон, и один монах отдал его сторожу, чтоб посадить в караулку; но когда объявил он сторожу, что он — столп церкви, прислан от бога, сторож сказал,

---

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 78, св. № 13.

[2]) Апокалипсис, гл. 3, ст. 12.

[3]) В дальнейшем выяснилось, что доставал паспорт в Вестфалию, а не в Иерусалим *(Прим. в ориг.)*

[4]) Апокалипсис, 2 гл., ст. 13.

[5]) Под именем Антипас, как пояснил Илья Никифоров, он разумеет, что будет убита у нас религия *(Прим. в ориг.)*

[6]) Апокалипсиса.

что лучше примет наказание, нежели присланного от бога задержит, и с тем отпустил его [1]). После того из монастыря пошел прямо пешком в военное поселение, как посланный туда от бога, куда и пришел в субботу на той же недели большою дорогою, и шел он до Чудова, а от Чудова своротил на Соснинскую пристань, оттуда берегом около Волхова шел вплоть до военного поселения; дойдя до военного поселения, пришел в оное по льду чрез Волхов. Какой это был полк или рота, он не знает [2]), но, увидев тут солдат, он возвестил им, что он столп церкви, послан от бога, что он не боится пушки и что он венчан христовой кровью, советовал им не слушать царя, потому что царь беззаконный и по беззаконию своему взошел на престол; чтобы они бороды не брили, ибо бородой хулится образ божий, поелику человек создан по образу божию, что он сам будет царем российским и что бог сам его сделает царем, и народ будет его слушать.

Когда он говорил это, около него было много солдат, все его слушали и отвечали— «давай бог», но говорили притом, что они боятся своих начальников. Проповедовал он это минут десять или около четверти часа, и потом пришел туда офицер, приказал его взять на гауптвахту, откуда и отправили его в Новгород в тот же день.

Когда его везли в Новгород, то он дорогою рассказывал то же самое и другим, кто хотел его слушать — как солдатам, так и офицерам.

При отобрании показания сего он, Илья Никифоров, неоднократно подтверждал и удостоверял, что он послан от бога, что он есть столп церкви, что он будет царем российским; также, что его императорское высочество великий князь Константин Павлович согрешил, что убил в себе Антипас, затем, что уступил престол, ибо царю не подобает отступать от своих подданных и подданным от царя, что это сделал он по воле матери своей; и притом разные произносил слова насчет его императорского величества государя императора Николая Павловича и в бозе почившего государя императора Александра Павловича. Сверх многих других укоризн, он упрекал покойного государя императора, что он не вступился и не защищал греков, ссылаясь на IX гл. Каким образом он сотворен и каким образом послан от бога, написан образ уже три года тому назад, и образ сей хранится у родной сестры его Агафьи, живущей [в] С.-Петербурге, в доме кн. Голицыной, что в Морской; сестра же его уже, может быть, поехала с женою московского губернатора [3]).

Когда сделан ему допрос, не был ли он участником происшествия 14 декабря и не знаком ли он с кем-либо из возмутителей, то он, не дав договорить сего вопроса, сказал:

«Я догадываюсь, что вы хотите знать; я ни с кем из тех не знаком, они — массоны и противники церкви, а я — столп церкви, и сам господь сделает меня царем, если вы не будете повиноваться». Впрочем, что он ни с кем из возмутителей не имеет связи, он ссылается на тех людей, с которыми он в С.-Петербурге имел дело и где он жил.

При переписке сего дополнил, что был возвещен от ангела, что он будет сопричислен к бунтовщикам и что об этом его будут спрашивать.

На вопрос, почему он прямо пустился в военное поселение с своим возмущением, отвечал, что там — более беззакония и жестокостей, ибо в военном поселении за бороды загоняли семнадцать казаков, что они получили уже мученические венцы и что бог послал его в военное поселение для возвещения им, чтобы они не слушались царей.

На подлинном допросе написано так: «столп церкви руку приложил».

При допросе в Новгороде по всем замечаниям оказалось, что он, хотя и называет себя посланным от бога столпом церкви и царем земным и пр., не от помешательства

---

[1]) Это показание в дальнейшем было подтверждено обер-прокур. синода кн. Мещерским.

[2]) Гренадерский имени Аракчеева полк, как выяснило следствие.

[3]) Образ военный губернатор видел; на нем изображены: иконостас московского Успенского собора с серебряными наверху главами, а по бокам восемь образов в серебряных окладах и вызолоченные, как-то: спасителя, божией матери, Иоанна Крестителя и других святых. Во всех сих изображениях нет никакой идеи, близкой показанной Никифоровым, т.-е. как он рожден и как от бога послан *(Прим. в оригинале)*.

в уме, а с умысла; ибо во всех тех случаях, которые могли бы открыть его связь с другими возмутителями общественной безопасности, он хитрым образом отклонял вопросы и старался отводить оные разными замысловатыми рассказами, доказавшими совершенно, что он в полном рассудке».

Комиссия, допрашивавшая его в Новгороде, пришла к следующему заключению: «арестант сей предпринимал склонить военных поселян к возмущению против установленной власти и для большего в том успеха выдавал себя пред ними столпом церкви, посланным от бога, но когда открыт и пойман был в сем злодеянии, то дерзкими словами насчет правительства старался представить себя исступленником или помешанным, дабы тем облегчить свое преступление.

Полагая, что Илья Никифоров не мог решиться к исполнению столь важного предприятия один без соумышленников или что он есть орудие зловредных людей, склонивших его к тому коварными убеждениями и хитростью [новгородский гражданский губернатор] препроводил его к г. с.-петербургскому военному генерал-губернатору для дальнейшего открытия истины, уведомив вместе и господина главного над военными поселянами начальника для принятия мер по его начальству. Дабы арестант сей не мог в пути ни отлучиться, ни разгласить своих проповедываний, я отправил оного с состоящим при мне для особых поручений ротмистром Вартминским, который, в случае надобности, может объяснить о тех показаниях преступника, которые не помещены в отобранном от него допросе.

По важности же сего происшествия я долгом поставил об оном всеподданнейше донести вашему императорскому величеству. (Подпись новг. гр. губ. Жеребцова).

В Петербурге Никифоров был допрошен ген.-ад. Чернышевым; допрос нами приведен выше:

при сем допросе обращено было внимание, в полном ли он рассудке, и, по сделанному чрез находящегося при крепости штаб-лекаря Элькона врачебному наблюдению, замечено, что Никифоров много читал книг священного писания и по необразованности не мог получить надлежащего в них понятия, отчего рассудок его ослабел, и потому он имеет превратные по сему предмету мысли.

Кроме того, выяснилось, что «еще в 1823 году, находясь в помешательстве ума, приходил в таковом положении к покойному ген.-от инфантерии гр. Милорадовичу, называл себя императором и отправлен был в полицию».

27 апреля 1826 г. последовал рапорт коменданта Петербургской крепости ген.-ад. Сукина, что «Илья Никифоров, помешавшийся в уме, отправлен в Обуховскую больницу за надлежащим караулом, для помещения в доме умалишенных»[1]).

Вокруг предстоящей коронации ходили всякие толки, ожидали каких-то событий, думали о беспорядках; подобного рода настроение сказалось в письме старого бомбардира Алексея Лешевича-Бородулича, в котором он просит государя разрешить быть на коронации:

Августейший монарх, государь всемилостивейший. Твой брат, великий князь Михаил, пред отъездом своим из Москвы, видел мою готовность ехать в Варшаву к цесаревичу и убедить его приехать к твоей коронации в Москву, для будущего твоего, собственного своего и всей России спокойствия. Опасение по сему предмету, изъявленное его высочеством, я опровергнул происшествием, вечную славу тебе доставившим, в котором, неисповедимыми судьбами всеведущего, имел честь и счастье безуспешно участвовать в пользе всего благословенного семейства твоего, следственно всех россиян. Отсутствие цесаревича из С.-Петербурга во время предания земле священных остатков благословенного и толкования якобы противоречащих некоторых слов, напечатанных в манифесте, тобою изданном по восшествии на престол, поселяют не только в жителях древней столицы, но и в войске, наполняющем и окружающем оную,

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 186, св. 16.

сомнение об искренности добровольного отречения цесаревича от присяги на верность подданства, ему самим тобе учиненной до 14 декабря 1825 г. В доказательство истины мною написанного и основательности опасения в будущем, я не стану повторять сказок, старою Москвою ежедневно сочиняемых, но приведу на память три происшествия из российской истории. Неправосудие было причиной насильственной смерти великого князя Андрея Боголюбского, и эта же причина ныне служила поводом для заговорщиков к возмущению против Александра благословенного, тебя и всего царствующего рода Романовых. Мудростью и деятельностью своей ты доказал, что заговоры против благословенного рода Романовых для России не опасны. Но история российских самозванцев, а особливо Пугачевский бунт, почти на моей памяти случившийся около 12 лет после кончины твоего деда Петра III, ясно доказывают необходимость всевозможных предосторожностей против людей сего рода. Важнейшая и надежнейшая из таковых предосторожностей есть священное таинство миропомазания, при коронации совершаемое. Упроси цесаревича, чтобы из любви к тебе и отечеству прибавил к славе своего добродетельного отречения от престола российского еще новый блеск личным своим участием в твоем миропомазании и коронации. При помощи всемогущего бога, только этим священным действием он доставит совершенное спокойствие России, а говорящим «царство русское сдано, как конюшня», заградит уста на век и тем успокоит подстрекаемое самолюбие россиян, верностью к тебе непоколебимых. Совершенная любовь к богу, тебе и всем твоим водила пером моим. Если что не так, причти, милосердный государь, чрезмерной к тебе преданности ошибку твоего вернейшего подданного Алексея Лешевича-Бородулича. Июня 3 дня 1826 г., в Москве, на Тверской ул., в доме жены своей.

Далее идет приписка:

твои подданные греки ропщут за нарушение преимуществ, которыми они пользовались в России более ста лет при твоих предшественниках, и говорят, что по закону десятилетняя давность, более десяти раз минувшая, воспрещает комитету министров перетолковывать во вред их промышленности привилегии, им высочайше пожалованные. По сему предмету только один ты, государь, можешь безошибочно судить, что для тебе полезнее: получаемая сумма от новой подати с греков, в России торгующих: или преданность к тебе их под чужою властью в непрерывном с нами сношении живущих.

Из нелицемерной к тебе преданности и любви, а не из любопытства, старый бомбардир просит бога и тебя позволить ему быть во время священного таинства миропомазания твоего, при свите своего генерал-фельдцейхмейстера [1]).

Самые нелепые слухи распространялись по стране; источником их были обычно солдаты, свидетели всех событий, связанных с 14 декабря. Они передавались или рассказами, или же письмами [2]).

В нижеприводимом солдатском письме в фантастических бреднях чувствуется, однако, отголосок тех или иных событий и правительственных мероприятий; интересно общее направление этого письма против генералов и господ.

Рядовой Ладожского пехотного полка Иван Соколов пишет своему знакомому однодворцу Чарыкову, жителю гор. Нижнего Ломова, Пензенской губ. После обычных приветствий и поклонов следует:

Коронации ещё у нас не было и будет в июле или в сентябре месяце, но теперь сказать вам нечего насчет войск и о вольности крестьян, а скажу я вам по секрету о Александре Павловиче, о кончине. Это правда, и я согласен с тем списком, который мною у вас оставлен [3]). По выезде из Петербурга было знамение на небе, и, когда стал

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 310, св. 19.

[2]) О слухах см. «Р. Стар.» 1897, апрель, стр. 21 в статье Шильдера «Похоронный год».

[3]) Списка этого при деле нет.

писать письмо матери-императрице, было затмение, и свечи были поданы, это правда А что написано, как исповедался, приобщился и как лечился и помирал, это враки. У меня стоял лейб-гвардии сержант не молодых уже лет, который находился всегда при дворце; он мне по секрету все открыл, что там делалось. Не доезжая Таганрогу, мост на реке был подпилен для его проезду, где бы ему была кончина жизни; но один какой-то господин добродушный сказал ему:

— Государь, не езди; вам приготовлена на сем мосту смерть.

Но он сказал:

— Я надеюсь на бога; это пустяки. — Однако сказал впред едущему: ступай вперед.

А государь остановился; как только въехал на мост, так он и повалился, а государь сказал Илье:

— Заворачивай скорее.

Не успел только проехать полверсты, тут окружен был господами, отрубили ему левую руку, иссекли грудь и тело. Вот — его кончина. Он, вместо причастия господней крови, свою истощил злодеям; Илья-кучер привез его рубашку, которая иссечена была в местах в тридцати. Боже мой, какое жалкое состояние двух невинных супругов, и Елизавета Алексеевна в Тульской губ. в городе Бельске после обеда скоропостижно полегла. Мая в первых числах старая государыня уехала из Москвы к ней и шесть недель стоять будет в Белеве. А кучер после похорон государя в третий день помер. Государыня так же померла, как и муж ее. Когда все бунтовщики в глаза говорят государю, что мы вас по-одиночке перебьем. Однажды сказал граф Воронцов государю:

«Что вас за род Романов, существует на свете сто сорок лет, так мне должно быть царем, а ты — самозванец».

Этот граф установил закон масонской веры и закон республики; у него уже сделаны были знамена, вышитые золотом, корона российской державы опровергнута вниз главами; и хотел он быть королем республики; тайная канцелярия хранилась у него в доме. Он хотел, чтоб присягнули ему, Воронцову, под видом Константина Павловича. Когда Николай отрекся быть государем, а хотел, чтоб государем был Константин, то во время переписки Николая с Константином хотели обработать, чтоб присягнули подложно Константину, вынесли бы знамя свернуто республиканское, и если бы солдаты присягнули, приклонили знамя и полный поход пробили, тогда бы развернули знамя, а оно республиканское; в то время невозможно возвратить потери; тогда бы всех перекололи. А солдатам гвардии за присягу было припасено по 500 р. на каждого и вольной паспорт, но все бог не допускает.

Николай Павлович был призван в синод; хотели там предать его забвению; но он ходил в сенат и усмотрел под сукном тот самый подписной список, схватил его в карман и бежал из сената; тут схватились — где государь? но он уже уехал к матери и там жил до походу и спал в казарме с солдатами. А знамя вышивала графиня. Уже четыре сына — в службе генералом, полковником, майором и капитаном, то и они были в том же согласны, кем были посажены в крепость и мать (sic). Но мать просила государя о пощаде живота малого сына, чтобы после их мог он прокормить их семейство. Государь призывает его лично и стал спрашивать, как осмелился против государя сделать такой поступок, но он ни одного слова на то не отвечает, а говорит:

— Государь, я не могу ничего на словах объяснить, а позвольте мне на бумаге.

Сейчас подана бумага, но он в ответ написал:

— Что засеяно, то и уродится, а что сожнется, то и измолотится, а молоченное смелется, и будет мука.

Сейчас мать, 4 сына и трех генералов расстреляли. А крепость их полна посажена; их из крепости ночью увозят на Волково поле по 10 и более человек предают забвению, а многих прощают. Недавно посажен под арест наш главнокомандующий барон Сакен и генерал флигель-адьютант.

А при погребении умыслили сделать в двух местах подкоп, закачены были бочки с порохом: 1-е — когда несли тело государя в Казанский собор, где погребаются.

Надобно нести через реку мостом, то под оным под водою была выкопана канава, и закачены были бочки с порохом, а к бочкам были наставлены цевки, сшитые из кожи, и облиты варом и проведены в дом; когда царская фамилия взошла бы на мост, тут бы все погибли, но было доказано. Во 2-х, Казанского собора протопопа подкупили, чтобы он позволил ночью им быть в соборе, взял с них груду денег и отдал ключи. Как настала ночь, то собралось их господ генералов и князьев разного звания, одни господа, а лакеев не было ни одного, человек до 80; взломали пол, нося землю, а куда девают — не видно. Когда ночь проходит, то они пол намостят попрежнему; работают ночь и другую, а на третью ночь протопоп пошел к государю с извинением. Они подкатили 12 бочек с порохом, но государь сказал: «Пускай дорабатывают», и запретил попу, чтоб никому не сказывал, а сам нарядил конвой. После полночи этот обход пришел к собору, круг оного стали и всех перевязали и отправили в крепость, а в обходе из офицеров не было ни одного. Когда стали их брать, то против солдат стали сопротивляться.

— Как ты смеешь меня брать; один говорит,—я князь; другой,—а я генерал.

И так отзывались чин по чину; но солдата не устрашили их чины, ни ленты, ни звезды, а скрутили их так, как разбойников, а после эти князья и генералы награждены были Волковым полем вечно во владении их. Одного князя возили к допросу и обратно повезли в крепость; провожали гвардейские уланы конные, три рядовых и один унтер, через Неву мост вышиной сажень восемь, то сему князю привалила ..... тоска ; из коляски бросился с мосту, он думал вода, ан лед; а солдат — с лошади да с мосту на него бросился и давай саблей валять; оный князь вдвойне понес убыток на своей спине.

Еще скажу я вам о Константине; за ним в Польше ходят 5 генералов, которые стараются его извести. В апреле числах [sic] пришли 5 генералов в женских платьях и подали просьбу, а сами за пистолеты и изранили крепко; тогда вскричал ординарец: «Не выдавай», начали рубить на месте, всех положили, отчего сделался весьма болен. Едва ли будет жив Константин: если помрет, то великое смятение будет, оттого и коронации нет. А когда жив будет, то он сделает все по-своему.

Михаил Павлович приехал в Москву с супругой своей, которая родила себе сына Константина Михайловича: приехал на Миколу, а выехал через неделю в Петербург. А государь уехал к Константину, но и его уже пугают: раз в дрожках пулю привез во дворец, а другой раз шляпу прострелили, а еще в двух местах встречали выстрелами, но бог спас.

Англичанину на подмогу с 5-го корпуса даны 2-е батальоны, а от нас с полков будут отданы по две роты, 5 и 6 роты во 2-й корпус. Англичане имеет войну с турками.

Далее идут пожелания и просьба «предать забвению» это письмо, разве только прочесть хозяину.

Слухи эти Соколову, по его показанию, передал л.-гв. Казачьего полка урядник Иван Корнеев при проходе гвардейских полков в Москву. Это письмо передавалось из рук в руки, оно было оставлено у церковника Волосатова, который рассказал о нем священнику, и так дошло до властей.

Рядовой Соколов и церковник Волосатов были преданы суду; второй был сослан в войско Донское за непредставление своевременно письма, а Соколов оказался «виновным в безрассудном принятии за истину очевидно вредных толков и слухов и в сообщении оных другому на письме,— согласно 135-му воинскому артикулу приговорили его, Соколова, лишить живота» [1].

Так претворялись в умах народа события 14 декабря 1825 года.

---

[1])Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 368, св 20.

5. ЛОЖНЫЕ СЛУХИ.

Петербург в рассматриваемый нами период, особенно же в первые две трети 1824 года, жил напряженной жизнью. Аресты, следственное дело, а затем наступившие траурные церемонии «похоронного года» наэлектризовали общество. Ожидались какие-то важные события. Ширились, всевозможные слухи, которые гласили о якобы готовившемся заговоре на жизнь нового государя. Иногда они имели некоторое отдаленное основание, часто оказывались вовсе вздорными. К такому роду «ложных слухов» относятся два дела о подкопах в погребе Царскосельского дворца и в московском Кремле. Хотя в конце концов и оказывалось, что это только пустые слухи, однако они поднимали на ноги высшую полицию и заставляли обращать на себя внимание даже и очень высокие инстанции.

Полицеймейстер Царского Села получил анонимную записку следующего содержания: [1]).

Не худо бы обыскать под каким приличным предлогом у Короба [придворный келлермейстер] погреб, ибо слухи говорят что-то об нем нехорошо; но, боже упаси, чтоб человека очернить: слух — все слух, я его уважаю, как честного, а бог знает, каковой; ныне всего опасайся: без причины и чирий не сядет. Должно не разглашать сие, чтоб злодей сим не воспользовался, а добрый человек не потерпел. Горе тому, кто злодея покроет: бог видит все. Уголок здесь [на записке] оторван нарочно: когда время придет, то и рука сыщется с уголком. Не должно, однако же, думать, что то уже справедливо, что здесь писано; это только слух; но бутылки не худо осмотреть, ибо это вероятнее. Мне жаль, если такой человек, как Короб, за это пострадает [2]).

О доносе было доведено до сведения управляющего Царским Селом ген.-майора Захаржевского, который получил следующее отношение:

До сведения государя императора дошло, что царскосельский полицеймейстер получил 14-го числа сего месяца [февраля 1826 г.] письмо от неизвестного, в котором убедительно настаивает, чтоб осмотрен был погреб дворца, удостоверяя, что сделано будет важное открытие, а чтоб можно было узнать того, кто о сем уведомляет, сочинитель письма оторвал в нем уголок, который принесет по учинению изыскания [3]).

На основании подобных извещений погреб старого Царскосельского дворца был очищен от лишних бочек, тщательно осмотрен, запечатан особой печатью, и к нему приставлен караул. Было постановлено подвергнуть химическому испытанию некоторые вина.

Подобные слухи о подкопе во дворце имели место и в Москве. Отставной полковник Зябкин услышал от неизвестного монаха рассказ о том, что будто бы в Кремль ночью ввозятся бочки с порохом. Исполняя точно обещание своей присяги, полковник пишет бар. Дибичу:

Предки, отец и нас семь родных братьев, служа в армии честно, которые с верноподданнической преданностью государям окончивши жизнь свою, я же из них теперь последний, прослуживший там 27 лет со отличием и желавший послед-

[1]) Копия с копии.
[2]) Дело канц. деж. ген. 1926 г. № 126, св. 15.
[3]) Там же.

ние дни мои употребить также на пользу сходно данной перед богом присяги. В ней клятвенно сказано: «что увижу или услышу вредное, да донесу». В сем предмете нынешних обстоятельств и всем уже известных, до какой степени злодейство распространено было, и так соображая с сими поступками, чего и еще быть не может. На сих днях возвращавшийся из Тулы мой человек объявлял мне слышанное идущим монахом из Москвы, что будет там ужаснейшая перемена, с присоединением, якобы между очищением нужных мест, возивших чрез крепость в ночное время — под закрытием были бочки с порохом.

...Здесь, по мнению моему, не нужно доводить до сведения всемилостивейшего государя императора; если благоугодно будет приказать от лица своего секретно сделать розыск с берегов крепости, нет ли мин в подвалах дворца, и от строения Сенатского к собору, оно не составит в предосторожности больших трудов, ни даже беспокойства и издержек и, в случае лжи, останется при вас в молчании; и, впрочем, я не ищу тут ни милости, ни награды, но всенижайше прошу только ваше высокопревосходительство за мое простодушие и усердие не навлечь мне какого-либо оскорбления; и я тем буду счастлив, если удостоите уведомлением. 27 июля 1826 г. Рязанской губ. Раненбургского у.

Наверху приняли это известие, как один из нелепых слухов, но все-таки московский обер-полицеймейстер сделал тщательный обыск во всех подвалах кремлевского дворца и, конечно, не нашел ничего подозрительного. Между прочим, опрашивали привезенного в Москву монаха Авеля, который «часто говорит многое в виде пророчества и тем наводит на слушающих его смущение». По распоряжению государя монаха отправили на жительство под надзор в Суздальский монастырь. Зябкин получил благодарность и ответ от барона Дибича, что «слухи сии, без сомнении, происходят от нелепых и никаких оснований не имеющих разглашений монаха, на кои правительством обращено уже надлежащее внимание».

6. ОТГОЛОСКИ В ГРУЗИИ.

Излагаемый нами эпизод из области слухов переводит нас вновь к фактам действительности, имевшим при том место на отдаленной окраине. Недавно присоединенная к империи Грузия по-своему реагировала на декабрьские события, — грузинская партия, повидимому, хотела использовать этот момент для освобождения из-под русской зависимости. Эти сепаратистские стремления вскрывает дело грузинского князя Половандова, доставленного из Константинополя в Одесский карантин. Во всеподданнейшем рапорте ген.-ад. Воронцова приведено показание Половандова, взятого в Одессе 8 сентября 1826 года:

Когда я отправился из Грузии, то в Ахалцыке нашел беглого царевича имеретинского Вахтанга Багратиона, при котором и находился долгое время в Трапезунде. К царевичу сему в нынешнем году писал находящийся в Имеретии ген.-лейт. владетельный князь Дадиан, что император Александр скончался, что из этого произошли большие беспорядки, что 70 тысяч войска, державшего сторону его императорского высочества цесаревича, побиты, чему подвергнулись также несколько тысяч защищавших ныне царствующего государя императора, и что князь Багратион, служащий в Петербурге, взял некоторое число войска и отправился в Германию, намереваясь быть в Мингрелию или Имеретию. Князь Дадиан присовокуплял, что известие о сем получила будто бы царевна Тамара, что генерал Ермолов разбит лезгинцами и что в Имеретии одни только караульные солдаты; при чем просил о таковых новостях известить царевича грузинского Александра, пребывающего в Персии, дабы он обо всем этом знал и требовал прибытия Вахтанга в Имеретию для освобождения земли от русских,

а в удостоверение верноподданства ему, царевичу Вахтангу, всех князей и дворян, в ведомстве Дадиана состоящих, препроводил присягу их о том. Дадиан просил известить о том турецкого султана, добавив, что русские сами не хотят быть в Имеретии и что она отдается под покровительство султана. Известие же сие отправить на тот конец, что если султан войска не даст и не согласится другим способом помогать, то по крайней мере позволил бы ему, Вахтангу, прибыть в Имеретию и приказал бы турецкому владетелю близ Имеретии Амет Беку пособлять им, за что они дадут им пленников. Дадиан, сверх того, писал к Вахтангу, что персияне давно готовы начать войну с русскими, и просил уведомить о сем царевича грузинского Александра, находящегося в Персии, дабы он был в готовности. В то же время доставлено Вахтангу письмо от владетельного князя гурийского Давыда с извещением, что и он, с своей стороны, готов, и с препровождением такой же присяги гурийских князей и дворян. Он писал также, что один владетельный князь гурийский — генерал-майор Гуриель — привержен к русским и что если он не согласится пристать к ним, то они умертвят его. Письмо сие доставлено не к самому царевичу Вахтангу, но к одному гурийскому владетельному князю, также с ним в бегах находящемуся, а сей последний препроводил к царевичу.

Третье письмо было от зятя Вахтанга имеретинского князя, находящегося в Имеретии, с уведомлением о кончине императора Александра и с поздравлением его, Вахтанга, царем имеретинским. Принесший сей пакет имел еще пят пакетов, о которых царевич ничего не говорил и содержание оных скрыл от всех; только один тайный его секретарь князь Цулкица сказал мне, по моей просьбе, что эти пакеты от князей Микалациевых. Посланный объявил царевичу, что в Имеретии ожидают его царем.

Все сии письма получены в прошедший великий пост. Тех людей, которые доставляли письма, я могу узнать в Имеретии, одного же из них ведаю и фамилию, именно дворянина Капуния. Доставивший пять пакетов есть из Кутаиса. Я не знаю его фамилии, но могу признать его в лицо. Он имел заграничный паспорт от грузинского начальства.

Когда помянутые письма дошли до царевича Вахтанга, то он с копиями с оных послал меньшого брата своего в Персию; а одного своего священника—к грузинскому царевичу Александру; трех же князей отправил в Константинополь, куда и я поехал, будучи отпущен по моей убедительной просьбе и с пособием нашего консула в Трапезунде. Князьям поручено было все письма в подлиннике представить султану; но в это время случилась янычарская революция, и тогда нельзя было исполнить сего поручения. После они представили все бумаги султану, а между тем я по прибытии в Константинополь явил[ся] к г. действительному статскому советнику Минчани и его обо всем выше прописанном уведомил. Его превосходительство приказал мне довести о том до сведения генерала гр. Воронцова по приезде в Одессу. Желания моего возвратиться в Россию князья не знали, ибо я говорил, что определюсь в турецкое войско, иначе они умертвили бы меня. Об ответе князьям я узнал от них, ходивши к ним из нашей канцелярии.

Султан отказал им в даче войска, но позволил царевичу отправиться в Имеретию, отпустил ему в подарок 275 тыс. пиастров и предписал трапезундскому паше дать ему порох, пули и прочие припасы.

Я полагаю, что от отправления брата царевича в Персию произошли нынешние последствия [1]), о коих я слышал.

Князья готовились уже к возвращению в Трапезунд, как между тем я сел на корабль и прибыл в Одессу, спеша объявить сие полезное для моего отечества открытие. Если Дадиан и другие князья узнают, что я в России, то, конечно, уйдут за границу, ибо я сам писал ответ Дадиану по приказанию царевича Вахтанга.

Получив такое извещение, начальник главного штаба обратился к новороссийскому генерал-губернатору и полномочному наместнику Бессарабии и Донской области ген.-ад. гр. Воронцову с предложением уведомить об этом генерала Ермолова.

[1]) Т. е. дипломатические осложнения, а затем и война. *Прим. ред.*

В ответ на такое уведомление Ермолов высказал свое мнение, что в Грузии, Имеретии и Мингрелии все спокойно, а что слова Половандова весьма сомнительны.

Так отзывались на события, колебавшие политические устои империи, бывшие туземные властители Кавказа; но, как известно, много тревог внушало правительству и настроение размещенных там русских войск. Был подозрителен сам ген. Ермолов, ими командовавший; следственный материал по делу восстания 14 декабря давал некоторые (правда, неподтвердившиеся) указания на существование в Кавказской армии особого тайного общества.

Не принесла успокоения умов в Кавказской армии и начавшаяся война с Персией и смена высшего командования. Следует припомнить, что в результате следствия и суда над декабристами, как известно, многие офицеры и солдаты были отправлены в Грузию. Неудивительно поэтому, что в ропоте неудовольствия на Кавказе в армии чувствуются и в позднейшие годы отзвуки 14 декабря. Такое недовольство существующим положением вещей слышится в письме разжалованного рядового Тифлисского пехотного полка Лобанова, который написал из Хои к отцу в Москву:

Из прилагаемого при сем списка с приказа, в 10-й день февраля по корпусу отданного, увидите о корыстном конце войны с персиянами. Питаясь надеждами, что хотя искра человечества, сохранившись в сердце самодержца, доставит мне частицу отрады, желал окончания войны, истреблявшей людей не в поле битвы, а голодом и мудрым распоряжением царских любимцев. Теперь война кончена, и сыплют щедрой рукой награды, только на кого? — на адъютантов вельможей, на чиновников штаба и на тех, кому протежирует Бенкендорф и Сухтелен, а нашему брату — без покровительства, подставлявшему лоб при каждом встретившемся случае и на каждом переходе изнурявшемуся до изнеможения, дали в награду утешительный листочек приказной благодарности. С такими опытами сострадания трудно радоваться миру и желать спокойствия, которое покупали дорогой ценой утраты здоровья каждого и потери тысячи воинов, от голоду и зноя погибших. Теперь, вспоминая, что три представления, обо мне сделанные, вместе с прочими не приобрели даже отзыва и что наградили офицерскими чинами из разжалованных по происшествию 14 декабря только тех, кои родились от графов или протежируются немцами, трудно быть равнодушным, но застрелиться или опиться для человека постыдно. Итак, извинительно мне, ежели я желаю, чтоб предвечное правосудие подвигло ад на ниспровержение утеснителей человечества. Я до сих пор не приучился смотреть равнодушно на несправедливости властителей и вельмож, которые, наслаждаясь всеми благами, равнодушно видят миллионы страждущих для их благоденствия; но чтоб предаться унынию, то того, кажется, не будет до последнего моего издыхания, которое испустить с полною доверенностью к промыслу всевышнего было бы приятно, но, признаюсь, начинаю сомневаться, чтобы он входил в деяния владык земных и на фаворитов, для которых счастья как будто мы должны бедствовать [1].

В ответ на это письмо последовало отношение командира кавказского отдельного корпуса на имя товарища начальника главного штаба, управляющего военным министерством, гр. Чернышева:

Во исполнение высочайшей воли, объясненной в отношении ко мне вашего сиятельства от 19 апреля № 384, Тифлисского пехотного полка рядового Лобанова перевел я в 44-й егерский полк, предписав зачислить его в одну из рот, расположенных в Редут-Кале, и учредить строгий надзор за его поведением, донося о нем ежемесячно мне.

---

[1]) Дело канц. деж. ген. 1828 г. № 76, св. 41.

Ложное направление образа мыслей рядового сего отношу непосредственно к необходимым следствиям всеобщего расстройства, допущенного в Тифлисском пехотном полку прежним командиром оного ген.-м. кн. Севардземидзевым, что подробнее ваше сиятельство усмотреть изволите из сопровождаемого в копии донесения моего г. начальнику главного штаба е. в. за № 60-м. Сие важное обстоятельство заставило меня всех находящихся в том полку разжалованных разместить в другие полки.

Г.-ад. гр. *Паскевич-Эриванский*.

Выписка этого письма, «исполненного клеветы, духа ропота против начальства в самых дерзких выражениях противу правительства», была препровождена начальнику главного штаба, который спрашивает Паскевича, «нет ли еще во вверенном ему корпусе людей, мыслящих подобно Лобанову».

Командующий корпусом дает картину разложения в Тифлисском пехотном полку:

Полк сей, опущенный ген.-м. кн. Севардземидзевым до невероятности, где служба ниспровергнута в самом ее основании, ибо воинская дисциплина в продолжении уже нескольких лет не существует в оном, не может быть школой для исправления людей, впавших в заблуждение. Нынешний же командир его, при всех возможных со стороны моей наблюдениях, не успел еще утвердить в нем желаемое устройство и порядок. Дерзость рядового Лобанова есть, без сомнения, следствие запущений, укоренившихся в полку сем.

Я считаю обязанностью изобразить вашему сиятельству хотя некоторым образом состояние Тифлисского полка и управление оным г.-м. кн. Севардземидзевым, который, начальствуя частью, совершенно вреден для службы, ибо не имеет об оной ни малейшего понятия. Трудно поверить, что полк сей не находился в составе рот, но, разделенный на команды, носившие имя начальника, расположен был по хуторам, где занимался обрабатыванием полей и сенокошением. Беспорядок доведен был до такой степени, что нижние чины целых рот приходили к командиру полка жаловаться на своих начальников, и он, вместо законного исследования, ограничивался уговаривать нижних чинов из уважения к нему оставить дело сие [1]).

В результате расследования многие были разжалованы в рядовые, переведены были в другие полки, а Лобанов, отправленный в Редут-Кале, вскоре там умер от нервной горячки.

По поводу правительственных репрессий против «вольномыслящих» неизвестное лицо пишет с Кавказа:

По случаю переведенной из Гишпании к нам жандармской инквизиции, там она уничтожена, как моровая язва, а у нас принята за исцеление, и в кругу нашем она уже пожрала до 200 лиц, кроме бегущих самих от страха [2]).

7. КРЕПОСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ.

Как отдаленный отголосок движения декабристов можно рассматривать и нижеследующее дело заводского служителя Андрея Лоцманова; правда, поступок его против власти и «существующего порядка», относился к 1823 году; но вскрылось и началось все дело в 1826 году, под непосредственным впечатлением восстания декабристов и раскрытия тайного общества. Оно показывает, какой отклик находило политическое движение того времени в очень демократической среде крепостных заводских служа-

[1]) Дело канц. деж. ген. 1828 г. № 76, св. 41.

[2]) Дело канц. деж. ген. № 6, 1827 г. св. 28, стр. 58.

щих, в ряды которых судьба занесла Лоцманова, заводского служителя Верхнеисетских корнета Яковлева заводов, одного из представителей «крепостной интеллигенции» [1]).

Дело озаглавлено так: «Дело о заводском служителе Верхнеисетских корнета Яковлева заводов Андрее Лоцманове, взятом под стражу по случаю найденной у него и им самим написанной бумаги, заключающей злоумышление против высочайшей особы и спокойствия государства». Дело началось в мае 1827 г., кончилось в 1830 г.

Бумага эта следующего содержания:

Высокопочтеннейшему президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу и магистру 4-х степеней и 500 совета Мордвинову [2]).

Отношение.

Действительного члена и представителя 2-й степени и агента уральских окрестностей —Азы Гезке.

Исполняя волю вашу, великий магистр и пятисотного совета, обстоятельно доносил о предметах, касающихся до меня, равно и сим спешу известить благородное собрание сподвижников свободы о выполнении его благих намерений. Слава магистру. Слава представителю 4-х степеней! Слава и вам, сподвижники свободы!.. Семена свободы сеются на хребтах Урала, и бесплодные скалы стараниями вашими превращаются в плодоносные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей свободы; врожденное чувство человека и здесь распространяет ветви свои, под сению коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее. Свобода, повторяю я, присоединила в число сподвижников своих, кроме уже известных вам, великий магистр, еще несколько человек, кои стараниями моими возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян столько же, сколь питают усердие к новому монарху — свободе; и смертная клятва во имя трикраты трех произнесена новыми ревнителями; объяснение о положении их состоянии и видах, кои я и простираю на них, при сем особо представляю на рассмотрение ваше, великий магистр, и представителей свободы по установленному порядку.

Великий магистр, представители, агенты и вы, сподвижники свободы, уверяю вас страшною клятвою о верности моей. Представитель 2-й степени; в 4 год свободы.

Подлинное подписано Asi Gesch; между строк — в 4-й год. Подпись по-немецки.

Управляющий заводом посылает донесение заводскому исправнику и препровождает «оригинальную бумагу, писанную на золотообрезном полулистового формата листе, рукою служителя завода, которая означает в себе злоумышленную цель, посеваемую на хребте Урала, против особы всемилостивейшего государя императора и спокойствия отечества».

Был отдан приказ открыть злоумышление и сообщников оного. На предварительном следствии Лоцманов показал, что «имеет 21 год; по-русски и по-французски грамотен; у исповеди и св. причастия в последний раз был 2 года; женат; из крепостных кре-

---

[1]) П. Н. Сакулин. «Крепостная интеллигенция» в сборн. «Великая реформа», т. III, стр. 66—105.

[2]) Н. С. Мордвинов был выдвигаем в планах декабристов вместе со Сперанским как член временного правления, как исполнительная власть. Опытный администратор, представлявший не раз либеральные проекты, пользовался симпатиями декабристов. На него был написан анонимный донос, что «сей министр, под личиною патриотизма, был постоянно вредным правительству изданием всенародно всех тех бумаг, кои «поступали от него к монарху и в государственный совет». «Русск. Стар.», 1881 г., январь, стр. 187. О Мордвинове — см. Семевский. «Общ. и политич. идеи декабристов» (по указателю) и Иконников. «Гр. Н. С. Мордвинов».

стьян, служитель. Бумага собственно им писана; подписал по-немецки, но языка не знает».

Произведенный обыск нашел только тетрадь с сочинением под заглавием «Негр или возвращенная свобода» [1]). Затем было послано секретное отношение дежурного генерала штаба его величества пермскому гражданскому гебернатору, «чтоб сочинителя сей бумаги служителя Лоцмана [sic], приказав заковать в ножные кандалы, сдали его посылаемому к вам вместе с сим фельдъегерю». С Лоцмановым был отправлен служитель того же завода Махотин, которому Лоцманов дал написанное им отношение к Мордзинову.

В Петербурге Лоцманов делал дополнительные показания:

Бумагу писал в Верхнеисетском заводе в 1823 году, вскоре по выезде из Москвы, где он и обучался в двух частных пансионах, принадлежащих чиновникам Терликову и Галушкину. Кроме языков, обучался средним и высшим наукам. Махотину дал бумагу по глупой легкомысленности; сказал лживо, что принадлежал к тайному обществу. Мордвинову ничего не посылал, а написал по тогдашней детской шалости — хотел ввести в заблуждение Махотина, чтоб освободиться от докучливых просьб. Все приемы, обороты и предметы подобраны и написаны из печатных книг, законов, особенно «рыцарей белого льва», а многие термины, придуманы им самим. Все написанное вздор, не соответствующий действительности.

В своем показании Махотин добавлял, что «слыхал от Лоцманова о тайных обществах и говорил, что они имеют цель общее народное благо. Хранил эту бумагу, так как сначала не понимал ее смысла, затем, когда открылся заговор, боялся начальства Когда же Лоцманов стал от него ту бумагу требовать, — выдал по начальству.

Следствие обнаружило, что, действительно, Лоцманов обучался в Москве, при отце своем дома и в частном пансионе и получил воспитание, несоответственное его состоянию. Кроме того, имел дела по торговым оборотам с иностранцами, торговавшими галантерейными вещами. Повесть «Негр» написал для себя, «приноравливая к своему состоянию».

Этому делу придавали важное значение и считали для других «соблазнительным», так что пермский гражданский губернатор получил отношение: «все рассеянные бумаги, касающиеся Лоцманова, собрать и доставить ген. Бенкендорфу», потому что «по важности случая они могут быть предметом любопытства, непосредственно для молодых людей вредного, и даже для безрассудных примером к подражению».

В своем заключении по делу Лоцманова ген. Бенкендорф пишет:

Умысла преступного не открыто, хотя мысли и преступны. А как написанные бумаги есть действие, следственно, учиненное преступление, то Лоцманов заслуживает наказания. Махотин, им обольщенный, довольно наказан страхом и содержанием под арестом; ни тот, ни другой не могут быть оставлены на прежних местах жительства.

Не менее интересна резолюция, заключающая все следствие:

Мальчик, воспитанный в одной из столиц,— читаем мы,— в обществе с детьми лучших семейств, в публичных училищах, знакомится с понятиями века, с мыслями предвластвующими временем, с образом жизни окружающих его, в свободе, неге и самой роскоши. Мальчик сей с пылким воображением и раздраженной чувствительностью, возмужав, возвращается вдруг в первобытное состояние родителей, о коем никакого понятия иметь не мог. Он делается крепостным служителем на железных заводах

[1]) Содержание этой тетрадки дело не излагает.

помещика. Какое разительное превращение судьбы! Сие замечание ведет к тому, что должно, кажется, строго воспретить давать высшее образование крепостным людям, не делая их вместе с тем свободными. Они гибнут сами, других вовлекают в гибель и расстраивают общий порядок. Лоцманов преступен и заслуживает наказания.

Лоцманов был отправлен в Бобруйск для определения в крепостные арестанты «впредь до поведения». Ежемесячно об его поведении присылались рапорты [1]).

Только в 1832 году Лоцманов был освобожден. Мы имеем отношение гр. Бенкендорфа к военному министру гр. Чернышеву от 26 сентября 1832 года, в котором, вспоминая вкратце дело, имевшее место в 1827 г., он пишет:

Ныне я имел счастье представлять на высочайшее благоусмотрение государя императора всеподданнейшее прошение деда, бабки и жены Лоцманова о всемилостивейшем прощении сего несчастного их родственника, который уже 5 лет несет тяжкое наказание, при сем доводил я до высочайшего сведения и отзыв вашего сиятельства, изъясненный в записке от 14-го минувшего августа за № 146-м, что Лоцманов в течение девятого полугодичного времени вел себя хорошо и ни в каких дурных поступках замечен не был.

Его величество по таковому всеподданнейшему моему представлению всемилостивейше повелеть соизволил: означенного Лоцманова освободить из Бобруйской крепости и отправить в Минск к тамошнему гражданскому губернатору для употребления на службу.

В. Ганцова-Берникова.

---

[1]) Дело канц. деж. ген. № 89, 1827 г., св. 32.

Из записной книжки архивиста.

Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.

Разгром декабристов на Сенатской площади, их аресты и допросы, следствие и суд над ними и самую их казнь Николай I, как известно, сделал своим л и ч н ы м делом, и дело это он вел твердо и без колебаний к тому концу, который для него был предрешен в первые же мгновения после победы еще в ночь с 14 на 15 декабря [1]), — к казни суровой и беспощадной, которая должна быть возмездием для «убийц» и примером для других [2]). Николаю хотелось бы поскорее, не медля, произвести эту расправу [3]), но следствие затянулось, далее необходимо было проделать комедию «суда», и «конца» пришлось ждать целых семь месяцев. В течение всего этого срока Николай, находя поддержку в окружающей придворной и сановной среде и встречая полное одобрение в собственной семье, ни разу не поколеблясь, вел все дело к намеченной развязке и готовил психологически к ней и себя и все «общество». Свидетельством тому — и самые его действия, и официальные документы, и личные его записи. Эти семь месяцев и Николай, и царская семья, и придворные круги жили в непрерывном и все нарастающем нервном напряжении, которое кульминационной высоты достигло в решительные дни июля, когда утверждался приговор и исполнена была самая казнь.

Две группы записей самого Николая рисуют нам его в эти дни: письма его к матери и к братьям и деловые записочки к начальнику его штаба бар. Дибичу и другим помощникам по расправе с декабристами. Обе группы записей дополняют и поясняют друг друга. Первая опубликована в названном выше сборнике «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи» [4]); из деловых записочек некоторая доля была напечатана в разное время и в различных изданиях. Их подбор, однако, представляется возможным существенно дополнить несколькими неопубликованными доселе документами, которые, в сопоставлении с некоторыми другими, тоже не появлявшимися в печати материалами, весьма выразительно и опреде-

---

[1]) В письме к Константину Павловичу, написанному в эту ночь, Николай говорит, что «необходим внушительный пример» и что «участь (заговорщиков) не может не быть достаточно суровой», разумея казнь. См. сборник «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи». Центрархив. 1926 г., стр. 147.

[2]) Там же и неоднократно в дальнейших письмах Николая.

[3]) Там же, стр. 175, письмо от 4 января 1826 г.—Ср. письмо Николая Сакену от 6 января 1826 — «Русск. Старина» 1882 г., № 7, «Междуцарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 г.», стр. 204—205.

[4]) Часть писем Николая к матери ранее были опубликована в. кн. Николаем Михайловичем в № 7 «Исторического Вестника» за 1916 г.

ленно дорисовывают Николая и начальника его штаба в разгар палаческой их работы.

Записки эти хранятся в «Особом Отделе» Центрального Архива Октябрьской Революции в Москве, в составе фонда XXI (бывш. «Разряд I В «Государственного Архива»).

«Дело», из которого извлечены записки, носит № 648 и озаглавлено: «Бумаги начальника главного штаба е. в. барона Дибича [впоследствии генерал-фельдмаршала гр. Дибича-Забалканского], относящиеся до заговора декабристов, с августа 1825 г. по июль 1826 г.». Из пометы на обложке видно, что бумаги эти переданы были в Государственный Архив по высочайшему повелению из III отделения собственной е. в. канцелярии 31 января 1880 г. Листы 103—133 этого дела составляют ряд собственноручных записочек Николая I к Дибичу по делу декабристов, а также докладных записок Дибича с резолюциями на них Николая. Собрание записок открывается докладом Дибича от 6 января 1826 г. о необходимости немедленно объявить следственному комитету только что полученные из Киева известия о восстании Черниговского полка [1]). Далее следует несколько записочек Николая с указаниями относительно розыска и арестов отдельных лиц и относительно административных кар для тех из привлеченных к следствию, которые не были подвергнуты суду. Ряд дальнейших записок отражает работу Николая по составлению манифеста о верховном уголовном суде и о назначении состава судей, а также занятия его со Сперанским по разработке процедуры суда и распределению подсудимых по разрядам [2]). Наконец, последняя группа записочек относится ко дням казни декабристов. Эти записочки и воспроизводятся ниже, при чем в целях полноты печатаются и те из них, которые были опубликованы и раньше, но разбросаны в разных изданиях. Привлечено также несколько документов, находящихся в других архивных фондах, но тесно связанных с публикуемыми записками. Документы, писанные в подлинниках по-французски, приводятся в переводе.

Николай, как известно, всегда подчеркивал, что он отклонил от себя всякий приговор по делу пяти первых осужденных декабристов, поставленных верховным судом вне разрядов, и что, таким образом, казнь их — дело не его, а судей. Как мало, однако, самостоятельности оставлено было суду в решении участи пяти первых подсудимых, видно из следующих двух записочек от 10 июля 1826 г., адресованных председателю верховного уголовного суда кн. П. В. Лопухину [3]). Первая писана министром юстиции Дм. Ив. Лобановым-Ростовским и излагает указания, которые ему изустно преподал Николай при представлении на высочайшее утверждение доклада суда.

«Государь изволил отозваться, что доклад и все приложения просмотрит и даст по оному свое повеление, но тут же присовокупил, что если неизбежная смертная казнь кому подлежать будет, государь ее сам не утвердит, а уполномочит верховный уго-

---

[1]) См. «Русская Старина», 1887 г., № 7, стр. 205.

[2]) Из них записка от 1 июля с резолюцией о «повинной» Сперанского напечатана в статье П. Е. Щеголева: «Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном Суде над декабристами» в сборнике «Декабристы». Госиздат. 1926 г., стр. 286; ср. там же, стр. 225. Ср. также статью Н. В. Голицына «Сперанский в Верх. Угол. Суде над декабристами». «Русский Исторический Журнал», 1917 г., кн. 1—2, стр. 87.

[3]) «Особ. Отдел» Архива Октябрьской Революции, фонд XXI, № 461, л. 66 и № 463 «Бумаги Сперанского по Верх. Угол. Суду», ч. I, л. 34. Напечатаны П. Е. Щеголевым («Декабристы», 1926 г., стр. 227 и 280) с ошибочным указанием, что первая записка писана Лопухиным, и без указания авторства Сперанского для второй. Ср. названную статью Н. В. Голицына, стр. 91—92.

ловный суд окончательно самому разрешить тот предмет» [1]).

Так самим Николаем было подсказано, как должен суд будет понять предоставление на его решение участи пяти первых осужденных; но в дополнение к этим указаниям Лопухин того же 10 июля получил следующее письмо от начальника штаба его величества, черновик которого был составлен Сперанским:

«Милостивый государь
князь Петр Васильевич.

В высочайшем указе о государственных преступниках на докладе верховного уголовного суда, в сей день состоявшемся, между прочим, в статье 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не включены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится.

На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть вашей светлости покорнейший слуга

барон *И. Дибич*».

Итак, к а з н ь и в и д ее были предрешены и достаточно определенно указаны суду. Следующая резолюция Николая I на записке Дибича от 11 июля, при которой он, очевидно, представил проект отношения к министру юстиции об издании указа сената о приведении приговора в исполнение, определила ч а с казни. Дибич писал:

«Я полагаю нужным послать к министру юстиции приложенное при сем отношение.

Июля 11-го дня 1826 года».

Николай на поле написал:

«Очень хорошо. Я полагаю назначить час вам вместе с Кутузовым и считаю в 4 часа утра, так чтобы от 3 до 4 часов могла кончиться обедня, и их можно бы было причастить» [2]).

В дальнейшем Николай и начальник его штаба занялись разработкой в подробностях самого о б р я д а к а з н и и наряда войск к ее исполнению. Но досадной помехой в этой работе были те письма родственников декабристов, о которых упоминал Николай в письме к матери от 12 июля, говоря, что одни из них «полны отчаяния», другие «написаны в состоянии умопомешательства» [3]). В бумагах Дибича имеется то письмо, которое, вероятно, ближайшим образом вызвало эти жалобы Николая. Это было прошение сестры Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, Екатерины Ивановны Бибиковой, жены Ил. Мих. Бибикова, директора канцелярии нач. главного штаба.

Екатерина Ивановна была нездорова после родов, когда состоялся приговор над ее братьями. Муж не решался сообщить ей эту ужасную весть, но посоветовал ей отправиться в Царское Село, куда переехал на время казни Николай, и просить разрешения на свиданье с обоими братьями. 12 июля, накануне казни, Екатерина Ивановна впервые услышала о смертном приговоре брату ее Сергею Ивановичу [4]). В отчаянии она направила Николаю

---

[1]) Опускаем конец записки с указанием времени заседания суда.

[2]) «Рус. Старина», 1887 г., № 7, стр. 214. Кутузов—военный ген.-губернатор Петербурга.

[3]) См. сборник «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в мемуарах и переписке», стр. 208.

[4]) Заметки М. И. Муравьева-Апостола по поводу биографии С. И. Муравьева-Апостола, составленной Балласом — «Русск. Ст.», 1873 г., № 7. — И. Д. Якушкин в своих «записках» рассказывает этот эпизод несколько иначе. Изд. третье, Москва, 1905 г., стр. 109—110.

через начальника его штаба ген. Дибича следующее прошение:

«Государь! Я только что узнала, что мой брат Сергей присужден к высшему наказанию. Приговора я не видала, и сердце мое отказывается этому верить. — Но если все же такова его несчастная участь, то благоволите разрешить мне видеть его в последний раз, хотя бы для того, чтобы я имела утешение выслушать его последние пожелания нашему несчастному отцу. Прошу еще об одной милости, государь, — не откажите мне в ней ради бога. Если, к моему вечному горю, слух подтвердится, прикажите выдать мне его смертные останки.

С глубочайшим уважением вашего императорского величества нижайшая подданная *Екатерина Бибикова*, рожд.

Муравьева-Апостол.

Вторник 12 июля».

Дибич представил прошение Бибиковой Николаю, приложив к нему докладную записку. Содержание ее и ответ на нее Николая поразительны. Дибич писал:

«Сейчас прибыла жена Бибикова, чтобы у ног вашего величества умолять о милости видеть еще раз своих братьев. Я ей указывал на все неудобства и даже ужас этого желания, но она настоятельно просила передать вам прилагаемое письмо. Не смея отказать в просьбе несчастной без приказания вашего величества, я имею честь передать вам эти строки. Увидать своего брата она могла бы только сегодня вечером.

При этом случае у меня явилась мысль: возможно, что кто-нибудь из приговоренных к смерти захочет открыть какие-нибудь тайны, которых мы не знаем. Если бы что-нибудь подобное случилось, мы оказались бы в нерешимости, можно ли замедлить с карой. Осмеливаюсь просить приказаний вашего величества на подобный случай, полагая, что следовало бы дать согласие на желание осужденного лица, если сообщаемое оказалось бы действительно первостепенной важности. 12 июля 1826 г.».

Ответ Николая на полях записки Дибича гласил:

«Из письма госпожи Бибиковой вы увидите, чего она желает. Я не могу ей отказать в свидании с братом, выдать же ей его тело невозможно; нужно дать ей понять это через мужа. Если бы оказалось, что кто-либо из приговоренных к смерти захочет говорить, его показания можно выслушать; на этот случай я поручаю принять показания Чернышеву. Но казнь отложить можно только в самом крайнем случае; и во всяком случае ее надо исполнить над всеми остальными» [1]).

---

[1]) Свидание было дано Екатерине Ивановне. Ночью, за несколько часов до казни, она виделась с братом в Петропавловской крепости. Сергей Иванович был покоен и сумел утешить и ободрить сестру. Он просил ее позаботиться о Матвее Ивановиче, который был крайне подавлен судьбою брата и близок к самоубийству.

14 июля, на следующий день после казни, Екатерина Ивановна обратилась с новым прошением к Николаю.

Оно хранится в особом отделе «Архива Октябр. Рев. среди бумаг бывш. «Библиотеки Зимнего Дворца», в составе № 1446. — «Из бумаг, относящихся до Верховного Уголовного Суда».

«Государь! Только мое сердце, разбитое на всю остальную жизнь мою, дает мне смелость так часто обращаться к вам с мольбой. Не откажите мне в милости видеть моего несчастного брата, чтобы попытаться ободрить его и поддержать его мужество — он так в этом нуждается. После непоправимого несчастья, постигшего нас по воле божьей, он одинок, и его слабая голова заставляет меня опасаться за него; он — единственный брат, который теперь у меня остался. Снизойдите, государь, к моей мольбе и разрешите мне перед тем, как нам расстаться навеки, видеть его несколько раз, сколько ваше величество прикажете. В моем горе было бы большим облегчением, если бы мой брат мог содержаться в заключении вместе с одним из своих злополучных товарищей.

Итак, работу свою над установлением подробностей казни декабристов Николай I и начальник его штаба не оставляли даже и на полях прошения несчастной сестры Муравьевых о свидании с обреченным на смерть братом. Эта работа их отразилась и еще в нескольких документах из бумаг Дибича.

Н. К. Шильдер говорил П. Е. Щеголеву [1]), что Николаем в собственноручной записке был детально разработан обряд казни 13 июля. Из переписки Л. Н. Толстого с В. В. Стасовым, напечатанной во втором выпуске «Невского Альманаха» за 1917 год [2]), мы узнаем, что такое письмо Николая действительно существовало и адресовано было кн. П. В. Голенищеву-Кутузову, по должности петербургского генерал-губернатора распоряжавшегося казнью декабристов. По словам В. В. Стасова, письмо это содержало подробные указания «о всем военном и другом обряде, какой надо соблюсти при повешении пяти декабристов». Летом 1878 года В. В. Стасов, по просьбе Л. Н. Толстого, работавшего тогда вновь над романом «Декабристы», сообщил ему в собственноручной копии текст этого письма. По уговору, Лев Николаевич, переписав этот текст для себя, копию руки Стасова тотчас же разорвал, не показав ее «даже жене». За присылку письма он горячо благодарил Стасова. «Для меня, — писал он, — это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня» (надо полагать, на вопрос о нравственном облике Николая, как он обнаружился в деле декабристов).

В архиве Л. Н. Толстого не сохранилось снятой им собственноручно копии с письма Николая; неизвестна и судьба подлинника этого письма, которое принадлежало кому-то из знакомых В. В. Стасова; неизвестно и ни одной его копии. Но некоторое представление о его содержании дает упоминание о нем в заметке кн. Д. Д. Оболенского «По поводу казней декабристов», напечатанной в журнале-сборнике «Наша Старина», за 1917 г. [3]). Д. Д. Оболенский, с которым Л. Н. Толстой связан был давней дружбой, говорит, что Лев Николаевич читал ему по собственноручно им снятой копии записку Николая Павловича, «в которой весь церемониал казни декабристов был предначертан им самим во всех подробностях». Как припоминается Оболенскому, в записке встречалась фраза: «когда их выведут, барабанам пробить мелкую дробь» и т. д.—«Это какое-то утонченное убийство!»—возмущался Л. Н. Толстой по поводу этой записки.

Таковы те глухие сведения, какими мы располагаем о собственноручной записке Николая, в которой преподал он свои указания ближайшему руководителю казни Голенищеву-Кутузову. Но в те же дни аналогичной работой был занят и Дибич, которому предстояло дать распоряжения относительно казни по военной линии. И, разумеется, он так же, как и Кутузов, не был оставлен без указаний со стороны своего повелителя; ему известны были, конечно, указания, содержавшиеся в письме Николая к Кутузову, и они могли отразиться и в его собственной работе. Тем более поэтому интересно отметить, что некоторые детали его записок совпадают с тем, что нам известно о содержании письма Николая Голенищеву-Кутузову, по передаче Д. Д. Оболенского.

Государь, если это возможно, благоволите согласиться, ради слез несчастной. С глубочайшим уважением вашего императорского величества нижайшая подданная *Екатерина Бибикова* рожд. *Муравьева-Апостол*.

14 сего июля».

Получила ли Екатерина Ивановна разрешение на свиданье с Матвеем Ивановичем до его отправки в Финляндию в крепость «Форт Славы», мы не знаем.

[1]) Сборник П. Е. Щеголева «Декабристы», стр. 228 и 290.

[2]) Невский Альманах», выпуск II. Петроград. 1917. «Из прошлого». Стр. 204—212.

[3]) «Наша Старина», Петроград, 1917 г., вып. II, стр. 34—37.

Дибичу предстояло дать указания для приказа по гвардейскому корпусу относительно наряда войск для казни и самого обряда ее со стороны военной. В бумагах его прежде всего имеется собственноручная записочка Николая без даты; в ней намечаются те гвардейские части, которые должны были присутствовать при казни, и их начальники:

«1 б[атальон] из шести взводов гренадер 1-й дивизии и стрелковых взводов 2 грен. Преобр. и 3 гран. Гренадер[ского] п[олка].

2 б. из осьми гренадерских взводов 2-й дивизии.

Свод[ный] эскадрон кирасир. из 2 взводов кавалергард. 1 — конной гвардии и 1 — ее величества.

Свод. эскадрон из одного взвода драгун, улан, гусар и конно-пионер.

4 орудия пешей и 2 конных.

Всеми — Воинов, пехо[той] — Бистром, кавал[ерией] — Чернышев, 1 б[атальоном] — Кравстрем, 2 — Головин, арт[иллерией] — Сухозанет, кирасир[ами] — Апраксин, легким [эскадроном] — Чичерин».

Согласно всем высочайшим указаниям, — письменным, а вероятно, и изустным, — Дибич сделал следующий набросок приказа относительно наряда войск для казни и относительно ее ритуала.

«О прибит[ии] имян к висельнице [1]).

В Кронверк — роте.

Караул — ½ роту.

Войскам быть в 3 часа и начина[ть] выводить с конвоем приговорен[ных] к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамен (в пр... [2]) рядах в орденах при обер-платцмайор). Конвойным оставаться с ними, считая по два на одного. Когда все буд[ут] на месте, то командовать на караул, пробить о д н о колено похода, потом генералам, командующи[м] баталь[онами], эск[адронами] и арт[иллерией], прочесть приговор. После чего пробить д в а колена похода и командовать на плечо. Тогда профосам сорвать мундиры, кресты и переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный шатер [3]). Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядк[ом] в кронверк, тогда взвести приговор[енных] к смерти на вал, при них быть священнику с крестом.

Тогда ударить тот же бой, что для гонения сквозь строй, докуда все то не кончится, после чего зайти по отделениям направо и пройти мимо места и разойтись по домам».

На обороте листка, на котором набросан этот черновик, Дибич, чтобы нагляднее представить себе расположение войск при казни и их передвижения, набросал карандашом соответствующий чертеж.

В результате творчества Николая и начальника его штаба получился в конце концов следующий приказ по гвардейскому корпусу, объединивший черновые наброски того и другого [4]):

Приказ
по гвардейскому корпусу.
12-го июля 1826 года. № 104.

В С.-Петербурге.

Для присутствия, по установленному порядку завтрашнего дня, при совершении высочайше конфирмованного приговора над злоумышленниками наряжаются следующие войска:

1 сводный эскадрон от полков 1-й кирасирской дивизии.

1 сводный эскадрон от полков легкой гвардейской кавалерийской дивизии.

1 сводный баталион от полков 2-й гвардейской пехотной дивизии.

1 сводная батарея от гвардейской артиллерии.

Сводный кирасирский эскадрон имеет быть составлен из двух взводов Кавалергардского полка, одного взвода лейб-гвардии Конного и одного лейб-кирасирского ее величества.

---

[1]) Приписка карандашом вверху листка.

[2]) Не разобрано.

[3]) Так в оригинале; очевидно—«в приготовленный костер».

[4]) «Ленинградский Центральный Исторический Архив», Военно-Морская Секция, Отдел I, фонд штаба гвардейского корпуса. Приказы по корпусу за 1826 г.

Сводный эскадрон легкой кавалерии составляет: один взвод лейб-гвардии Уланского, один лейб-гвардии Гусарского и один взвод от 1-го Конно-пионерного эскадрона.

1-й сводный пехотный батальон имеет состоять из гренадерских взводов 2-й и 3-й гренадерских рот лейб-гвардии Преображенского полка, гренадерского и стрелкового взвода 3-й гренадерской роты лейб-гвардии Московского полка, гренадерских взводов 2-й и 3-й гренадерских рот лейб-гвардии Семеновского полка, гренадерского и стрелового взвода 3-й гренадерской роты лейб-гвардии Гренадерского полка.

2-й сводный пехотный батальон составляется из гренадерских взводов 2-й и 3-й гренадерских рот полков лейб-гвардии Измайловского, Павловского, Егерского и Финляндского.

Сводная батарея имеет состоять из двух орудий батарейной № 2-го, двух батарейной № 4-го роты и двух орудий легкой конной № 2-го батареи.

Штандарты и знамена иметь оным эскадронам и батальонам от первых полков в дивизиях.

Все сии войска имеют состоять под личным моим начальством. Всею кавалериею командовать генерал-адъютанту Чернышеву; всею пехотою генерал-адъютанту Бистрому; всею артиллериею генерал-адъютанту Сухозанету; сводным кирасирским эскадроном генерал-майору графу Апраксину; сводным эскадроном легкой кавалерии генерал-адъютанту Чичерину; 1-м сводным пехотным батальоном генерал-майору Кравстрему; 2-м сводным пехотным батальоном генерал-адъютанту Головину.

За младших штаб-офицеров назначаются: при 1 сводном пехотном батальоне л.-г. Московского полка полковник Безобразов; при 2-м — л.-г. Измайловского полка полковник Мердер. Адъютантам при сих батальонах быть от старших полков дивизий, от коих нарядить также нужное число барабанщиков, флейтщиков и горнистов. В сводной кирасирской эскадрон трубачей нарядить от Кавалергардского полка, а в сводной эскадрон легкой кавалерии от л.-г. Драгунского.

Для принятия мест прислать от первых взводов сводных эскадронов, батальонов и батарей по два унтерофицера, а с прочих взводов по одному при адъютантах от старших полков и 1-й артиллерийской бригады на эспланаду Петропавловской крепости к 2 часам утра, коим и явиться гвардейского генерального штаба к полковнику Рочфорту.

Всем войскам прибыть по частям из казарм своих на означенные места к 3 часам утра, где и построиться в вышеописанном порядке. Пехоте быть в караульной аммуниции, кавалерии — без вьюков.

Перед начатием чтения высочайше конфирмованного приговора бить три дроби; потом командовать на караул и читать оный приговор пред батальонами, эскадронами и артиллериею командующим сими частями г.г. генералам.

По прочтении приговора войска берут ружья на плечо, а по соверешнии оного расходятся по своим местам, по данному приказанию.

Подлинный подписал генерал от кавалерии *Воинов*.

Казнь была совершена, и Николай от первого от Дибича узнал об ее выполнении. Дибич писал:

«Ваше величество.

Фельдъегерь Чаусов доставит вам донесение генерала Кутузова об окончании исполнения приговора над злодеями, а вслед за ним прибудет генерал Чернышев, чтобы донести вам о том же словесно и откланяться в то же время у вашего величества [1]).

Войска держали себя с достоинством, а преступники с той же низостью, как мы видели это с самого начала.

И. Дибич».

13 июля 1826 г.

Николай на полях записки отвечал:

«Благодарю бога, что все окончилось благополучно; я вполне был уверен,

[1]) Чернышев должен был выехать в Москву для оповещения Марии Федоровне о состоявшейся казни.

что герои 14-го не выкажут в настоящем случае более храбрости, чем нужно. Я советую вам, любезный друг, на сегодня и на завтра возможно более осторожности; скажите также, пожалуйста, Бенкендорфу, чтобы он удвоил бдительность и внимание [1]), тот же приказ — и по войскам. Я хочу уехать отсюда так, чтобы к 8 часам быть у себя во дворце в городе» [2]).

Упоминаемое в записке Дибича донесение гр. Голенищева-Кутузова гласило:

«Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было не много.

По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему величеству всеподданнейше доношу».

В упомянутом в записке Дибича изустном докладе Чернышева о подробностях казни, который состоялся тогда же 13 июля днем в Царском Селе, повидимому, не все было рассказано точно, и кое-что было заведомо сочинено. В дневнике Александры Федоровны под 13 июля 1826 г. записано, что толпа якобы прорвалась к трупам казненных и ругалась над ними. Этой подробности не было в донесениях Дибича и Кутузова, и она, очевидно, могла быть почерпнута только из доклада Чернышева; сообщение это совершенно не соответствовало действительности. Чернышев, видимо, имел свое мнение о том, как нужно было стилизовать изображение свершившегося утром 13-го, сообразно вкусам своих высоких слушателей.

Итак, казнь, которой с таким страхом ждали во дворце [3]), сошла благополучно. Предстоял переезд из Царского Села в Петербург и на утро эффектная инсценировка «очистительного молебствия» и освящения «осквернённой мятежом» Сенатской площади и затем парад. Новые и последние заботы и страхи! [4]). Они отразились в двух последних из печатаемых здесь записочек Николая и Дибича. Дибич писал:

«В котором часу приказано будет завтрашнего числа быть войскам на местах?

Июля 13-го дня 1826 года».

Николай отвечал:

«Войскам быть на месте в половине седьмого; в ¾ я выеду и сяду на лошадь у Малой Морской, а в семь часов прибудет жена моя в церковь. К ней в конвой нарядить обыкновенный конвой гусар».

Сообщил *Б. Сыроечковский.*

К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне, Казанской губернии, крестьянам в 1861 году.

В марте текущего года при разборке архива Троицкого Селенгинского монастыря [5]) Архивным Управлением Бурят-Монгольской республики было обращено внимание на бумаги епископа Мелетия (М. К. Якимова).

В числе этих бумаг были найдены документы, относящиеся к вопросу

[1]) Бенкендорф уже ведал тайной полицией.

[2]) Эта и предыдущая записки напечатаны в «Руск. Старине», 1887 г., № 7, стр. 215.

[3]) См. запись в дневнике Александры Федоровны от 13 июля 1826, начинающуюся словами: «Что это была за ночь. Мне все время мерещились мертвецы». Тот же сборник, стр 93.

[4]) «Еще одно 14-е. Я бы хотела, чтобы оно было уже позади и чтобы мы были уже на пути в Москву», пишет Александра Федоровна в конце цитированной выше записи в дневнике от 13 июля.

[5]) Троицкий Селенгинский монастырь находится в пределах нынешней Иркутской губернии между станциями Татауровой и Селенгой, Заб. ж. д., в 50 верстах от гор. Верхнеудинска.

об известной демонстрации-панихиде по убитым в с. Бездне крестьянам, в которой Мелетий, будучи студентом казанской духовной академии, принимал участие. Повидимому, он сохранил их на память.

Документы представляют собою копии: 1) с заявления («адреса») студентов академии ректору; 2) с донесения ректора казанскому архиерею «относительно участия студентов академии в панихиде»; 3) с отношения начальника Казанской губернии архиерею об аресте 2 монахов, служивших панихиду по убитым в с. Бездне крестьянам. Документы эти, повидимому, еще не появлялись в печати.

В очерке Лучинского «А. П. Щапов» приводится, правда, «объяснение», поданное студентами казанского университета во «внутреннее правление» казанской академии о том, что инициатива панихиды принадлежала им, при чем Лучинский указывает, что «академики почти все поголовно всячески оправдывались, прибегая к всевозможным средствам, за исключением Порфирьева, Шашкова, Лебединского, Кочкина и Новицкого», но он ничего не упоминает о приводимом ниже заявлении [1]).

Между тем оно представляет значительный исторический интерес. По нему можно судить не только о фактической стороне самого хода демонстрации, но отчасти, косвенно, о настроении ее участников, о значительных размерах, которые она приняла. В сухом протокольном изложении, пронизанном тенденцией выставить студентов университета инициаторами, а «академиков» — случайными зрителями, проскальзывают иногда живые штрихи. Порядок при демонстрации, предварительное приглашение священника, покупка и раздача свеч присутствовавшим говорят о подготовленности ее. Опубликованный в журнале «Красный Архив» [2]) текст речи А. П. Щапова, явившегося центральной фигурой демонстрации, свидетельствует, что и она была предварительно составлена в конспекте, будучи достаточно яркой и революционной для своего времени. Своеобразие одной из первых массовых демонстраций против произвола самодержавия заключается в том, что она была совершена в виде панихиды по его жертвам. Но «политическая точка зрения на эту панихиду», как говорится в конце приводимого ниже заявления, была достаточно ясна как для большинства участников, так и для представителей власти. Недаром же часть переписки по делу о демонстрации-панихиде велась «шифрованными депешами». Нельзя, конечно, согласиться, что «присутствие (студентов академии) на панихиде было делом вовсе непреднамеренным». Часть из них (в донесении ректора указывается, что на панихиде было 37 человек), безусловно, вместе со студентами университета явилась инициаторами и вдохновителями демонстрации. Студенты же, — свящ. Яхонтов и иеродиакон Мелетий,— участвовали в самом служении панихиды, явившись, как указывается в заявлении, «в облачении». Оба они были исключены из академии. Яхонтова отправили в Соловецкий монастырь, Мелетия — в Троицкий Селенгинский монастырь. Впоследствии он был назначен начальником иркутской духовной миссии, викарием селенгинским, епископом забайкальским, затем епископом якутским. В 1896—1900 (год смерти) Мелетий был епископом рязанским и зарайским. Он имеет ряд работ по церковной истории. Будучи селенгинским викарием и живя в Троицком монастыре, Мелетий оставил там приводимые ниже документы.

Под заявлением не указаны фамилии лиц, его подписавших. Неизвестно, подписывались ли под ним Мелетий и Яхонтов. Их фамилии упоминаются так, как будто о них пишут другие. Самый факт нахождения копии заявления в бумагах Мелетия говорит, однако, что он был прекрасно знаком с ним. Характерно, что донесение архимандрита-ректора казанскому архи-

---

[1]) Г. А. Лучинский. «А. П. Щапов». Сочинения А. П. Щапова. Том III. Стр. XXV, издание М. В. Пирожкова. П. 1908 г.

[2]) «Красный Архив», 1923 г., том IV. Речь А. П. Щапова.

епископу по содержанию своему в основном сходно с заявлением студентов академии.

При расследовании же вопроса об участии студентов академии в панихиде центр тяжести был перенесен на выяснение: 1) «кем побужден итти на панихиду», 2) какими обстоятельствами сопровождалось самое совершение панихиды, 3) «понимали ли все значение панихиды, как дела, и известны ли побуждения и цели ее со стороны университета». Архимандрит полагал, таким образом, что панихида-демонстрация имела определенный политический смысл. Под монахами, которых предписывалось арестовать, подразумевались, повидимому, Яхонтов и Мелетий.

Приводимые ниже документы печатаются по новой орфографии; недописанные и сокращенные слова печатаются нами полностью; подчеркнутое в подлиннике печатается в разрядку,— на месте не разобранных слов поставлены точки.

1.

Адрес студентов казанской духовной академии на имя ректора академии.

Его высокопреподобию отцу ректору.

От студентов.

Причт Градо-Казанской кладбищенской церкви (в рапорте своем от 1 мая) г. благочинному выставляет двух из среды нас, студентов священнослужителей, будто главными совершителями, а нас распорядителями панихиды за убиенных в возмущении крестьян.

Долгом считаем изложить вашему высокопреподобию это происшествие со всех сторон, как оно произошло на самом деле.

1) Когда мы около 4 часов пополудни заметили толпы внутри университета, отправлявшихся на кладбище и, пользуясь свободным от занятий временем, пошли туда же, тогда узнали от них, что они для служения панихиды по убиенным крестьянам пригласили из Градо-Казанского Иоанна-мученика находящегося в нем в числе братства священника Василия Роева, за коим, как говорили студенты университета, один из них уже отправлен.

2) Войдя в кладбищенскую церковь во время вечерней службы, мы нашли в ней уже более пятидесяти человек студентов университета; во время вечерней службы толпы студентов университета постоянно прибывали, так что под конец ее церковь совершенно была полна народа до тесноты.

3) Соскучившись ждать прибытия приглашенного для своей цели священника, студенты университета (двое или трое из среды их) обратились с просьбою о совершении панихиды к главному кладбищенскому священнику, который, согласившись на их просьбу и нашедши предельный храм тесным по множеству собравшегося народа, отворил холодную церковь, которая вся наполнилась народом, не вместившимся в ней и в довольном количестве оставшимся в предельном храме.

При этом вообще одних студентов университета было более трехсот человек, между коими мы заметили, между прочим, и двух профессоров университета.

4) Несколько человек студентов университета, видя такое множество народа и тесноту в церкви, начали просить священника о совершении панихиды на улице или на могилах. На последнее предложение студентов университета местный священник согласился, вызвавшись приискать удобное для сего место.

5) Спустя минут около десяти, прошедших в безмолвии и тишине, местный священник и диакон объявили присутствовавшим, что они будут совершать панихиду в холодном храме, которую тотчас и начали, при чем явились в священном облачении и двое из академии — свящ. Яхонтов и иеродиакон Мелетий — и заняли второстепенные после местного причта места. Панихида как началась, так и продолжалась до конца в совершенном порядке.

6) Покупку и раздачу свеч церковных, употребляемых при совершении панихиды, по христианскому обычаю, производили студенты университета.

7) Тотчас по окончании панихиды свящ. Яхонтов и иеромонах Мелетий вышли из храма. Г. Щапов произнес краткую речь, из которой по нераздельности дикции, по множеству народа и потому, что он говорил прерывающимся голосом, мы едва слышали только несколько отрывочных слов. О произнесении речи предварительно совершенно не было нам известно.

8) Наконец, студенты университета за совершение, по их просьбе, местным священником и диаконом этой панихиды дали им плату.

9) Выходя из церковной ограды, мы встретили и подходившего к ней прежде упомянутого священника Василия Роева с одним студентом университета и двумя неизвестными нам лицами, показавшимися нам причетниками.

10) Наконец, мы в совершенной тишине и спокойствии возвратились в академию, и тотчас вы, ваше высокопреподобие, узнав о нашем присутствии при панихиде в таком многочисленном собрании университета, изволили потребовать от нас объяснения по этому делу.

11) Ваше высокопреподобие, с сыновьею искренностью излагаем пред вами факты, свидетельствующие о том, что панихида 16 апреля есть дело университета от начала до конца, и, томимые духовным беспокойством с тех самых пор, как ваши отеческие внушения раскрыли неизвестную нам дотоле политическую точку зрения на эту панихиду, мы, наконец и составили настоящий адрес.

2.

Донесение ректора казанской духовной академии на имя казанского архиепископа.

Ваше высокопреосвященство, отец и архипастырь, вследствие словесного представления вашего и обер-секретаря св. синода г. Олоферова, имею честь препроводить при сем и вам именной список студентов К. Д. А. старшего и младшего курсов, подписанный инспектором академии, с отметкою, кто из них какого поведения и кто был при панихиде 16 апреля сего года.

При сем считаю долгом изъяснить все, что мною по самом строгом исследовании дознано относительно участия студентов академии в означенной панихиде. В тот же день, т.-е. 16 апреля, в вербное воскресенье, в 7 часов вечера, инспектор донес мне, что в 5-м часу того же дня в церкви городского кладбища... совершена со стороны казанского университета панихида по убитым в Спасском уезде, Казанской губ., крестьянам и что при этой панихиде были из нашей академии студенты.

Коль скоро выслушал я это донесение, тотчас же... позвал к себе дежурного студента и, узнав от него, что действительно студенты академии были при панихиде, я сделал ему самый строгий допрос — именно: 1) каким образом студенты академии явились на панихиду; 2) сколько их было и кто именно; 3) кем побуждены итти на панихиду; 4) какими обстоятельствами сопровождалось самое совершение панихиды; 5) понимали ли они все значение панихиды... как дела, и известны ли им побуждения и цели ее со стороны университета; 6) кто из духовных лиц совершал панихиду.

Отобрав отдельные сведения на этот вопрос, я вслед за ними стал призывать к себе студентов, производя допросы «со всею точностью и строгостью».

Студенты порознь и вместе общим голосом единодушно показали следующее: 1) только в тот же день, т.-е. 16 апреля, и не раньше, случайно услышали, что в этот день вечером имеет быть студентами университета справлена торжественная панихида по убитым в Спасском уезде крестьянам; услышали это от студентов университета случайно..., когда те собрались на кладбище. Когда же наши студенты увидели многочисленные толпы университетских студентов, тогда, привлеченные этим необыкновенным собранием, за которым следовали и другие посторонние лица, вместе с ними тогда и студенты духовной [академии] вошли на кладбище, чему прежде всего и больше всего способствовало то, что

кладбище находилось против самой академии, в весьма близком расстоянии от нас, и наши студенты могли итти туда, не отдаляясь от академии.

2) Это было в 4 с половиной часа пополудни, это самое время, когда студенты академии пользовались позволенною по случаю праздничного дня прогулкою.

3) Всех студентов академии при панихиде было 37 человек, именно те, которые означены в прилагаемом при сем списке.

4) Никаких особых побуждений и целей при этом они, студенты академии, не имели, потому что не имели никакого предварительного обсуждения плана и сношений с университетом по этому делу; вообще они объявили решительно, что их присутствие при панихиде было делом вовсе не преднамеренным, они оставались при панихиде главным образом потому, что отправление ее происходило в совершенном порядке, тишине и спокойствии, и в это время они никаких других чувств не имели, кроме обыкновенного и естественного при этой панихиде чувства жалости к умершим, подкрепленной... христианским сожалением о страшной гибели людей, павших жертвами собственного невежества, непонимания дела и по жалкому упорству, вследствие обманчивых увлечений неуспевших воспользоваться великою милостью государя императора [1]).

5) Панихида сопровождалась следующими фактами: студенты университета, всего до 300; между ними были некоторые профессора университета; все распоряжения делали студенты университета, как-то: они от себя приглашали священника постороннего... или взятого к совершению панихиды; они покупали на свой счет и раздавали на свой счет свечи; они за панихиду платили местному причту.

3.

Отношение казанского губернатора на имя казанского архиепископа от 30 апреля 1861 г.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь и архипастырь!

Г. министр внутренних дел шифрованною депешею просит меня передать вашему высокопреосвященству, что обер-прокурор свят. синода поручил вам распорядиться содержанием под арестом двух монахов, служивших панихиду по убитым в селе Бездне крестьянам.

Имея честь сообщить об этом вашему высокопреосвященству, покорнейше прошу об исполнении означенного поручения меня уведомить для сообщения об этом шифрованною же депешею чрез г. министра внутренних дел г. обер-прокурору синода.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего высокопреосвященства покорнейший слуга

Петр Козлянинов.

Сообщил *Ф. Кудрявцев.*

Письмо Франца Яцевича.

Ниже печатаемое письмо было отобрано при аресте таганрогской типографии партии «Народной Воли». Письмо по сличении почерков оказалось написанным Францем Яцевичем. Датируется оно, судя по содержанию его, декабрем 1885—январем 1886 г. Помимо того, что это письмо касается проекта юбилейного сборника, оно также интересно по двум моментам, которых коснулся Яцевич. Первый — о предлагаемом литературном участии Лаврова и Тихомирова в последующих за 11-м (который, надо заметить, стал последним) номерах «Народной Воли» и о согласии Лаврова вступить в редакцию его. По общему смыслу соответствующей части письма надлежит заключить, что руководящая группа действующих в России народовольцев сделала предложение о введении в состав редакции «Народной Воли» именно Петра Лавровича, а обоим им—в качестве сотрудников. Так как на первой

[1]) Как известно, недовольство этой «милостью» и явилось основной причиной волнения крестьян в с. Бездне.

строке письма идет речь о съезде, то нетрудно догадаться, какую руководящую группу надо подразумевать. Второй факт — не менее знаменательный для характеристики того периода. Редактор двух революционных журналов 70-х годов, на котором воспитывалось не одно поколение молодежи, автор многочисленных трудов и революционных брошюр, которыми зачитывалась в свое время русская молодежь, теперь редактор «Вестника Народной Воли» — на 26-м году своей литературной, общественной и революционной деятельности «почти голодает», и, чтоб не умер «старик», ему надо собрать денег. Это — факт беспримерный, который только и мог иметь место в такой период революционной деградации.

Публикуемое письмо в копии находится в сборном деле донесений прокурора СПБ судебной палаты министру юстиции по делу о разрывных снарядах, изготовленных Яцевичем. Дело без номера, переписка — 1885—1886 г.

Копия.

Дорогие товарищи!

Все материалы о юбилее Лаврова пересланы в тот город, где был съезд. Присылайте, ради бога, литературу. Интересно получить скорее 11 №, если такой уже вышел. Лавров изъявляет желание участвовать в редакции «Народи[ой] Воли» и присылать свои письма для каждого номера. Тихомиров также не откажет в своем сотрудничестве. Если материал по поводу юбилея Петра Лаврова не попадет в номер, то интересно было бы отпечатать отдельной брошюрой. Материала очень много (биография-исповедь, масса адресов, полученных П. Л. из разных мест России, и его ответы). Кроме этого, я пришлю вам скоро рукопись ст. Тихомир[ова] о деятельности Лаврова и его научного влияния [sic!] на развитие револ[юционного] дела в России. При этом, я думаю, наша редакция не преминет от себя написать кое-что по поводу П. Л. и посвятить хорошее стихотворе[ие] борцу за правду и справедливость. При материалах посылается и карточка П. Л. Если возможно, то интересно было бы сделать снимки и выпустить при брошюре, на подобие биографии Перовской. От вас писем до сих пор никто не получал. Теперь посылаем вам новый адрес, очень хороший, по которому можно посылать письма, посылки, деньги и пр. Этот же адрес на всякий случай посылается и Надежде Петровне.

Вот что, товарищи! Петр Лаврович почти голодает. Нельзя ли ему собрать денег сколько-нибудь? Обидно и больно за старика. Это, конечно, необходимо делать осторожно.

Я в марте еду вместе с своим коллегою в Россию. Постараюсь переправить вам литературу.

Пришлите мне адрес, да и пишите почаще.

Я на-днях вышлю разбор исповеди Толстого П. Л. на конспиративной бумаге. — Жду от вас письма... [2]), присылайте же адрес, если настоящ[ий] не годится, и пишите по возможности чаще. Жму крепко ваши руки.

Петрович.

Сообщил *Н. Сергиевский.*

Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г.

1.

В частном архиве В. К. Плеве сохранились два печатаемых ниже письма к нему от [небезызвестного историка, агента министерства внутренних дел, Сергея Спир. Татищева (1846—1906) [1]), откомандированного весною 1904 года в Берлин с целью, с одной стороны, чисто-информационной, а с другой стороны, с целью посильного воздействия на общественное мнение Германии в духе, желательном русскому пра-

[1]) Краткие биографические сведения и воспоминания о нем см. в брошюре Ю. С. Карцова. «Сергей Спирид. Татищев. Страница воспоминаний». Петр. 1916.

[2]) Пропуск в оригинале.

вительству. Поручение было не из очень легких, принимая во внимание мало-скрываемое удовольствие и злорадство правых кругов германского общества по поводу поражений России на Дальнем Востоке, а с другой стороны, уж нисколько не скрываемое торжество левой прессы, радовавшейся прогрессировавшему с такой быстротой ослаблению позиций русского абсолютизма. Но не следует удивляться тому, что нелегкое и очень деликатное поручение было возложено В. К. Плеве именно на Татищева. Мы знаем из проникшего в свое время в зарубежную печать отчета о разговоре в 1903 г. между В. К. Плеве и Н. К. Михайловским (призванным к Плеве для «объяснений»), что Плеве держался самого лестного мнения о способностях Татищева, и, вспоминая о его службе и о составленном им для нужд департамента полиции очерке истории русского революционного движения, Плеве сказал: «Талантливый он человек, и не в департаменте бы полиции ему служить». Очевидно, Плеве и решил испытать таланты Татищева на дипломатическом поприще, где Татищев не был вполне новичком, так как он служил раньше (уже уйдя из департамента полиции) в министерстве финансов в качестве одного из заграничных агентов министерства, и тоже по очень деликатным поручениям. Вообще Татищев был, в самом деле, человеком очень неглупым и, бесспорно, образованным. Его исторические работы обнаруживают несомненное литературное дарование. Но, конечно, не Татищеву было бороться с естественными последствиями японской войны для престижа русского правительства за границей. Первое донесение, тем не менее, очень любопытно, потому что вводит нас в круг забот и затруднений Плеве в последние недели перед его гибелью. Донесение Татищева должно было ему лишний раз показать, как страшно ошибся он, возложив (в 1903 году еще) свои упования на «маленькую победоносную войну».

Второе донесение Татищева представляет собою больше, так сказать, политико-бытовой интерес: Татищев знакомит нас с одним из международных авантюристов, аферистов и соглядатаев, к услугам которых приходилось прибегать В. К. Плеве и его уполномоченным, хотя они знали, что эти лица, не колеблясь, продадут их всякому, кто предложит хоть одною сотнею марок больше. Описываемый Татищевым Р е н э очень типичен для этого круга. Из называемых Татищевым представителей германской знати, имевших дружеское общение с Ренэ, брат императрицы, в самом деле, был известен деятельною игрою на бирже через третьих лиц. Нужно сказать, что по всем отзывам и воспоминаниям, высшие придворные и близкие к императору Вильгельму круги именно в эти годы, до разразившегося в 1907 г. неслыханного скандала с ближайшим любимцем Вильгельма князем Филиппом Эйленбургом и других громких и тягостных разоблачений, вели себя часто крайне неосторожно и относились весьма беспечно к многим своим знакомствам и биржевым и иным похождениям. В 1908 и следующих годах деловая близость перечисляемых Татищевым лиц к Ренэ была бы, конечно, попрежнему, вполне возможна, но едва ли они ее осмелились бы так афишировать, как в 1904 году, когда Татищев их наблюдал.

Е. Тарле.

2.

№ 1. Доверительно.

Берлин. 23 мая (5 июня) 1904 г.

Милостивый государь
Вячеслав Константинович.

Прибыв в Берлин в воскресенье 16 (29) мая, я провел здесь восемь дней, внимательно изучая германскую печать в ее отношениях к России.

Общее впечатление, — что органы немецкого печатного слова все, без исключения, более или менее неблагоприятно настроены против нашего отечества и в суждениях своих о нем проявляют не только недружелюбие, но и явную враждебность, усердно распространяя о России заведомо ложные сведения и всячески стараясь уронить ее в гла-

зах немецкого образованного общества и всего германского народа.

Нельзя, однако, сказать, чтобы это злобное противорусское течение зародилось самопроизвольно в здешней печати, как выражение народных мыслей и чувств. По всем признакам, оно возбуждено и искусственно поддерживается извне соединенными усилиями всех закоренелых противников и непримиримых врагов России, издавна и чрезвычайно деятельно влияющих в этом направлении на общественное мнение Германии.

Германское правительство ограничивается тем, что дает тон газетам по делам внешней политики, освещая и обсуждая их согласно собственным видам и целям. В настоящем кризисе оно поддерживает в печати строгий нейтралитет между воюющими сторонами, не высказываясь определенно в пользу ни той, ни другой и стараясь извлечь из великих мировых событий, совершающихся на Дальнем Востоке, своекорыстную выгоду для собственных политических потребностей. Но в сообщении известий с театра войны в большинстве немецких печатных органов заметна деятельная рука японской дипломатии, в Германии, как и всюду, обильно снабжающей газеты вестями и надлежащими к ним комментариями, а в изображении внутреннего состояния России, независимо от внушений тех же японцев, — тенденциозные толкования немецких либералов всех оттенков, от доктринеров парламентаризма до провозвестников самых крайних учений социальной демократии и революционного анархизма.

С наибольшею стремительностью и силою сказываются эти враждебные нам влияния в воплях негодования, непрерывно раздающихся в еврейских органах по поводу гонений и преследований, которым якобы подвергаются русские евреи.

Все эти потоки брани, лжи и клеветы на Россию производят тем более опустошений в умах миллионов легковерных немецких читателей газет, что, — до сих пор, по крайней мере, — они не встречали с нашей стороны ни малейшего противодействия или отпора.

Более чем где-либо посольство наше в Берлине, миссии при второстепенных германских дворах, консульства в главных городах Германии держат себя вдалеке от печати и избегают всяких сношений с ее представителями. Из этой апатии не извлекла их и настоящая война и порожденная ею кипучая деятельность японских дипломатических органов. Так, например, телеграфные бюллетени о военных событиях, сообщаемые берлинскому посольству из Петербурга, оно хранит про себя, не делясь ими решительно ни с кем. Рассуждения немецких газет о разных политических комбинациях в связи с войною не вызывают со стороны наших дипломатов никакого воздействия, как не опровергается ими ни один из бесчисленных ложных слухов о России, ежедневно воспроизводимых на столбцах изданий всех лагерей и направлений. Мало того: посольство, миссии, консульства, — все они нигде не служат в Германии объединительными центрами для друзей и сторонников России, которых мы имеем и в этой стране, хотя и в небольшом числе, и к которым следует причесть учреждения, фирмы и отдельные лица, почему-либо связанные с Россиею нотариальными интересами. Не странно ли, что и в начале войны ни в одной из столиц германской империи, крупных или мелких, не состоялось ни единого, под каким бы ни было видом, сбора в пользу наших раненых или вообще русского Красного Креста? Исключение составляет один только Штутгардт, где за это дело с энергией и любовью взялась великая княгиня Вера Константиновна, благой почин которой остался, к сожалению, без подражателей.

Между тем, сама по себе германская печать, быть может, более, чем всякая другая, податлива на внушения извне, не столько, впрочем, в вопросах внешней политики, в которых монополия воздействия на нее принадлежит имперскому правительству, сколько именно в воззрениях ее на внутреннее положение чужих стран. В этом убеждают как пример многих иностранных пра-

вительств, начиная с японского, так и опыт наших собственных попыток, предпринятых по указанию вашего высокопревосходительства и в короткое время принесших уже существенные результаты. Всестороннее расследование вопроса на месте, здесь, приводит меня к заключению, что дальнейшее развитие этого дела обещает нам еще более полный успех, под условием соображения принимаемых нами мер с преследуемыми целями и согласования их с местными особенностями, которые в Германии очень разнообразны и в главных провинциальных городах представляются совершенно иначе, чем в столице империи —Берлине.

Разработкою этого важного предмета я намерен заняться по отношению не к одной Германии, но и к прочим государствам средней Европы, во дни отдыха, которые ваше высокопревосходительство разрешили мне провести, по посещении Берлина, Парижа и Вены, в Баден-Бадене. Там составлю я, руководствуясь уже приобретенным в Петербурге опытом и результатами, добытыми во время моей заграничной разведки, общий план организации вверенного мне отдела иностранной печати как у нас в России, так и за границею, который и привезу на суд ваш в конце июля, по русскому стилю. Дело это нелегкое и усложняется, с одной стороны, скудостью ассигнованных на него средств; с другой — недостатком людей, основательно подготовленных к совершенно новому у нас роду служебной деятельности. Но силу преодолеть эти трудности дает мне, с божиею помощью, твердое убеждение мое в государственном значении возложенной на меня вашим доверием задачи и в той великой пользе, которую успешное разрешение ее несомненно принесет государевой службе.

Едва ли, однако, удобно откладывать до этого отдаленного времени мой вам отчет о восьмидневном пребывании моем в Берлине, и потому я прошу позволения изложить вам вкратце, с кем я здесь виделся и о чем беседовал.

Я намеренно уклонился от всяких личных сношений с представителями печати: издателями, редакторами и вообще сотрудниками газет или журналов, не желая, чтобы таким шагам было придано заискивающее значение, несовместное с достоинством русского должностного лица, и ограничился посещением членов нашего посольства и таких местных деятелей, преимущественно неофициальных, которые по положению своему могли доставить мне нужные мне сведения, а по влиянию на разные общественные круги—содействовать распространению среди них высказанных мною мыслей и суждений.

Послу графу Остен-Сакену и советнику посольства Булацелю я паче всего старался объяснить цели, способы и пределы деятельности образованного при министерстве внутр. дел отдела иностранной печати и рассеять в них общее нашим дипломатам опасение, как бы отдел этот не вторгся в заповедную их область и не стал развивать и проповедывать в органах европейского общественного мнения собственные взгляды на внешнюю политику России и на ее отношения к другим державам. Прочим же моим собеседникам, из числа которых я назову: вице-президента палаты господ барона Мантейфеля, главу известного банкирского дома Мендельсона-Бартольди, другого крупного финансового деятеля Роберта Борхардта и нескольких старинных моих берлинских знакомых из мира литературы, науки и искусства, — я излагал наше внутреннее положение, каково оно на самом деле, и искал рассеять заблуждения, в которые они, как и большинство зарубежных немцев, были введены газетными росказнями об очередных наших домашних вопросах, каковы: земский, учебный, социально-революционный, финляндский и в особенности еврейский.

Местные газеты хотя и воздержались от рассуждений по поводу приезда моего в Берлин и многодневного здесь пребывания, но слух о том, что в германской столице находится директор русского «Press-Bureau», быстро разнесся в городе, вызывая различные толки, между прочим, о моем будто бы

враждебном Германии личном настроении, давно уже приписанном мне немецкою официальною печатью. Чтобы предупредить повторение подобных нападок, появившихся в некоторых берлинских газетах вскоре по назначении меня на настоящую должность, я признал полезным принять, в виде исключения, издателя одной из наиболее распространенных здесь так называемых «Корреспонденций» и, отвечая на его вопросы, высказаться откровенно о моей деятельности как писателя в конце восьмидесятых и в начале девятидесятых годов прошлого века. Из представляемого при сем отчета «Preussische Korrespondenz» о беседе со мной ее издателя ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что я заявил ему, что, со времени возвращения моего на государственную службу семь лет назад, я прекратил всякое участие в печатных органах и совершенно не причастен к агитации английской печати против Германии, случайно совпавшей с пребыванием моим в Лондоне в качестве представителя министерства финансов. Эту часть моего заявления я заключил несколькими любезными выражениями по адресу искони дружественной России Германии и императора Вильгельма II.

В дальнейшем разговоре я не мог отказать моему собеседнику в сообщении некоторых данных о круге деятельности нашего «Press-Bureau», выставив на вид, что задача его — противопоставлять точные факты и цифры лжи и клевете, беззастенчиво распространяемым о России в иностранной печати, и служить выяснению в ней нашего истинного внутреннего положения, постоянно искажаемого злонамеренными отзывами враждебных нам газет, нисколько не касаясь вопросов внешней политики.

Наконец, я воспользовался случаем, чтобы в сжатом очерке изложить недавние правительственные мероприятия по еврейскому вопросу и выяснить личный взгляд вашего высокопревосходительства на положение русских евреев.

В общих чертах собеседник мой довольно точно воспроизвел мои слова и только хватил через край в передаче высказанного мною мнения о русско-германском торговом договоре. Это побудило меня настоять на помещении в ближайшем выпуске «Прусской Корреспонденции» моего разъяснительного письма, в котором я напоминаю, что выразил только пожелание, чтобы спорный вопрос этот был разрешен полюбовно, и притом не в смысле вожделений Германии, а в обоюдном интересе обеих держав. Русский перевод письма моего к г. Циммерману долгом считаю представить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Думаю, что объяснение мое с издателем «Прусской Корреспонденции» произвело надлежащее впечатление на германскую печать и было оценено по достоинству даже редакциями тех газет, которые его не перепечатали.

Отлагаю до следующего письма отчет о моем свидании и переговорах с Ренэ.

С глубоким почтением и неизменною преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Сергей Татищев.

№ 2. Доверительно.

Берлин. 23 мая (5 июня) 1904 г.

Милостивый государь
Вячеслав Константинович.

Первым моим делом по приезде в Берлин было вызвать к себе Ренэ. Он тотчас же явился на мой призыв.

Ренэ лично известен вашему высокопревосходительству, а потому мне не нужно описывать вам его наружность, приемы, ухватки. Во все время, что я провел в Берлине, я видел его у себя каждый день, говорил с ним много и о многом, зорко следил и наблюдал за ним, наводил, где только мог, доверительные справки. В конце-концов, у меня составилось о нем весьма определенное представление, которое постараюсь передать вам, как можно точнее.

Человек этот всецело воплощает в себе тип, довольно обычный в среде германского умственного пролетариата. Он долго искал легкой наживы без большого труда на всех поприщах:

в промышленности, в торговле, на бирже, в печати, исколесил весь свет, брался за всевозможные предприятия самого сомнительного свойства, пока не остановился, наконец, на нынешнем своем ремесле политического авантюриста, как на самом сравнительно легком и прибыльном. К сведениям, уже сообщенным вам Гартингом, о его далеко небезупречном прошлом, вполне подтвержденным моим расследованием, я могу еще прибавить, что Ренэ ранее нас предлагал свои услуги многим правительствам, в том числе турецкому, болгарскому, уругвайскому. Последнее облекло его в звание консула, но не в Берлине или в родном его городе Штетине, где не признало бы его германское правительство, а в отдаленном Будапеште, хотя он там никогда не живет. На-днях он добился своего прикомандирования, как агента по торговым делам, к дипломатической миссии Уругвая при пяти среднеевропейских дворах, глава которой будет иметь постоянное пребывание в Берлине. Так Ренэ как бы становится членом местного дипломатического корпуса, но это еще вопрос: признает ли его таковым германское министерство иностранных дел, которое недавно еще отказало в согласии на пожалование ему болгарского ордена?

Что он человек деятельный, пронырливый и ловкий, доказывается тем, что, несмотря на самую запятнанную репутацию, и состоя под надзором берлинской полиции за старые грехи, он создал себе в самом Берлине прочные, дружественные связи среди лиц не только безусловно почтенных, но и высокопоставленных. Я сам был свидетелем ласкового обращения с ним такого знатного барина и сановника, каков барон Мантейфель-Кроссен; в столь же интимных с ним отношениях состоят: брат императрицы германской герцог Гюнтер Августенбургский, принц Гогенлое, генерал Вердер, рекомендовавший его Вальо, и многие другие. Можно предположить, что благоволение их он снискал разными оказанными им личными услугами по участии их в акционерных предприятиях и в биржевой игре.

Берлинское наше посольство знает Ренэ давно и считает его за лицо крайне опасное, которого следует всячески остерегаться. Не далее как в бытность мою в Берлине он явился в посольство с предложением, которое сначала скрыл от меня, но потом поведал и мне, а именно: добыть для военных судов, якобы приобретенных нашим морским ведомством в Аргентине, право поднять уругвайский флаг и под ним итти в Тихий океан, что, по словам его, не могут дать нам ни аргентинское, ни мексиканское правительства из опасения репрессий, которым могли бы подвергнуться со стороны Японии оба эти государства, с обширным побережьем на океане, доступном действию японского флота; тогда как Уругвай не касается моря и не боится морских сил Японии. За такую услугу Ренэ без обиняков потребовал от нашего посольства комиссионное вознаграждение в 1.000.000 марок, из которых половина должна пойти ему, а другая— его шефу, уругвайскому посланнику в Берлине. Это ли не характерная иллюстрация того бескорыстия, которым он постоянно рисуется перед нами?

Другая опасность, которую никогда не следует терять из виду, когда имеешь дело с Ренэ, — то, что он часто и охотно заносится в область мировой политики, предлагая разные планы и комбинации всевозможных сделок или союзов для России то с Австриею, то с Англиею, то с Турциею через его государство, но при непременном условии соблюдения самой тесной дружбы с Германией, из чего можно заключить, что с тех пор, как он служит там агентом, он вернул себе милость долго к нему неблаговолившего здешнего «Press-Bureau», на жалованьи у которого он, вероятно, и состоит теперь.

Из всего сказанного нельзя не заключить, что Ренэ совсем не то лицо, на которое мы могли бы положиться, как на верного и надежного посредника между нашим отделом иностранной печати и органами общественного мнения в Германии. Все, что можно допустить, это, — чтобы он продолжал нам служить в сношениях с ними орудием, но таким, которое надо держать в стро-

гой узде, т.-е. не самостоятельным, а подчиненным и притом негласным, следовательно, лишенным всякой возможности выдавать себя где бы и кому бы то ни было за полноправного и полномочного представителя русского министерства внутр. дел. Но для такой скромной роли он, с одной стороны, слишком притязателен и заносчив, а с другой,— стоит нам чересчур дорого, так как из получаемых от нас ежегодно 28 тысяч марок он, конечно, ничего не уделяет «Staatsbürger Zeitung», а сумму эту полностью кладет в собственный карман.

Заметьте, что обе брошюры в защиту России писаны не им, а его приятелем, публицистом Фалькенгейном; сам же он ничего не в состоянии настрочить, кроме самых кратких телеграмм или заметок, помещать которые ему удавалось доселе лишь в весьма немногих газетах, преимущественно же все в той же «Staatsbürger Zeitung»,— органе, лишенном всякого влияния и значения.

При всем том мы не можем обойтись без услуг Ренэ, пока не подыщем подходящее лицо для занятия должности нашего агента по сношениям с печатью в Берлине и во всей Германии, а найти такое лицо будет нелегко, тем более что, как я убедился из разговоров с графом Остен-Сакеном, Шелькинг, которого я имел для этого в виду, совсем к делу не пригоден, по крайней мере в Берлине, по причинам, о которых я на словах доложу вашему высокопревосходительству по возвращении.

Вот почему я обошелся с Ренэ не только вежливо, но и крайне любезно, похвалил его усердие, сообщил ему, что он вскоре получит обещанный орден, и просил его продолжать попрежнему переписку свою с отделом иностранной печати через Гольмстрема. В то же время я, на всякий случай, предупредил его, что предполагается преобразовать наше «Press-Bureau» на более широких основаниях и что о приурочении его к этой замышляемой организации нам предстоит уговориться с ним на несколько отличных от нынешних условиях.

Таким образом, вопрос о том, следует ли удалить Ренэ или удержать его и для какой службы, — остается открытым до моего возвращения в Россию, когда я буду иметь честь представить на рассмотрение и утверждение вашего высокопревосходительства вырабатываемый мною ныне общий план организации вверенного мне отдела, сообразно назревшим и вполне уже выяснившимся государственным потребностям.

С глубоким почтением и неизменною преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Сергей Татищев.

Письма Медникова Спиридовичу.

Публикуемые письма прежде всего интересны ввиду того официального положения, которое занимали как корреспондент, так и адресат.

Оба они — охранники и при том что называется «с именем». Первый, — т.-е. Евстратий Павлович Медников, уже сделавший свою карьеру и занимавший к этому времени большой пост — заведующего внешним наблюдением во всей России, который достался ему в результате почти 25-летней охранной работы, начатой с мелкой должности рядового фил ра.

Второй, — Александр Иванович Спиридович, начинающий свою карьеру охранника. В 1899 г. он был прикомандирован к штабу отдельного корпуса жандармов, затем в течение 1900 и 1901 г.г. служил в Москве, будучи назначен в распоряжение московского обер-полицеймейстера по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве. С этого времени начинается самостоятельная служба Спиридовича по руководству охранными отделениями в разных городах. После покушения на него в Киеве в 1905 г. он

был отозван в Петербург, где состоял в корпусе жандармов, в распоряжении дворцового коменданта, а во время войны 1914 г. заведывал охраной в ставке.

В момент, к которому относятся письма Медникова, Спиридович—еще новичок в охранной службе. И Медников в своих письмах все время дает ему указания и советы, иногда делает замечания за упущения и т. д., а иногда, наоборот, рассыпает похвалы и поощрения за удачные «дела», вроде, например, ареста Мельникова или Гершуни.

Письма Медникова относятся в большинстве к 1900—1904 г.г., т.-е. ко времени, непосредственно предшествующему революции 1905 г.. Переписка затрагивает ряд выдающихся событий, которые в силу служебного положения корреспондентов попадали в их поле зрения. Здесь и террористические акты того времени: покушение на Победоносцева, фон-Валя, убийство Богдановича, Плеве,— и финал зубатовщины (дело Шаевича и отставка Зубатова), и организация «Искры», и аресты виднейших террористов — Мельникова, Гершуни и др. Все это делает переписку несомненно ценным материалом для изучения этой эпохи, не говоря уже о том, что она дает очень колоритную и интересную картину приемов борьбы политического розыска с революционным движением, а также нравов и быта этой среды времен царского режима.

Письма воспроизводятся по новой орфографии, с сохранением стиля оригинала, но с изменением пунктуации. Сохранены также сокращения слов, за немногими исключениями—по требованию смысла; неразобранные слова заменены точками. Извлечены письма из бумаг Спиридовича, приложенных к его делу в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства 1917 г., хранящемуся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве.

Ред.

Глубокоуважаемый

Александр Иванович.

Перевел вам деньги, апрельское жалованье и 100 руб., к празднику на окорок прислали. Сейчас вам перевожу квартирные, а добавочные вышлю после, как получим третные деньги из Петербурга. Новости таковы. В бытность министра в Москве и в Троицком посаде *) туда он вызывал Сер. Васильев. **), потом приказал себя проводить от Москвы до Серпухова и на обратном пути говорил с ним на вокзале. Весь разговор вертелся на организации розыска, людях, местах, пунктах и охранных; все сводилось к тому, сколько пунктов и где. Но еще с добавлением охранок: Вильна, Киев, Харьков, Саратов и милый Кавказ. Тут-де надо охранки, — ну, конечно, кого можно туда заместить; получилось так: 1) Герарди, 2) Меньщиков, 3) Васильев из Варш., 4) Квициньский [1]) и 5) вы; потом 18 пунктов, которых не припомню, кого куда; все сие министр приказал приготовить записку, каковая ему и вручена. Уже в Полтаве назначили на пункте Верещагина (кроме его всех за бунт исключили), но его министр сам видел и оставил на месте. Министр Верещ. Сер. Вас. хвалил, воронежского Шульц записал в Кременчуг, тоже на пункт. Следовательно, охранки и пункты переживают самые сильные переживования на всех зубах, и как выживут они, не ведаю. Мы чистимся во-всю. Дурново ***) по приеме д-та в свое заведывание рвет все по-своему, все на статью, и по охране не хочет никого и ничего, все по статье, в виду этого мы все передаем в губер. жанд. управл. Туда уже 4 прокурора прикомандировываются и один товар. прокурора палаты; все это хорошо, если бы не было

---

*) Министр вн. дел Плеве, В. К., после своего назначения ездил на богомолье в Троице-Сергиевскую лавру.

**) Зубатов, С. В., в то время помощник начальника московского охранного отделения.

***) Дурново П. Н.

печально. Сегодня получена телеграмма от немца, что Валь получил две раны [2]), хотя не опасны, ... Соболев все жует и ни на шаг вперед не подвигается; Андрей Ареев извелся, слышать Соболев. фам. не может. Южные типографии работают во-всю, хотя и взяты «Искры» и с.-р., но такая масса выбрасывается прокла́маций, ужас, как много, и все русские. Вильна выделила группу террористов в 10 человек, которая хочет, кроме Валя, прокурора и Трешу *) и пристава; должно уже сегодня начали. Все мы сообщили в Питер, а сегодня уже результат их показался.

В Москве готовились к большой маевке, но, бог послал, обыскали 30 апр. две квартиры, и туда 10 человек попало маевщиков, так у них все и пропало, ни единого намека на маевку. В Питере же с флагами было.

«Рамма» надо вам ставить по своему усмотрению, как лучше, как сподручнее, и, конечно, надо менее считаться с личным его заработком, но все для дела, лучше добавлять к его содержанию. Скажите ему: все сделано, как он писал в своем счете, и остаток от 400 р. ему выслал через вас, значит, он удовлетворен во всех отношениях, своего личного свойства, и надбавка будет зависеть от его дела и от вас,— так ему вы и передайте, он будет с вами откровенным, почувствует раковую зиму!...

Много из ваших писем по адресу местных есть еще матушка глубокая старинушка и первобытность в деле и приемах; для вящих соображений мы вашего Лаврова рекомендовали министру перебросить с Кавказа в Кишинев,—город-де пограничный, и человек нужен дельный. Кажется, все в этом духе идет хорошо. Скондраков [3]) уже около министра, кажется, уже чиновником для поручений, т.-е. штабофицером по званию шефа, и вступил давно в свои обязанности.

Питерцы Яков и Александр *) все тем же платят Москве, да еще жалуются, что Москва их бросила и на них серчает, а сами за 6 месяцев одно только письмо прислали. Сер. Вас. **) вот и угоди на них, — проведи и еще угождай и помогай, а нет, так нехорош; каковы молодцы питерцы?!!

Леонид Петрович ***) еще неблагодарнее,—костит Сер. Вас. на юге прямо встречному и поперечному, что-де Сер. Вас. бука, он не может руководить пунктами, де слабоват, он хорош-де в Москве, где, оседлав обера, ведет работу своевольную, а не департаментскую; грязным оказался, даже хуже питерцев. Увы—так, ну да плевать; не плюй в колодец, еще придется водицы напиться. Мой вам привет, но почему ни слова о своем здоровье? Как климат? Все вам кланяются.

6—V—1902. *Е. Медников.*

Все сие Сер. Вас. читал. *Мед.*

Дорогой
Александр Иванович.

Поехали, вернее, поскакали к вам наших два филера,—Вавилин из Лодзи и Григорьев из Воронежа и Киева; оба хорошо знают Мельникова [4]) по Петербургу во время его нахождения здесь в университете. Он в настоящее время находится в Севастополе или же его окрестностях; он выедет на этих днях обязательно на север, а поэтому можно его и увидать или при отправлении по железной дороге, или на пароходной пристани Севастопольского порта, только соразмерить хорошенько силы надо — послать человек 5—6, т.-е. Александрову одного, Вавилину одного и Григорьеву одного, и им надо быть ух как настороже. И становиться одной паре на улице, а двум на станции или же на пристани, чтобы видеть всю обстановку вокзала или пристани, и хорошо бы арестовывать Мельникова Александрову; после

*) Повидимому, жандармский ротмистр Трешнер; убит в апреле 1905 г. боевой организацией с.-р.

*) Яков Григорьевич Сазонов и Александр Михайлович Зеленов — охранники.

**) Зубатов.

***) Меньщиков.

саратовского побоища [5]) это недурной бы был арест. Вероятно, Мельникова будут провожать его единомышленники, то не промахнитесь,— надо будет смекнуть: или арестовать всех, или же дать возможность отъехать, его там взять, а провожающих установить и пустить работу по остаткам Мельникова,—с ним Крафт [6]) и может очутиться Гершуни [7]). Крафта Александров хорошо знает тоже, и он подлежит безусловному аресту, но раньше Мельникова его брать опасно, — он может показать сам Мельникова. Все сие на ваше благосклонное внимание; я с своей стороны что имею, все вам спешу сообщить, и как умею, так и пишу и излагаю, а там смотрите по местным условиям, как лучше, так и делайте.

Если у вас сорвется, что допустить невозможно, то ему вторую рамочку устроим ближе к северу, где уже готовим ему радушный прием. Итак, дорогой мой, пошли вам бог полного успеха на сей первый самостоятельный шаг, конечно, которым вы бы себе построили на долгое время мостик в свое дальнее жилище. Как вам известно, им интересуются более всего в настоящее время: он—все, он боевая сила, он и член Боевой организации, и всякая в нем блажь—он и сам может работать ножом и револьвером прекрасно. Все пока идет у нас прекрасно, Зиберт ушел, особый отдел Сер. Вас. взял сам, т.-е. зачислился делопроизвод. деп. полиц. и заведующим особым отделом,—вот и все новости. Сидим в особом отделе с утра и до ночи, а дело идет великолепно. Саратов очень хорош, Екатеринослав еще лучше, Харьков хорош, хуже всего Киев, но там мы опять сами хозяева стали, — чуть не весь отряд работает в Киеве. Целую и крепко жму вашу руку.

Ваш *Е. Медников.*

3—XI—1902.

Дорогой

Александр Иванович.

Вновь есть подтверждающие сведения, что Мельников с любовницей проживают в Севастополе, там же проживает при больной сестре Лея-Елизавета Израилева-Исидорова Фундаминская *), которая высылает и сама привозит транспорты нелегальной литературы—«Свобода» и «Рев. Рос.», «Вест. Рев.» [8]), у которых «Васильевский» **) в Брешковская [9]) бывали и бывают и поднесь. В виду этого надо разыскать Фундаминского, установить за ними самое осторожное наблюдение, которое вам и должно дать «Васильевского», да и Голиков с Никоновым, я полагаю, дадут, но только надо, чтобы Вавилин и Григорьев чередовались в наблюдении по городу, а Александров только бы бывал на вокзалах и пароходах, так как своей рыжей бородой может напугать «Васильевского» с своей бабой. Что харьковцы в Ялте с Барамовой, — там она дает хорошо,—имейте в виду, что Барамова знакома Клитчоглу [10]) и Крафт и выехала из Харькова в то время, когда Крафт был в Харькове,— то надо бы приурочить харьковск. филеров Литвиненко и Чернявского,—последний тоже знает Васильевского, — которого можно бы употребить на нужные дела с пользой, но и Барамова может дать тоже кое-что хорошее, т. к. Крафт птица не малая.

Вашу руку крепко жму и крепко целую вас.

Ваш *Е. Медников.*

16—XI—1902.

Дорогой

Александр Иванович.

Я вам писал о Фундаминской. Это не та фамилия: как теперь установлено, она оказалась Любовь Ефремовна П е ш е к е р о в а, урожденная Фундаминская. Фамилия не та, но что касается по существу, то, конечно, не изменяется, и все сведения, кои я вам строчил, относятся именно к Пешекеровой, вдове нахичеванского мещанина. Если ее установите, то она вам многое поможет в розыске «Горного» ***).

*) Сестра Ил. Изр. Фундаминского (Бунакова), с.-р., известн. под прозвищем «Непобедимый».

**) Мельников.

***) Мельников.

Очень хорошо, по выражению Сер. Вас., вы отчитали вашего Трубникова; вам назначают на место Трубникова из канцелярии по принятии на высочайшее имя прошений Загоскина,—вы его, вероятно, знаете; говорят, хорош. О вас наводили у Петерсона [11]) справку, конечно, получил, что требовалось.

Пока все. Жму вашу руку.

Ваш *Е. Медников.*

18—XI.—1902.

Дорогой

Александр Иванович.

Ваши просьбы все пройдут, только вы не так поняли и составили списки о служащих. Вы, проставляя жалованье, оставьте по 15 руб. на каждого, на городские расходы иногородние вам д—т возвращает. Вот и все, что надо для ваших розыскных отделений. Надо вам проект составить по своему отделению на Керчь, Ялту, Севастополь и Симфер. и т. д.—самое скромное число людей с постоянным местопребыванием на местах. Вам теперь ясно, что и чего держаться.

Да, вам не удержаться в Крыму,—на вас уже имеют виды, и 1 января получите приказ о выезде в Киев *).

Это ваше желание, его и исполняют. Астафьева и Критского убирают обоих и сажают на дознание в Полтаву; Квицинского, вас и Л. П. **) в Киев и Одессу; вот пока и все новости. Вас, вероятно, заменит Мондль из Вильны. В Орле и Ростов-на-Дону посты: в Орле Петров из Брянска, а в Ростов из Полтавы Щербаков. Эти все к новому году. Петров уже переведен. В Екатеринославе типографии при 8 за работой, в Чернигове типографии при 4 челов. на работе, обе соц.-революционер., товарищи Качуры [12]). Харьков из 29 обыск. 14 с поличным, Киев дал 2-х нелегальных из Боевой орган. и 2-х легальн.***) то-же из Боевой [13]). На-днях к вам приедем в гости для доклада к Горному; по России от него ездит....., вот наскочил на нас. Ездили с ним в Юрьев, Ригу, Вильну и Варшаву; сейчас с ним в Москве.

Поедут и дальше, приказано в момент свидания арестовать обоих. В Екатеринославе для Горного лежит письмо до востребования на почте. Итак, вам приходится готовиться к переезду на Киев.

Пошли вам бог здоровья. Целую вас.

Ваш *Е. Медников.*

16—XII—1902.

Насколько денег хватит, столько вакансий и занимайте.

Дорогой

дядя Саша.

Поздравляем вас от души и сердечно желаем вам начатое так счастливо и удачно; представляют вас к 2-му Станиславу, я думаю, это не тяжело будет носить. Людям буду просить 2000 р. Зел. 300, Якуш. 300, Буд. 200, Корниясин. 100, Шев. 100 и 1000 р. по вашему усмотрению, а Крашен. в первый чин [14]).

Мария Павловна Полякова в Харькове была знакома с Васильевским. Обрати самое энергичное внимание на этот факт. Пока некогда, напишу завтра. Целую.

Твой *Е. Медников.*

27—I—1903.

Дорогой наш

Александр Иванович.

Сейчас о вас у царя идет доклад о втором Станиславе и 2000 р. Людям: Зеленову 200, Крашен. 200, Якуш. 200, Дегичу 200, Ротошн. 200, Будак. 200, Корниясинк. 100, Шевяки 100 и 600 р. по вашему усмотрению. Мы это последнее сделали, потому не зная, кому много, кому мало, вот вы и по-своему и разбавьте. Я думаю, на сей раз мы сделали недурно, а вы поделите понемногу всем, если не найдете нужным добавить Ротошнюку сотню, — одним словом, вы себя здорово поставили, но и особый отдел вырос до неузнаваемо-

---

*) Спиридович был назначен в Киев начальником жандармского управления в декабре 1902 г., а с 1 января 1903 г. вступил в должность.

**) Леонид Петр. Меньщиков.

***) В числе их Фрума-Фрумкина, с.-р., боевичка, которая поставила типографию в Киеве.

сти, а я,—чорт знает что; директор говорит, взяло наруж., то заведующему надо первую награду; дают мне Анну. Я за вашу похвальную рекомендацию Крашен. провожу в кол. регистраторы. Это его еще приподнимет, и он будет очень полезен, — парень неглупый, он товарищ по нелегальн. деятельности Меньщикова из давно минувших дней, то даст бог еще работника. Я думаю, Зеленов у вас справится превосходно при помощнике, который казачек очень вострый и занятный, а не слякоть какой-нибудь. А если что-нибудь будет неладно, то вы ему всегда поможете. Попова даем Александру Григоров. в Варшаву, и грех ему не помочь всем, чем можно. Вы на юге, А. Г. на западе, и ..... ищем подходящего в трио человека. Хорош бы Кременецк. [15]), но тяжел по характеру; остается пока мечтой. В Житомир Шульц хорош. Яков Григ. жаловался после дирек., но получил сильную разноску и кличку «узкий человек»,—недурная кличка, не везет на этой почве ему. А. Г. на-днях будет назначен в Варшаву, а пока едет туда в распоряжение Фулона и на объединение розыска по «Бунду». Что Бердичев? Хорош.

Возьмите справку циркуляр о роз. о Ишеве—он Исев, он ездит под кличкой «Иосифа», бундист большой, из Екатеринослава и Харькова удрал. Появится у вас обязательно около товарища и Капельки. Как увидите из нашего письма Астафьеву, что в Бердичеве 5 нелегальных, обрати внимание на них. Великолепный В. В.*) очень огорчен, что его вы и А. Г. орденами обскакали, оба с шейными; ну, ему будет подполковника, может, это и удастся, а то мат, ученики скачут без удержу.

Жаль, вы мало нас ознакомили с фактом об аресте Мельникова; опишите все мелочи, о чем и как он говорил и что он делал. Дорогой. Если так будут шагать розыск. отделения, то пойдут далеко, а что особому отделу будет делать?

Надзиратели ваши прошли, но только они были несвоевременны, т. к. министр расшатывается и свое реноме директ. подрывает, т.-е. 20 дней назад был проект пред. министру. Было все хорошо, а то нате—опять новая ассигновка, получается неловкость. Я надзирателей не признаю; нужны 2 человека для собирания сведений по городу и установки по наблюдению, т.-е. помощников ст. филеру, которые должны быть очень хорошие полуинтеллигенты; они должны вести сношение со всеми приставами и со всеми дворниками, и статские, а не полицейские чины. А главное все взятое вместе — все-таки агентура самое главное; тут только нужны «журналисты зарегистрировать и только», т.-е. филеры должны знать в лицо, т.-е отмечать, кто с кем ведет сношение и только, для сохранения агентурн. источника. Ну что, если у вас будет 8 человек надзирателей? Если они будут в разных местах города собирать сведения, то из 8 каждый день 5 случаев провала, т.-е. обнаруживания источника, то что же получается из того? Надо вам только двух, но хороших, а по бумагам, то если хорошие свед., то они войдут в наблюд., то никаких собираний не потребуется, а если они потребуются, то будут неважны, следовательно, провалы или же хорошая тонкая слежка и агентура образцовая, то надо думать: будет последнее куда солиднее и умнее.

Целую и поздравляю вас с монаршей милостью, дай вам бог того же счастья, каким вы пользовались до сего момента, и сохранить вам здоровье, супруге привет и ее поздравьте с вашим успехом, пожелав ей сохранить спокойствие духа, коим до сих пор располагали.

Ваш покорный слуга *Е. Медников.*

30—I—1903.

Дорогой

Александр Иванович.

Брат «Пряшки», Евгений Константинов Григорьев), поручик 33 артил. бригады, академик из г. Киева, 8 февраля был арестован, также был арестован и его товарищ подпоручик Васильев; у первого по обыску ничего, а у Васильева нашлось с десяток нелегальщины. На допросе Васильев заявил,

*) Ратко, Вас. Вас.

что он взял у Григорьева, последний подтвердил и добавил, что он к партии принадлежит с 1900 года,—в Киеве его познакомил актер Бартошкин с Гершуни, который из него сделал террориста; зимой и весной и летом 902 года он очень часто видался в Петербурге с Гершуни, Мельниковым, купил 4 револьвера и колодку патрон, один для Балмашева, 2-й для Валя, 3-й для Качуры и четвертый для Плеве. За последним все лето охотились, но шпионы все мешали. Надписи и съем щечек и отрава пуль—все происходило в квартире Григорьева, подпилок еще тот цел. Григорьев 5 апреля, во время похорон Сипягина, был готов убить Победоносцева, но, не доходя до него несколько шагов, не смог стрелять в беззащитного старика и револьвер положил в карман. Его 6 апр. Гершуни поругал за это, но Григорьев ему пообещал себя израсходовать на Плеве. Слава богу, что все прошло благополучно. Флор Юрковский на пасхе 902 года в Петербурге видался с Гершуни и летом нынешнего года видел для Качуры револьвер. Ваш Надаров тоже замешан. В настоящее время все выяснилось: в убийстве Сипягина принимали участие Гершуни, Мельников, Григорьев и Балмашев [16]); Победоносцева—Гершуни и Григорьев, Плеве—Гершуни, Мельников и Григорьев; Валя — Гершуни, Мельников, Григорьев, Лекерт; Оболенского — без Лекера, но с Качурой. В 901 году конспиративную квартиру содержали в Киеве две папиросницы, одна из них замечательная красавица, в которую все влюблялись; к Марии и Розе сходились Бартошкин, Григорьев, Гершуни и Мельников, вероятно, и Балмашев. Вот, дорогой мой, надо во что бы ни стало их выяснить,— эти бабы прольют свет на киевское дело многое. Мы за Григорьевым наблюдали с самым переездом в Питер, и только он и дал нам одного Васильева подпоручика, который тоже арестован. Каковы же брат и сестра Юрковские [17]) и Григорьевы, все знакомства из Киева. Господи, и ты все видел и поздно покарал Васю.

Надзиратели ваши прошли, но не уходите в дебри с ними; каков Киев, что создал. О Гершуни говорят, что он на Кавказе, но есть основание думать, он если не в самом Киеве, то наверно около Киева.

Марию и Розу-то, пожалуйста, разыщите; их нетрудно будет найти, так как они папиросницы, и одна из них писаная красавица. Пока все. Чек запоздал по недоразумению журналиста, сегодня посылается. На Кавказ посылаем отряд за Гершуни, но безнадежно, так как, я думаю, он около Киева, ближе к Минску. Итак, наконец-то выяснилось и рассвело по дознанию Балмашева; о Григорьеве у нас были сведения, кто он, и сильно за ним наблюдали; я боялся пустить на парад в манеже на саперный праздник и настоял на аресте Григорьева. Я ночью забил тревогу, а на утро получил нахлабучку от Орла *), но через день какую получили благодарность, бог ты мой, сколько поздравлений; все отнесено к деятельности особ. отдела и в частности к Сер. Вас. Конечно, вам известно, в потемках не сидим, слава богу, хлопочем. Як. Гр. выходит из себя,—кроме что я говорил вам, он еще лазил к директору и получил дурака и кличку «узкий» человек. Целую и кланяюсь вам и просим передать Вал. Констан. наш северн. привет.

Весь ваш *Е. Медников.*

13—II—1903.

Дорогой

Александр Иванович.

Барыня Васильевского **), Константинович, находится в Чернигове и взята под наблюдение. Государь сказал, кто арестует Васильевского товарища, т.-е. Гершуни, того озолотит и даст самую большую пенсию; постараемся это сделать. Баушка ***), говорят, что она в Вене, но из другого источника, будто она в Ярославле, а Гершуни-«Шляпа» ****) в горах Кав-

*) Плеве.

**) Мельникова, М.

***) Брешковская, Е. К. В это время выехала, действительно, за границу.

****) Прозвище Гершуни у охранников.

каза, т.-е. ему посоветовали ехать на Кавказ и навербовать компан. террористов баши-бузуков и с ними явиться в Петербург и начать расправу с Побед., Плеве, Витте и другими. Сейчас выяснилось, что поручик Григорьев вел разговор о бомбах, и Гершуни знакомил его с техникой и составными взрывчатыми веществами, как говорит, уже изучавший все сие за границей, и просил сделать Григорьева полбутылки нитроглицерину, но последний отказался. Итак, из дознания о Мельникове выясняется, чего мы должны ожидать в будущем — террора и террора. Не знаю, писал ли я вам, что Сер. Вас. познакомился с Витте и что последний от Сер. Вас. в восторге, и очень сожалел, что познакомился очень поздно![18]). Здорово, и, кажется, Плеве и Витте скоро будут с одной ложки кушать, и на-днях у князя Мещерского [19]) имел состояться обед с Витте и Плеве,—специально, их хотят помирить! Плеве Сер. Вас. как-то вечером сильно благодарил и обнял и расцеловал много раз; недурно!! Протоколы Васильевского и Григорьева один интереснее другого, и их пока держат для розыска в бол. секрете. Я вернусь к Гершуни. Когда были наблюдения в Киеве за съездом Гершуни с Васильевским и Шнееровым [20]) (1/X 902), то Гершуни давали телеграмму, и он явился через сутки, т.-е. где-нибудь жил недалеко от Киева, то и надо полагать, вам очень и очень надо ожидать Гершуни у себя в Киеве; письма у Лоид — они тоже наводят на мысль, что Гершуни около вас. Горный был у вас, его баба в Чернигове, ну, и Гершуни где-нибудь в этом треугольнике. Целую вас и шлем привет Валерии Константиновне.

Весь ваш *Е. Медников.*

14—II—1903.

Дорогой

дядя Саша.

У Савицкого есть ваш документ, который ему дали в жандармском управлении. Этот документ таков—«справка» и страшно небрежно написана. Генерал*) обиделся.

Сер. Вас. просил вам написать: кроме установленной формы записок, других документов не давайте—все за нумером или штамп. Пожалуйста, не давайте им фразерствовать на ваш счет. Чорт с ними, лучше час убить время, но не подкопаются под вас. Бартошкин сегодня арестованным доставлен поручиком Фулоном в Питер. Где ваш томский офицер, Малевич, что ли? В Томске в отделение хотим Фулона. Есть еще вакансии новых отделений, но людей нет, а незнакомых боимся,—попадем. У вас где-нибудь вот эта рожа, — она скрылась из Екатеринослава, — под кличкой «Адольф»; у вас есть переписка; он оказался нам знаком еще по Вильне — «Бальмонтовский», Цыпкин Израиль *). Он ставил в Чернигове типографии и террорист; надо его изловить; или он у вас, или в Бердичеве. Гершуни, говорят, разбил себе морду, выскочив около Киева на ходу с поезда, следовательно, надо думать, есть на морде у него и рубцы, швы. Не зевайте его на вокзале от Минска, очень уж запущен Киев, не стесняйтесь, жарьте во-всю, не пропускайте ни одной сходки, не давайте разыгрываться страстям уличным. Если бы Киев не начинал демонстрации, и вам бы удалось и студенч. сшибить, тогда вам ура будем кричать. Выручайте. Целую и кланяюсь всем.

Ваш весь *Е. Медников.*

24—II—1903.

Черкани, кому дали из 600 р. награды.

Дорогой

Александр Иванович.

Лошадок покупайте, Гершуни ловите, жаль, что Лукьянова не арестовали, типографию не прозевайте, больше осторожности, не спешите, горячки не точайте; раз становитесь так близко с агентурой, все равно, если и увезут, так не беда, покажут, но все будет цело. Как можно больше выдержки; сделайте не сегодня, то завтра, но все у вас будет цело, и свободнее работать будет во сто раз. Хорошо делаете, что

*) Повидимому, Лопухин, А. А.

**) С.-р.

берете номер для службы за типографской группой, которую надо хорошенько обособить в наблюдательном отношении, чтобы оно не комкалось в кучу. Ловите, ловите рыбу в мутной воде, но смотрите, можно ли лошадь обставить так, что не провалит этого факта, так как и в Москве, таком большом городе, и то уже слышно провал лошадиный. Итак, всего хорошего, целую и шлю горячее вам пожелание всяких успехов.

Ваш *Е. Медников.*

Да, сейчас Сер. Вас. пришел от д-ра; он получил свед., что ваша прокуратура от вас в восторге. Дай бог вам того же и в будущем, и губернская власть тоже очень довольна, ну, значит, и у нас только вам завидуют. Ну, до свиданья.

Ваш *Е. Медников.*

Сер. Вас. просит вам написать поклон с поцелуем.

Мед.

8—III—1903.

Дорогой наш

Александр Иванович.

Вы нас простите за долгое молчание, а молчание признак согласия, значит, мы с вами во всем согласны и живем единым духом и сердцем, следовательно, и душа наша расположена по-братски. Пошли вам бог, дорогой, силы и здоровья, а там посмотрим, что дальше будет. Показало 1-е мая, как близки сердцу всем стали нелюбимые охранки, и теперь все стали голосить, и Валь тоже поет; охранок надо прибавлять. После его поездки в Сибирь там сейчас пробываю три охранки: Томск, Красноярск, Иркутск, и бедную Уфу прихватили; еще думаем пропустить Ригу, Ярославль и Баку, тогда и поставим себе крест, пусть работает молодежь. Думали у вас украсть Алек. Мих.*) в соседи, да Шульц отказался от Томска. Все ваши письма, как к Сер. Вас., так и ко мне, все их читали, т.-е. и директор, а некоторые и Орел. Пиши, все идет в дело, и очень все вами довольны, до Орла включительно, а директор загрыз совсем за вас Новицкого [21]), когда тот закидывал на вас грязь. Следовательно, ваш курс очень хорош, только бы здоровье; кстати, вы об этом очень мало пишете, пишите больше. Новицкий столько вам хотел подвести, но сразу нарезался у директора и в особенности у Орла, прямо порезался; все-таки Новицкий провалился; им хотят заменить генерала Самойлова, т.-е. на покой; не знаю, что-то за него стал штаб во главе с Валем, но, кажется, тоже порежутся, а сколько он получил от Орла колкостей! Итак, 23 охранки, вы сами подумайте, сколько дают они нам в день бумаг, запросов, вопросов чисто организационного характера, просто голова кругом идет, такая пропасть бумаг, просто уйма; а дела очень хороши почти во всех охранках, даже Мих. Ив., *) такой строг. барин, ругал только Васю и Левен. Вас и Шенеля превозносил ужасно хорошо, и во всех очень хороши. Маевки не было, за исключением Баку, где помяли городовых. По нынешним временам нас надо целовать, т.-е. охранников. В Москве пребывание прошло лучше, чем в 900 году: было еще проще, еще сердечнее, народу масса, царь сиял: раз не выдержал, пошел в народ, где ему даже студенты, стоя на коленях, целовали руки; был момент, которого я еще не встречал, взрыв восторга. Целуем. Ваши все петербуржцы.

Е. Медников.

2/V. 1903.

Ура... нигде нет маевки [22]).

Дорогой

Александр Иванович.

Действительно, нас порадовали, но, я думаю, вы сами-то еще до сих пор не отдышались; как превосходно, как ловко сложилось, как вам подвезло, вам еще и не снилось! Сергею Васильевичу Орел сказал недавно, что за вами чер-

*) Зеленов, Александр Михайлович.

*) Гурович.

ное пятно—Гершуни, да Ратаев [23]) еще служит в д-те; наконец-то одно пятно снято с департам. Вчера сижу и горюю, как вдруг ротмистр Заглухинский приносит телеграмму из Питера; я разорвал и оцепенел; спрашивают, что случилось, а у меня дыхание оборвалось, а потом слезы радости. В телеграмме только говорилось так: Александр Ив. запаковал шляпу*) и везут нам, т.-е. в Питер [24]). Конечно, я никогда такого радостного момента не переживал: просто хочется делиться радостью, да не с кем, все же подобрал компан. Силина, Боброва и Заглухинского, ну, и поужинали как следует, с помери, и пожелали дорогому виновнику многое летие здравствовать на славу розыску, т.-е. нашей великой задаче.

Конечно, всю ночь провел без сна, так как грезы и мечты, радужнее одна другой, шли точно вихрь.

Да, ваша телеграмма получилась очень скоро, так как в 3 часа я ее читал в постели. Очень уж большое дело вы разыграли, мы и думать-то про этого Гершуни боялись, а тут—получите. Очень уж я рад, что бог послал это именно киевскому отделению, тем более, что Валь на вас косился за Васю, но теперь, я думаю, у него многое проснется и всплывет, какими нас Вася террористами кормил; это все на его голову должно пасть, т.-е. Сипягин, Лекерт, Качура. Надо думать, вы не прозеваете с наградой, за него хотели платить двадцать тысяч; меня нет там, надо ковать, пока горячо, очень там скоро стынет. Целую и крепко жму вашу руку. Всегда готов.

Е. Медников.

15—VI—903.

Дорогой

Александр Иванович.

Завтра я выезжаю из Уфы в Петербург, в Уфе же остается ротмистр Бобров и местный начальник охранного отделения ротм. Михаил Вас. Заглухинский, которые и ведут розыск двух убийц губернатора Богдановича [25]); один задержан,—местный служащий в земстве, незакон. сын солдата, Александр Андреев Морозов, 25 л., которого задержали по свидетельским показаниям, что он шел сзади губернатора, и около самого злодеяния его видели шедшим рядом с губернатором, следом бежавшим потом за убийцей, Иваном Петровым Ивиным, и кричал даже: держи, держи, а сам пошел тут же в сторону, где убийца, сделав дугу, пробег мимо его, т.-е Морозова; последний снял шляпу, даже снял шляпу, очень уж откровенно. Ивин очень похож по вашим приметам на Гершуни — только у вас слабо описание Гершуни головного убора, сапог, сорочки; все надо написать подробно, включительно до клейм на всех вещах, что где куплено, хотя мы запросили о высылке сюда фотографических во всех видах карточек и всю одежду для обследования, по Уфе. Он обязательно руководил уфимским фактом, это и вы сами хорошо знаете, что так. Вот не могу понять, Ивин ли Гершуни, или нет; а что он был в парке во время убийства, это верно, как я—Ев. Павл. План побега организован великолепно, все математически высчитано, до мельчайших миллиметров. Если Гершуни не Ивин, то вам надо искать Ивина, à la Гершуни, т.-е. с такими же приметами. Если шесть соколов*) вернулись к вам, то вас не поздравляю, вам самому надо быть поосторожнее.

Если вас запросят о наградах, то, кроме Демидюка, Жукова и Флейштиха и двух Аленовых **), не забудьте Александра Михайлова Зеленова и остальных с списком по нумерам. Так как все охотились на медведя, то шкуру надо делить по частям; нет нужды, что он вышел на Демидюка, а работало до упаду все учреждение, то 5-ке львиную долю, а остальных протянуть надо непременно по заслугам. Да еще очень хорошо бы Александра Михайловича протащить в следующий чин за отличие или орденок, это бы было повадно, во многом привлекло бы прилив желающих охранников. Очень жа-

*) Т.-е. арестовал Гершуни.

*) Шесть с.-р., боевиков.

**) Агенты, задержавшие Гершуни.

лею, что меня нет в Петербурге, можно бы кое-что в этом смысле сделать многое для охранок. Может, и застану, хорошо бы вас теперь расцеловать. Вот что, дорогой киевлянин, как вы относительно шести соколов, прилетавших к нам в Уфу, думаете, — что им можно ли пощипать крылья или нет? Делали попытку установить, откуда сел в вагон Гершуни, через поездную прислугу, опросом по станции и посылкой людей в Воронеж, в Харьков и в Курск, с карточкой. Надеюсь, вы сняли с него перед отправкой. Эта командировка могла бы дать результаты; как видите, мы уже ваш билет установили, попробуйте, может, и будет результат,—в Курске и в Харькове есть свои люди, а в Воронеж пошлите официально. Что-то в Воронеже, по адресу, не его ли и теперешняя квартира; это возможно и наверно так, то надо бы экстренно знать все же для уфимского дознания, когда он отлучился из Воронежа и долго ли он жил на этой воронежской квартире и с кем, кто ездил на этот важный обыск. До свиданья, целую вас и прошу передать супруге привет.

Ваш всегда покор. слуга *Е. Медников.*

17—V—1903.

В четверг буду в Питере. Пиши сюда Боброву или Заглухинскому. Бобров вам свой выезд телеграфирует.

Дорогой наш

Александр Иванович.

Посылаю вам 50 руб. для нашего Фореля, выданные вами по моей телеграмме. Из сей суммы вы возьмите себе.

Мы вас очень ждем в Питер посмотреть на подполковника *). Душа радуется, и сердце веселится, смотря на завистников, которые в кулак свищут и ухмыляются; вот дурачье, вот невежды. Вы, дорогой, не бросайте Ехидного первого, Харьков подтвердил его большую причастность к делу, так как посещения им поповского склада и только после его ухода стали отсюда распространять печат. прокламации об убийстве Богдановича. Я думаю, надо избрать удобный случай взять Ехидного настоящего—Федора, дабы прекратить бойницу, хотя на продолжительное время. Тороплюсь, прости, что не могу продолжать, целые дни катимся курьерским, просто хотя переделывать нужно сутки в 35 часов. Будь здоров, а это главное. Когда же вы будете в Питере, тогда-то мы вас и накатим шипучкой. Целую и кланяюсь.

Весь ваш *Е. Медников.*

5—VI—1903.

Супруге передайте глубокий привет. Часто вспоминаем о крестнице Сер. Вас.

Совсем, было, забыл написать вам под больш. секретом, что состоится приказ, а он уже пошел, барон Левендаль в Казань, в резерв, а Заварзин в Кишинев на его место.

Дополнение.

Ваше протеже Заварзин что-то не понимает многое в нашем деле и держится как-то странно, агентов по службе передает другим офицерам, т.-е. р. Афанасьеву, со служащими, им же самим приобретенными, все не ладит, требует, кричит, заставляет письмоводителя писать ликвидационные записки. Все это наводит на мысль, да выйдет ли что-нибудь из него, затем сады . . *) агентов филерам просто.

Что же он сам-то хочет делать, царствовать, что ли. Порывистый, неровный, да малость любит за галстучек заложить, по сему всему я решаюсь просить вас прочитать все сие приложение. По личному вашему впечатлению ожидаю к моему приезду вашего беспристрастного судьи решения. Только, чур,—вы, да я, еще никого в сие не посвящайте; лично мне передайте все приложение.

Ваш *Мед.*

*) Т.-е Спиридовича.

*) Не разобрано

Дорогой

Александр Иванович.

Посылаю вам 28 № Р. Р.*); посмотрите конец, здорово написано. Ваша просьба о Бялом исполнена А. А. **), который просил вам написать. Новостей у нас масса. Якова Григор. ***) откомандировали к штабу, а на его место подпол. Кременецкий, гордость паче глупости. Что же «Курский», — Федор или не Федор, но он установлен, что он Сойфер. Надо бы скорее поразъяснить; послали вы какого-то глупца, который ни да, ни нет, говорит: похож и нет; надо бы установить через своего человека; карточку Курского вам приказано послать немедленно. По установке телеграфируй. На вас ворчит канцелярия, что сильно срочные бумаги задерживаются.

Хорошенько бы смотрел за представителем, т.-е. заместителем Татьяны Павловны[26]). Что-то вы начали падать духом, мало обмена мыслей, отражается на холодности переписки: пожалуйста, пишите дельного побольше, а то вы каждую прокламацию при отдельном отношении присылаете, ну, все и говорят, что начали писать, значит, нечего делать, номера стали выколачивать; все это, конечно, ерунда, все же берется в строку. Итак, славный казак кончил петербургское путешествие, пора — залежался долго. Остаемся здоровы, но скорблю душой за Таню Федоровну. Они спать мало дают. Где они могут быть. Черкните словечко, к концу буду около вас.

Весь ваш *Е. Медников.*

11—VIII—1903.

Дорогой

Александр Иванович.

19 августа призвал Орел Сер. Вас. к себе на дачу, где и разыгралась драма. Началась же она с того, что Орел заявил Сер. Вас., что он ему не верит, а посему и принимает его с третьим лицом, т.-е. в присутствии генерала ф.-Валя, при котором прочитал три письма, отобранные по обыску у Шаевича[27]) в Одессе, одно Сер. Вас. к Шаевичу, другое М. Вильбушевич[28]) к Шаевичу и третье письмо Шаевича к какой-то бабе, из которых видно, что Шаевич неверный человек, и что Сер. Вас. очень много ему доверял, вот и все. И после этого добавил по адресу Сер. Вас.: надеюсь, больше служить не будешь. С. В., с своей стороны, вставил министру, что велась независимая партия не им единолично, а департаментом. Последние слова министру очень не понравились, и всему сразу конец: С. В. попросили сейчас же сдать особ. отдел, кому прикажет ф.-Валь, а последний показал Якова Григорьевича, и через 30 мин. приехал ф.-Валь с Яков Григ. в особый отдел, и через 5 минут все уже было передано, и сел Яков на стул Сергея и стал принимать доклады, и теперь продолжает то же делать.

Горе, конечно, неописуемое, тут и и говорить не стоит, и затем неожиданность всех поразила, как громом, а через сутки Сер. Вас. приказано выехать из Питера, сборы коротки, и 20-го курьерским проводили в Москву. Проводить собрались самые близкие к Сергею, а челядь побоялась, и из этого создается инцидент: хотят всех уволить, кто провожал Сер. Вас. Говорят, демонстрация против министра. Я думаю, этого, кажется, ни у кого на уме не было, здесь каждый близкий человек старался выразить душевное свое сочувствие человеку с чутким, золотым, отзывчивым сердцем; конечно, прощаясь, все плакали. Конечно, вы, оцените, какое наше состояние. Ужас! Подаю я 21 докладную записку об отпуске, который за 22 года имел 2 месяца и только, теперь и в этом отпуске мне отказали; ну, и положение мое самое гнетущее. С. В. будет жить в Москве, директор за границей, срок до 10 октября, вот до тех пор и придется петь курице петухом. Остаюсь в самом тяжелом положении. Целую и крепко жму вашу руку.

Ваш *Евстратий.*

26—VIII—1903. СПБ.

(Мне пишите на Сачкова в двойном конверте.)

*) «Революционная Россия».

**) Лопухин.

***) Сазонов, Яков Гр., подполковник.

Все интрига, вероятно, А.С. *) нужно место инспектора, а посему дело все его рук, при С. В. ему бы не попасть; теперь надо ждать А. А. из-за отпуска, а надежда есть в будущем очень хорошая, так как все это произошло в отсутствие директора и напугали сильно министра чем-то, да в связи посещения Сер. Вас. Витте и назначения его председателем **), тут-то, и думал А. С., собака зарыта, ну, и подвез целый воз.

Дорогой мой, вы очень неспокойны духом, и письмо ваше написано под большим подъемом нерв, оно так и сквозит чем-то другим, к делу не относящимся, а в этом Горб. его собствен. выбор, и с ним я ничего не имел да и не желаю иметь, и к Заварзину у нас самые хорошие думы и отношения, поэтому-то вам и послал, а вы сыпете всю невероятную беду на нас. Ваше письмо похоже не на охранника, а на штабного офицера.

Бог с вами, когда бог приведет, поговорим еще раз по душам и опять до слез.

Ваш *Е. Медников.*

3—IX—1903.

Дорогой
Александр Иванович.

Какова Жаровская история, ее передают в Харьков; теперь не установленных осталось в Конотопе рабочий, затем, проверены ли гостиницы, где жили Смуглый и Волк, а также Вялый и Шустрый. Если нет, то это ляжет на Александра Михайловича неладно, то нельзя ли исправить. В бегах из этой комп. «Волк», «Смуглый» и «Гость»; о «Госте» запросите Одессу, а в Умани, должно, одессисты провалили Новаковского; его тоже надо считать в бегах, четвертым. Дорогой Александр Иванович, соберите подробно об этой четверке сведения самые подробные, кто и что, а главные приметы всех этих четверых; запросите Гомель хорошенько о всей тройке, т.-е. Смуглом, Волке и Вялом, должно, что гомельцы. Дорогой, а вот Харьков, Николаев и Умань, т.-е. все три искровские типографии, были между собою повязаны и сорганизованы; на-днях вышлем дневник*) вам для пополнения и исправления, который потом по исправлении пойдет в Харьков к дознанию. Рано начали, т.-е. надо было объединить все три типографии под одно наблюдение,—вот бы получилась штучка, которой еще у нас в практике не было: поторопились с ликвидацией в Харькове. С Николаевым если бы подождать, то было бы выловлено все, что есть техники на юге, т.-е. прекратили бы массу типографской работы. Сейчас опять уже поставлены и работают в империи не менее 30 тайных типографий, которые нам предстоит ловить. В среду, 8-го, приезжает в Питер директор, жду и никак не дождусь, дни страшно длинные, несмотря на самые маленькие осенние дни. Сегодня, кажется, министр потребовал Сер. Вас. послужной список и справку, сколько получал в год, для чинодралов ясно, что это признак разговора о назначении пенсии. Следовательно, вопрос кончается в смысле отставки с 4-тысячной пенсией, надо благодарить всевышнего создателя за ниспослание божьей благодати. И десять лет спустя все получишь то же. Все эти приготовления идут к приезду д-ра, а через день министр едет за границу, чтобы уже было все решено относительно Сер. Вас. Мне учинили допрос у меня в кабинете; был Алекс. Спир., от имени министра спрашивали, буду ли я служить дальше; я поставил им вопрос, будет ли сам Алек. Спир., он сказал ни да, ни нет, но стороной я знал, что ему очень хочется взять в свои руки розыск, т.-е. быть 3-м вице-д-ром. Я и говорю ему, как же мне оставаться, когда я 22 года служу при самых сердечных отношениях ко мне всех начальников, при которых я служил,—конечно, и при вас,—а сейчас таких отношений не может быть, то, я думаю, и служить мне будет невозможно. После долгих пере-

*) Алекс. Спирид. Скондраков.

**) Витте после отставки от мин. финансов был назначен председателем комитета министров.

*) Записи филеров.

говоров меня уломали, при следующих условиях: если будет офицер, то не иначе как В. В. Р.*), если статский, то Петр Иванович Рачковский [29]) или же сам Александр Спиридонович, и если и этого не будет, то Максим Иванов. Трус. **) вице-д-ром 3-м и заведывать в империи розыском, а в особом отделе заведывающим или я или Г. Мих.***). Но я наотрез отказался от своей кандидатуры, т. к. я очень могу служить другим, но сам, по безграмотству, ни за какие дела не возьмусь, я и ушел в отставку. Мне иногда за себя было стыдно. Вот дела как обстоят при наличности нашего министерства, но если, что дай бог, как говорят, будет министром внут. дел Витте, то тогда опять будет розыск у Сер. Вас. Это верно, как я — Е. П., чего очень многие желают поскорее, и малая надежда уже есть на последнее обстоятельство. За мною ухаживают все, и будут ухаживать, я это знаю, будь это двадцати пядей во лбу, даже Яков Григ.****) и тот ухаживает, даже до смешного. Думаю, дела устроятся все же хорошо, а там, что будет, увидим. А. А. *****) очень поднялся у государя, т. к. его вызывал государь в Дармштадт из Франции, где он был в отпуску, помимо мин. внут. дел, теперь и мин. не знает, как с А. А. держаться, т. к. есть слухи, что он будет м. в. д. Если только не Витте, то будет он, т.-е. Ал. Ал. Такие-то дела-то. Я очень спешил писать, то едва ли скоро вы, дорогой мой, разберете мои каракули. Так вот ждали 2 месяца д-ра, теперь осталось только 5 дней, и то небо кажется с овчинку при очень хороших отношениях, т.-е. хотят казаться даже любезными и сердечными. Что только делается, уму непостижимо, жаль, нет художника, запечатлеть бы на холсте, а картина стоила бы художественности, и кисть бы изобразила один момент глупости, смешной гуманности по отношению Чертова острова, да, а это выходит факт. Я заболтался, а пока я вам рассказал очень много, но не очень подробно, но что делать, пора и кончать. Целую . . . . . крепко жму руку.

Ваш *Е. Медников.*

3—X—1903.

Дорогой

Александр Иванович.

Прилагаю выписку адресов, посланных вам при записках д-ра, выписки из химических текстов, по которым с одной стороны переписывается «Л. Л.» — это В. Бобровский [30]), а с другой «Мартын» [31]), тоже нелегальный. Дорогой, поручи эти письма кому-нибудь отдельно в них хорошенько разобраться, т. к. Левин Давид [32]) тоже птица крупная, коли с ним в переписке сам Крохмаль [33]) «Загорский», и надо полагать, с переездом семейства Ульяновых в Киев, и весь центр «Искры» попал к вам, в особенности А. И. Елизарова [34]), которая, наверно, член Центра. Она уже была у нас в Москве, тоже комитетчица, совместно с Еленой Николаевной Каменецкой и братьями Владимиром и Николаем Розановыми [35]) и сестрами Карасевыми, и Елагины, а «Шкуру» — кто не знает,— она вечный жид, и ее смертельная охота ставить типографии, да еще ее очень близкие знакомые теперь стоят во главе заграничной «Искры», как Лидия Павловна (Кранихфельд) и ее муж Мартын Мандельштам, которые отбыли 5 лет Восточной Сибири и, вернувшись в Москву моментально удрали за границу и в последнем съезде за границей с-д. *) оба играли большую роль. Муж стал во главе с В. Ульяновым (Ленин); а Мандельштаму революционная кличка (Лидин) **). Сообрази, что у вас за драгоценности, просто люли малина, надо водить А. И. Ульянову, т.-е. «Бабу Мишке». Кажется, вам доподлинно известно, что у вас вся организация «Искры», и около ваших милашек стоит типогра-

*) Вас. Вас. Ратко.

**) Трусевич, Макс. Ив., впоследствии директор департамента полиции.

***) Трутков, Гр. Мих., ст. помощн. делопроизв. департамента полиции.

****) Сазонов.

*****) Лопухин.

*) II Съезд РСДРП.

**) Лядов.

фия Центрального Комитета, в которой работают до 15 человек, т.-е. около типографии, ее оборудовывают, сменяют работников и транспортировщиков. Дорогой, займись хорошенько «Искрой», она даст пламя [36]).

Хорошее наблюдение доведет до Центра и типографии, только хорошенько заняться; к новому году надо входить с прибавкой филеров до 40 человек *).

[Без даты].

Дорогой

Александр Иванович.

Первым своим долгом спешу вас поздравить с новым годом, с новым счастьем, новым здоровьем, но меньшим числом обысков и арестов и меньшинством революционеров. Хватили вы их здорово. Жаль, что «Мартын», «Леонская» с «Нилом» *) ускользнули от единовременного погрома,—вот, действительно, погром вышел бы на славу. «Мартын», как видно, в последнее время находился в Ростове-на-Дону. У вас, кажется, опять собирается гроза террора, хорошенько осмотритесь и спишитесь с Вас. Вас., у него, кажется, кое-что есть по агентуре на Киев; он в особенности указывает на некоего Хайкина или Хавкина, да очень я боюсь за прилагаемую в карточках при сем компанию. Она прошлую зиму собиралась на террор, то вам на нее следует обратить внимание. Жаль, что Зеленов плохо ориентировался при наблюдении за центром; очень он провалился, даже во второй раз Сербский удрал и после телеграммы об аресте Леонской все же ее упустил, промахи у него вышли громадные. Жаль, что нельзя выбраться к вам, а поговорить надо, хорошо бы вы приехали, что ли, а надо, есть кое-что интересное, лично для вас касается; притекайте-ка к нам в Питер, побачемось. Приняты меры к арестам «Сербского» с «Леонской» и «Нилом». Это все и вся — «Центр» «Искры», заграничная организация. Ал. Ив., вы подразделили ли на комитеты — местные и заграничный? Займитесь Боевой хорошенько, т. к. говорят очень много, Тихая к вам собирается на-днях ехать для боевиков, т.-е. за ними; говорят, где-то на-днях арестован «боевик» нелегальный, который должен стрелять на-днях в Питере [37]). Целую и всем шлю привет.

Медников.

5—I—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Посылаю вам на службу Шатровского, он был в Екатеринославском охр. отд., но там с Полторацким рассорился, но он вам будет очень полезен, как знающий массу по Екатеринославу лиц в лица, а поэтому, я думаю, он очень будет полезен. Что новый из Харькова, он очень интересный парень. Что же по корреспонденции подполковника Кременецкого можно ли что-нибудь сделать и правдоподобно ли? Я его источнику мало придаю значения, но, может быть, я и ошибаюсь в данном случае. Черкани пару слов, когда же будешь в Питере.

Пока всего хорошего. Целую и крепко жму киевлянам руки.

Ваш весь *Е. Медников.*

9—I—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Дело Кулябко табак, ему надо выходить в отставку сейчас же, так как в бытность таврического губернатора в Петербурге он имел разговор с г-м директором по поводу растраты Кулябкой казенных сумм и высказывал так, что Кулябко предстоят арестантские роты не менее года. Как ни грустно вам, дорогой мой, сообщать такие вести, но что делать, получил приказания на это начальства, чтобы не делать вам официального предложения. Алексей Александрович *) очень огорчен случившейся с Кулябкой такой историей, он никоим образом такого пассажа не ожидал, чтобы Кулябко вас так подвел со своим переводом к вам.

*) Носков, В. А.

*) Лопухин.

Сегодня посылаем в Чернигов троих филеров, заменить ваших, в виду массы дел в Киеве. Пусть в Чернигове ваши покажут остатки Ушного нашему Евтеву, который в Чернигове будет работать официально и явится полковнику Рудову. Ваше письмо на меня произвело гнетущее настроение, а как у вас нервы шалят, ужас! Ковалевский *) дал телеграмму, просит за Шебеко**), но А. А. не поддается и командируют еще двоих офицеров для производства дознания при киевском управлении, а Шебеко все же обязательно вам. Вот пока и все, голова сейчас разболелась, очень уж щемит сердце, одна тоска. Вот сейчас немного отлегло, так как план ваш тронулся сегодня вперед немного, но масса всякой всячины препятствует его осуществлению, а бог, может, и поможет, да Николай Алексеевич ***) тоже за нас горой стоит. Только с лицевой стороны Фонтанки ходят тучки. Целую вас в губки, крепко жму вашу руку.

Ваш весь *Е. Медников.*

4—II—1904.

Ну и дали же трепку с.-р.! [38]). Вот им досталось, скорее бы Еремея [39]) к рукам.

Прошение поскорее Кулябко, д-р не хочет, чтобы он был привлечен помощником вашим.

Я думаю, вы переведете своим помощником Алек. Мих.

Пиши скорее.

Дорогой

Александр Иванович.

Письмо ваше получил, из которого видно, что вам очень хочется улизнуть из отделения. Дело в следующем. Вопрос ваш пошел на обсуждение и коментарии; директор очень боится за министра, что он завопит за молодость офицеров, но Харьков проходит, следовательно, и киевский в зубах не завязнет, а двинут на первый план на всех колесах и парах. Может, не лучше ли пока пробраться в Питер, в охранку, и поработать здесь и показать рекорд. Больно уж неважна у нас здешняя охранка, что, конечно, мне лично хотелось бы поставить, главное дело школы, а тут, как на грех, ни Москва, ни Питер не дают никакие результаты, именно по школьной части. Боже упаси, как пагубно действует и разлагается старая школа, т.-е. опека личности и целости филера и офицера-охранника во всех его отношениях, как-то: по службе и частного характера. Сейчас все идет на смарку, вся прошлая каждого человека работа у нас, и нас всех-то 350 человек на всю империю, и они все заброшены судьбой, как в поле обсевки, — разве это не разлагающе действует: каждый не ставит жизнь на карту службе, а работает так себе, до вечера, чтобы не выгнали. Больно и досадно! Целую и крепко жму вашу руку. Все возможное и невозможное постараюсь сделать для киевлян.

Ваш весь целиком *Е. Медников.*

8—II—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Кто у вас нелегальный арестован, таких примет: кличка Андрей Петрович Гинзбург, приехал к вам в первых числах ноября прошлого года, 25 лет, среднего роста, телосложения слабого, лицо продолговатое, волосы темнорыжие, борода маленькая, клинком, усы книзу, стрижка ежиком, нос с горбинкой, темное пальто, круглая барашк. шапка, в очках. Говорят, он у вас взят на квартире, где были типограф. принадлежности, где-то на Мариинско-Благовещенской ул. и на углу Спасской, карточка прилагаемая очень похожа на вышеописуемого субъекта. Таковой в октябре жил в Ярославле, нелегальный, и назывался «Андрей Петрович», там же еще трое есть сейчас.

Письма ваши получил, на которые я отвечу, когда немного кое-что ощу-

*) В мин. вн. дел был Коваленский—б. директор департамента полиции.

**) Жандармский ротмистр.

***) Макаров.

паю, готовим в отделении новую инструкцию, все отделения хотим к губернаторам. Хорошо? Целую и крепко жму вашу руку.

Ваш *Медников*.

15—II—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Прилагаю при сем письме карточку Петра Красикова [40]), по партийной кличке «Игнат», который сейчас находится в Киеве от заграничного комитета искровцев. Обратите на сего субъекта внимание, тогда вам легко будет наладить обирать всех к вам прибывающих эмигрантов, а у вас их непочатый угол. Вероятно, числа 10-го марта я буду в состоянии вас в Киеве расцеловать, поеду 4 или 5 в Вильну и Варшаву, после чего и к вам.

Хорошо пока устроилось с Н. Н. Кулябко [41])! Очень уж Николай Алексеевич написал Трепову письмо предлинное-длинное и мягонькое, так, с хорошим порошком мыла. Ну, до свиданья, дорогой мой, до 10. Целую крепко вас.

Весь ваш *Е. Медников*.

27—II—1904.

Дорогой,

Александр Иванович.

Прилагаемая карточка—по почерку часто пишущего за Забияку, он есть Петр Ананьев Красиков, революционная кличка его «Игнат» русская, а заграничная «Павлович». Он пишет и сейчас в Питер из Киева. Розанов обязательно сидит в Ростове-на-Дону, «Забияка» не арестован, жив, он только пишет, что вы взяли «Деда» [42]). Следовательно, «Забияка» жив. Может, быть, по этой карточке вы и отыщете «Забияку». Дорогой Александр Иванович, вы бы хотя главных присылали почерка нам. Вы скажете наоборот, что из этого ничего не выйдет, так как у нас сотни и более есть из чего выбрать, а всего вам не пошлешь, да и неудобно посылать прожженные письма. Вот почему обязательно, хотя частным образом, Звереву на короткий срок высылать. Но за то пойдут скорые установки по почерку нелегальных лиц. Я послал вам еще вторые 100 руб. для «Ивана», которому посланы 200 руб. на дорогу до Киева из его Палестины, и ваш адрес личный. Просматривай заграничные письма, в особенности из Африки, с подписью «Оля», это и есть письма «Ивана», которому я и высылаю вам для него сбережения. Пока все. Еду к Сергею *) на праздниках, скажу от вас ему поклон.

Как на юге вы прочистили с.-д., просто прелесть! Одесса тоже хорошо, сильно хорошо пообчистили, да Екатеринослав тоже—один остался, пишут за границу. К вам собирается Михаил Иванович **) для секретной агентуры. Целую крепко, крепко.

Ваш весь *Медников*.

12—V—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Очень сожалел, что вы были в Петербурге и не застали меня, я выехал 4 июля, а ждать и откладывать свой отъезд из Петербурга не было никаких сил, так душа наболела, часу ещё бы и то не перенес; летел я в Ялту, как безумный, скорее и скорее воздуху хотелось, хоть несколько подышать чистым незараженным воздухом, так прошедший год истерзал душу, просто до невозможности. Когда приехал в Ялту, то меня целые сутки била лихорадка, еле-еле справился с ней в море, ну, конечно, это не была простуда, а нервная, в 35 и 40 гр. жары, а я кутался в плед. Вот, дорогой мой, тут и час был бы в страшную тяготу, заранее думаю, что вы на меня за отъезд не будете сердиться. У нас с Николаем Алексеевым был большой разговор про вас и вашу отделенскую организацию, о коньке и других. Имей в виду, что самая большая агентура — это ваша по всей империи, следовательно, и цена Киеву другая ***). Вы мне черканите,

*) Зубатов.

**) Гурович.

***) В виду нахождения здесь центра южного района и бюро с.-д. искровцев.

что по этому делу вам говорили. В питерской охранке одна грусть, кроме провокаторства ничего нет. Был Большой Барин, который вел дело с Федором и Татьяной, но еще при жизни Татьяны он уже провалился, она его самолично хотела отравить. Следовательно, в питерской с.-р. агентуры нет. За все время Кременецкого в Петербурге он ничего самостоятельного не сделал, это факт. Если и получил шефскую благодарность, то благодаря вашего покорного слуги, я там дневал и ночевал. Когда его провокаторскую часть открыли, тогда я перестал туда ходить и даже с ним и говорить. Когда-нибудь расскажу очень интересную историю, как к Макарову [43]) явился чиновник Кременецкого, заведывающ. агентурой, и доложил о его провокаторствах до мелочей, и мне пришлось принять все на себя. Я очень рад, что его разоблачили, а то, ни дать ни взять, как в Екатеринославе. Теперь ясно стало все, как он брал типографии, да в Питере он поставил сам две типографии, одна взята Ратнер, а другую на-днях только еще агентура передала в другие руки, станет работать, и потом возьмут. Вот какие дела делаются у нас в Питере. Давно я не получал сведений относительно «Сербского», «Английского» и вашего Шехтмана, кажется, они все трое будут меньшинство. Слов нет, что «Сербский» хорош, но «Английский» еще лучше: он ведает Центр. Ком. типографией, следовательно, ваша будет вторая типография. Черканите строчку и о сем, какое ваше мнение по сему делу. Что поделывают ваши Лудильщики, Боярские, попики, где они, вы их из виду-то не упускайте, они годятся со временем, все-таки они с прошлым. Напиши, куда и когда поедешь в отпуск, очень бы хорошо где-нибудь повидаться. Хотел сюда ко мне приехать Герасимов [44]), дня на четыре, поговорить. Хорошо бы вы приехали в Ялту отдыхать; я пробуду до 25 августа здесь, кажется А это—между нами, что Серж*) скоро расцветет. Устроился хорошо. Ночевав в гостинице, нашел особнячок в одну комнату с большой террасой и всего-то за 30 р. в месяц и рядом с парком, на Виноградной улице, д. № 7, Панова. Хорошо и уютно, и очень доволен; здесь же встретил я своего Труткова, он здесь, с Кавказа заехал, пробудет еще дней 10. Мне очень охотно и скучать некогда, веселимся, музыка из Питера—преображенцы, струнная, очень хорошая. Купаюсь 2 раза, ноги и нервы, кажется, становятся на свое место, чему очень рад. По отъезде моем, в Питере возбудили мне добавочные в 400 р. к пенсии, и за то спасибо. Целую, крепко обнимаю.

Весь ваш *Е. Медников.*

Ялта 11—VII—1904.

Дай адрес Зеленова, пусть он душу мне посластит своими письмами.

Здравствуйте дорогой

Александр Иванович.

Что убийца министра [45]) оказался разыскиваемый д-том сын купца, бывш. студ. моск. университета, бежавший из Сибири, Егор Сергеев Сазонов, проживавший с 20 апреля по 10 июня сего года в Белостоке, по Болотистой ул., в д. Островского, в квартире вдвоем с своим сообщником по убийству, тоже арестованным 15 июля на Неве, лодочником, во время выбрасывания бомбы в реку, мещанином м. Кнышны, Гродненской губернии, Шелилем Лейбой Вульфовым Сикорским, по ремеслу кожевник, с которым Сазонов проживал в названном доме, без прописки вида на жительство, более 6-ти недель, и выехали из Белостока около 15 июня. До 15 июля Сикорского установили, что он проживал несколько раз в Вильне и Острове, т.-е. с 15 по 23 июня и со 2 по 7 июля в гостинице «Петербург», и в «Саксонии» с 9 по 13 июля и 14 числа провел в Острове в гостинице «Москва», вечером на 15 июля выехал в Петербург, а далее убийство и его арест на реке. Относительно Сазонова никаких сведений нет, где он проводил время с 10 июня по 15 июля сего года.

*) Зубатов.

С Сазоновым и Сикорским еще находились в квартире два еврея, в которых одного по приметам признают за Наума Брумера, теперь будто живущего в Бердичеве по Толкучему пер., дом № 16, и также бывают в Ерусалимской пекарне, по Старой Базарной ул. Эти два господина начало весны жили в Белостоке, где состояли в партии непримиримых, коими руководил некий «Борис», как теперь выяснилось, что «Борис» есть Гершун — Бореля Брумер, интеллигентный человек, учился в Одессе в одном техническом училище, и после исчезновения из Белостока Сикорского с Сазоновым, то исчез и Брумер, которого разыскали в Одессе и 2 августа его заарестовали и, кажется, с большим химическим поличным; вероятно, он работал бомбы, живя в Белостоке, для Покотилова [46]) и для Сазонова с Сикорским. Ждем с нетерпением сего разъяснения. По этому делу в Белостоке, когда ваши непримиримые и одесские тоже были там, то Сикорский во всех сходках участвовал, и его на двух сходках установили, т.-е. 18 и 22 мая сего года. Кажется, что дознание одесских непримиримых и белостокских, и виленских, и убийц министра соединят в одно дознание в Петербурге; посмотрим, что из этого будет.

Вам в декабре прошлого года Герасимов телеграфировал, что киевский комитет с.-р. устраивает покушение на министра. Мы вам выслали карточки Егора Сазонова, и весной ваш «Феодосий» ездил в Уфу с поручением от Центра, неужели все это вам не дало возможности хотя приблизительно определить, кто сей «Феодосий», там еще говорилось и о приметах, и на эту бумажку до сих пор у нас ответа, кажется, нет. Кто же этот солидный господин? Ведь у вас был в конце апреля или начале мая брат убийцы Изот Сазонов, приезжавший за справкой в Киев, кто убит в Северной гостинице; брат Егора Сазонова думал, что погиб именно его брат. Есть очень много данных, что Николай Ильич Бронштейн бывал на свиданиях с группой, а вернее, с Егором Сазоновым, где-нибудь на нейтральной почве, а может быть, и в Вильне или Одессе. Проверены ли Бронштейна отлучки из Киева за период нынешнего года по день убийства? Карточки Сазонова и Сикорского при сем прилагаю, так как по карточкам Сазонова и Сикорского видавшие ранее их сразу узнают в них Сикорского и Сазонова. Может быть, вы теперь все сообразите по данным разных партий, в особенности непримиримых, которые здесь играли первенствующую роль; теперь мы на пути к выяснению группы делателей и метальщиков, но очень далеки от распорядителей, может быть, вам с прекрасной агентурой доставит случай что-нибудь, на счастье, сделать по этому очень серьезному делу. Если что-нибудь у вас будет клевать, пишите больше и подробнее. Может быть, что-нибудь дадите нам—нити для дальнейшего розыска. Во время пребывания у вас в Киеве «Попика», которого вы приняли как съездника, не было ли это собрание лиц участников Боевой организации, из лиц, участвующих в убийстве министра [47])? Пишите по этому делу больше. Целую крепко, обнимаю дорогого киевлянина.

Весь ваш *Е. Медников.*

4—VIII—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Сейчас у нас гостит в Питере Сергей Васильевич, которого на-днях пригласили из Владимира приехать в Петербург для устройства его дел. Конечно, князь Святополк-Мирский [48]) обещался снять всякие с Серг. Вас. ограничения, и вновь назначают ему пенсию обыкновенным образом в 5.000 р. и что во всем бог прости старом, а вновь предлагают взять всю заграничную агентуру на старых правах Рачковского. Но еще Сер. Вас. не решил, брать или нет. Завтра второе совещание директора с Сер. Вас. относительно всего и прочего. Окончательное Сер. Вас. решение будет в следующую субботу в Царском Селе. Я вчера получил 400 р. годовых добавки к 2.000 руб. пенсии. Вчера последовало высоч. соизволение мне 400, а Михаилу Ивановичу—Владимира за Одессу. Теперь мне и на покой, т. к.

я получил за работу все, что уложил. Вот бы скорее поставить на колеса дорогого Сер. Вас., тогда поеду пахать. Такой дома урожай, просто благодать!

Дорогой, а ведь Селюк-то [49]) где-нибудь около вас, так гласят сведения о ней из-за границы. Смотрите, не прозевайте ее, как прошлый год.

В Одессу — Боброва, а в Саратов — Федорова из Елизаветполя, помощника, ранее был адъютантом в Витебске, хорош должен быть. Поручено Еремину принять пока у Васильева [50]), а он, кажется, зарвался, — 3 стрельбы там у него было. Верно, он для больших дел еще не дорос. Целую крепко, крепко.

Весь ваш *Е. Медников.*

10—X—1904.

Маш вижу каждый день. Какой он был бы интересный человек.

Дорогой

Александр Иванович.

Я просил Василия Васильев. прислать киевский билет на ваше имя для меня. Получите, придержите, я за ним заеду к вам в самом непродолжительном времени. «Василек» из Одессы удрала, как видно, числа 17 октября, к Киеву, так как у них в этот вечер было слабовато как за ней, так и в вокзале. Пошлите для предъявления Машу *), а он там, карточки Антропова и Жуковой, так как есть основание, что Копченая **) есть Ева Рабинович, жила за границей и училась набирать шрифт. «Василек» ходила в Одессе под вуалькой, в пушкинской шляпе (черная) и в саке по колена, края и воротник прострочены в два ряда лентой, юбка синяя, матерчатая. Прикажи Зеленому побудировать наблюдение, непременно пошли карточки в Питер. Антропов здесь проживал, сейчас послали справку, давно ли он здесь жил и с кем, напишем, как выясним, не попала ли «Василек» к вам куда-нибудь при ликвидации? Я к вам непременно заеду, поговорим; не заехал к вам сейчас потому, что не до меня было в то время. Целую крепко вас.

Весь ваш *Е. Медников.*

25—X—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Что Жукова оказалась Ева Р а б и н о в и ч, это верно, но относительно Афанасьева есть сомнение, так как карточка последнего плохо снята. Мои предположения относительно Евы оправдались, надеюсь и за Афанасьева, тоже он окажется. От нашей храмины сильно холодом веет, думаю, что к весне все расплывется, так это и чувствуется. В Москве я получил предложение на частное место управляющего одним не особенно большим хозяйством, почти на полных правах хозяина, предприниматели хорошие мои знакомые, люди весьма добросовестные. Предлагают баснословную цифру жалованья—10 тысяч руб. в год и 3 месяца на отпуски, следовательно, за 9 месяцев; хочешь по контракту на 5 лет, а нет, — так. Это они в виду обеспечения меня, вот я и раскорячился, хотя они уже меня зовут давно, и если я пойду, то не ранее будущего сентября, а это даст мне многое на размышление. Говорят очень многое, но ничего определенного, будто бы А. А. уходит товарищем министра. Ник. Алек. готовит А. А. там же более хорошее место, чем в отделе, пошли им бог всего хорошего, очень хорошие люди, на редкость. Следовательно, может, мой уход ускорит уход моих обоих начальств, едва ли мне будет возможность продолжать мою службу, так как я не могу без душевной скорби смотреть, как все рушится, созданная 25 годами система, выработанная пóтом и кровью, смотреть на все сквозь пальцы не могу. Душно и скучно, да и грешно. Тяжко и так тяжко, какая-то туча висит, вот-вот упадет и все задавит, грустное впечатление производит все окружающее нас. Пока до свиданья, может, придется увидаться при совершенно других обстоятельствах. Желаю вам и вашему семейству доброго здоровья и всяких благ на долгие

*) С.-р.

**) Копченая — Ева Рабинович, упоминалась раньше в связи с арестом Гершуни. Она же Жукова.

годы, делюсь с вами, как родным, самым близким человеком. Целую крепко.

Ваш весь *Е. Медников.*

7—XI—1904.

И. Н. привет.

Дорогой

Александр Иванович.

Надо думать, к вам на-днях выедет вице-директор. Очень вас прокатывают управленцы, по всем коркам хлещут, у нас мало вам сочувствующих и, при всем желании что-нибудь сотворить, не проходят у директора бумаги,—вернул назад, кои были написаны в управление, следовательно, вам надо надеяться на себя. Питерская поддержка ненадежная. Г. М. Т. *) пробовал промазать Ковалевского, не удалось. Сейчас вырабатываем новое положение для охранок, так как в настоящее время всюду идет грызня и, вероятно, будут вместо прикомандированных офицеров чиновники д-та и обязательно к губернатору или обер-полицейместеру, или градоначальнику прикомандируют; штаб сейчас в страшной конкуренции с д-том. С. В. **) в 5 тысячах прошла пенсия вчера, 30/XI. Вчера же уволен из д-та наш секретарь по 3 пункту, без прошения; пока покрепись немного, а там перечислим в чиновники особ. поручений, тогда все пойдет хорошо, я думаю, к новому году пройдет. Опять делаем большой состав летучего отряда, для усиления в случае надобности всюду, где только потребуются силы, туда и будем давать, кому сколько надо. Писать нет минуты, а послать хотелось. Целую крепко.

Ваш весь *Е. Медников.*

Терпи, казак, атаманом будешь.

[Без даты].

Дорогой

Александр Иванович.

Посылаю вам карточку «Савраса», вероятно, он окажется Владимир Александров Носков, разыскивается он в Смоленске, виделся с Левиным Гальпериным [51]), который тут и находится, т.-е. в Смоленске. Надо думать, его описание будет—лицо, бывающее у Ольги Николаевны в больнице. Когда вы будете готовы, надо ликвидировать одновременно со Смоленском. В Смоленске транспортное бюро и северный комитет [52]). Целую вас крепко.

Ваш *Е. Медников.*

Передайте всем служащим и сослуживцам мою благодарность за поздравление.

Медников.

Носков — член центрального бюро. Яков-князь—член местного комитета. Телеграфируйте от меня.

13—XII—1904.

Дорогой

Александр Иванович.

Все перемололось и становится яснее, кончились дни весны, кончается и либеральная сутолока. Питерская охранка получает себе в начальники подполковника Герасимова. Кременецкий уходит окончательно уже. Пока Герасимова нет, до его приезда охранкой заведывает Гурович [53]), с 15 января нынешнего года. На-днях приезжал в Питер Вас. Вас. Ратко и убедительно просил директора, чтобы его из Москвы отпустили в какое-нибудь управление начальником; ему обещали, но очень просили повременить, но Вас. Вас. сильно настаивает на уходе из Москвы. Вот, дорогой Александр Иванович, надо бы вам об этом подумать и позондировать. Петерсон не попадет, в разговоре частном указывают на вас. Министром вместо С.-Мирского назначен московский Булыгин [54]). Трепов-то как хватил, и пойдет далеко, только бы не убили бы его: на него охота целая, не только с.-р. или Боев. дружина, но и с.-д. ищут случая бросить бомбу в Трепова. Дай ему бог силы и здоровья, а то он им покажет весну, он уже всех писателей посадил. Прилагаю карточку для предъявления филерам, лицо это Боевой дружины и арестован с надписью револьвером и должен был получить бомбы и 12-го кидать, но по-

*) Повидимому, Герасимов, М. Т.

**) Серг. Вас. Зубатов.

пался; второй к нему пришел товарищ, тоже арестован и тоже с револьвером браунинг, — Сергей Александров Басов из Харькова в помощь Марнину [55]), Пиши чаще, целую крепко.

Весь ваш *Е. Медников.*

20—I—1905.

Дорогой

Александр Иванович.

Передвижения по службе: Вас. Вас. в Петербург к Трепову, Трутков тоже к Трепову, вас в Москву, Засыпкин в Киев на ваше место, Герасимов на место Кременецкого, последний провалился с треском и вдребезги, Шульца, вероятно, в Харьков и Кулакова или Александра Михайловича в Екатеринослав; самое свеженькое сведение. Да, в Тифлис, вероятно, поедет на место Засыпкина Огиевич. Желаю вам всего хорошего, главное, сколоченную Москву оставить ее, как есть, или переменив Иванова на нового помощника, а остальное все в порядке. Если вы пишете во Владимир,то таковую прекратите во избежание недоразумения с таковой. Целую крепко, крепко. Дай вам бог силы, здоровья и благополучия.

Весь ваш *Е. Медников.*

24—I—1905.

Никого с собой не цепляй, Москва сама лучше всех наших в мире.

Ваш *Е. Медников.*

Я возвращаюсь 26 в Петербург, но, не зная, как у вас и чем кончилась ваша поездка в Питер, прошу написать поподробнее заказным на мое имя на Фонтанку, дабы знать, чего держаться! Моя поездка самая неудачная, мало чего я принес из ней пользы; правда, много видел немецких городов и много насмотрелся немецким порядкам, вот бы нашим русачкам где хорошо поучиться и перенять. Был во Франкфурте-на-Майне, Дармштадте, Гейдельберге и попутных городах; всюду чистота и порядок, полицианто в совсем не видно, а полный порядок, нигде нет никакой задержки, все идут и едут, не мешая один другому, каждый хочет, чтобы не помешать другому. Хотел проехать во Францию, да блинов захотелось, возвращаюсь домой. Много за границей живого и интересного, надо бы каждому тут пожить и присмотреться. Обеды и завтраки не хуже Тестова и Московской и будет гораздо дешевле, так как вина дешевы, — что у нас десять рублей, то тут 5 марок, т.-е. 2 р. 25 к. Всем поклон. Целую крепко, крепко.

Ваш весь *Е. Медников.*

Берлин. 21—II—1905.

Дорогой

Александр Иванович.

Вчера опять поднят был вопрос о вашем переводе, но опять генерал Рыдзевский настаивает на Тржецяке, следовательно, никоим образом не вдолбишь в голову нашим толстодумам. 7 марта с нами прощался наш директор *), который уже назначен в Ревель губернатором; все его сильно жалеют. Нового директора ожидаем на этих днях; конечно, Коваленский поторопится явиться и пожинать лавры беспорядков, Вас. Вас. еще не переехал из Москвы к нам в Питер. К вам на этой же или в начале будущей недели приедут соколы **) и довольно многовато, вероятно, сибиряки из Самары, Василий Викторович Леонович [56]) из Питера, нелегальный ваш крестник, по томской типографии, Сергей Иванов Барыков [57]), член Боевой организации, вероятно, с паспортом сына ирбитского купца Иннокентия Александрова Сотникова, да у вас там несколько человек живущих уже, явка, кажется, профессора Бекера. Это не съезд, а центральная и боевая организационная попытка объединить Питер, Москву, Киев, Одессу, Харьков, Самару, Тверь, Уфу и другие. Соберитесь с силами поработать с недельку, другую, выйдет много интересного, да и осведомитесь сами. Посылаю вам карточки, какие есть. Старынкевича [58]), вы, вероятно, сами знаете, Барыкову наша кличка «Гвоздь», не упустите его, шляпа-котелок, пальто деми-сезон, драповое; хотя мы повезем

*) Лопухин.

**) С.-р., боевики.

его, но можем прозевать, так вы будьте на подхвате. Целую крепко, крепко.

10—III—1905. Ваш весь *Е. Медников.*

Это по секрету.

Здравствуйте, дорогой и родной
Александр Иванович.

Бог существует, бог всемогущий, без божьей воли волос с головы не упадет, так исстари нам передают наши прародители[59]). Это—истина, которую ни один философ не опровергнет; рука владыки вас защитила, воздадим господу богу нашим усердным молением дань благодарности о ниспосланной милости. Бог не допустит, — ни один мерзавец ничего не учинит; ради самого создателя вам надо оттуда убраться поскорее куда-нибудь отдохнуть, поправить здоровье, а там в руце божией наша судьба. Вероятно, вас потом прикомандируют к отделу, либо к товарищу министра; я думаю, вам устроиться в штабе воспитателем молодых офицеров корпуса. Ваша телеграмма по поводу высочайших слов на всех произвела возвышенное настроение и самое хорошее впечатление, все вам в высокой степени сочувствуют; все утром ко мне собирались читать Игнатия Никитича — спасибо ему большое за это — бюллетени, телеграммы и обсуждали их, каждый раз успокоительно, что давало надежду на ваше полное выздоровление. Слава богу, последняя телеграмма принесла очень успокоительные вести о вашем здоровьи. Мы заключили, что вас мерзавец застал врасплох, и вот пожалели, почему вы шли, а не ехали, и одни, а не с кем-нибудь вдвоем. Ну, задним числом мы всегда крепки. Как здоровье глубокоуважаемой Валерии Константиновны. Вот, вероятно, перепугалась, ну, бог не без милости! Целую крепко, крепко, ужас как хочется вас повидать и расцеловать.

Ваш весь *Е. Медников.*

3—VI—1005.

Доброго здравия, дорогой
Александр Иванович.

Вашу цыдулочку получил и как я обрадовался ей, вы и представить себе не можете, какое она на меня произвела громадное впечатление, как будто я с вами и поговорил лично, так после этого стало легко, а тут стало известно, что Еремина назначили вашим заместителем, это еще более меня обрадовало, т.-е. исполняется ваше желание, следовательно, и отношение станет нормально твердым. Был вызван Яша *), но он отказался от Киева, надо думать, струсил. Какое страшное волнение мы переживаем, упаси бог каждого; что черноморцы-то откололи на «Потемкине»: часть офицеров убили, часть спустили живьем, часть оставили невольниками командовать броненосцем, а за командира комитет образовали из 20 матросов, они-то и командуют кораблем; такая ужасная история произошла в Одессе, боже избави каждого врага от такой обстановки. Команд. войсками не приказал стрелять войскам, когда грабили и жгли порт. Несколько пароходов частных комп. сожжено, все склады гавани и вся тамошняя постройка, — все выжжено чернью .....[60]). Что творится в Одессе, ничего подобного еще в России не бывало, следовательно, скоро надо ждать больших перемен, как ни говорите. А Швейцарию из программы вы выбросьте, как несоответствующее место для лечения нерв и в этом роде, пусть ваши светилы вам подыщут уголок покойный, на нервы успокоительно действующий, и чтобы от всех нескромных глаз защищенный, вот что вам пусть укажут. Целую вас крепко, крепко и шлю Валерии Константиновне самые лучшие пожелания, я еще все собираюсь вас расцеловать в Киеве.

17—VI—1905. *Е. Медников.*

Дорогой
Александр Иванович.

Сейчас идет доклад об отпуске денег вам на лечение, доклад замечательно составлен Петром Эммануиловым Панкратьевым, которого несколько раз я расцеловал, хотя на губ. Савича бумаге о вас треповская резолюция гласит — «сделать все Спиридовичу». — Теперь доклад ему же пошел о цифре, какую

*) Яков Григорьевич Сазонов.

поставит сам. Когда будешь, бог даст, в д-те, обязательно возьми копию с доклада; это, родной мой, памятник. Если революция не возьмет, то многие прочтут сей доклад! Очень сердечно изложен со всевозможными заслугами и в заключение сказано что-то из вашей телеграммы для доклада государю, одним словом, раскис от удовольствия и послал за икрой, идем сейчас с Макаровым обедать ко мне. Новости: 29 июня Гурович, Трутков, Квицинский и Виноградов Сер. Ив. едут на Кавказ, в виленское отделен. ротмистр Шебеко, в тифлисское рот. Засыпкин, в харьковское ротмистр Аплечеев, а в Ростов, кажется, рот. Заварзин,— совсем беднота в офицерах, прямо некого назначить на более ответственные места. Что же вы не выпускаете от себя нашего Великолепного, мы его сильно поджидаем. Петр Иванович *) уже теперь полный хозяин, Коваленский уже давно в сенат назначен, себе поживает за границей с молодой женой. Однако ему хорошую сделали выставку! Как ваше, дорогой мой, здоровье, главное, как аппетит есть, то здоровье явится само по себе, а коль аппетита нет, то надо скорее с докторами советоваться. Пора бежать и обедать, — есть очень хочется; ну, до скорого свидания, привет Валерии Константиновне и самого сердечного вам пожелания скорее поправиться и начать новую программу, кою вы как-то сами наметили, сидя у себя в кабинете, в одно из моих посещений вас! Бог пошлет, может, эта программа и будет исполнена воочию. Крепко, крепко целую и обнимаю.

Весь и всегда ваш *Е. Медников.*

Сейчас перо сломалось на точке, это хороший признак! Вас. Вас. Божественного поцелуйте.

24—VI—1905.

Дорогой

Александр Иванович.

Вчера приехал Василий Васильевич Ратко от вас; вот расхваливает порядки отделения, называет образцовыми как по канцелярии, так и по агентурной отрасли, затем очень нахваливал Кулябко, а паче всего Еремина, т.-е. к нему отношение начальства Киева, не исключая и жандармского управления, отрадно. Убийца Шувалова ваш знакомый по томской типографии. Это учитель Куликовский [61]), который работал совместно с Селюками и Беляевыми, по Петербургу и выборгской типографии, тоже с Барыковым; он заявил, что принадлежит к боевой дружине московского комитета пар. соц.-революц. Он в феврале бежал из Сибири и, вероятно, поработали по Москве весну хорошо! Вчера приехал начальник отделения из Москвы подпол. Тржецяк, который бесповоротно отказался от должности нач. московского охранного отделения. Это не в Румынии красненькое винцо распивать, да по Дунаю поразгуливать; забрало трясется, вот нервы-то хватили, кажется жалким. Трепов и Рачковский согласились, и, по всей вероятности, если не выдумают нового, то Боброва. Как, дорогой, ваше здоровье, как себя чувствуете? Вас Вас. Вас. хвалит, но говорит, вам питерский климат будет вреден, и что вам надо не менее четырех или 5 месяцев за границей пробыть. Дорогой, вы хорошенько выхаживайтесь, денег дадут. Если 2.500 р. будет мало на 4 мес., тогда напишешь, доложим. 2 раза я просился в отставку, ничего до сих пор не вышло, а скандалить в такое время боюсь и боюсь сильно пакостей в роде петерсоновских,— поднесут тютю такую, что не очухаешься и за Владимиром. Такое отвратительное настроение, что трудно угадать, что будет завтра. Преображенская улица все еще жива, и синие мундиры еще частенько лазят! Да и штатские тоже бывают, часто, как и в былое время, но настроение отвратительное. 29 июня Гурович, Трутков, Квицинский, а из Москвы Виноградов поехали отличаться на Кавказ; проводили не совсем гладко, с бранью; посмотрим, что там сделает великий оратор самостоятельно на Кавказе. Кажется, я вам писал, что в Харькове Аплечеев, и в Ростове Заварзин, а в Вильно Шебеко; вот последнему дураку повезло. Эх-ма!

*) Рачковский.

Жаль, что себя не поберегли, вот бы переехали в Москву, ну, где этим иностранцам браться за настоящее русское дело! Но теперь мечтать об этом нет никакой надобности. Не будет ли лишним позондировать относительно вашей пенсии, пока еще жив Трепов; может, тысяч пять и дадут, тогда бы было хорошо; посмотри-ка на это дело хладнокровно, бог с ними совсем, и я, по своему мнению, попробовал бы позондировать относительно пенсии остороженько через Вас. Вас. перед Треповым; мне страсть как хочется видеть вас и поговорить, но не вырвешься, не пускают. Если вырвусь, то прискачу на часок. Валерии Константиновне мой горячий привет, Ник. Ник. и Зеленому поклон, Лысенькому хорошего успеха оправдать рекомендации учителя своего. Целую крепко, крепко.

Весь ваш *Е. Медников.*

2—VII—1905.

Дорогой
Александр Иванович.

Меня очень интересует вопрос, когда вы и куда едете за границу, один ли едешь или с семьей; мне хотелось бы вас видеть до отъезда за границу, или напиши о сем, или телеграфируй; вероятно, я числа 3 сего августа оставлю Петербург на 2 или на все три месяца! Зимой буду жить в Москве, туда перевозим свои пожитки. Целую крепко.

Ваш весь *Е. Медников.*

22—VII—1905.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из перечисленных охранников получил очень большую известность впоследствии Меньщиков, Леонид Петрович. Свою карьеру он начал в Москве. с филера, а в конце 90-х и начале 900-х гг. уже сделался главным помощником Зубатова. В 1909 г. он уехал за границу, занявшись разоблачением тайн охранки. Сведения, полученные от него, оказались в большинстве правильными. (См. его кн. «Охрана и Революция» ч. 1. Годы реакции 1885—1898 г. Изд. «Всесоюзн. о-ва полит.-каторжан». М. 1925 г.)

Квицинский, Леон. Ант., в 1904 г. ст. помощ. делопроизводителя деп. полиции.

Герарди, Борис Андр., охранник; во время последней войны был начальником дворцовой полиции. Васильев, начальник охранки в Минске.

2. Фон-Валь, Викт. Вас., виленский губернатор. Во время первомайской демонстрации в 1902 г. в Вильне было арестовано 30 демонстрантов, которые по распоряжению губернатора были подвергнуты телесному наказанию. 5 мая в ответ на это Гирш Лекерт произвел два выстрела в Валя, причинив ему две раны. По приговору военного суда Лекерт казнен в мае того же года.

3. Скондраков, Александр Спиридонович, охранник из школы Судейкина; в 80-х годах заведовал московским охранным отделением

4. Мельников, Мих. Мих., с.-р., член боевой организации.

5. В Саратове находился крупный руководящий центр партии с.-р., с типографией, литографией, складом литературы. 1 ноября 1902 г. этот центр был разгромлен. Арестовано 66 человек, захвачены гектографы, библиотека, книжный склад. Этот разгром и называет Медников «саратовским побоищем».

6. Крафт, Павел Павл., с.-р., член ЦК и боевой организации.

7. Гершуни, Гр. Андр., с.-р., член ЦК, организатор террористических актов партии с.-р. 1900 гг. (убийство Сипягина 2 апр. 1902 г., покушение на убийство харьковского губ. Оболенского 29 июля того же года и убийство уфимского губ. Богдановича 6 мая 1903 г.) 13 мая 1903 г. был арестован и приговорен к бессрочной каторге; сначала сидел в Шлиссельбургской крепости, затем отправлен в Акатуй, откуда бежал в Аме-

рику. Вернувшись из Америки, продолжал революционную деятельность. Умер в 1907 г.

8. «Револ. Россия», орган партии с.-р., издавался с начала в России в Томске, — вышло 2 номера, затем, после ареста типографии в 1901 г., за границей, при ближайшем участии М. Р. Гоца. «Вестник Русск. Рев.», орган партии с.-р. издавался за границей. «Свобода», брошюра, изд. «партией политического освобождения России».

9. Брешковская, Екат. Конст., известная партийная работница с.-р.

10. Клитчоглу, Серафима, с.-р., из боевой организации, выдана Азефом и сослана в Сибирь. По ее телеграмме из Благовещенска об избиении политических начальником акатуевской тюрьмы Бородулиным в 1907 году в Гос. Думе был сделан запрос министру юстиции.

11. Петерсон, жандармский подполковник.

12. Качура, Фома, с.-р., боевик, 29 июля 1902 г. стрелял в харьковского губернатора Оболенского, но неудачно.

13. В 1902 году партия с.-р. развила довольно широкую деятельность. К этому времени относится возникновение «Крестьянского Союза» с.-р. и соединение последнего с «Аграрно-социалистической лигой». В Пензе, Чернигове, Житомире были оборудованы типографии. Вскоре последовали провалы, о которых пишет Медников.

14. Поздравления и награды Спиридовичу и его сотрудникам-агентам — по случаю ареста М. Мельникова в Киеве. Директор деп. полиции Лопухин поздравил его телеграммой.

15. Кременецкий, жанд. полковник.

16. Балмашев. Степ. Валер., с.-р., боевик 2 апреля 1902 г. убил мин. вн. дел Сипягина.

17. Сестра Флора Юрковского, переодетая в костюм гимназиста, должна была совместно с Григорьевым убить Победоносцева на похоронах Сипягина.

18. Свидание Зубатова с Витте произошло в июле 1903 г. Об этом Витте рассказывает в своих «Воспоминаниях». Разговор шел о политике Плеве, которую Зубатов считал неправильной, «загоняющей болезнь внутрь». Витте советовал З. говорить об этом не с ним, а с Плеве. Визит Зубатова к Витте сделался известным Плеве, в результате чего З. получил отставку (т. I, стр. 179).

19. Кн. Мещерский, Вл. Петр., издатель монархического еженедельника «Гражданин».

20. Шнееров, с.-р., боевик. В Киеве боевики не раз съезжались для выработки планов под руководством Гершуни.

21. Новицкий, генер., начальник киевского жанд. управления в 1902 г.

22. В охранных сферах было большое ликование по поводу неудавшихся маевок в 1903 г., при чем неудача их ставилась в связь с кишиневским еврейским погромом 6 апреля, устроенным властями. Действительно, во многих городах демонстрации были отменены. Тем не менее, в некоторых местах, как на Кавказе (Тифлис, Баку, Батум, Кутаис), в Варшаве, такие демонстрации состоялись. Кроме того, были выпущены десятки тысяч первомайских прокламаций.

23. Ратаев, Леонид Алекс., заведующий отделом заграничной агентуры деп. полиции в 1903—1905 гг.

24. Гершуни был арестован в Киеве 13 мая 1903 г. К его аресту были приложены все меры. По свидетельству Бакая (провокатора), полиция была хорошо информирована о всех поездках и планах Гершуни через агента с.-р., сопровождавшего Медникова при слежке за боевиками и в частности за Гершуни. Повидимому, это был Азеф. За арест Гершуни была назначена большая премия. Отсюда такое ликование в Петрограде среди охранников. К Спиридовичу посылались поздравления с «блестящей победой». До 16 телеграмм было послано ему, 6 писем, в том числе от Лопухина и Медникова. Последний телеграфировал: «От всего сердца поздравляю вас и ваших орлов с величайшим торжеством. Выпьем же сегодня за ваше здоровье». Виновник торжества получил чин подполковника.

25. Богданович, уфимский губернатор, убит 6 мая 1903 года Егор. Дулебовым, с.-р.

26. Леонтьева, Татьяна Павловна, с.-р. боевичка, из группы Швейцера, арестована в 1906 г. при раскрытии покушения на Трепова.

27. Шаевич, агент-провокатор, доктор философии берлинского университета, организатор в Одессе «зубатовщины».

28. Вильбушевич, М., дочь купца. Действовала вместе с Шаевичем, гл. образом среди бундовцев в Минске, где руководила «независимой рабочей партией» (зубатовцы).

29. Рачковский, Петр. Ив., ранее, еще при Александре III, заведывал секретной полицией в Париже, затем переехал в Петербург и служил здесь в департаменте полиции при Дурново и Плеве.

30. Бобровский, Влад. Семен. («Голованов». «Ефрем»), начал работать в с.-д. организациях до 1898 г. В 1900 г. привлекался в Харькове за принадлежность к РСДРП. В 1901 г. был выслан в Киев под надзор полиции. В 1902 г. привлекался здесь по делу комитета партии и группы «Искра». Заключен в тюрьму, бежал из тюрьмы и скрылся за границу. С 1903 года — большевик. Умер в 1924 году.

31. Мандельштам, Мартын Никол. (М. Лядов), один из организаторов Московского рабочего союза (1895 г.), старейший член ВКП (б). В настоящее время — ректор Свердловского университета.

32. Левин, Е. Л., с.-д., член организации «Южный Рабочий», делегат на II Съезде.

33. Крохмаль, В. Н., с.-д., из киевской организации, впоследствии меньшевик.

34 Елизарова, Анна Ильинична, с.-д., больш., сестра В. И. Ленина.

35. Розанов, Вл. Никол., с.-д., меньшевик, после Октябрьской революции— активный противник Советской власти; привлекался по делу «национального центра» в Москве.

36. Речь идет о Киеве, который являлся «важнейшим опорным пунктом «Искры» (Зиновьев. Ист. РКП, 105). В 1901 г. он подвергся разгрому. В числе арестованных тогда были: Бауман, Крохмаль, Басовский, Радченко, Литвинов, Пятницкий. Сообщенные здесь сведения неверны в отношении некоторых из упоминаемых лиц. Ни сам Ленин, ни Н. К. Крупская в Киеве в 1903 году не были и не могли быть. Ленин выехал из России за границу в 1900 г., а вернулся лишь в 1905 г.; Крупская, Н. К., приехала за границу в 1901 году и тоже не приезжала в Россию в 1903 г. Во главе заграничной «Искры», т.-е. редакции, М. Лядов не состоял.

37. Речь идет, повидимому, о решении с.-р. в первую очередь убить Плеве.

38. В этом году произошли массовые аресты в Киеве, Одессе, Николаеве, Саратове, Белостоке.

39. Слезов, Степ. Никол., с.-р., член ЦК, убит на фронте в 1915 году.

40. Красиков, Петр Анан. («Игнат», «Павлович», «Забияка»), старый большевик. В настоящее время член коллегии Наркомюста.

41. Кулябко, Н. Н., помощник Спиридовича по Киевскому охранному отделению.

42. Дед — Френкель, с.-д., работал в Киеве.

43. Макаров, Ник. Алекс., чиновник департамента полиции, заведующий особым отделом департамента полиции после Сазонова, сменившего Зубатова в 1903 году.

44. Герасимов, генерал, начальник петербургского охранного отделения в 1905 году.

45. Убиство Плеве — 15 июля 1904 года, с.-р. боевиком Сазоновым. Егор Серг. Сазонов был ранен на месте и арестован, а немного позднее арестован и другой метальщик Сикорский, Л. Ф. Оба они по приговору суда сначала были заключены в Шлиссельбургскую крепость, а в 1906 году переведены в Акатуй. Здесь в тюрьме Сазонов покончил с собой в 1910 году. Главным организатором всей операции был Азеф, в качестве метальщиков были еще Боришанский и Каляев. Кроме того, принимали участие Швейцер (приготовил бомбы), Дулебов (извозчик), Мациевский, И., и Савинков, Борис. Все названыне лица входили в состав «Боевой организации». Об этих лицах, несомненно, и говорит Медников.

46. Покотилов, с.-р., боевик, входивший в отряд, назначенный для убийства Плеве 1 апреля 1904 г. и погибший накануне в «Северной Гостинице» в Петрограде вследствие взрыва бомбы.

47. Боевая организация, поставившая своей задачей убийство Плеве и сорганизованная Азефом после ареста Гершуни в июле 1903 г., состояла, кроме Азефа и Гоца, из Блинова, Николая, Покотилова, Алексея, Швейцера, Макс., Сазонова, Ег., Савинкова, Бориса, и братьев Мацеевских. Состав ее в течение года изменялся за выбытием одних и принятием новых боевиков.

48. Святополк-Мирский, П. Д. кн., министр внутренних дел после Плеве.

49. Селюк, Мария, с.-р.

50. Васильев, полковник, начальник минского жандармского управления.

51. Гальперин, Л. Е. (Коняга), с.-д., был в числе арестованных на квартире Л. Андреева в марте 1905 г. членов ЦК РСДРП.

52. В Смоленске находилось «Северное Бюро» с.-д., служившее центром северного района, в состав которого входили: Ярославль, Кострома, Иваново-Вознесенск, Тула, Орел, Курск, Брянск, Витебск.

53. Гурович, Мих. Ив. (Харьковцев), агент-провокатор.

54. Булыгин, А. Г. пом. московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, потом мин. вн. дел., после св. Мирского.

55. Речь идет об аресте 11 января в Сестрорецке, вследствие сообщения провокатора Татарова, члена петроградского боевого отряда с.-р. Маркова, у которого оказался револьвер с надписью: «по делам вашим воздастся вам», и затем через несколько дней там же об аресте с.-р. боевика Басова, С. А. Во главе отряда стоял с.-р. Швейцер (Мак-Кулон), погибший 28 февраля от взрыва в гостинице. Снаряды предназначались для убийства в. к. Владимира Александровича.

56. Леонович, Вас. Викт., с.-р., член ЦК.

57. Барыков, Серг. Ив., с.-р., боевик из петербургского отряда, подготовлявшего убийства в. к. Вл. Алекс. в 1904 г., а затем Трепова в 1906 г.

58. Старынкевич, Ив. Юл. («Гвоздь» — у охранников), с.-р.

59. Письмо это написано в связи с покушением на Спиридовича. Покушений на него было два: первое 23 января 1905 года неудачное, второе 30 апреля того же года. Во второй раз на Льговской ул. в него стрелял некий П. Руденко и ранил двумя пулями.

60. Волнения в Одессе произошли в связи с известным восстанием на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический».

61. Куликовский, Петр, с.-р., боевик, убил 28 июня 1905 г. московского градоначальника Шувалова.

Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым.

Помещаемые ниже четыре письма Николая II за период 1896—1905 г.г. взяты из фонда б. в. кн. Владимира Александровича, где из имеющихся двадцати с лишним писем к нему бывш. царя более или менее интересными и значущими являются только данные письма. Только в них Николай II затрагивает вопросы внешней политики, а также внутренней. Остальные же письма представляют собой почти исключительно поздравления, приглашения и пр., касающиеся отдельных мелких моментов семейного быта Романовых.

1.

Зимний дворец.
С.-Петроград.

26 ноября 1896 г.

Милый дядя Владимир!

Наш последний разговор до того меня озадачил, что я согласился на назначение Eugenie [1]). После выраженного мною тебе желания моего назначить князя Оболенского [2]) командиром гвардейского корпуса, я был вполне уверен, что этого будет достаточно, тем более что Eugenie согласился принять 1-ю гварде[йскую] дивизию.

В выборе корпусных нет правил: они избираются по личному усмотрению государя; еще более так при выборе корпусного командира с в о е й л и ч н о й г в а р д и и. Стесняться старшинством в чине не нужно. Прежде великие князья были генералами чуть ли не с их крестин; можно ли законно считать их старшинство с детских лет или по крайней мере с такого возраста, в котором обыкновенные люди никогда не бывают в таких высоких чинах?

Перехожу к делу: во всем этом инциденте виновата моя д о б р о т а, — да, я на этом настаиваю, — моя глупая доброта. Чтобы только не ссориться и не портить семейных отношений, я постоянно уступаю и в конце концов остаюсь болваном, без воли и без характера. Теперь я тебя не только прошу, но предписываю исполнить мою п р е ж н ю ю в о л ю — войти по команде с представлением о назначении кн. Оболенского командиром гвардейского корпуса, а Евгения начальником 1-й гвард[ейской] пех[отной] дивизии.

Убежден, что ты поймешь меня и что наши сердечные отношения не изменятся никогда.

Искренно любящий тебя *Ники*.

2.

Ливадия.

19 декабря 1900 г.

Милый дядя Владимир.

Давно уже мне хотелось написать тебе относительно «Истории кавалергардов». Имея здесь много свободного времени, я с увлечением предаюсь чтению, как тебе известно, по преимуществу исторических сочинений и журналов. Я прочел два раза главу о заговоре и кончине Павла Петровича и пришел к положительному заключению, что нельзя ее напечатать и в особенности помещать ее в «историю полка». Эта страница ляжет пятном на всю часть, хотя принимали участие в этом отвратительном событии только некоторые офицеры и командир. Бесспорно, эта глава прекрасно написана, до увлечения интересна и драматична и могла бы в будущем войти в отдельную, серьезную и подробную историю царствования Павла Петровича.

Но, повторяю, для летописи п о л к а она не годится и, по-моему, может даже бросить тень на полк, что вовсе нежелательно. Поэтому будь добр призвать Панчулидзева [3]) и, похваливши его от меня за весьма добросовестное исполнение и составление им ист[ории] кавалергардов, высказать ему мое мнение. Лучше всю главу о заговоре выпустить и начать следующую с воцарения Александра Павловича.

Надеюсь, что ты теперь совсем оправился от инфлуэнцы и что твой кашель прошел. Про себя скажу, что давно не чувствовал себя и нравственно и телесно так хорошо, как теперь после тифа. Вес мой прибавляется каждую неделю на 6—7 фунтов — даже неприлично.

Сию минуту получил от гр. Ламздорфа [4]) телеграмму Остен-Сакена [5]), в кот[орой] он, довольно поздновато, доносит, что в Берлине 5/18 января 1901 г. будет праздноваться 200-летие Прусского королевства и юбилей орд[ена] Черного орла. Что, кроме представителей английской королевы и австрийского императора, ждут такового же и из России. Ссылаются на празднование у нас в 1869 г. столетия военного ордена, когда присутствовал отец Альберта Прусского от имени старика короля. Не будь этой ссылки, я бы пренебрег намеками оттуда, но в этом случае боюсь обиды. Поэтому, милый дядя Владимир, прошу тебя побеспокоиться и съездить в Берлин от моего имени, если здоровье твое позволит.

Я знаю, что ты всегда имел и, надеюсь, продолжаешь иметь благодетельное и умиряющее влияние на пылкого Вильгельма. Прошу тебя воспользоваться этим своим свойством и, при могущем иметь место разговоре с ним, высказать ему следующее, очевидно, развивая необходимыми подробностями. Я был очень рад в свое время удачным совместным действиям русских и германских войск в Китае; уход наших сил после взятия Пекина не

был ни для кого неожиданным, — все правительства были об этом задолго оповещены; теперешние действия союзников в Китае я считаю не только излишними, но могущими иметь чреватые и опасные для них последствия. В конце концов, объясни ему категорически, чтобы он не ожидал помощи от России в будущих событиях на Дальнем Востоке. Потеряв более 1.500 чел. и истратив до сих пор 65 миллионов рубл. на пользу Европы, Россия в праве сказать себе: «довольно, я ухожу; делайте, как знаете, а я займусь своими домашними делами и в ваши больше вмешиваться не буду».

Как бы солоно ни пришлось европейским войскам, если они не уберутся оттуда во-время, я пальцем не пошевельну, чтобы выручить их. Вот моя отповедь по китайскому вопросу; других у нас с Германией, слава богу, нет. Уверен, что ты одобряешь каждое слово, мною высказанное, и поэтому красноречиво объяснишься с Вильгельмом. Вчера был для меня очень приятный день, — я увидел первый эшелон войск, возвращающихся из Порт-Артура: полтора батальона 13-го стрелкового полка с батареей. Люди имели замечательно здоровый вид и глядели действительными молодцами. Для них было устроено угощение, а офицеры завтракали у нас; между последними был лейт. барон Раден [6]), выдержавший всю осаду в Пекине. Днем я отправился на привезший их большой французский пароход и остался очень доволен осмотренными помещениями. И офицеры и нижние чины весьма довольны качеством провизии, которою их кормили, оттого у них у всех был такой упитанный вид. Сегодня рано утром они ушли в Одессу.

Мы предполагаем вернуться в середине января.

Прости, что я так заболтался; пора и честь знать. От всего сердца желаем вам всем здоровья, счастья и всякого благополучия в наступающем году.

Обнимаю тебя крепко.

Сердечно любящий тебя *Ники*.

3.

Ливадия.

30 октября 1902 г.

Милый д[ядя] Владимир!

От всего сердца благодарю тебя за твое письмо. Я много думал о тебе это последнее время и понимаю, через что ты прошел, когда узнал, что свадьба Павла [7]) состоялась. Я не смотрю на слово, переданное тобою мне от Павла, как на честное слово, потому что раньше, при моих разговорах с ним, он категорически заявлял мне, что такого слова дать не может.

Тем не менее он поступил нехорошо из неверно понятого чувства чести, и, сколько все мы ни старались, он все-таки настоял на своем. Грустно и тяжело, но что же делать.

Вполне разделяю твою надежду, чтобы строгая кара, постигшая бедного Павла, подействовала отрезвляюще на Кирилла [8]).

Месяц тому назад у меня случилось небольшое, но весьма чувствительное горе: я лишился своего верного пса Имана.

Он околел внезапно ночью, как ветеринар объяснил,—от порока сердца. Его мне сильно недостает за прогулками.

Осень здесь стоит великолепная, на воздухе мы все пребываем елико возможно долго.

В Ялте и окрестностях проживают некоторые министры; редко проходит утро, чтобы я не принял кого-нибудь из них. Несмотря на это, я не могу жаловаться на недостаток свободы. После завтра ожидаем приезда молодых; сегодня я мысленно с вами, так как Елена [9]) покидает окончательно родительский дом.

Мы думаем возвратиться сейчас же после 6 декабря к празднику л.-гв. Финляндского полка. Крепко и сердечно обнимаем вас обоих.

Сердечно тебя любящий *Ники*.

4.

Петергоф.

26 октября 1905 г.

Милый дядя Владимир!

Завтра выйдет приказ о твоем увольнении от должности главнокоман-

дующего и о назначении на нее Николаши [10]). Думаю, что лучшего преемника тебе я не мог найти.

От имени моего отца и от своего горячо, от всего сердца благодарю тебя за верную и долголетнюю службу.

Сердечно любящий тебя *Ники*.

Примечания.

[1]) Князь Евгений Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский, генерал-лейтенант, состоявший при главнокомандующем Петроградским военным округом и гвардии.

[2]) Николай Николаевич, генерал-лейтенант, бывш. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, был назначен командиром гвардейского корпуса.

[3]) Панчулидзев, Сергей Алексеевич, отставной ротмистр Кавалергардского полка, чиновник особых поручений при министре двора, автор «Истории кавалергардов», изданной в 1899 г.

[4]) Ламздорф, Владимир Николаевич, министр иностранных дел.

[5]) Остен-Сакен, Николай Дмитриевич, граф, действительный тайный советник, русский посол в Берлине.

[6]) Раден, Ф., барон, лейтенант Сибирского флотского экипажа; до перевода в экспедиционный отряд в Пекине состоял на канонерской лодке «Кореец».

[7]) Павел Александрович, сын Александра II, женат был два раза. После смерти первой жены, умершей в 1891 году, П. А. женился морганатическим браком 27 сентября 1902 г. в Ливорно на Ольге Валериановне Пистолькорс, урожденной Карнович, получившей затем титул графини Гогенфельзен и княгини Палей.

[8]) Кирилл Владимирович, сын Владимира Александровича.

[9]) Елена Владимировна, дочь Владимира Александровича; 16 августа 1902 г. вышла замуж за королевича греческого Николая.

[10]) Николай Николаевич (младший). Назначение произошло в связи с восстанием матросов 26 октября 1905 г В телеграмме царя 27 октября Николаю Николаевичу читаем: «поручаю тебе принять меры по восстановлению порядка».

Сообщил *А. Дрезен*.

Расстреливать или вешать?

I.

На таком распутьи стояла власть в 1906 г. после введения военно-полевых судов. Через месяц с небольшим по их учреждении поставленный в заголовке вопрос возбудил известный усмиритель Одессы генерал барон Каульбарс в характерной шифрованной телеграмме от 20 сентября 1906 г. на имя военного министра, которая целиком воспроизведена в публикуемом ниже докладе министру главного военного прокурора генерала Павлова, от 22 того же сентября.

Доклад ген. Павлова военному министру 22 сентября 1906 г.

Секретно.

Командующий войсками одесского военного округа генерал от кавалерии барон Каульбарс шифрованной телеграммой от 20 сего сентября за № 1443 сообщил вашему превосходительству следующее: «По приговору военно-полевого суда расстреляно уже 25 человек; так как частый расстрел производит неблагоприятное впечатление на войска, то желательны некоторые приговоры к повешению; для уплаты палачам необходимы средства, почему прошу об ассигновании аванса».

Согласно точного смысла ст. 6 правил о военно-полевых судах (прик. в. в. 1906 г. № 524), приговоры, постановляемые сими судами, приводятся в исполнение безотлагательно и, во всяком случае, не позже суток по объявлении их на суде. Такая скорость приведения в исполнение приговоров военно-полевых судов, вытекающая из существа самой идеи этих судов и безусловно не допускающая никаких исключений, возможна на практике

лишь в случаях смертной казни через расстреливание, а не через повешение, так как для повешения осужденный, по общему правилу, передается в ведение гражданских властей, кои всегда могут оказаться стесненными отсутствием палача и необходимых приспособлений для казни, между тем как расстреливание производится самими войсками непосредственно. Изложенные соображения приводят к заключению, что назначение военно-полевыми судами смертной казни через повешение, как несоответствующее законным условиям действий сих судов, едва ли может быть вообще допущено. Независимо от сего, если и признать допустимость смертной казни через повешение по приговорам военно-полевых судов, при условии, конечно, соблюдения вышеуказанного суточного срока, то и в сем случае вызываемые исполнением приговора расходы должны быть отнесены на счет подлежащего гражданского ведомства, исполняющего приговор, а не военного.

По всем сим соображениям я полагал бы вышеупомянутое ходатайство барона Каульбарса, изложенное в его телеграмме от 20 сего сентября за № 1443, отклонить.

Генерал-лейтенант *Павлов.*

Полковник *Скребков*» [1]).

22 сентября 1906 г. № 916.

Военный министр ген. Редигер положил на докладе резолюцию «Согласен», и, таким образом, вопрос был разрешен «без расходов для казны».

II.

По существу бар. Каульбарс был, конечно, прав, так как участие в экзекуциях не могло не деморализовать войска, но главное военно-судное управление, с своей стороны, имело опыт, показавший ему все «неудобства», связанные с применением повешений.

В виде примера, приведем дело о барабанщике 52 пех. Виленского полка Мочидловере, который в июне 1905 г. после «Потемкинских» дней в Феодосии, когда командир полка полк. Герцык благодарил полк за службу по охране города, произвел в него 3 выстрела из винтовки за то, что он руководил обстрелом восставшего броненосца «Князя Потемкина».

На докладе об этом происшествии Николай II положил резолюцию: «Судить полевым судом». Таких судов, по действовавшим в 1905 г. законам, вовсе не существовало (знаменитое положение о Столыпинских военно-полевых судах появилось в августе 1906 г.), и это повеление могло быть понято лишь в том смысле, чтобы обыкновенный военно-окружной суд рассмотрел дело по законам военного времени, т.-е. с применением наказаний, для него установленных, и с максимальною быстротою [1]).

Суд приговорил Мочидловера к смертной казни через повешение, и это вызвало ряд осложнений и длительную задержку в исполнении приговора, что видно из следующих документов.

Отношение таврического губернатора на имя командующего войсками одесского военного округа от 7 сентября 1905 г., № 4686.

Копия.

Командир 52 пехотного Виленского полка обратился ко мне с ходатайством о приискании исполнителя смертного приговора над барабанщиком вверенного ему полка Иосеком Мочидловером, приговоренным к повешению, а также и о разрешении совершить казнь в феодосийской тюрьме.

Вследствие изложенного сообщаю вашему превосходительству, что просимый для сказанной надобности палач приискан, при чем он просит 25 рублей вознаграждения. Что же касается совершения казни в феодосийской тюрьме,

[1]) Ленинградский Исторический Архив. Архивохранилище № 2, фонд главного военно-судного управления, дело 5 отделения, св. 10, № 2 «По разным предметам,» 1906 г., л. 377.

[1]) Повеление это являлось, между прочим, совершенно излишним, так как Феодосия находилась на военном положении.

то, в виду малых размеров ее, таковая казнь не может быть совершена без огласки, а потому я покорнейше прошу вас, не признаете ли вы возможным сделать распоряжение о приведении в исполнение смертного приговора над помянутым Мочидловером в керченской крепости.

Губернатор генерал-майор *Волков*.

Управляющий канцелярией (подп.).

С подлинным верно: заведывающий судною частью капитан *Нейман*.

Шифрованная телеграмма вр. и. д. командующего одесским военным округом на имя таврического губернатора.

Копия.

На № 4686 временно командующий войсками приказал сообщить: статьей 1117 военно-судного устава не указывается исполнение приговора в тайне, а только не допускается присутствие посторонних лиц, требуется, однако, присутствие команды, [к] которой принадлежал осужденный. Исполнением в Керчи нарушается смысл закона, и дело затянется на весьма значительное время и осложнится перевозкой воинской команды. Статья 1117 указывает, что в случае недостатка места в ограде избирается другое удобное место, каковое имеется в карантине или близ него и у мыса Ильи, куда осужденный, применительно пункта 3 статьи 963 устава уголовного судопроизводства, может быть доставлен в закрытой повозке. Устранить публику можно путем оцепления места войсками распоряжением начальника гарнизона, о чем вместе с сим посылается распоряжение телеграммой. Двадцать пять рублей будут переведены в ваше распоряжение. Благоволите распоряжением к ускорению приведения приговора в исполнение. 19261.

Подлинную подписал генерал *Безрадецкий*.

С подлинной верно: заведывающий судной частью капитан *Нейман*.

Рапорт командующего одесским военным округом ген. Каульбарса на имя военного министра от 27 сентября 1905 г. № 641.

Секретно.

Рапорт.

Приказом по одесскому военному округу от 13 июня сего года за № 259 барабанщик 52 Виленского пехотного полка, расположенного в г. Феодосии, Иосек Мочидловер за покушение на убийство командира полка, последствием чего было нанесение тяжких огнестрельных ран офицеру и нижнему чину, предан был одесскому военно-окружному суду в порядке 91 статьи воинского устава о наказаниях. 20 июля состоялся по сему делу приговор суда, коим Мочидловер присужден к смертной казни через повешение. Кассационная жалоба его оставлена главным военным судом без уважения, и, по получении о том уведомления 17 августа, приговор того же числа утвержден командующим войсками, а 18 августа военным прокурором отправлен для исполнения к командиру полка, который затем просил гражданские власти о разрешении исполнить приговор в феодосийской тюрьме и о приискании палача. Таврический губернатор отзывом от 7 сего сентября, № 4686, уведомил меня, что исполнитель смертной казни приискан, но при этом, находя, что, в виду малых размеров феодосийской тюрьмы, казнь не может быть совершена без огласки, просил об исполнении приговора в керченской крепости. Так как удовлетворение этого ходатайства представлялось противным духу и смыслу 1117 ст. военно-судебного устава, по существу же, именно при исполнении приговора в Керчи и связанной с ним перевозке туда осужденного, огласка являлась еще более вероятной и даже неизбежной, при чем, с одной стороны, по настроению феодосийских евреев-единоверцев осужденного можно было ожидать самых серьезных попыток к освобождению Мочидловера на пути в Керчь, а с дру-

гой,— в распоряжении керченского градоначальника было, несомненно, меньше средств по содействию к скорейшему приведению приговора в исполнение, чем у губернатора, указанное ходатайство последнего было мною отклонено; при этом я вновь просил губернатора и предложил командиру 7 корпуса принять настоятельные меры к скорейшему приведению приговора в исполнение. Так как в это время был командирован по округу по делам службы окружный дежурный генерал-майор Шульц, который в 1902 году, в бытность командиром 49 пехотного Брестского полка, в г. Севастополе руководил приведением в исполнение приговора суда в аналогичных условиях, то я возложил на сего генерала обязанность принять в бытность в Феодосии, между прочим, все меры к безотлагательному исполнению приговора и уладить могущие возникнуть между начальником гарнизона в г. Феодосии и губернатором по этому делу пререкания. По полученным затем донесениям, исполнение ожидалось 20 сего сентября, но 22-го получено телеграфное сообщение губернатора, что палач в последнюю минуту отказался ехать в Феодосию, а другого палача не имеется. Вследствие сего, несмотря на все принятые меры, и ныне, более чем месяц спустя после утверждения приговора, он остается без исполнения. К сему считаю необходимым добавить, что, кроме указанного выше ходатайства об исполнении приговора в Керчи, таврическим губернатором возбуждалось ранее перед бывшим командующим войсками, по просьбе городского головы, ходатайство о рассмотрении судом этого дела не в Феодосии, а в Керчи, при чем губернатор высказывал опасение возможности возникновения в Феодосии беспорядков со стороны евреев при суждении Мочидловера в этом городе. Ходатайство это было генералом Кахановым отклонено, а против бунтующих указано содействие войск для подавления беспорядков [1].

Принимая во внимание необходимость приведения в исполнение приговоров к смертной казни в самый короткий срок по утверждении таковых, считаю долгом о всем происшедшем донести на благоусмотрение вашего превосходительства.

Командующий войсками генерал-от-кавалерии барон *Каульбарс.*

Начальник штаба генерал-лейтенант *Безрадецкий.*

Военный министр обратился к товарищу министра внутренних дел Трепову, прося «не отказать в содействии, приказав подведомственным органам о командировании в г. Феодосию исполнителей смертной казни». Это подействовало, и приговор, наконец, был приведен в исполнение в октябре, т.-е. через $2^1/_2$ месяца после его произнесения [2].

В. Н. Нечаев.

Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

13 марта 1917 г. в Киеве был арестован генерал Н. И. Иванов, экспедиция которого на Петроград в февральские дни была последней попыткой царизма повторить решение «проблемы революции» методами 1905 года.

[1]) В этой телеграмме 18/VII—1905 г. губернатор писал: «Феодосии предстоит разбор дела по обвинению еврея солдата в покушении на убийство полковника. Городской голова просит перенести суд в другой город. Евреи на фабрике забастовали, замечается волнение между евреями; дабы предупредить могущие возникнуть беспорядки, поддерживаю ходатайство городского головы. Прошу распоряжений». Ему отвечено, что «разбор дела должен происходить в Феодосии, а против бунтующих должны быть употреблены войска».

[2]) Документы и данные из дела главного военно-судного управления, 5 отделения, св. 7, № 81, л. л. 45—64, хранящегося в Ленинградском Историческом Архиве, Архивохранилище № 2.

Иванов после ареста обратился к военному министру Гучкову с покаянным письмом, в котором воспроизводит всю историю своего похода — с момента вызова его бывшим царем в ставку и назначения его главнокомандующим войсками Петроградского военного округа вместо ген. Хабалова до момента ареста.

Опуская перечисление многочисленных вариаций в служебной карьере Иванова, которые он приводит в оправдание своей непричастности к царизму, мы остановимся на следующем моменте:

«Моя поездка, случайно совпавшая с поездкой Георгиевского батальона в район Петрограда, являлась и для меня и для батальона следованием к месту нового назначения и отнюдь не преследовала каких-либо карательных целей», — пишет Иванов.

Шульгин в «Днях» [1]) категорически опровергает это: «Нас соединили с генерал-адъютантом Николаем Иудовичем Ивановым. Он сообщил нам, что, по приказанию накануне или еще 28 февраля, выехал по направлению к Петрограду... Ему было приказано усмирить бунт... В качестве, так сказать, верного кулака ему было дано два батальона георгиевцев, составлявших личную охрану государя...».

И Деникин, и Лукомский, и другие соратники Иванова, близкие и далекие ему, одинаково определяют иной характер и цель поездки Иванова, чем это пытается изобразить последний: и диктаторские полномочия, предоставленные ему наравне с председателем совета министров кн. Голицыным, и беспрекословное подчинение ему всех министров в пределах его действий и требований, и карательную программу локализации мятежа.

Подлинник публикуемого нами письма хранится в Московском Военно-Историческом Архиве (д. № 89—802—«Об арестах», 1917 г.).

---

[1]) В. Шульгин. «Дни» — в сборнике мемуаров «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция». ГИЗ. 1926 г., стр. 136.

Милостивый государь

Александр Иванович.

По постановлению Киевского Исполнительного Комитета я 13 марта был арестован в г. Киеве, а затем, будучи перевезен в Петроград, до 24 марта содержался арестованным в Таврическом дворце. Арест мой в Киеве мотивирован желанием оградить меня от неприятностей со стороны рабочих за исполнение поручения, возложенного на меня бывшим верховным главнокомандующим Николаем II, а также опасением, что мои знакомства в Киеве могут послужить причиною каких-то выступлений против ныне установленного нового государственного строя.

По этому поводу считаю нужным дать следующие объяснения.

Вечером 27 февраля с. г. Николай II объявил мне, что он назначил меня главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, сообщил, что в Петрограде начались волнения среди рабочих и запасных батальонов и что для усиления гарнизона туда посылаются войска из армии, и приказал на другой же день отправиться по назначению.

Хотя я тогда и не знал характера и размера возникших волнений и течения их, но понимал, что истинные причины их имеют глубокие корни, что на ряду с крупными продовольственными затруднениями и остановкою части заводов, работающих на оборону, по недостатку угля, в населении коренится общее недовольство существующими порядками, которое со средины прошлого года особенно обострилось деятельностью правительства (министров) и что такого рода волнения могут быть радикально умиротворяемы лишь путем удовлетворения насущных нужд соответствующих групп населения или же путем надлежащих реформ управления.

Поэтому я считал себя обязанным доложить тогда же, вечером 27 февраля, бывшему императору как о причинах усилившегося недовольства, так и о том, что необходимо немедленное принятие мер, которые могли бы удовлетворить разные группы народа. Долго-

жил также и о том, что за последнее время недовольство проникло и в войска. Тогда же я доложил и о том, что я не знаю ни войск, отправляемых на усиление гарнизона Петрограда, ни их настроения, а также и о том, что ныне нельзя рассчитывать на то, что в случае народных волнений все войска останутся на стороне правительства.

Из краткого разговора я заключил, что Николай II решил перейти к управлению отечеством при посредстве министерства доверия в соответствии с желанием большинства Государственной Думы и многих кругов населения.

Вот все, что было мне известно вечером 27 февраля. Сведения, полученные затем мною от начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева, более осветили положение дел в Петрограде [1]).

Я понимал, что умиротворение серьезно взволнованных народных масс не может быть достигнуто применением вооруженной силы, вмешательство которой могло породить лишь еще большее обострение в положении дел, с другими более тяжкими последствиями.

Поэтому тем частям войск, которые были предназначены к отправлению из армии на усиление гарнизона Петрограда, еще 28 февраля, до моего отъезда из ставки, мною было приказано высаживаться не в Петрограде, а на последних пред ним более значительных станциях, в районе Царского Села, где предполагалось выждать выяснения окончательного положения дел; а затем, когда это последнее будет допускать ввод указанных частей в Петроград без вреда делу умиротворения, ввести их в этот город, как о том более подробно объяснено ниже, на некоторое время для привлечения их к охране важных для обороны заводов, складов и других учреждений и для исполнения иных по городу и окрестностям нарядов, с целью облегчения в этом отношении запасных войск Петрограда и предоставления им возможности уделить более времени занятиям по их главному назначению, т.-е. занятиям по делу боевой подготовки укомплектований, а также и по устройству сих весьма молодых по своему составу частей, что после протекавших событий могло особенно потребоваться.

В виду распространявшихся слухов о том, что Георгиевский батальон, к поезду которого перед его уходом из ставки был прицеплен вагон, в котором ехал я и сопровождавшие меня офицеры, представлял собою карательный отряд, категорически утверждаю, что батальон такого назначения не имел, а наравне с другими частями, предназначенными тогда к отправлению из армии в Петроградский военный округ, должен был поступить в гарнизон Петрограда или одного из тех ближайших к нему пунктов, которые имеют значение в отношении обеспечения армии и флота всем необходимым (Колпино, Сестрорецк).

Если же появление этого батальона вечером 1 марта на ст. Царское Село вызвало какие-то опасения среди тех или других групп населения Петрограда, то принятое мною еще 28 февраля до выезда из ставки и указанное выше решение — первоначально, до выяснения положения дел в Петрограде, в него отнюдь не входить, а оставаться в одном из ближайших к нему более значительных пунктов, в данном случае в Царском Селе, а затем, когда положение дел стало выясняться, мое новое добровольное решение отойти на станцию Вырица, что в 30—35 верстах южнее последнего, — представлялись соответствующими обстановке и были вполне целесообразны [1]); ибо дальнейшее затем пребывание Георгиевского батальона в Царском Селе могло повести к столкновению с местным гарнизоном и большому беспорядку, что еще более

[1]) Из существенного я узнал лишь то, что Гос. Дума не разошлась. (*Прим. в оригинале*).

[1]) С этой целью тотчас же по приходе поезда в Царское Село я приказал перецепить паровозы к хвосту поезда на предмет отъезда на ст. Вырица или другой пункт к югу от Царского Села. (*Прим. в оригинале.*)

обострило бы положение дел с другими возможными вредными последствиями.

На ст. же Вырица я решил ожидать исхода переговоров во Пскове между Николаем II и той депутациею, о которой гласила шифрованная телеграмма генерала Алексеева, полученная мною в Царском Селе в ночь с 1 на 2 марта по моему туда прибытии и до выяснения окончательной обстановки. А затем, по выяснении окончательного положения дел в Петрограде и наступления успокоения, предстояло решить вопрос о вводе туда, как указано выше, на некоторое время прибывающих из армий частей войск с целью облегчения службы запасных батальонов Петрограда по охране имеющих значение для обороны заводов и других учреждений и по поддержанию порядка вообще, дабы дать этим батальонам возможность уделить более времени своему главному назначению, а именно, занятиям делом боевой подготовки укомплектования с надлежащим напряжением. Ввод названных войск в Петроград извне, при сложившихся обстоятельствах, представлял, однако, операцию далеко не легкую и простую, ибо, кроме надлежащего соглашения с распоряжавшимся в Петрограде председателем Государственной Думы, требовалось еще принятие таких особых мер предосторожности, которые могли бы предупредить или парализовать возможность развития дальнейших вредных последствий от выступлений со стрельбою против входящих извне войск со стороны отдельных групп солдат и иных лиц. Из докладов командированных из Петрограда в мое распоряжение полковника Доманевского и подполковника Тилли надо было заключить, что особенно опасными в этом отношении представлялись появлявшиеся в Петрограде и окрестностях броневые автомобили с пулеметами и разъезжавшие в большом количестве с производившими из ружей и пулеметов стрельбу солдатами и частными лицами. По вопросу о порядке вступления означенных войск в Петроград были высказаны лишь некоторые соображения, но так как надобности в том не представлялось [1]), то по сему делу не было принимаемо ни решений, ни делаемо сношений.

2 марта я предполагал на некоторое время оставить Вырицу, дабы переговорить с вами, по вашему вызову, на линии Варшавской железной дороги и повидать командиров частей Царскосельского гарнизона и высадившийся на ст. Александровской (Варшав. ж. д.) 67 пех. Тарутинский полк. Но от всего этого должен был отказаться по настоянию руководившего железнодорожным движением инженера Бубликова, сообщившего, что мой переезд с Витебской линии жел. дор. на Варшавскую может задержать следование императорского поезда.

В дополнение изложенного о рассматриваемой поездке считаю нужным доложить, что 1 марта, при следовании воинского поезда, в котором я ехал, от ст. Дно до ст. Вырица, для задержания солдат, одетых частью в установленную для них форму, а частью в штатское платье, и несколько частных лиц, отбиравших оружие у офицеров двух встречных поездов, пришлось прибегнуть к силе, но без употребления оружия. Об этом и о беспорядках, которые чинились солдатами и частными лицами в поездах и на станциях, и о наличии у них оружия мне докладывал комендант ст. Дно. А заведывающий перевозкой войск полковник Лебедев, докладывая о том же телеграммою № 555, просил моих распоряжений. Некоторые из задержанных, как докладывали мне, имели при себе по нескольку экземпляров оружия. Наскочивший, вероятно, нечаянно вплотную на меня, при выскакивании из пассажирского вагона, солдат имел при себе три офицерских шашки.

Из изложенного видно, что раздутая газетами моя поездка, случайно совпавшая с поездкой Георгиевского батальона, в район Петрограда являлась и для меня и для батальона следованием к месту нового назначения и от-

[1]) Подвоз новых частей был остановлен, а прибывший 67 пех. Тарутинский полк был возвращен в армию обратно. (*Прим. в оригинале.*)

нюдь не преследовала каких-либо карательных целей.

Теперь перехожу к вопросу о тех опасениях, которые почему-то имел Киевский Исполнительный Комитет в связи с моими знакомствами в Киеве. Под этим вопросом, как я должен был заключить из объяснений бывшего в числе других лиц, объявлявших мне постановление этого комитета, члена Государственной Думы Н. Н. Чихачева, приходится разуметь и вопрос о моей верности Временному Правительству и отечеству.

По этому последнему вопросу прежде всего могу сказать, что за время моей службы при монархическом режиме я трижды приносил присягу на верность службы и каждый раз не только царю, но и отечеству. Поэтому отречение последнего царя отнюдь не освобождало меня от верности службы отечеству и всем властям, отечеством поставленным, даже и в таком случае, если бы и не последовало распоряжения об особой присяге Временному Правительству и отечеству, каковую присягу я принял 9-го сего марта в Могилеве-губернском вместе с всеми прочими воинскими чинами, тогда там находившимися.

Не сомневаюсь, что моя честная, чуждая искательств или чего-либо тому подобного, офицерская служба в течение 47½ лет дала достаточно доказательств любви к отечеству и верности ему. Как служил я ему ранее, так буду служить ему и Временному его Правительству и впредь. Такое мое желание, такая моя готовность усугубляется еще более сознанием необходимости искоренения того многого отрицательного, что я наблюдал и испытал при прежних порядках за время моей службы и за последние годы в особенности, а также сознанием тех благ, которые может дать новый государственный строй отечеству.

Теперь коснусь вопроса о моих знакомствах.

К жизни и делам кругов придворных и аристократических соприкосновений я почти не имел вовсе, а к жизни и делам кругов светских весьма мало. К тому же мои служебные занятия и служебные разъезды по округу, которым я командовал перед войною 5½ лет, не давали мне возможности уделять достаточно времени для поддержания таких знакомств.

К каким-либо политическим, религиозным или иным организациям, партиям и кружкам я никогда не принадлежал. Поэтому вопрос о возможности дурного влияния моих знакомств естественно отпадает.

В виду возбужденного за последние дни вопроса о том, что при моем отправлении из ставки в Петроградский военный округ я был будто бы снабжен какими-то особыми полномочиями, что якобы усматривается из переданного мною начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву приказания Николая II о том, чтобы все министры исполняли требования главнокомандующего войсками Петроградского военного округа беспрекословно, считаю необходимым доложить следующее.

Будучи вечером 27 февраля с. г. назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа и зная те затруднения, которые испытывает район по части продовольствия и по части угля и прочего сырья для заводов, работающих на оборону, а также те трения или недоразумения, которые имели место между генералом Хабаловым и министром внутренних дел по вопросам полицейского характера; а с другой стороны, озабочиваясь устранением этих затруднений и недоразумений и образованием хотя бы двухнедельного запаса продовольствия и угля, я решил просить бывшего императора дать указания соответствующим министрам, т.-е. министрам земледелия, промышленности и торговли, путей сообщения и внутренних дел о том, чтобы они удовлетворяли мои просьбы по указанным делам без задержек.

Доложить по этому вопросу Николаю II я предполагал утром 28 февраля, перед своим отъездом; но, узнав на станции ж. д. после полуночи того же числа, что он сейчас прибыл в императорский поезд и скоро уезжает в Царское Село, я тотчас же пошел

к этому поезду и был принят бывшим императором.

По докладе упомянутого вопроса, при чем я доложил, что я не позволю себе злоупотреблять излишними преувеличенными ходатайствами в трудном деле подвоза продовольствия и угля, Николай II приказал мне передать генералу Алексееву его, Николая II, «приказание» сообщить председателю совета министров о том, чтобы все министры исполняли требования главнокомандующего войсками Петроградского военного округа беспрекословно. Затем приказание это Николаем II было повторено. В промежутке между отдачею сего приказания в 1-й раз и повторением его или же после повторения я доложил еще раз, что прошу лишь о содействии только 4 министров.

Передавая того же 28 февраля перед своим отъездом из ставки приведенное приказание начальнику штаба генералу Алексееву в письменном изложении и дословно, я просил последнего сделать соответствующим телеграфным запросом проверку и подтверждение правильности передачи мною приказания бывшего царя и тем устранить возможность каких-либо недоразумений. Пользование этим приказанием, несомненно, давало Петроградскому военному округу много преимуществ в отношении продовольствия и угля. Но та, без надобности, весьма сильная форма, в которую было это приказание (исполнить «беспрекословно») облечено и которая касалась всех министров, не могла способствовать установлению с первых же дней предстоящей моей службы в Петрограде тех благожелательных отношений между мною и учреждениями других ведомств, которые были необходимы в переживаемую трудную пору. Поэтому я должен был бы всемерно избегать пользования этим приказанием даже и в том случае, если бы сие последнее было подтверждено по запросу, о котором я просил. А так как ни сведений о результатах поверки, ни о подтверждении приведенного приказания Николая II, ни какого-либо иного распоряжения, облекающего меня правом предъявлять такие требования, я не получал, то вопрос о снабжении меня, по должности главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, особыми правами по отношению к министрам отпал сам собою.

Во время того же представления моего бывшему императору я также доложил о моем решении не вводить, впредь до выяснения окончательного положения дел, в Петроград направляемые туда из армии части войск, дабы не обострить еще более положения дел и не породить междуусобицы. Николай II одобрил это решение.

Затем по моему краткому напоминанию о необходимости мер для удовлетворения народа, о чем мною объяснено подробнее в начале сего письма, краткий ответ Николая II утвердил меня в том, что он решил перейти к системе управления через министерство общественного доверия.

Поэтому, отправляясь 28 февраля в Петроградский военный округ, я был убежден в осуществлении этой реформы, в чем меня еще более убедило содержание упомянутой выше шифрованной телеграммы генерала Алексеева 1 марта о предстоящих в г. Пскове переговорах, полученной мною в Царском Селе в ночь с 1 на 2 марта.

Что касается вопроса ориентировки меня о ходе событий, то сведений о положении дел в Петрограде и о деятельности Государственной Думы и распоряжений из ставки за все время поездки я не получал вовсе, за исключением лишь одной полученной в ночь с 1 на 2 марта и указанной выше телеграммы Алексеева о наступившем, по частным сведениям, в Петрограде успокоении и об ожидавшихся во Пскове переговорах [1]).

Хотя я и рассчитывал 2 марта получить некоторые сведения при свидании с вами, по сделанному вами вызову, но, имея в виду, что встреча с вами может состояться не ранее поздней

[1]) По возвращении же в ставку я узнал, что мне послано было несколько телеграмм. (*Прим. в оригинале.*)

ночи со 2 на 3 марта, я для скорейшего получения сведений командировал в Царское Село 2 марта на паровозе подполковника Тилли, который должен был собрать там и получить по телефону сведения о положении дел в Петрограде, а также отправить по прямому проводу в ставку мои донесения. Но подполковник Тилли, имеющий пропуск от Государственной Думы на свободный проезд, не вернулся, а утром доложил по телефону, что он в Царском Селе был задержан местными властями, почему не мог исполнить поручения. В это время я, согласно полученной от председателя Государственной Думы телеграммы, уже готовился отправится обратно в ставку.

Об отречении Николая II от престола я впервые узнал на обратном пути в ставку ночью с 3 на 4 марта на ст. Дно от ее коменданта, доложившего мне со слухов от пассажиров, проезжавших из Пскова, о том, что член Государственной Думы Шульгин объявил на ст. Псков об отречении Николая II от престола в пользу сына последнего, Алексея Николаевича.

Из изложенного усматривается, в каких исключительно тяжких условиях я находился по части осведомления о положении дел во время моей поездки в Петроград.

Наконец, в виду тех упреков в царизме, которые делаются мне за последнее время, считаю себя вынужденным высказаться откровенно о том, что, кроме разделяемого и мною общего недовольства делами царствования Николая II, я имею некоторые особые причины к тому в отношении последних одиннадцати месяцев.

В зиму 1915 — 1916 г. г. бывший генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Дитерихс, в бытность мою главнокомандующим армиями сего фронта, дважды, основываясь на достоверных сведениях из Петрограда, в частном порядке сообщал мне, что мои воззрения или моя деятельность вообще возбуждают большое неудовольствие какой-то сильной в Петрограде немецкой партии, стремящейся к заключению сепаративного (sic!) мира. О составе партии этой я ничего не знал и не знаю.

31 марта 1916 года, прибыв в ставку, по отчислении меня от должности главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, чем я был крайне огорчен, от бывшего начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева я услышал категорическое сообщение, что причиною моего отчисления от названной должности была «большая интрига» группы лиц, с Распутиным в центре. Распутина я никогда не видел и до того о нем вообще слышал сравнительно мало, но сообщение генерала Алексеева произвело на меня крайне тяжкое впечатление, породило чрезвычайно тяжелое чувство по отношению к бывшему царю и его супруге.

Следовавшее затем мое пребывание при особе бывшего царя в течение 11 месяцев, из коих около $3^1/_2$ месяцев я провел в командировках, отнюдь не дало оснований для смягчения этого чувства. Относившийся до того ко мне вообще хорошо бывший царь стал мною недоволен, что с особою ясностью проявилось на третий же день моего пребывания в ставке, 2 апреля, когда, по обращению моему к нему через начальника походной канцелярии, он не пожелал меня принять по случаю сдачи должности главнокомандующего фронтом и приказал сообщить мне, что он потребует меня, если я понадоблюсь. Бывая ежедневно за общими завтраками и обедами у бывшего царя, я до вечера 27 февраля с. г. не имел никогда сколько-нибудь серьезных или деловых разговоров с ним. Исключение составляли лишь два моих доклада по командировкам [1]) и очень короткий разговор за обедом в конце 1916 года о продовольственных затруднениях в Киеве.

Бесцельное пребывание мое в ставке, без каких-либо обязанностей, до край-

[1]) Командировки эти касались укрепления позиций в районе Ревеля, на остров Эзель и в Финляндию. (*Прим. в оригинале.*)

ности тяготило меня и вызвало однажды, при случае, доклад о том царю во вполне определенных выражениях. А затем 12 декабря 1916 года, после трех месяцев сидения в ставке без дела, по возвращении из последней командировки в Финляндию, я, испросив специальное разрешение представиться и указав на бесцельность моего пребывания в ставке, просил бывшего царя уволить меня от службы, если я признаюсь негодным для службы в войсках. При этом случае я имел также в виду доложить о вредной деятельности Распутина, что и исполнил. Бывший царь в мягкой форме выразил мне неудовольствие, но согласия на увольнение меня не дал, объявив, что подумает о том и сообщит свое решение мне лично. Но такого сообщения не последовало.

Все изложенное, не касаясь даже того совершенно изолированного положения, в котором я находился в ставке, достаточно уясняет, что царизмом я заражен быть не мог и не был. А потому, отправляясь 28 февраля к должности главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, я не мог быть и руководим заботою о каких-либо личных или фамильных интересах царя, а горячо желал послужить с пользою дорогому отечеству в тяжелую переживаемую им пору, приложив в с е с и л ы к тому, чтобы честно исполнить свой долг, избежав кровопролития или междуусобицы.

Части, бывшие со мною, не имели никаких столкновений ни с войсками, ни с населением и не пролили ни капли своей или братской крови.

Солдата и простолюдина я люблю с первых лет моей офицерской службы, они мне дороги и близки.

Твердо верю, что могу еще с пользою послужить отечеству и его Временному Правительству.

Убедительно прошу вашего ходатайства пред Временным Правительством о скорейшем расследовании моего дела, о восстановлении моего доброго имени и о предоставлении мне возможности еще послужить на пользу и славу дорогой родины и ее Временного Правительства.

Прошу принять уверение в глубочайшем почтении и полной преданности.

Ваш покорный слуга
И. Иванов.

9 апреля 1917 г.
Петроград.

Сообщил *И. Гельс.*

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. С предисловием *М. Н. Покровского* . . . . . 3— 35
Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 г.г. С предисловием *И. Р. Гелис* . . . . . 36— 50
Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 год. С предисловием *Б. А. Романова* . . . . . 51— 69
Безобразовский кружок летом 1904 г. С предисловием *Б. А. Романова* . . . 70— 80
К истории аграрной реформы Столыпина. С предисловием *А. И. Гайстер* . 81— 90
Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С предисловием *А. А. Шилова* . . 91—137
Бакунин (новые материалы). С предисловием *В. П. Полонского* . . . . . 138—155
Отголоски декабрьского восстания 1825 г. Статья *В. Ганцовой-Верниковой* . 156—173

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. Сообщил *Б. Е. Сыроечковский* . . . . . 174—181
К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне, Казанской губ., крестьянам в 1861 г. Сообщил *Ф. Кудрявцев* . . . . . 181—185
Письмо Франца Яцевича. Сообщил *Н. Л. Сергиевский* . . . . . 185—186
Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. Сообщил *Е. В. Тарле* . . . . . 186—192
Письма Медникова Спиридовичу . . . . . 192—219
Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. Сообщил *А. Дрезен* . 219—222
Расстреливать или вешать? Сообщил *В. Н. Нечаев* . . . . . 222—225
Экспедиция ген. Иванова на Петроград. Сообщил *И. Р. Гелис* . . . . . 225—232

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.—П. Г. Зайчневский.—Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и др.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции.—Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов и июльск. дни. — Распутин в освещении охранки.— От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.—Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.—**Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".— Достоевский „Преступление и наказание".— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной Воли".— Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и Ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела".—Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.— Пенсионная практика Временного правительства.— Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г.—Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и Ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Рептильный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского.— 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте.— Доклады С. Ю. Витте Николаю II.— Хроника вооруженной борьбы в 1905 г.— Аграрное движение в 1905 г.— по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца „Потемкин-Таврический", б) „Георгий Победоносец."—Прибалтийский край в 1905 г.— Движение в войсках на Дальнем Востоке.— Штурм Пресни.— Карательная экспедиция Римана.— Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову.— К убийству Н. Э. Баумана.— Подвиги барона Меллера-Закомельского.— К истории 9 января 1905 года.— Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья.—Восстание Черниговского полка.—Записка Н. И. Тургенева.—М. Ф. Орлов и 14 декабря.—«Практич. начала полит. экономии» Пестеля.—К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным.—Заговор в Зерентуйском руднике.—**Из записной книжки архивиста:** П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет»—Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г.—Солдаты Моск. полка о 14 дек. 1825 г.—Казнь моряков-декабристов.—Из писем и записок В. Ф. Раевского.—О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.—Месяцеслов на 1827 г.—Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание.—Бакунин в 40-е годы.—Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.—Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова.—Новое о Нечаеве.—Автобиограф. заявление А. А. Квятковского.—Письмо Баранникова.—Аграрное движение в 1917 г.—К истории последних дней царского режима.—**Из записной книжки архивиста:** Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого.—Москва в марте 1881 г.—Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г.—Письмо ген. Буланже Александру III.—К истории манифеста 6 авг. 1905 г.—Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая балканская война.—Март-май 1917 г.—Февральская революция и европейские социалисты.—Гирш, Леккерт и его покушение.—Из архива Щегловитова.—К истории «хождения в народ».—Новое о Нечаеве.—Имущественное положение декабристов.—**Из записной книжки архивиста:** Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. Думы.—К истории аграрных мероприятий 1906 г.—Из писем ген. Левашова Куропаткину.—К истории покушения А. Ульянова и др.—Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома.—Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II.—Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам.—Первая Балканская война (оконч.).—Февральская революция и европ. социалисты (оконч.).—Романовы и союзники в первые дни революции.—К истории восстания киргиз в 1916 г.—К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. Думы.—Записки современника о 1861 г.—П. И. Пестель по письмам к нему родителей.—Отголоски декабрьского восстания 1825 г.—**Из записной книжки архивиста:** О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах.—Эконом. перспективы франко-русского союза после мировой войны.—Письмо ген. Стесселя ген. Глазову.—Революция 1905—1906 г.г. в донесениях иностр. дипломатов.—Один из замыслов Ф. М. Достоевского.—Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

Журнал по вопросам теории и практики архивного дела, издаваемый Центрархивом РСФСР

В 1926 году выйдет 6 томов.

Подписная цена 10 руб. в год.

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР.

Москва, Старо-Ваганьковский пер., д. № 8.

Содержание I—VII выпусков „Архивного Дела“:

Выпуск I.

Историк-археограф-архивист. С. В. Рождественского.—Образование архивиста на Западе. Д. Н. Егорова.—К вопросу о составлении перечня изданных русских актов. Н. П. Лихачева.—Западно-европейские периодические издания по архивному делу. И. П. Пузино.—Архивные обзоры. С. Н. Валка.—Из семинария по архивоведению. В. В. Шереметевского.—Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. М. С. Вишневского.—Первая Всероссийская конференция архивных деятелей.—Архив помещиков Опочининых. С. Талантовой.—Некрологи.—Библиография.

Выпуск II.

Политическое значение архивов. М. Н. Покровского. — Долговечны ли наши архивы? А. А. Гераклитова.— Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова.— Архивная терминология: I. Ленинградский проект архивной терминологии. II. Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии. В. В. Шереметевского.— Архивы в музеях. В. П. Алексеева.— Архивный музей в Ленинграде. Н.— Московский Исторический Архив. М. К. Любавского.— 200-летие б. Московского главного архива министерства иностранных дел. С. К. Богоявленского.— Архив Ф. М. Достоевского. Н. Б.— Узаконения и распоряжения по архивному делу.— Хроника архивной жизни в РСФСР— Первая Всебелорусская конференция. В. И. Пичеты.— Литература по архивному делу за 1917 — 1923 г.г. Н. Ф. Бельчикова.— О библиографическом указателе по иностранной архивной литературе. И. И. Любименко.— Отзывы о книгах.

Выпуск III—IV.

Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве. М. Н. Покровского.— Некоторые итоги. В. В. Максакова.—Съезд архивных деятелей РСФСР 14-19 марта 1925 г. в Москве. М. М. Константинова.— Резолюции Съезда архивных деятелей РСФСР.— О приемах издания историко-революционных документов. С. Н. Валка.— Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова.—Инвентаризация поступлений в Архиве Октябрьской Революции. А. М. Рахлин.—К истории фонда следственной коммиссии и верх. угол. суда по делу декабристов. С. Н. Чернова.—Архивное дело в СССР и на Западе: Центрархив РСФСР.— Положения и циркуляры. Правила постановки архивной части в действующих учреждениях. Хроника архивной жизни.— Центрархив УССР.— Первое Всеукраинское совещание архивных работников.—Центрархив БССР.—Центрархив ССР Грузии.—Положение архивного дела на Западе.— Общегерманский Госуд. Архив. И. И. Любименко.— Литература по архивному делу. Н. Ф. Бельчикова.— Публикации историко-революционных материалов.— Справочный отдел.

Выпуск V—VI.

Пять лет архива Октябрьской революции. В. В. Максакова.— Итоги и перспективы работы Ленинградского Центрального Исторического Архива. И. Л. Маяковского.— Научное использование архивных материалов ЕГАФ. Е. М. Нерсисьяна.— Архив, библиотека и музей. И. Л. Маяковского. — К вопросу о недроблении архивных фондов. Я. Н. Ждановича и М. К. Любавского.— Работа Поверочной и Разборочных комиссий. С. К. Богоявленского.— О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева.— Топографические указатели к архивным фондам. М. С. Вишневского.— Учет архивной работы. Н. Ф. Бельчикова.— Выбор здания под архивохранилище. А. С. Боланчук.— Центральный Межевой Архив. С. П. Троянский.— Архивное дело в СССР и на Западе.— Центрархив РСФСР.— Хроника архивной жизни.— Из инструкторских отчетов и корреспонденций с мест.— Районирование Юго-Восточного края и архивное строительство. А. П. Гиваргизова.— Архивы Сибири. Д. Г. Истнюка.— Астраханское губархбюро. Е. Ф. Сенковского.— 1-я Нижегородская губернская архивная конференция. Д. Истнюка.— Рижский Государственный Архив. Инны Любименко.— Архив немецкого рейха в Потсдаме. Инны Любименко.— Археография в годы революции.— Н. Ф. Бельчикова.— Публикации историко-революционных материалов.— Отзывы о книгах.

Выпуск VII.

На очереди. В. В. Максакова.— Регистратура и архив. Н. В. Русинова.— Архив, библиотека и музей (оконч.). И. Л. Маяковского.— О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева.— Архивохранилище Нар. Хоз., Права, Культуры и быта. Е. В. Тарле.— Провинциальные архивы Франции со времени мировой войны. Henri Sée.— Условия труда архивных работников. В. А. Домбровского.—Архивное дело в СССР и на Западе.— Н. Н. Авдеев (некролог).— Датский ученый об архивах Советской России.— Из отчета о заграничной командировке летом 1925 г. И. И. Любименко.— Из архивной жизни Чехо-Словакии. В. И. Пичета.— Рейнско-Вестф. Эконом. архив в Кельне. И. И. Любименко.— По поводу одного проекта рационализации арх. дела. А. Р. Иодко.— Отзывы о книгах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

●●● МОСКВА ●●●

К X ГОДОВЩИНЕ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ

допросов и показаний, данных в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г.

Редакция

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

Стр. 434. ТОМ I. Ц. 2 р. 75 к.

Содержание. Допросы А. Н. Хвостова, Е. А. Климовича, А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера, В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андроникова.

Стр. 440. ТОМ II. Ц. 2 р. 75 к.

Содержание. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова.

Стр. 507. ТОМ III Ц. 3 р.

Содержание. Допросы и показания А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова. Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. Е. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе.

Стр. 535. ТОМ IV. Ц. 3 р.

Содержание. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого.

Стр. 480. ТОМ V. Ц. 3 р.

Содержание. Допросы и показания Г. Е. Рейна, графа Фредерикса, И. М. Золотарева, В. Ф. Джунковского, Б. В. Штюрмера, Н. А. Маклакова, С. Е. Виссарионова, А. Д. Протопопова, С. П. Белецкого, М. В. Челнокова, ген. Н. И. Иванова, Н. Н. Покровского, Ф. А. Головина, С. Е. Крыжановского, А. А. Хвостова.

Стр. 416. ТОМ VI. Ц. 3 р.

Содержание. Допросы и показания гр. П. Н. Игнатьева, гр. С. И. Велепольского, Н. В. Плеве, А. Н. Хвостова, А. А. Рейнбота (Резвого), кн. В. М. Волконского, И. Н. Лодыженского, Н. Е. Маркова, А. А. Нератова, А. Н. Веревкина, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Д. Н. Дубенского.

ТОМ VII.

Содержание. Допросы и показания Лодыженского, Маркова, Шингарева, Коковцева, Родзянко, Щербатова, Ледницкого, Лядова, Шувалова и др.

Печатается.

Указаны цены розничной продажи. ★ **Подписная цена всего издания 20 рублей.**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

задаток 2 руб. 50 коп. и при получении каждого тома наложенным платежом по 2 руб. 50 коп. Пересылка за счет подписчика.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отделом подписных и периодических изданий Торгсектора Госиздата, Москва, Воздвиженка, 10/2, в магазинах, провинциальных отделениях и у уполномоченных Госиздата (имеются во всех губернских и уездных городах СССР).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

★ ★ ★ МОСКВА ★ ★ ★

К X ГОДОВЩИНЕ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

НИКОЛАЙ II
И ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ
РОДСТВЕННЫЕ ПИСЬМА К ПОСЛЕДНЕМУ ЦАРЮ

Предисловие В. И. Невского.

Редакция и вступительная статья В. П. Семенникова

Стр. 157. Ц. 1 р.

Содержание. Предисловие В. И. Невского. В. П. Семенников. „Плюгавая семейка". Письма великих князей к Николаю II. Приложение. Брак в. к. Михаила Александровича. (Сыскной надзор за братом царя.)

ЗА КУЛИСАМИ ЦАРИЗМА
АРХИВ ТИБЕТСКОГО ВРАЧА БАДМАЕВА

Редакция и вступительная статья В. П. Семенникова.

Стр. XXXIV+175 Ц. 1 р. 40 к.

Содержание. 1. Распутин — Илиодор — Бадмаев. 2. Тибетская медицина (лечение наследника) 3. Закулисная роль Бадмаева в 1916—1917 г.г. 4. Авантюра на Дальнем Востоке. 5. Концессионные предприятия. Приложение: Г. Распутин. Мои мысли и размышления.

ПЕРЕПИСКА
НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРЫ
РОМАНОВЫХ
1916—1917

С предисловием М. Н. ПОКРОВСКОГО

ТОМ III.

Стр. 512. 4 нен. Ц. 5 р.

ТОМ IV.

Стр. 438. Ц. 4 р.

„Распутин—настоящий „герой" публикуемой переписки. Она впервые дает ясный, точный и окончательный ответ на вопрос, чем был этот человек для царской семьи и кто в действительности управлял романовской империей в последние годы ее существования".

(Из предисл. М. Н. Покровского).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

К IX ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МЕМУАРЫ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Составил С. А. Алексеев. С предисловием и с примечаниями А. И. Усагина.
Стр. XXXIV + 515. Ц. 3 р. 25 к.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Составил С. А. Алексеев. С примечаниями А. И. Усагина.
Стр. 432 Ц. 3 р.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Составил С. А. Алексеев. Под ред. и с предисловием Н. Л. Мещерякова.
Стр. 480. Ц. 3 р.

ВЛАДИМИРОВ, Л.

ВОЗВРАТИТЕ ИХ НА РОДИНУ

Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии
Стр. 59. Ц. 40 к.

ГУЛЬ, РОМАН

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД (С КОРНИЛОВЫМ)

Предисловие Н. Л. Мещерякова.
Стр. 166. Ц. 20 к.

БЬЮКЕНЕН, ДЖ.

МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА

Перев. с английского С. А. Алексеева и А. И Рубена. Со статьей А. Керенского. „Временное правительство и царская семья".
Стр. 311. Ц. 2 р.

ГОФМАН, Ген.

ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

С предисловием В. Гурко-Кряжина. Перевод с немецкого Б. Кулакова.
Стр. 203. Ц. 1 р. 10 к.

ПАЛЕОЛОГ, М.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Перев. с французского Д. Протопопова и Ф. Ге. Предисловие М. Павловича
Стр. 471. Ц. 1 р. 60 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР
МОСКВА, Ильинка. Богоявленский пер., 4, тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56.
ЛЕНИНГРАД. „ДОМ КНИГИ", Проспект 25 Октября, 28, телеф. 5-34-18
И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР
МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ" высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.
При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно